Д. И. Руденко

ИМЯ в парадигмах философии языка

«ОСНОВА»

Д. И. Руденко

ИМЯ в парадигмах „философии языка“

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОСНОВА»
ПРИ ХАРЬКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ
1990

ББК81
Р 83

Рецензент д-р филол. наук проф. чл.-корр. АН СССР Ю.С.Степанов
(зав. лабораторией теоретического языкознания
Института языкознания АН СССР)

Руденко Д.И.
Р 83 Имя в парадигмах "философии языка". – Х.: Основа, 1990. – 299 с.

5-II-001063-3

Монография написана в русле "семиологической грамматики" и базируется на большом числе фактов разноструктурных языков. В работе охарактеризовано, исходя из анализа категории имени, взаимодействие парадигм "философии языка", описаны те особенности имен ряда типов, которые определяют возможность рассмотрения их в синтаксической и прагматической парадигмах. Показано, что в историко-научном плане объективные языковые основания, "предпосылки" рассмотрения имен в "не-именных" парадигмах "философии языка" реализуются с разной степенью необходимости и эксплицитности.
Монография представляет интерес для широкого круга лингвистов, студентов и аспирантов филологических факультетов университетов и философов, занимающихся проблемами естественного языка.

Р $\frac{4602000000-004}{М226(04)-90}$ Заказное ББК 81

ISBN 5-II-001063-3

ВВЕДЕНИЕ

Для современной лингвистики характерна интенсивная разработка вопросов, которые можно описательно (в аспекте взаимодействия наук) обозначить как "философские проблемы языка". Вместе с тем, именно междисциплинарный характер этой области познания, многообразие входящих в её сферу исследовательских направлений и сложность их взаимодействия определяют необходимость дальнейшего углубленного изучения данной проблематики. Немалый интерес представляет, в частности, лингвофилософское исследование отдельных (пусть очень широких) языковых категорий. Значительные возможности для такого анализа предоставляются "семиологической грамматикой", разрабатываемой рядом советских лингвистов. Так, детально обоснована точка зрения, по которой трем основным категориям естественного языка (имена, предикаты, эгоцентрические слова) соответствуют три парадигмы "философии языка" (в данном случае - некоторые взгляды на язык, связанные с теми или иными философскими течениями) - семантическая ("философия языка" сводится к "философии имени"), синтактическая ("философия языка" сводится к "философии предиката"), прагматическая, или дектическая ("философия языка" сводится к "философии эгоцентрических слов") [см.: Степанов 1985а].

Исходя из общепризнанности факта взаимодействия языковых категорий, можно предположить, однако, что парадигмы "философии языка" также не абсолютно изолированы друг от друга, характеризуются той или иной взаимной связью. Немалый интерес представляет, в этой связи, анализ специфики представления имени (пожалуй, наиболее разработанной в лингвофилософском плане категории языка) как непосредственно в сфере "философии имени", так и в сфере "не-именных" парадигм. На этом пути создается возможность и для более глубокого, комплексного описания объективно-языковых характеристик имён естественного языка.

Охарактеризовать, исходя из анализа категории имени, взаимодействие парадигм "философии языка", описать те особенности имен ряда типов, которые определяют возможность рассмотрения их в синтактической и прагматической парадигмах "философии языка" (или по крайней мере описания с использованием понятий, входящих в сферу данных парадигм), - в этом состоит основная задача монографии. Такой подход позволяет как уточнить интерпретацию ряда логико-лингвистических и лингвофилософских построений, так и усовершенствовать описа-

ние семантики различных именных классов.

Переходя к характеристике собственно лингвистического аспекта работы, начнем с суждения, сразу затрагивающего суть дела (хотя, возможно, несколько напоминающего ситуацию deus ex machinae): имя в наибольшей мере, сравнительно с другими основными семантическими категориями естественного языка, ориентировано на выражение количественных значений. (Предварительно оговорим, что под именем мы понимаем, в соответствии с тенденцией современных семантических, особенно логико-семантических, исследований, прежде всего имя существительное.) Как кажется большинству лингвистов эта мысль покажется интуитивно достаточно приемлемой - разумеется, если оставить в стороне особый, семантически замкнутый класс числительных, предназначенность которых для передачи количественных смыслов является тривиальной. Действительно, в сфере предикатных единиц языка (которые, наряду с именами, наиболее часто исследуются в аспекте выражения количества) количественность сводится к согласовательным и сочетаемостным явлениям и довольно ограниченному числу глаголов, выражающих способы действия с количественными характеристиками (прежде всего это кумулятивный, кумулятивно-дистрибутивный, итеративный, мультипликативный способы). При этом лишь способы действия являются такими средствами выражения количества, которые обладают собственной, относительно независимой и целенаправленной отражательной функцией. (Как отмечает В.С.Храковский, в подобных случаях в выражении значения множества участвует лексическое значение квантифицируемого глагола [см.: Теория 1987: 127]).

С другой стороны, согласование по числу в большинстве языков, в том числе и в русском, представляет собой преимущественно формальное явление и лишь непрямо, через единичность/множественность субъектов (носителей признака), имплицирует единичность/множественность действий (признаков). Определение количества действий по числу их субъектов является примером опосредованной, но не прямой квантификации [см.: Grzegorczykowa 1973]. Форма числа глагола передает прежде всего единичность/множественность субъектов и лишь косвенно - единичность/множественность самих действий (выражаясь более "морфологически", число у глагола обычно выполняет чисто реляционную функцию). Заметим, что множественность действий в случаях, когда глагол употреблен во множественном числе (Студенты принесли учебники и т.п.), часто представляет собой скорее общелогическую импликацию, зависящую

от фонда внеязыковых знаний, чем значение, последовательно выражавшееся бы в соответствующих употреблениях (ср. замечание о трудностях интерпретации некоторых типов употреблений с точки зрения того, выражается ли в них собственно глагольная множественность [см.: Долинина 1988: 29]).

Вполне возможны и ситуации, когда несколько субьектов производят действие, которое в сознании носителей языка может разлагаться лишь на качественно различные элементы, но не однотипные отрезки (Рабочие внесли шкаф) [ср.: Grzegorczykowa 1973: 83] . С другой стороны, множественность действий может сочетаться с единичностью субьекта. Интересно, что даже автор, считающий что "множественность действия в большинстве случаев детерминируется множественностью деятелей" [Бондаренко 1984: 14] , по поводу таких случаев замечает: "Наличие количественности в категории вида детерминируется не количественным признаком деятеля, а внутренней сущностью глагола" [Там же] . Тем самым происходит возврат к точке зрения Ш.Балли, по которой "понятие процесса определяется количественно видом глагола" [Балли 1955: 91] . Под "видом" же Балли понимает то, что в другой грамматической традиции определяется как способ глагольного действия - в данном случае итеративный, многократный [ср.: Там же] , который выше уже был упомянут как основное средство выражения собственно глагольной множественности.

Если, с другой стороны, взять в качестве исходного пункта анализа общее понятие глагольного вида (понимаемого шире, чем способ действия), мы в итоге также придем к выводу об ограниченности сферы собственно глагольной количественности. Интуитивно ясно, что "внутренняя", "имманентная" глагольная множественность соотносится прежде всего с семантикой несовершенного вида. В свою очередь, в пределах несовершенного вида русского языка выражение повторяемости наиболее характерно для вторичных приставочных глаголов. Вероятно, объяснить этот факт можно, исходя из анализа направления словообразовательной мотивации (читать - прочитать - прочитывать; есть - съесть - съедать и т.п.). Выражаемый вторичным глаголом признак повторяемости находит оппозиционную опору в семантике глагола совершенного вида [см.: Ясаи 1983] . Ограниченность сферы узуальной глагольной множественности главным образом приставочными глаголами несовершенного вида,

таким образом, вновь возвращает нас к понятию "способа глагольного действия".

О.Н.Селиверстова в одной из своих работ описала так называемые "предикаты класса". К ним она относит слова типа руководить, воспитывать, преподавать (в морфологической терминологии это глаголы "постоянно-узуального" способа действия). Высказывания, содержащие подобные глаголы, не могут быть использованы в качестве ответов на такие вопросы, как Что он сейчас делает?: временные границы у денотатов данных слов отсутствуют или крайне расплывчаты. "Предикаты класса" не сочетаются с детерминативами, относящими действие к конкретному отрезку временной цепи.

Определение класса, которое дает О.Н.Селиверстова в связи с анализом глаголов типа руководить, соответствует такой трактовке обобщения, при которой обобщенность слова проявляется лишь в чисто признаковом аспекте его значения, но не в способе представления денотата. Возможная множественность обозначаемых объектов при этом может быть онтологическим фактом, но не фактом семантики (точнее, фактом, отраженным в семантике). Ср.: "Класс понимается как конструкт, обобщение. Он не тождествен не только отдельному члену класса, но и множеству его членов: он является абстракцией высшего уровня, которая соотносится с индивидуальными членами, но не является их обозначением" [Семантические типы 1982: 91] . (Такое понимание класса соответствует трактовке его как класса-абстракции, т.е. универсалии, свойства, абстрагированного от носителей [о языковой значимости различения аспектов класса см.: Руденко 1983а: 151-155]). Действительно, с помощью слов типа руководить нельзя представить некое действие (Он руководит кафедрой) как состоящее из отдельных элементов.

Однако изложенная трактовка класса по существу может быть применена к любому глаголу (за исключением небольшой группы глаголов количественных способов действия), если рассматривать его вне контекстуального окружения. Только с помощью наречия или однотипного детерминатива, например, можно установить, каково, в языковом выражении, число однотипных действий, осуществляемых субъектами высказываний Сегодня я курил; Он читал эту книгу (ср. один раз, дважды, бог знает сколько раз и т.п.). Более того - обязательная сочетаемость глаголов - не говоря о прилагательных-с показателями количества (числительными, количественными наречиями) в языке выражена очень слабо [о выражении исчисляемости

глаголов с помощью обстоятельств см.: Теория 1987: 126-129]'. Наше сознание способно отграничивать друг от друга отдельные действия или этапы многоактного действия, исчислять их, но языковые единицы, эксплицирующие такую отдельность, исчисляемость, с необходимостью не обнаруживаются в тексте. В общем виде описанное положение дел обусловлено двумя взаимосвязанными причинами: во-первых, тем, что действия не являются устойчивыми, постоянными элементами мира, а во-вторых - тем, что границы между различными действиями имеют не пространственный, а временной, т.е. гораздо менее отчетливый, чем у материально самостоятельных объектов, характер (более детальный анализ гносеологических оснований исчисляемости/неисчисляемости действий, событий см.: [Руденко 1986а]).

Несмотря на некоторую экзотичность предикатных средств выражения количества (а скорее именно благодаря ей), вопрос о количественности в сфере предиката привлекал и привлекает многих исследователей. Проблема же выражения количественности в системе имени может показаться тривиальной, сводящейся прежде всего к описанию унифицированных формальных средств выражения числа и очень ограниченного круга числовых значений (ср.: "Квантитативность действия и в особенности ее вариант - множественность, проявляются разнообразнее, чем множественность предмета" [Бондаренко 1984: 13]). Характерно, например, что при описании категории числа русского существительного основное внимание часто уделяется не самому числу, числу как таковому (т.е. выражению дискретного количества), а тем случаям, когда числовая форма приобретает дополнительные, не числовые или вообще не количественные значения, перестает выражать свой исходный смысл (имена singularia tantum - вещественные, абстрактные, собирательные, родовое единственное число, существительные pluralia tantum). Если учесть, что само вхождение таких явлений в сферу категории числа считается дискуссионным, можно заключить, что семантические свойства некоего ядра, центра именной количественности имплицитно рассматриваются как самоочевидные, не требующие развернутого описания.

Как представляется, в настоящее время исследование количественности в системе имени должно быть направлено не только (может быть, и не столько) на описание конкретных языковых реализаций данной категории - подобный материал может быть достаточно

банален, особенно в случае хорошо изученных языков, таких, как русский, – но и на анализ того, почему имя предоставляет наибольшие возможности для выражения количественных смыслов, как соотносятся количественные значения с семантикой существительного как такового и его различных типов, какова специфика существительных, лишенных способности последовательно передавать такие значения, в связи с этим – имена какого типа (свободно исчисляемые или лишенные способности к исчислению) можно считать наиболее типичными именами. (Вместе с тем, даже такой подход не оправдывает отхода от языковой эмпирии, реальных функций языковых единиц. Напротив – лингвистическое исследование, ориентированное на выявление общих смысловых закономерностей, должно в "концентрированном" виде заключать в себе разноплановые знания о конкретных особенностях функционирования тех или иных форм).

Выражаясь в терминах функциональной грамматики, нас интересует не только конкретно-языковой, но и универсально-понятийный аспект количественности, как она реализуется в сфере имени [о различении данных аспектов языковых категорий см.: Бондарко 1984: 111-114]. Русский язык, факты которого составляют основной материал данной монографии, рассматривается не просто в качестве предмета конкретно-языкового исследования, а как представитель человеческого языка вообще, в котором можно обнаружить те же общие черты – в данном случае черты именной количественности, имени вообще, – что и в других языках.

Важно отметить, что сходный подход последовательно реализуется в семиологической грамматике, ориентированной преимущественно на выявление языковых универсалий. Намеченный путь исследования, как представляется, позволяет обнаружить точки соприкосновения двух представительных направлений современного языкознания – "функциональной" и "семиологической" грамматик [общее обоснование такой возможности см.: Степанов 1985б]. Оправданность избранного способа анализа в определенном смысле подтверждается и тем, что из основных семантических категорий языка (имена, предикаты, эгоцентрические слова) с именами связана наиболее длительная логико-семантическая и философская традиция [см.: Степанов 1985а: 9; ср. также: Бургин 1989: 11-14]. Общие закономерности естественно-языковой семантики до сих пор во многих случаях исследуются преимущественно на именном материале [ср., например: Mass terms 1979; Contemporary perspectives 1979].

Концептуальный базис настоящей работы формирует "семиологическая грамматика", как она трактуется в исследованиях ряда советских лингвистов, прежде всего Ю.С.Степанова. Методом семиологической грамматики, как известно, являются определенные взаимные замещения, в частном случае преобразования, языковых выражений, инвариантные или относительно "денотата", "экстенсионала", или относительно "смысла", "сигнификата". Выводимые при этом абстракции обладают особым качеством: они в некотором смысле существуют как факты самого языка (хотя, конечно, не всегда доступны непосредственному наблюдению или осознаются носителями языка). Реализация такого подхода (его можно назвать "методом абстракции") "заключается одновременно в постоянном обобщении групп фактов до некоторого общего целого и снова в конкретизации общего на группах фактов" [Степанов 1981: 13]. Применение метода семиологической грамматики предполагает включение в сферу анализа широкого круга понятий и выводов философии, логики, психологии (что и пытался, с большим или меньшим успехом, осуществить автор настоящей работы). В дальнейшем мы не будем специально подчеркивать семиологическую направленность работы: семиологический подход использовался при рассмотрении всех фактов, подвергаемых анализу.

В историко-научном плане метод настоящего исследования состоит в выявлении ведущих (направленных на описание имени) идей, лежащих за разнообразными концепциями и суждениями (конечно, не всегда эти идеи эксплицированы вполне четко), и может быть назван интерпретирующим, в понимании В.З.Демьянкова [см.: Демьянков 1985: 2]. Он состоит как в реконструкции относительно целостной трактовки предмета метаязыковых рассуждений (имя и его основные семантические типы), так и в соотнесении этой трактовки с общей теорией парадигм "философии языка".

Заметим, что "метод абстракции", понимаемый в широком смысле, включает и "интерпретирующий" аспект работы: различные лингвофилософские концепции имени рассматриваются автором прежде всего через призму их адекватности реальным естественно-языковым характеристикам имен (при том, что такое соответствие достаточно часто является далеко не прямым и его обнаружение предполагает использование многоступенчатых абстракций).

В данной книге важным объектом анализа являются номинативные классы существительного, которые еще не были всесторонне

исследованы в функциональном аспекте. Между тем создание ономасиологической классификации существительных, которая могла бы стать основой для функциональной морфологии, представляет собой важную и пока не полностью решенную задачу [ср.: Яцкевич 1987: 72-73] (см. также о функциональной природе семиологических классов имени [Степанов 1981: 4]). Важно отметить, что ориентация на исследование ономасиологических классификаций в сфере существительного очень точно соответствует природе данного семантического класса: имя достаточно жестко выделяет во внеязыковой действительности отдельные, обособленные друг от друга фрагменты.(С другой стороны, членение мира, задаваемое предикатами и тем более эгоцентрическими словами, является менее устойчивым и инвариантным). В свою очередь, адекватное описание классификационной сетки имен, т.е. их узуальных, собственно языковых характеристик, позволяет предвосхитить специфику функционирования имен тех или иных типов в речи, определить основные черты их коммуникативного потенциала. Исследование отношений категорий языка к категориям мышления, а через них - к внеязыковому миру целесообразно начинать с рассмотрения узуальных, относительно четко выделенных языковых классов, лишь в дальнейшем переходя к изучению речевой специфики языковой интерпретации. (Характерно, что даже в теории речевой интерпретации в сферу анализа включаются и языковые значения, "хранимые" как неразлагаемые, и речевые значения, непосредственно "вычислимые" в результате интерпретации [см.: Демьянков 1988: 14-15]).

Из сказанного вытекает проблема соотношения имени и слова (лексемы) естественного языка. Эта проблема особо важна для данной работы. Лингвистически она подразделяется на два вопроса: 1. Какова специфика выражения имени (в том числе в аспекте его числовых характеристик) в языках различного типа (ср. современный русский, африканские языки с именными классами, современный китайский и т.п.), оборотной стороной чего, естественно, является вопрос о специфике выражения имени (имени вообще или имени какого-либо семантического подкласса) в пределах одного языка или разных языков одного и того же типа; 2. Каковы универсальные, константные, общие черты имени (и имен различных семантических типов) в разных языках и, следовательно, в языке вообще.

Первый из названных вопросов относится к сфере лингвистической типологии и так называемой проблемы языкового мышления. По-

становка его может предполагать наличие особого языкового (речевого) мышления, различного в языках различных типов. Это особая проблема, связанная с отдельным течением лингвистики, и она выходит за пределы нашей темы. Правда, между формами выражения имени – и различных типов имени – в разносистемных языках часто обнаруживаются существенные расхождения. Такие расхождения включены в предмет настоящего исследования, но мы подходим к ним именно как к явлениям формы ("техники") одной и той же языковой сущности – имени.

Развиваемая здесь трактовка имени основывается на теории отражения, разрабатываемой в диалектико-материалистической философии, в частности, на концепции отражения объективного мира (точнее, тех или иных характеристик объективного мира) в семантике языка, и предполагает, что сходные явления действительности в отражательном смысле выступают, в общей тенденции, как сходные явления в разных языках. (Мы не будем детально обсуждать проблему соотношения категорий "значение" и "отражение". По удачному замечанию Н.Г.Комлева, при любом понимании значения "аспект отражения (отображения) не может подвергаться сомнению" [Комлев 1969: 24]). Таким образом, под именем мы понимаем в сущности понятийную категорию, находящую формальное выражение в языке, т.е. категорию понятийно-языковую, хотя и стараемся не злоупотреблять данными терминами в силу их нежелательных ассоциаций с другими лингвистическими концепциями.

Из этих общих положений вытекает ответ на второй из поставленных вопросов: каково отношение имени (и его различных смысловых типов) к лексемам (словам) любого отдельного языка, например, русского. Факты русского языка составляют основной материал нашего исследования. Однако русский язык (как и любой другой язык, который мог бы быть использован на его месте) не выступает для нас только в качестве особого идиоэтнического языка, предмета лексического исследования. Он рассматривается как язык, обладающий сходными основными смысловыми характеристиками – в нашем случае характеристиками имени, – что и другие идиоэтнические языки. Такой подход, в свою очередь, позволяет вывести некоторые общие смысловые закономерности, семантические универсалии (или хотя бы "фреквенталии") в интересующей нас сфере.

Предложенный способ анализа позволяет найти ряд точек соприкосновения явлений естественного языка с понятиями логической се-

мантики и "философии языка". (Под условным термином "философия языка" мы понимаем просто рассмотрение общих проблем языка, которое в различное время осуществлялось философами и логиками, некоторые взгляды на язык в целом и отдельные его категории, связанные с теми или иными философскими (логико-философскими) течениями [см.: Степанов 1985а: 4]). Действительно, для логиков и философов, занимающихся проблемами языка, имя - а также частные семантические типы имен - вполне однозначно не связывались с какими-либо конкретными языковыми формами.

В то же время следует иметь в виду, что общие языковые закономерности, проявляющиеся в сфере семантики, не могут быть адекватно описаны без тщательного изучения фактов конкретных языков, говоря иначе - без описания формы и техники языка в терминах семантики [см.: Степанов 1981: 7] ; ср. также определение "формальной семантики" как концепции, ориентированной на изучение тех аспектов семантики языковых выражений, которые непосредственно обусловлены их формальной структурой [см.: Bunt 1981: 4-5] . Точка зрения некоторых исследователей, например, работающих в русле "генеративной семантики", по которой можно дать общую семантическую характеристику имени, не учитывающую его принадлежность к тем или иным формальным (скажем, "синтаксическим", сочетаемостным) классам [см., например: Moravcsik 1973: 263-264] , очевидно, является ошибочной. Поэтому в данной работе уделяется достаточно большое внимание анализу формальных характеристик имени в русском языке, а также в ряде других языков мира. Упор, однако, делается прежде всего на общих характеристиках исследуемых языков - как семантических, так и формально-грамматических.

Разумеется, описание формы языка и описание его содержания не без сложностей "стыкуются" друг с другом. И.Сильдмяэ заметил по сходному поводу: "Одно и то же явление - грамматика, будучи интерпретированной в одних (лингвистических) категориях, описывает форму, в других (познавательных) категориях - содержание. Категории эти, естественно, ни по содержанию, ни по объему полностью не совпадают, то есть не находятся в отношении один к одному" [Сильдмяэ 1987: 58]. Действительно, чисто морфологическая (шире - грамматическая) трактовка явлений языка, по-видимому, не всегда позволяет включить их в более широкий познавательный контекст, в частности, разграничить в сфере имени "коммуникативные" и "логические" (в широком смысле) категории.

Основной принцип такого разграничения удачно сформулировал А.Ф.Лосев: "Грамматические категории должны быть понимаемы сейчас с коммуникативной точки зрения; и этот коммуникативный акт, то есть акт общения, должен быть в них строго отличен от всяких других актов и, прежде всего, чисто логических, состоящих в соединении и разъединении понятий, отражающих объективную действительность как таковую. Переходным звеном от абстрактного логического акта к акту коммуникативному является выбор из логической структуры тех ее элементов, которые предназначаются для сообщения одним сознанием другому сознанию" [Лосев 1983: 181]. Заметим, что противопоставление семантическим категориям познавательных, характеризующих "всевозможные связи (роли) действительности между обозначаемыми словами явлениями (объектами)" [Сильдмяэ 1987: 76], проводится и в сравнительно новой отрасли (точнее, парадигме) языкознания – когнитивной лингвистике [см.: Петров В.В. 1988]. Однако в отличие от лингвистики семиологической (приведенное высказывание А.Ф.Лосева по духу близко ее принципам) когнитивному подходу (по крайней мере, некоторым работам, написанным в его рамках) часто присуща более или менее явная недооценка гносеологической значимости собственно языкового, зафиксированного в семантике слова или грамматической категории содержания.

Понятие "логической категории", как оно трактуется лингвистами, очень широко и может быть конкретизировано с помощью понятий о явлениях двух типов – онтологических и общепознавательных. "Онтологическое", "общепознавательное" и собственно "семантическое" представляют собой, таким образом, три группы явлений, которые целесообразно четко различать в лингвистическом исследовании (не упуская в то же время из виду многообразные связи между ними) [см., например: Михова 1983: 59-60; Жоль 1984: 5-6; Lem 1988: 79-81]. В свою очередь, сопоставление "семантического" с "онтологическим" и "общегносеологическим" предполагает включение в сферу семиологического исследования логико-философских и психологических идей и понятий.

Сказанное выше дает возможность уточнить различие между подходом к выведению семантических универсалий в функциональной и семиологической грамматиках. Функционально-грамматические универсалии определяются экстенсиональным путем, скорее через "класс-множество", чем "класс-абстракцию": они "фактически являются результатом обобщения фактов определенного круга учитываемых иссле-

дователем языков; при их приложении к другим языкам они неизбежно модифицируются и уточняются" [Бондарко 1984: III] . Однако при таком подходе универсалии представляют собой скорее "фреквенталии (по Б.А.Серебренникову [см.: Серебренников 1974]) или "полууниверсалии", "почти универсалии" (по Э.Холенштайну [см.: Holenstein 1985]) и в очень значительной степени зависят от формальной специфики языков, на материале которых они выводились, и языков, "приложение" к которым обусловливает их модификацию.

С другой стороны, в семиологической грамматике важную (видимо, даже наиболее важную) роль играет "интенсиональный" способ определения универсалий. Это связано с тем, что универсальная категория в данном направлении лингвистики трактуется как категория, необходимо выражающаяся – с помощью разнообразных формальных средств – в системах типологически различных языков, категория универсальная в логико-семантическом плане. Универсалии в семиологическом исследовании выводятся прежде всего не индуктивным путем, через предварительное рассмотрение большинства или тем более всех существующих языков – такой путь практически затруднителен или вообще невозможен, – а на основе гипотез о значимости, обязательности тех или иных семантических категорий и отношений между ними для языка как такового, следовательно, всех естественных языков, гипотез, которые затем проверяются на материале типологически различающихся языковых систем [пример такого анализа применительно к категории "общего имени" см.: Руденко 1988г; Руденко 1990б][1]. Заметим, что сходный подход к универсалиям намечается и в некоторых идеях функциональной грамматики. Так, А.В.Бондарко, приводя функционально-грамматическую, т.е. "экстенсиональную" по своей направленности дефиницию универсальной (фактически – квазиуниверсальной) категории, замечает: "Все это, однако, отнюдь не снимает значимости типологии ка-

[1] "Индуктивный" и "гипотетико-дедуктивный" способы выведения универсалий могут трактоваться соответственно как "экстенсиональный" и "интенсиональный" способы – разумеется, если иметь в виду, что сколько-нибудь полное отделение "интенсионального" от "экстенсионального" (и наоборот) в данном случае неосуществимо. Ср., напр., точку зрения, по которой лингвист, не могущий при построении универсалий перебрать все существующие языки и диалекты, может "перебрать все возможные, т.е. не методом поиска, а методом типологического моделирования – " [Литвинов, Недялков 1988: 4]. Идея перебора "возможных" (возможных относительно некоей теории) языков, очевидно, сочетает в себе "индуктивное" с "гипотетико-дедуктивным".

тегориальных ситуаций, стремящейся к универсальности. Мы имеем здесь дело со своего рода рабочей гипотезой, необходимой в типологических и сопоставительных исследованиях" [Бондарко 1984: 111; см. также: Степанов 1985б: 459] . Интересна в этой связи точка зрения А.Е.Кибрика, считающего, что "функционально ориентированный подход к языку неизбежно приводит к типологическому и, далее, универсальному взгляду на семантику. В идеале хотелось бы видеть такую схему функционального описания: от тех или иных универсальных семантических категорий к всевозможным конкретно-языковым способам их грамматикализации" [Кибрик 1988: 582] .

Гипотезы об общих свойствах языкового отражения мира, априорной значимости тех или иных аспектов внеязыковой действительности для языковой семантики, их необходимом отражении в языке можно рассматривать как гипотезы о гносеологических основаниях (предпосылках) семантической теории. По определению, гносеологическими основаниями теории являются определенные категории и принципы гносеологии, которые, в свою очередь, образуют составную часть философских оснований [см.: Петров Ю.А. 1988: 102-103]. Гносеологические основания теории выступают в единстве с другими ее основаниями (логическими, методологическими, семиотическими) и, таким образом, изначально ориентированы на системный анализ специфики той области познания, к которой они приложимы.

Назовем некоторые априорные положения ("предположения") об инвариантных чертах языкового отражения мира, существенные для дальнейшего анализа.

Как отмечал В.И.Ленин, "изображение предмета мыслью есть всегда огрубление, омертвление - и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и всякого понятия" [Ленин, т. 29, с. 264] . Особо четко схематизация, огрубление (отвлечемся от отрицательных коннотаций данного слова) реальности в процессе познания проявляется в сфере узуальной языковой семантики. По мысли П.Тротиньона, в акте познания "геометрическая" интуиция, открывающая за воспринимаемой вещью бесконечное и непрерывное поле природы, "разрушена вместе с простой категоризацией обыденного языка" [Тротиньон 1983: 60] . В свою очередь в наибольшей мере схематизируют действительность грамматические категории, в том числе номинативные классы (трактуемые как своего рода "словотипы"). Семантика грамматического класса слов обычно основывается на отражении лишь какого-либо одного признака объекта из

оппозиции диалектически связанных признаков - например, оппозиции дискретного/недискретного.

Казалось бы (могут остановить нас), точка зрения, по которой в языке отражается недискретность внеязыковой действительности в определенной мере противоречит положению о "схематичности" языкового отражения мира. Однако если в онтологическом плане "прерывность всегда "растворена" в непрерывности, а не наоборот, существует как бы на фоне непрерывного. Отсюда непрерывность носит абсолютный характер, прерывность - относительный" [Синявин 1988: 14][1], то в семантической системе языка доминирующей стороной является дискретное. Даже имена, смысловой основой которых считается значение недискретности (абстрактные и вещественные, типа <u>любовь</u>, <u>ненависть</u>, <u>дым</u>, <u>вода</u>), выделяют в континууме реальности некоторые фрагменты - на уровне классов (в узусе) и на уровне элементов (частей) классов (в речевом функционировании).

Характерно, что "огрубление действительности" (которое рассматривается - эксплицитно или имплицитно - как важная черта языковой семантики) может определяться как "неадекватное отражение объективных отношений между прерывностью и непрерывностью и между сохранением и изменением. Оно выражается в абсолютизировании моментов прерывности и сохранения" [Связь и обособленность 1988: 51]. Более того, огрубленность познания является не только его недостатком, но и необходимым условием познания общего (ср. еще одну "лингвистическую аксиому": "всякое слово обобщает"). Как отмечает Н.Михова, "если огрубление является условием познания через общее, то это цена, которую стоит выплатить" [Там же].

Отчетливый схематизм, метафорически выражаясь - "недиалектичность" отражения мира в отдельных грамматических категориях, по-видимому, является причиной того, что грамматическая семантика представляет собой наиболее благодарный материал для выведения смысловых универсалий: чем более упрощено, схематизировано то или иное языковое "видение", отражение мира, тем больше, по всей видимости, вероятность того, что оно будет совпадать в различных языковых системах, может приобрести черты инвариантности. (Отме-

---

[1] В более общем виде о непрерывности как "ведущей стороне" оппозиции прерывного-непрерывного см.: [Дудель 1989: 90-91; 120]; о возможности противоположного подхода см.: [Флоренский 1986: 162-163] и с.267 данной монографии.

тим точку зрения, по которой « легче и полнее всего человечество научилось грамматизировать дискретное предметное содержание (содержание не-Я), из которого элиминирована "человеческая составляющая" » [Матяш 1988: 149] . Денотативная ориентированность, более или менее отчетливая "объективность" многих грамматических категорий является, вероятно, одним из важных факторов, определяющих черты их сходства, своего рода "очевидности" в различных языках).

По удачному (хотя и несколько "милитаризованному") выражению Э.Холенштайна, грамматика - основной полигон универсалистской концепции языка. Именно в рамках грамматики можно говорить о собственно языковых универсалиях, не зависящих ни от анатомических факторов речевого аппарата (как фонологические и фонетические универсалии), ни от физиологии восприятия (как семантические - точнее лексические - универсалии) [см.:Holenstein 1985] . Характерно, что в диалектико-материалистической философии грамматические категории могут трактоваться как важный, даже важнейший фактор экспликации и анализа универсалий. Предполагается, что "общие морфологические формы" сравнимы по своему статусу с общечеловеческими категориями мышления [см.: Крымский 1980: 9-10; 37].

Отметим еще одно важное свойство языкового (узуально-языкового) отражения мира - в нем фиксируются прежде всего результаты обыденного, упрощающего, не научного, по крайней мере не вполне научного, познания (во всяком случае, на уровне грамматических классов, а не отдельных слов, которые могут, например, представлять собой научные термины . Впрочем, общая тенденция сохраняется и на лексическом уровне языка).Приведем в этой связи суждение Б.А.Серебренникова: "В языках мира нет стремления к созданию особо сложных грамматических категорий и грамматических правил. Все языки мира стремятся создать сравнительно несложную, но достаточную для нужд языковой коммуникации систему" [Серебренников 1988: 240]. Одним из проявлений такой закономерности является то, что именные логические категории, семантика которых по определению и/или фактически базируется на научном, отчасти теоретическом знании, не находят соответствия в естественном языке. Например, существование в языке особой, формально (т.е. грамматически) выделенной категории "пустых имен" - обозначений вымышленных объектов, типа <u>кентавр</u>, <u>русалка</u>, <u>марсианин</u>, <u>флогистон</u>, предполагало

бы, что в языковой семантике отражено противопоставление (в значительной мере базирующееся на научных знаниях) реально существующих и вымышленных, фантастических объектов. Однако такое положение дел кажется априорно маловероятным и не подтверждается конкретным языковым материалом [см.: Руденко 1986б]. К проблеме "простоты", "нетеоретичности" языкового отражения мира мы еще вернемся при анализе собственных имен (гл. 4 разд. II).

Говоря о "простоте", "схематизме" того способа представления действительности, который характеризует семантику грамматических категорий, необходимо в то же время иметь в виду, что система языка как такового и его грамматическая система в целом (хотя только в целом) вполне адекватно фиксируют общую концептуальную (пусть и не строго научную, а "обыденную", отчасти интуитивную) картину мира. Грамматические категории, очевидно, отражают прежде всего ее наиболее базисные, "инвариантные" аспекты, "узловые точки". (Не вдаваясь в детальный анализ понятия "языковая картина мира", отметим, что приведенная формулировка вполне соответствует общей направленности концепции "языковой дополнительности", в которой концептуальная модель мира трактуется как ядро языковой модели [см.: Вопросы философии 1988: 260-355]).

Конкретное грамматическое значение в общей тенденции задает лишь один (по крайней мере один основной) "интервал абстракции", обычно непосредственно выражает какое-либо одно свойство, аспект реальности из той или иной оппозиции или системы диалектически связанных свойств. (Заметим, впрочем, что понятие "одно свойство" является в достаточной мере относительным, так как свойство может гносеологически разлагаться на более частные признаки). Интервал абстракции, для того чтобы быть интервалом, должен быть достаточно однозначно фиксирован, и в языке такая фиксированность поддерживается формальными показателями грамматической категории. Однако именно определенность сферы интервала абстракции (т.е. "интервальной ситуации") обусловливает возможность его сосуществования с другими интервалами, что порождает в итоге многомерность отражения мира [ср., например: Михова 1983; Диалектика 1983; Кураев, Лазарев 1988: 91-95]. Более того, дискретизация (даже "огрубление") действительности, в том числе выделение в ней различных "интервалов", представляет собой необходимую предпосылку приобретения общего знания о мире: допущение статичности в познании является важным условием установления познавательных инвариантов [см.: Связь и обособленность 1988: 50-52].

К проблеме значимости понятия "интервал абстракции" для лингвистики мы будем возвращаться по ходу дальнейшего изложения, а сейчас охарактеризуем еще одно гносеологическое понятие, особо важное для нашей работы, понятие парадигмы изучения языка.

Развернутое исследование семантических характеристик имени невозможно без соотнесения его с другими общими смысловыми категориями. Прежде всего это предикаты и эгоцентрические слова, которые вместе с именем и образуют три основные универсально-смысловые категории естественного языка. Данным категориям, в свою очередь, соответствуют три парадигмы "философии языка" - семантическая, синтактическая и прагматическая [см.: Степанов 1985а: 3-8]. "Парадигма" при этом обычно не определяется в узком смысле (по Т.Куну), т.е. как общепризнанный образец постановки и решения научных задач и соответствующие ему гносеологические постулаты и метаязык исследования, и может, в частности, трактоваться как господствующий в какую-либо данную эпоху взгляд на язык (связанный с теми или иными философскими течениями) [см.: Там же: 4; о трудностях использования в лингвистике узкого понимания парадигмы см. также: Wąsik 1987: 24-41]. Парадигма, определяемая в расширительном смысле, трактуется также как доминирующий исследовательский подход к языку, познавательная перспектива, методологическая ориентация, широкое научное течение (модель), даже научный "климат мнения"[1] [см.: Там же: 39-40]. Характерно, что широкая трактовка парадигмы используется и в логической семантике: "Под семантическими парадигмами... понимаются некоторые общие установки, исходные содержательные представления, которые кладутся в основу построения различных семантических методов логики" [Хоменко 1987: 1].

В настоящей работе при оперировании понятием "парадигма" имеются в виду прежде всего общие представления и постулаты (а также соответствующие им операционные дефиниции) о природе того или иного широкого (в частности, универсально-семантического) языкового класса, используемые для описания входящих в него единиц, а иногда и единиц других классов (ср. в этой связи определение парадигмы как гносеологической - понятийной и/или методологической - "рамки" [см.: Wąsik 1987: 40]). Понятие "парадигма" при таком подходе

[1] Ср. также "психологизированное" определение парадигмы как комплекса исходных утверждений, принимаемых на веру в качестве своего рода аксиом [см.: Янов 1989: 31].

имеет немало черт сходства с понятием "гносеологических оснований теории", обладая, однако, более отчетливыми метанаучными "коннотациями". Заметим, что подобный подход позволяет при необходимости включать в сферу анализа и "психологические", преимущественно субъективные моменты парадигмы (ср. определение ее как "климата мнения" или набора "аксиоматичных" суждений), эксплицирующие специфику отношения того или иного исследователя к фактам языка и прежде всего - определяемым их природой методам описания [ср.: Руденко 1989а][I].

Исходные предпосылки традиционной парадигмы "философии имени", как кажется, формирует прежде всего представление о том, что имя наиболее отчетливо, сравнительно с другими универсально-семантическими категориями языка, ориентировано на членение континуума действительности (прежде всего пространственного континуума). Следовательно, в описании имени особо существенную роль должны играть денотативные факторы (что и подтверждается различными фактами. Так, имена естественных классов, которые обычно интуитивно рассматриваются как "первые имена" языка, не формируют чисто языковой системы лексических связей и оппозиций [подробнее см.: Руденко 1987а]). Лапидарную формулировку рассматриваемого понимания имени дал Ю.С.Степанов: "Сущность именования ближе всего к указанию. Собственно, именование можно определить как указание со снятой наглядностью, т.е. не осуществимое указательным жестом, но зато закрепленное системой языка раз и навсегда (иначе имя не отличалось бы от предложения)" [Степанов 1985а: 15] .

С другой стороны, в качестве наиболее общего (хотя, возможно, отчасти интуитивного) гносеологического основания "философии предиката" можно рассматривать представление о том, что наиболее адекватное описание языковых единиц, прежде всего, естественно, "предикатов", может быть достигнуто через анализ их связей в предложении (тексте), в чисто семантическом плане - через анализ

I Пока мы ограничимся приведенными соображениями о понятии "парадигма", имея в виду в дальнейшем вновь обратиться к его анализу (см.: Addendum). Такое обращение, однако, будет целесообразным только после содержательного рассмотрения конкретного историко-научного и языкового материала. (Ср. в этой связи остроумное замечание Ю.С.Степанова, по которому единственное, что лингвист может безоговорочно заимствовать из книги Куна, - это сам термин "парадигма" [см.: Гипотеза 1980: 12]).

того, каким образом единицы языка отражают отношения и связи объективной реальности (например, предмета и его свойств). Парадигма "эгоцентрических слов" ("прагматическая парадигма") исходит из постулата, по которому исследование "местоименных" единиц языка и языка в целом должно базироваться на учете фактора говорящего и адресата, многообразных отношений, возникающих между речевыми партнерами в коммуникации, других параметров речевого акта, а также его когнитивных предпосылок.

Заметим, что "преимущественно денотативная" природа имени может становиться косвенной причиной выпадения из поля зрения исследователей тех характеристик имен ряда типов, которые объединяют их с иными семантическими категориями - предикатами или эгоцентрическими словами (во всяком случае, причиной того, что диалектика взаимодействия "предикатных" или"прагматических" черт имени с его собственно именными чертами часто не подвергается развернутому анализу). В свою очередь, такой подход способен создавать представление о парадигме "философии имени" как о чем-то "метафизичном", ориентированном исключительно на описание жесткой дискретизации реальности в лексиконе [см.: Руденко 1989а].

Даже используя широкое понимание парадигмы, можно заметить, однако, что многие (точнее, почти все) семантические типы имен не рассматривались лишь в рамках именной парадигмы "философии языка", в той или иной мере смещались, во всяком случае с течением времени, в парадигмы иного типа.

Так, наиболее тесно с "философией имени" связана категория "пустых имен", обозначений несуществующих объектов - несуществующих с точки зрения современных научных или современных обыденных (также отчасти научных по происхождению) знаний. Такая связанность объясняется тем, что "пустые имена" не являются особым, формально выделенным естественно-языковым классом и поэтому могут рассматриваться лишь в денотативном, скорее даже онтологическом плане. Характерно, однако, что само обоснование "нелингвистичности" пустых имен предполагает использование некоторых элементов "философии предиката". Обнаруживается, например, что при соотнесении с "пустыми именами" предикатов объективного, материального существования (Русалки существуют в физическом мире) полученные высказывания могут быть расценены как неприемлемые, но неприемлемые не с лингвистической (в них не нарушаются какие-либо правила употребления языковых единиц), а с понятийной точки зрения

[подробнее см.: Руденко 1986б].

Намеченный путь исследования носит в значительной мере метаязыковой (точнее даже металингвистический) характер, и этот его аспект будет последовательно (по мере возможностей автора) осуществляться в данной работе. Однако не менее важным объектом анализа для нас является языковая (а не лингвистическая) сущность - категория количества в системе имени. Это, впрочем, совсем не мешает (скорее помогает) исследованию проблемы « имя в парадигмах "философии языка" ». Как отмечается в науковедении, "неизвестны случаи, когда бы вначале создавалась теория, затем делался ее гносеологический анализ, выявлялись существенные свойства и отношения отображаемой теорией области действительности, ее гносеологические предпосылки, а уж затем в соответствии с выявленными свойствами и отношениями как теории, так и отображаемой действительности решался бы вопрос об адекватности области применимости теории" [Петров Ю.А. 1988: 26-27] . Отношение имени к числу в истории языкознания и логики часто становилось (эксплицитно или имплицитно) исходным пунктом при разработке многих семантических трактовок имени. Таким образом, адекватность областей приложимости различных "именных" концепций может, с теми или иными оговорками, подвергаться анализу на основе данного объективного языкового признака, являющегося основой для выделения различных именных подклассов (при том, что он, разумеется, не может быть единственным и всеобъемлющим в анализе лингвофилософских проблем имени).

Целесообразно напомнить, в этой связи, что "за задачей классификации как процедуры разбиения множества исследуемых объектов на подмножества стоит большое количество других задач, связанных с теоретическим описанием объектов ...Часто решением классификационной проблемы в данной науке может явиться не решение тех или иных частных задач классификации, а построение теории объектов исследования" [Розова 1986: 194]. Имея в виду взаимодействие парадигм "философии языка" (в сфере изучения имени), отметим, что "хотя сама классификация как таковая не связана с системным представлением объекта [в нашем случае таким объектом является категория имени - Д.Р.] , но критерии оценки той или иной классификации, критерии выбора из всех возможных классификаций только одной или нескольких как наиболее рациональных ... требуют уже других, системных представлений" [Там же: 198] (о роли классификации имен по признаку исчисляемости-неисчисляемости в системе других клас-

сификаций существительных см., напр.: [Андреева 1989]).

Как кажется, категория количества, в ее языковом преломлении, обладает достаточной отражательной и системной (внутриязыковой) значимостью для того, чтобы стимулировать (выражаясь в терминах химии - "катализировать") решение многих проблем именной семантики, в том числе и их металингвистических аспектов. В общем виде это обусловлено тем, что и семантическая природа имени, и гносеологическая природа одного из двух основных типов количества - числа (в конечном счете, впрочем, и величины; см. ниже) базируется на выделении тех или иных дискретных единиц в континууме действительности. Анализ отношения имен различных типов к количеству (числу), по-видимому, может трактоваться как существенная часть процедуры выявления собственно языковых оснований для рассмотрения имен разных типов в тех или иных парадигмах "философии языка", возможно даже как исходный этап такой процедуры. Семантика количества является таким параметром имени, который охватывает почти все его семантические типы, более того - прежде всего и является основанием для их выделения.

Перед тем как перейти к непосредственному рассмотрению поставленных проблем, остается дать определение количества. Впрочем, вряд ли читатель испытывал затруднения от того, что соответствующее понятие пока оставалось не определенным. Интуитивная самоочевидность понятия количества объясняется тем, что оно, по-видимому, может быть определено лишь операционально: "То общее, что имеется у сравниваемых множеств в рамках операционально фиксируемого интервала абстракции и есть, собственно, количество" [Кураев, Лазарев 1988: 133]. Следовательно, количество представляет собой такую объективную характеристику предметов (явлений), которая практически обнаруживается при одно-однозначном сопоставлении элементов двух множеств. Указание на сравнение, сопоставление, приведение в соответствие является необходимым элементом дефиниции количества - количества, трактуемого и как величина, и как (целое) число (тем более - как множество [см.: Петров, Пугач 1989]).

Чисто "сущностную" дефиницию затруднительно дать и понятию "множества" [см., например: Структура и смысл 1989: 176]. Определение "множества" через концепты "много", "больше чем один" (ср. трактовку семантики грамматического множественного числа), "совокупность" носят явно операциональный характер (причем менее концептуальный, чем в приведенном определении количества). Основ-

ное исключение здесь, пожалуй, составляет определение множества как целого, единого. Оно связывается прежде всего с именем основателя теории множеств Г.Кантора, писавшего: "Под многообразием или множеством я понимаю вообще всякое многое, которое можно мыслить как единое, т.е. всякую совокупность определенных элементов, которая может быть связана в одно целое с помощью некоторого закона" [Учение о множествах 1914: 69] . Интересно, что такой подход был достаточно прямо реализован в лингвистической семантике - в попытке свести лингвистически ориентированное понятие множества к понятию его взаимозависимых элементов или, чаще, частей.

А.Вежбицка, например, представляет высказывания с существительным в форме множественного числа типа Эти яблоки весят полтора килограмма в виде Я думаю о том, каждая часть чего является яблоком; я говорю: это весит полтора килограмма (изолированное выражение эти яблоки может быть представлено таким образом: эти яблоки = это что-то, каждая часть чего является яблоком) [см.: Liczba 1973: 77-78] . Анализируя такие парафразы, А.Богуславский, однако, отмечает неопределенность используемого в них метаязыкового элемента "часть": "Совокупность яблок не является чем-то, каждая часть чего представляет собой яблоко, необходимо как-то уточнить, какие части имеются в виду. Именно здесь возникает опасность несводимости понятия совокупности к более простым понятиям" [Там же: 79] . Любопытно, что однотипный ход рассуждений представлен также в логической семантике. Так, Л.А.Рвачев, рассматривая концепцию, в которой множество вещей трактуется как вещь, пишет: "Если существует яблоко, то существует и его треть; но какую вещь можно назвать множеством с элементами "яблоко" и "треть яблока", если иметь в виду именно это яблоко и его треть, а не какие-нибудь равные им вещи? Таким образом, нам приходится требовать определенную независимость для элементов множества, тогда как независимость целого и его части имеет место лишь в мышлении. Отсюда следует, что не для всякого свойства можно определить вещь, которая являлась бы множеством всех вещей, обладающих этим свойством" [Рвачев 1966: 33 ; ср. также: Bunt 1981: 18-19] .

Нефиксированность типа "элементов" в понятии "множества", выражаясь онтологически - некоторая независимость элемента от множества, по-видимому, объясняется тем, что трактовка множества

как чего-то безусловно целого, единого не обладает инвариантной онтологической мотивированностью. Это вытекает уже из канторовского определения множества, анализ которого приводит к выводу о том, что "понятия совокупности и множества выражают... не столько сам факт реального существования таких систем со столь низким уровнем организации целого (хотя, конечно, исключать такой возможности не следует), сколько степень приближения человека к действительному познанию системного бытия мира" [Райбекас 1977: 153] (Как отмечается в теории целого, полное определение "верхних" и "нижних" границ целостных объектов вряд ли достижимо [см.: Аббасов 1984: 47]). Поскольку целостность множества не имеет однозначной онтологической природы, в нем могут отсутствовать однозначно заданные связи между четко заданными элементами, "частями".

Традиционно предполагается, что количество имеет два основных аспекта, точнее модуса существования - число и величину. Их различение идет (по крайней мере в европейской философской традиции) от Аристотеля: "Что касается количества, то одно раздельно, другое непрерывно, и одно состоит из частей, имеющих определенное положение по отношению друг к другу, а другое - из частей, не имеющих такого положения" [Аристотель 1978: 62]. "Прерывное" количество определяется как "число", "непрерывное" - как "величина", процедура их определения - соответственно как "счет" и "измерение".

Очевидно, что описанное различие в том или ином смысле является значимым для языковой семантики. А.Богуславский даже считает, что определения, которые получают понятия "количество", "число", "величина", "мера" вторичны по отношению к предикатным выражениям языка, семантической особенностью которых является имплицитное установление отношений противоречивости/непротиворечивости между соотнесением предиката с предметом и соотнесением его с произвольной частью этого же предмета. (В качестве примера предикатов, имплицирующих отношение непротиворечивости, приводятся неисчисляемые имена типа железо, мука, вода, дым [см.: Bogusławski 1973: 7-10]. В развитом виде однотипное различие отражено в системе Г.Банта [см.:Bunt 1981: 134-152]. Исследователь противопоставляет "теорию общностей", которая оперирует отношением "часть - целое" и описывает прежде всего семантику неисчисляемых существительных, "теории множеств", базирующеися

на отношении "элемент - целое" (в некоторых интерпретациях "элемент - множество"). Вторая теория, в ее лингвистической интерпретации, используется для описания семантики исчисляемых имен. (Впрочем, в системе Банта предполагается, что стандартная теория множеств "встроена" в теорию общностей, а множество представляет собой разновидность общности. Важно отметить, что познание непрерывного всегда так или иначе связано с познанием прерывного. Это обусловлено общими особенностями познавательного процесса, "который осуществляется путем превращения движущегося в покоящееся, непрерывного в дискретное" [Прерывное и непрерывное 1983: 180]. Данная закономерность отнюдь не нарушается и в познании количества. Так, измерение, т.е. познание величины, как и счет, основывается на установлении соответствий между элементами двух множеств (пусть в ряде случаев онтологически условных), и в этом смысле базируется на познании дискретного: "Измерение есть процедура сравнения, посредством которой устанавливается численное отношение между измеряемой величиной и заранее выработанной единицей измерения" [Тимофеев 1972: 142; ср. также: Брушлинский 1988]. Условность противопоставления числа и величины по признаку дискретности/недискретности в лингвистическом плане делает оправданной, например, постановку вопроса об условиях, при которых вещественные и абстрактные имена могут приобретать свойство исчисляемости. С другой стороны, дискретность единиц измерения носит преимущественно гносеологический, концептуальный, а не онтологический характер. Поэтому переход неисчисляемых имен, обозначающих объекты с малой степенью дискретности, обычно могущие измеряться, но не подвергаться исчислению, в разряд исчисляемых вряд ли может - по крайней мере в некоторых языках - осуществляться вполне свободно, без более или менее существенных семантических ограничений [см.: Руденко 1988а] .

Таким образом, даже поверхностное рассмотрение категории количества показывает, что она тесно связана с членением континуума действительности на те или иные единицы. По распространенному в лингвистике представлению, семантика имени также основывается на дискретизации реальности, обладает отчетливо выраженной денотативной ориентацией[1]. Развернутое обоснование тезиса о

---

[1] Интересно в этой связи, что в современной логике получило довольно широкое распространение понятие "именованного множества": "Все обычные множества на самом деле являются нормализованными одноименованными множествами. Действительно, любое обычное мно-

тесной, органичной связи категории имени с выражением количества (прежде всего числа) целесообразно поэтому начать с рассмотрения категориального значения, приписываемого имени существительному как части речи, - значения предметности. Доказав, что в понятии "предметности" имплицитно отражена "изначальная" направленность имени на выражение количественных смыслов, мы сможем продвинуться вперед в исследовании интересующих нас вопросов - как собственно языковых, так и лингвофилософских.

(продолжение сноски I): жество всегда задается с помощью некоторого имени М. Поэтому все элементы, которые принадлежат заданному множеству, имеют одно общее имя - "элемент множества М" [Бургин 1989: 16]. Концепция именованных множеств может использоваться и в анализе явлений естественного языка, а ее "основным (первичным) элементом являются объекты, связанные со своими именами" [Там же: 14].

РАЗДЕЛ I

ИМЯ В ПАРАДИГМЕ "ФИЛОСОФИИ ИМЕНИ"

ГЛАВА I
"ПРЕДМЕТНОСТЬ": ОНТОЛОГИЯ, ГНОСЕОЛОГИЯ, СЕМАНТИКА

§ 1. "ПРЕДМЕТНОСТЬ": ОНТОЛОГИЯ

Развернутое описание лингвистически ориентированного понятия предметности впервые в русском языкознании, по-видимому, дал А.М.Пешковский, и уже в его рассуждениях намечены те проблемы, связанные с данным понятием, которые часто обсуждались позже. Приведя в качестве примера ряд слов, обладающих общим признаковым корнем черн-: чернила, черника, чернушка, чернец и т.п., и отметив, что все они обозначают, несмотря на то, что корень у них "непредметный", не признаки, а разнообразные предметы, Пешковский пишет: "Мы имеем перед собой "ряд форм, объединенных со стороны значения...", т.е. формальную категорию. Это будет категория предметности, или, говоря грамматическим языком, существительности. Слова, имеющие соответствующие формы, называются именами существительными" [Пешковский 1956: 62] . Говоря о способах выражения предметности, исследователь отмечает, что общая категория предметности создается системой склонения [Там же: 63] . В этих суждениях намечается основной недостаток (или по крайней мере неясность), связанный с понятием "предметности", - отсутствие явного различения собственно языкового и онтологического, "денотативного" аспектов проблемы. Хотя Пешковский и говорит о том, что существительные обозначают предметы (и следовательно, "предметы" являются внеязыковыми сущностями), он все же вполне четко не разграничивает "существительность" как собственно языковую (грамматическую) категорию и "предметность" как онтологическую категорию, находящую отражение в системе существительного.

Возможно, конечно, что именно такое единство данных категорий соответствует реальному положению дел, но в этом случае оно должно быть эксплицитно обосновано (т.е. быть итогом, а не исходным пунктом анализа существительного). В противном случае подобный подход дает основание критикам понятия предметности утверждать, что « "предметность" по объему значения отличается...

от "существительности" не больше, чем одно название понятия отличается от другого его же названия (ср. "существительность" и "субстантивность") ... и "предметы", и " предметность" (в своих разных словесных вариантах) сами опознаются через интуитивно уже опознанное существительное, в связи с чем каких-либо преимуществ у "предметных" понятий перед понятием существительности усмотреть нельзя» [Габинский 1972: 219] . Понятие "предметности", таким образом, порождает лишь иллюзию более глубокого проникновения в сущность языковой категории существительного.

Не идеализируя понятие предметности, все же можно предположить, что полное отождествление ее с "существительностью" вытекает прежде всего из сложившейся практики употребления (часто, действительно, далекой от сознательного использования терминов), но не из внутренней формы термина "предметность", даже если рассматривать его лишь как лингвистический термин. При всей неопределенности значения слова "предмет" и широте его объема "предмет" тем не менее в большинстве случаев понимается как нечто объективное, обладающее реальным существованием (ср., например, сводку значении термина в [Борисов 1987: 128 - 129]). Наличие такого общего понятийного компонента, проявляющегося в различных употреблениях имени "предмет", показывает, что проблема "предмета" и "предметности", имеющая отчасти метаязыковой характер, все же не является чисто терминологической, сводящейся к необходимости дать слову условное, индивидуально-авторское определение.

Не вдаваясь в детали употребления рассматриваемого термина у отдельных авторов, отметим, что понимание предмета прежде всего как объективного элемента мира более или менее прямо отражено в логико-лингвистических понятиях "предмет мысли", "предмет обозначения", в диалектико-материалистической трактовке "предметности сознания" как направленности сознания на предмет и обусловленности познавательного отражения предметом. Общефилософское (диалектико-материалистическое) понимание предметности, которое, вообще говоря, имеет немного общего с лингвистическим понятием предметности, также содержит указание на объективный, онтологический аспект "предмета" и "предметности" [см.: Ищенко 1987] .

В качестве слов, выражающих значение предметности, рассматриваются не только имена,обозначающие целостные материальные объекты (к которым в обыденном употреблении обычно и прилагается слово "предмет"),но и абстрактные существительные, т.е. обо-

значения свойств, действий, отношений. Казалось бы, это еще более усложняет проблему. В действительности, однако, введение в анализ таких имен в конечном счете проясняет вопрос о лингвистической природе "предметности". А.М.Пешковский писал: "Анализируя образ, возникающий в нас при слове чернота, мы находим в нем черту двойственности: с одной стороны, логическая его природа не может не мыслиться нами, мы не можем не знать, даже и в процессе речи, что черноты отдельно не существует; с другой стороны мы все-таки мыслим ее отдельно. Признак предмета сам представляется здесь как предмет" [Пешковский 1956: 71] . Отвлекаясь от присутствующих в данном суждении моментов излишнего психологизма (сомнительно, что в процессе речи, т.е. при употреблении абстрактного существительного, носитель языка всегда осознает, что соответствующий референт "отдельно не существует"), можно увидеть, что Пешковский достаточно однозначно указывает на объективный характер "предмета" (следовательно, и внеязыковую основу "предметности").

Природа абстрактных существительных трактуется Пешковским как двойственная именно потому, что они рассматриваются (скорее имплицитно, чем эксплицитно) и в языковом, и в денотативном плане, в частности, в их отношении к онтологической категории "предмет". Предмет, таким образом, представляет собой своего рода модель, следование которой определяет языковые (формальные и семантические) особенности абстрактных имен. (Как кажется, именно соотнесенность отпредикатных имен с общим понятием предмета, в его языковом преломлении, позволяет рассматривать существование таких имен как "фундаментальный для языков мира факт" [Литвинов 1986: 28]).

При таком подходе уже можно достаточно точно, хотя и предварительно, охарактеризовать понятие предмета, как оно понимается (эксплицитно или имплицитно) в лингвистическом описании существительного, - это материально целостный предмет, самостоятельная вещь, тело. (Характерна формулировка И.Польдауфа, сходная с приведенной по степени определенности: « Корни предметности, составляющей фундамент имени существительного, уходят в "нечто конкретное" » [Польдауф 1962: 77] .("Конкретное" при этом трактуется прежде всего как "отдельное"). С другой стороны, в качестве наиболее типичных (и даже исторически первичных) имен рассматриваются имена "предметов в собственном смысле", т.е. физически отдельных, "пространственно-вещественных" объектов (ср., например,

понятие "первичного существительного" у Г.Б.Джаукяна [см.: Джаукян 1988: 280-281]). В концепции У.Куайна лингвистическая (точнее, лингвогносеологическая) центральность имен целостных материальных объектов, "тел" ("общих имен") обосновывается тем, что они наиболее тесно связаны с познавательными процедурами индивидуализации, отождествления, исчисления объектов [см.: Quine 1973: 86-88]. Встречающаяся в грамматике точка зрения, по которой «"предметность" таких существительных, как бег, белизна, молчание, сомнительна. Она становится безусловной лишь тогда, когда мы уже установили субстантивность данных слов» [Руделёв 1976: 41] (и, следовательно, "предметность" является несколько более "онтологичным" понятием, чем "субстантивность", базируется прежде всего на узком понимании предмета), может быть, таким образом, выведена в достаточно широкую логико-семантическую перспективу.

Характерно, что необходимость использования понятия предмета, трактуемого в описанном выше смысле, признают и критики концепции "предметности". Так, по определению М.А.Габинского, "существительное есть слово, различающее все общесоматические категории и подчиняющее в тех же из них, что и соматизмы" [Габинский, 1972: 256-257]. Если учесть, что под соматизмами понимаются обозначения тел, а тело трактуется как "часть пространства, ограниченная со всех сторон, вместе со своими границами", принципиальное различие между таким определением существительного и концепцией Пешковского, подчеркивавшего логическую (в современных терминах - онтологическую) условность представления признака в качестве предмета, почти исчезает. (К тому же надо иметь в виду, что наличие у всех существительных общих формальных признаков отмечают и сторонники понятия предметности, например Пешковский, считавший, что предметность абстрактных существительных выражается" в самих формах склонения таких существительных, во всей системе флексий" [Пешковский 1956: 72]).

Вообще говоря, рассмотрение материального предмета(вещи),тела как наиболее типичного предмета(вещи) потенциально содержит опасность отождествления тела с предметом вообще. В подобном случае предмет трактуется только в пространственном аспекте: в качестве предмета будет определяться лишь то, что занимает определенный объем в пространстве и имеет достаточно устойчивые материальные границы [ср.: Уемов 1963: 8-10]. В семантике аналогию подобной трактовке предмета можно найти в попытках представить абстрактные имена как неполноценные или даже ложные, исключить

их из сферы "существительности", предметности. Наиболее развернутая концепция такого рода представлена в логико-лингвистической системе (номиналистической по своей направленности) Т.Котарбиньского, трактовавшего абстрактные существительные как "мнимые имена" (ономатоиды), являющиеся именами только внешне. По Котарбиньскому, подобные слова не обозначают каких-либо реальных сущностей. Такой подход к абстрактным именам вытекает из общей логической теории Котарбиньского, которая определяется как "реизм" (от лат. res - "вещь"), иногда как "соматизм" или "конкретизм". В ее основе лежит положение о том, что в действительности существуют только материально самостоятельные, "телесные" предметы [см.: Котарбиньский 1963: 91]. Ни один реальный объект, таким образом, не является ни свойством, ни отношением, ни событием: "Так называемые наименования событий соматист должен признать выражениями, которые только внешне являются наименованиями, он должен считать нелепостью признание существования таких объектов, как полеты, танцы и т.п. Я наблюдаю не полет метеорита, а летящий метеорит, нас восхищает не танец, а тот, кто именно так танцует" [Там же: 97][1]. (В качестве хотя бы частичного аналога языковой категории предметности можно рассматривать менее жесткие номиналистические концепции. В теории Н.Гудмэна, в частности, указывается, что номинализм не требует исключения из онтологии различных абстрактных сущностей, но предполагает, что все допускаемые сущности, какими бы они ни являлись, должны трактоваться как индивиды [см.: Goodman 1956: 17]. Сходным образом система предметности содержит обозначения "непредметных" сущностей, трактуемых, однако, в качестве предметов).

Критика "узкой" трактовки предмета в лингвистике не должна, впрочем, заходить слишком далеко, превращаясь в отрицание значимости "тела" в понимании "вещи". Так, А.И.Уёмов, анализируя классическое - принадлежащее Г.Фреге - различение смысла (Sinn) и значения (Bedeutung) выражений, ставит вопрос о том, "не является ли требование обязательного различения смысла и значения выражений, восходящее к Фреге, результатом недоразумения, связанного со слишком узким пониманием вещи, отождествляющим ее с не-

---

[1] Отметим все же, что в приведенном суждении заключено и рациональное зерно, сводящееся к косвенному отображению особых синтаксических функций абстрактных существительных, их способности формировать свернутую пропозицию.

ким объемом, занимаемым в пространстве, то есть с телом" [Уёмов 1975: 458-459]. Постановка такой проблемы мотивируется тем, что предмет обозначения не тождествен тому объему в пространстве, к которому может быть отнесено соответствующее выражение. (При обосновании этой точки зрения Уёмов использует способ reductio ad absurdum, показывая, что "телесное значение" может быть недостаточно точным даже тогда, когда определена совокупность молекул, образующих тело).

А.И.Уёмов прав в том, что далеко не всегда языковое выражение соотносится с референтом, представляющим собой реальный и к тому же физически целостный объект, тело. Одним из основных направлений современной логической семантики, в частности, является критика чисто референтативного подхода к интерпретации логических языков, прежде всего - "принципа предметности". Применительно к именам, образующим предложение, этот принцип получает следующую формулировку: "Предложение говорит что-либо тогда и только тогда, когда входящие в него имена что-нибудь обозначают (следовательно, необозначающий суть незначимый")" [см.: Бессонов 1985: 80-81]. Однако в естественном языке выражения, не обозначающие реальных физических референтов (прежде всего это "пустые имена", уже упоминавшиеся выше), обычно являются вполне значимыми, осмысленными, из чего можно заключить, что такие имена вряд ли принципиально отличаются от имен, которым могут быть поставлены в соответствие реальные предметы. Гораздо более обоснован противоположный вывод (он вытекает уже из того, что "пустым именам" приписывается осмысленность, "семантичность"): « "Фактичности", на которые должна ориентироваться логико-семантическая теория, суть все многообразие установившихся в языке идентифицируемых значений и их связей, независимо от того, по каким - эмпирическим или каким-либо другим - основаниям осуществляется идентификация и устанавливаются связи» [Бессонов 1987: 110]. Если исходить из того, что основной критерий осмысленности имени - интерсубъективная идентифицируемость его значения и одним из важных аспектов значения (в частности, значения имени) является способ представления денотата как целостного или лишенного целостности, отдельности, оправданно заключить, что имена девушка и рыба, конь и человек, землянин и харьковчанин вряд ли отличаются по названному семантическому признаку от слов русалка, кентавр, марсианин, венерианец. Об этом свидетельствует значительное (хотя,

конечно, не сводящееся к однотипности) чувственно-предметное сходство соответствующих обьектов, как они могут восприниматься на уровне обыденного, не научного сознания [ср.: Свасьян 1980: 137], и прежде всего формальные характеристики имен: все они являются двучисловыми, свободно исчисляемыми и, следовательно, обозначают объекты, представляемые в языке в качестве обособленных, дискретных.[1]

Не случайно, видимо, даже объекты современной теоретической физики, кардинально отличающиеся от макроскопических объектов (к ним неприменимы обычные способы идентификации и прежде всего - идентификация по занимаемому в пространстве объему), в естественном языке все же обозначаются исчисляемыми именами и, соответственно, представляются как "вещи", отдельные, достаточно четко отграниченные друг от друга сущности (ср.: электрон, протон, нейтрон, адрон и т.п.) [см.: Кузнецов В.И. 1987: 133-146].

Таким образом, "вещь", "тело", физически целостный объект, отнюдь не являясь универсальным предметом обозначения, является своего рода образцовым для естественно-языкового сознания, может быть, даже наиболее вероятным референтом имени. Отдельность, относительная обособленность такого объекта отражается в смысловой структуре имен ряда типов и проявляется в их формальных признаках. Ср. комментарий Ю.С.Степанова по поводу изложенной выше точки зрения на "узкое" понимание вещи: "А.И.Уёмов прав, связывая различение "смысла" и "значения" (денотата, референции) с "узким пониманием вещи". На наш взгляд, однако, все дело в том, что это

---

[1] Разумеется, имеются очень существенные различия между "пустыми" и абстрактными именами - при том, что и те и другие могут трактоваться как "необозначающие". Если в первом случае у имени отсутствует реальный референт вообще, то во втором - референт, который обладал бы "предметным" характером, т.е. представлял собой физически обособленный, самостоятельный объект. Более того, "пустые имена" принципиально [см.: Руденко 1986 б] не отличаются по своим формальным показателям от имен, соотносимых с объективно существующими объектами, в то время как абстрактные имена, постольку поскольку они являются неисчисляемыми, обладают формально-грамматической маркированностью. (Интересно, что в логико-семантической системе Т.Котарбиньского, анализировавшего и "пустые", и абстрактные имена, в качестве "мнимых", трактуются лишь имена последнего типа. Иными словами, именам, не соотносящимся с реальными референтами, однако представляющим свой денотат в качестве вполне самостоятельного предмета (кентавр, русалка, марсианин), отдается своего рода гносеологическое предпочтение перед именами, которые соотносятся с реальными, но свойствами (действиями) и к тому же представляют их как не вполне типичные предметы).

узкое понимание и есть самое лучшее (наиболее верное из всех известных)" [Степанов 1985а: 23]. Ценность такого подхода обусловлена тем, что субъект, т.е. имя вещи, естественнее всего мыслится в терминах пространства, протяженности и тем, что "вещь" представляет собой понятие, отражающее в ряде своих аспектов "жесткость", отчетливую дискретность членения мира в лексиконе, прежде всего - в сфере имени.

Характерно, с другой стороны, что процедура дискретизации действительности, отражаемой в языке, связывается прежде всего с присвоением имен: "Возможно, что Творение мира, о котором рассказано в Книге Бытия, на самом деле было разданием имен, слов уже наличным небу, земле, свету, дню, воде, суше, солнцу, звездам... человеку, - что воспринималось людьми как равносильное их сотворению, т.е. превращению из хаоса в члены космоса, мирового уклада" [Гачев 1988: 82]; ср. также о связи имени с членением сенсорного континуума [см.: Жинкин 1982: 98]. Отмечается тесная связь имени с процессом классифицирования тех или иных объектов (по А.Вежбицкой, в частности, "существительные тяготеют к обозначению "родов вещей", обладающих некоторыми свойствами, в то время как прилагательные обозначают свойства как таковые"[Wierzbicka 1986: 362]) и особенно с фиксацией результатов классификации [см., например: Фуко 1977: 179; Флоренский 1989а:127-128] (с другой стороны, классификация предикатов, точнее сущностей, соотносимых с ними, психологически связана с рядом затруднений, отличается большей диффузностью, сравнительно с "именной" категоризацией [см.: Степанов 1981: 139; Pulman 1983: 107; Соловьева 1989])[1], со становлением и закреплением в языке категориальных форм мышления, в том числе "понятий", трактуемых как дискретные продукты отражательной деятельности [ср.: Павлов 1985: 21-22], с процедурой отождествления объектов (и классов объектов). Возможно даже, что (по определению Р.Тома) значимость

[1] Наиболее эксплицитно связь понятий имени и классификации отражена, как кажется, в рассуждениях Г.Лотце: "Имя свидетельствует нам, что внимание многих других покоилось уже на встреченном нами предмете,оно ручается нам за то, что общий разум, по крайней мере, пытался уже и этому предмету назначить определенное место в единстве более обширного целого. Если имя и не дает ничего нового, никаких частностей предмета, то оно удовлетворяет человеческому стремлению постигать объективное значение вещей, оно представляет не знакомое нам чем-то не безызвестным общему мышлению человека, но давно уже поставленным на своё место" [цит. по: Флоренский 1989а: 129].

в естественном языке основывается большей частью на топологических критериях, в частности, определяется характером связности пространственно-временной области, занятой предметом или индивидуумом [см.: Том 1973: 92]; ср. также трактовку роли "пространственных содержаний" в языковой семантике вообще и категории "предмета" в частности у Э.Кассирера: [Свасьян 1989: 125-129]. (В свою очередь, именно устойчивая отдельность объекта позволяет соотнести с ним устойчивый, относительно замкнутый набор свойств; здесь, по-видимому, находится один из важнейших источников смысловых различий между именами и глаголами или прилагательными).

§ 2. "ПРЕДМЕТНОСТЬ": ГНОСЕОЛОГИЯ

Важно подчеркнуть, что понятия пространства, протяженности, отдельного, тождества, дискретности и дискретизации, используемые прежде всего в описании именной семантики, существенны (хотя и в разной степени) для анализа специфики естественного языка в целом. Трактовка имени как наиболее типичного слова, даже отождествление имени и полнозначного слова имеют длительную традицию и на определенных - конечно, высоких - уровнях абстракции являются вполне допустимыми. (Анализ "предметности" - одной из основных категорий языкового членения мира - должен хотя бы отчасти осуществляться на подобном уровне). В качестве примера названного подхода к имени и слову можно рассматривать концепцию термина, развиваемую П.А.Флоренским [см.: Флоренский 1989а; 1989б]. Она представляет особый интерес отчетливо универсализирующим характером трактовки сущности имени, что сближает ее, в частности, с "философией имени" А.Ф.Лосева (ср.: "у Лосева идет речь о слове вообще, но, конечно, имеется в виду прежде всего имя ("слово" и "имя" в основной части его концепции - синонимы)" [Степанов 1985а: 57]). Важно отметить, что основным параметром сближения "имени" и "слова" является их ориентация на дискретизацию континуума реальности, выделение в ней отдельных фрагментов (Так, В.М.Павлов отмечает целесообразность подчеркивания в "слове" функционального признака дискретного языкового знака, "присвоенного осознаваемому как некоторая "отдельность" субъективному отражению "кусочка" объективной действительности независимо от морфологических особенностей так понимаемого "слова" [Павлов 1985: 16]. В свою очередь, предполагается, что "базо-

вой единицей сферы языковых знаков, которые непосредственно обслуживают номинативную деятельность, является лексема (лексическая единица, языковое образование, наделенное лексемной, или лексематической, функцией)" [Там же: 19]).

Тем не менее для современного этапа развития лингвистики характерна острая критика того способа анализа, который соотносится с парадигмой "философии имени" и направлен прежде всего на исследование особенностей дискретизации действительности языком или какими-либо конкретными языками. Обычно такая критика исходит от представителей "прагматической" (шире - "когнитивной") парадигмы языкознания, а объект критики чаще всего определяется как "референтная концепция значения" (поскольку данная концепция является неоднородной и охватывает продолжительный период развития логико-семантической теории, мы даже не будем пытаться анализировать ее в целом). Характерно, например, суждение И.Сильдмяэ: "Отрицание или невидение познавательной функции грамматики придает ... трактовкам сущности языка характер половинчатости. Видят слова и не видят другой стороны языкового познания - связей действительности, выражаемых грамматическими средствами. В этом же кроется причина рассмотрения семантиками исключительно только значения слов, при этом они пытаются единственно лишь с помощью значения объяснить сущность языка, понимание языка, структуру знаний и т.д. Отсутствует сторона, складывающая целое из "кусков", - сторона связей "[Сильдмяэ 1987: II][1].

Пафос приведенного высказывания в целом приемлем: он направлен против радикально (даже предельно) "именной" трактовки языка, ориентированной исключительно на анализ отдельного слова, возможно - слова в соотнесении с обозначаемым им объектом. (Заметим, впрочем, что вряд ли можно считать семантиком лишь того, кто исследует узуальные свойства языковых единиц, к тому же единиц изолированных). Как это, однако, бывает в период обострения конфликта парадигм, критика "именных" теорий языка в целом отча-

[1] Указание на необходимость изучения связей действительности или связей единиц языка, очень характерное для суждений такого рода, показывает, что критика "философии имени", ведущаяся с позиций когнитивной парадигмы, содержит также элементы "философии предиката". С другой стороны, современная "системная лингвистика" (скажем, в том ее варианте, который развивает Г.П.Мельников) обладает довольно интенсивным прагматическим "уклоном" (мы имеем в виду прежде всего тесную связь "системной лингвистики" с понятием "внутренней формы", трактуемым в духе В. фон Гумбольдта [см.: Мельников 1986]).

сти переносится на понятия, введенные для анализа категории имени как такового, даже на саму категорию имени (шире - на слово как элемент лексикона). Показательно в этой связи название одной из работ подобной направленности: "Категория имени - "номинализм" в языкознании?" [см.: Даниленко 1989]. "Номинализм" в данном случае, очевидно, понимается не как особая философская теория, связанная с отрицанием существования общего в реальности и/или в познании, а просто как нечто негативно оцениваемое, соотносимое с именем [см.: Руденко 1989а].

А.А.Уфимцева, анализируя семиологический класс существительных, высказывает предположение о том, что категориальное значение слов этого класса не сводится ни к обобщенной категории "предмета", ни тем более к чисто логической категории "субстанции". Только во взаимодействии этих категорий (некоторым способом входящих все же в общее значение существительного) с категориями "действие", "признак" (которые являются составной частью знакового значения глагола) формируется обширный корпус слов, способных характеризовать предметы, их свойства и отношения не только в виде статических категорий, понятий, но и прежде всего через динамические формы мышления - суждения [см.: Уфимцева 1986: 103]. Точка зрения А.А.Уфимцевой отражает диалектику статического и динамического в языке, но в ней заметно своего рода "протежирование" динамического аспекта. Бессмысленно опровергать целесообразность изучения динамической стороны значения, функционирования языковых единиц в высказывании. Однако необходимость этого вполне может быть обоснована без "дискриминации" статического аспекта семантики, т.е. значения "предметности", шире - имени, шире - полнозначного слова как компонента словаря [ср.: Buzássyová 1987: 126]. Значения слов служат основой, во всяком случае - исходным пунктом для порождения предельно богатой по своему потенциальному (как, впрочем, и актуальному) содержанию речевой семантики, которая, таким образом, в значительной мере базируется на комбинаторике узуальных значений, хотя и отнюдь не сводится к их сумме (ср., например: «"говорение" - способность строить тексты, характеризующиеся новизной смысла, имеет своей необходимой предпосылкой хорошее владение системой устойчивых, "твердых", эталонных единиц языка» [Структура и смысл 1989: 80]). Как писал П.А.Флоренский, "слово есть точка приложения деятельности мысли, создающей предложение и даже целую речь, получая отпечатления ото всей речи, но в разной, так сказать, степени плотности.

А с другой стороны, самое предложение определяется словами, из которых оно строится, и вне слов не существует ... слово, понимаемое узко, должно рассматривать как свившееся в комок предложение и даже целую речь, а предложение - как распустившееся свободно слово" [Флоренский 1989а:126-127] .

Намеченный подход к соотношению слова и высказывания является (если отвлечься от терминологических тонкостей) достаточно тривиальным и проводится - эксплицитно или имплицитно - даже авторами, ориентирующимися на когнитивную парадигму лингвистики.[1] И.Сильдмяэ, например, пишет: "Мысли излагаются с помощью словарного запаса и грамматики. При этом слова обозначают преимущественно различные познавательные объекты, грамматика же выражает те связи действительности, которые желают выразить с помощью мысли" [Сильдмяэ 1987: 58]. К тому же даже грамматика, по Сильдмяэ, может интерпретироваться как в формальных (это, видимо, описание грамматического явления как такового, в относительно изолированном виде), так и в содержательных, познавательных категориях, ориентированных на обнаружение связей.

Характерно, что у А.А.Потебни, которого рассматривают - в целом справедливо - как одного из предшественников когнитивного (а также "системного") направления в лингвистике, встречаются суждения, имеющие явно "именную" направленность, трактующие язык прежде всего как способ дискретизации реальности. Ср., например: "Говорить на формальном языке, каковы арийские, - значит систематизировать свою мысль, распределяя ее по известным разделам. Эта первоначальная классификация образов и понятий, служащая основанием позднейшей умышленной и критической, не обходится нам,

---

[1] Отрицание изложенной точки зрения встречается редко и порождает очевидные внутренние противоречия. Ср.: "Все репрезентативные знаковые теории объясняют возможность коммуникации тем, что слова, обладая четким значением, замещают предметы и понятия, которые для всех едины. Однако они не могут решить вопрос "таинственной" связи формы и содержания, иначе: как слова со строго закрепленными за ними значениями могут сообщать что-то новое? Разве только колебания голоса?" [Даниленко 1989: 105]. Отрицая наличие у слов относительно (хотя, конечно, только относительно) "четкого", т.е. интерсубъективно идентифицируемого значения, мы тем самым превращаем в "колебания голоса" - иными словами, в выражения, смысл которых непонятен слушателю - не только слова, но и высказывания, из которых они состоят. Основным средством выражения "нового" знания является не слово, а высказывание. Однако такую функцию оно может выполнять именно потому, что складывается из лексических единиц, отражающих некоторое "метафизичное", но общепринятое, исходное членение действительности, предварительно очерчивающих круг (точнее, тип) своих возможных референтов).

при пользовании формальным языком, почти ни во что" [Потебня 1958: 37]. Важно отметить, что идею значимости первичного, исходного членения мира в языке Потебня распространяет и на такие языковые системы, в которых отсутствуют развитые морфологические ("формальные") категории (это прежде всего языки изолирующие): "Есть языки, в коих подведение лексического содержания под общие схемы, каковы предмет и его пространственные отношения, действие, время, лицо и пр., требует каждый раз нового усилия мысли. То, что мы представляем формой, в них является лишь содержанием, так что грамматической формы они вовсе не имеют" [Там же: 38].

По-видимому, даже интенсивно "когнитивная" концепция языка не может обойтись без понятия (выраженного в том или ином виде) об отдельном, относительно самостоятельном значении слова.[1] Так, теория интерпретации решает вопрос о том, что является лингвистически первичным - интерпретация или все же значение, следующим образом: часть речевых единиц обладает "хранимым" значением (эти единицы соотносимы со словарными и могут рассматриваться как своего рода платоновские "идеи-вещи", точнее, "идеи-вещи", приписываемые Платону), для остальных значение - результат интерпретации в тексте. Тогда у единиц первого типа интерпретация, осуществляемая в тексте, опирается на относительно устойчивое, "словарное" лексическое значение, адаптированное данным интерпретатором (во всей его личностной неповторимости) к тексту. В словарь заносятся обычно те единицы, хранимое значение которых не тождественно внутренней форме [см.: Демьянков 1988: 14]. (Последнее суждение может быть сопоставлено с положением о том, что целое не тождественно сумме его частей). Семантически относительно стабильные "объекты", единицы, обладающие как бы "постоянной суппозицией", играют важную роль на различных уровнях языка и в языке в целом.

Важно отметить, что познавательная значимость "вещи", "предмета" ("отдельного", "самостоятельного") может обосновываться одновременно через семантические и общегносеологические аргументы.

---

[1] Это отнюдь не противоречит стремлению к диалектичности, прослеживающемуся у некоторых критиков "именной" парадигмы: "Диалектика ищет связи, единства, братства: не отрицая за каждым атомом его технический и самодостаточный смысл, она в то же время рассматривает его в связи со всеми остальными" [Свасьян 1980: 177]. Более того, характерное для "функционализма" в философии науки положение о примате функции и/или связи, отношения над объектом может вести к "растворению" вещи в отношении [см.: Там же: 55-56; 78-79]. Такой подход, очевидно, диалектичным считать нельзя.

А.И.Уёмов указывает, что абстракция свойств предметов от самих предметов (например, белизны от мела) производится не интеллектом, а органами чувств. "Абстрактные сущности", следовательно, определяются эмпирически, что свидетельствует об их объективном существовании. Допустимо, таким образом, предположение, что мир "состоит из таких сущностей, как белизна, звук, отношение заряда к массе, энергия, растворимость, треугольность и т.д., скорее, чем из электронов, молекул, рек и людей" [Уёмов 1969: 73]. (Такой подход может быть назван "эмпирическим реализмом"). Конкретные вещи оказываются в какой-то мере вторичным результатом синтезирующей деятельности мышления.

Точка зрения "эмпирического реализма" даже опирается на некоторые положения психологии, в которой, например, ощущение - отражение отдельных свойств предмета предшествует восприятию - отображению предмета в целом. Обнаружено (если иметь в виду более "лингвистичные" данные), что при опознании зрительно наблюдаемых ситуаций предикаты определяются (неосознанно) первыми [см.: Степанов 1981: 139]. Человек, вероятно, действительно, воспринимает ("ощущает") прежде всего свойства, признаки, однако вряд ли он осознает их в качестве базисных элементов мира. По удачному определению Л.Г.Антипенко, "руководствуясь некоторыми внелогическими, интуитивными соображениями, свойства приписывают вещам, или предметам" [Антипенко 1973: 45-46]. (И, по-видимому, приписывают достаточно быстро - отрезки времени, за которые происходит опознание объекта в целом, измеряются миллисекундами [см.: Степанов 1981: 139-140])[1].

Ф.Энгельс писал: "Всегда одно и то же "я" вбирает в себя... различные чувственные впечатления, перерабатывает их и, таким об-

---

[1] Интересно в этой связи замечание И.М.Сеченова, который, сопоставляя предложение "Дерево лежит на земле" с его перцептивным эквивалентом, пишет: "Для глаза все элементы суть, так сказать, существительные, а те же элементы в речи суть: два существительных, глагол и предлог" [Сеченов 1953: 165]. Ср. менее метафоричную формулировку: "Весь внешний мир представляется человеку пространством, наполненным раздельными предметами, или, что то же, группой предметов, из которых каждому присуща протяженность и известное относительное положение" [Там же: 217].

Заметим, что у некоторых авторов гносеологическая значимость "предмета" распространяется даже на свойства - однако представленные с помощью абстрактных имен: "человек наблюдает именно предмет, поскольку само наблюдение его предметно; он видит именно дом, именно закат, именно синеву неба, т.е. оформленность" [Свасьян 1980: 15].

разом, объединяет их в одно целое; а с другой стороны, эти различные впечатления доставляются одной и той же вещью, выступают как ее совместные свойства и дают, таким образом, возможность познать эту вещь" [Маркс, Энгельс, т. 20, с. 548]. (Ср. даже более радикальную формулировку: "Существуют не качества, а только вещи, обладающие качествами, и притом бесконечно многими качествами" [Там же: 547]. Некоторый "реистический" оттенок этого суждения объясняется, по-видимому, тем, что в нем имеется в виду – по контексту – прежде всего отражение вещи в познании). "Эмпирический реализм" разбивает мир на множество преходящих, очень неустойчивых сущностей и к тому же не дает четкого ответа на вопрос, каким образом гигантское – потенциально бесконечное – число свойств предмета объединяется в сознании (познании) при формировании образа вещи. При признании отдельной вещи центральным элементом триады "вещь – свойство – отношение", как она отражается в картине мира, такое объяснение возможно: "целостный" характер идентифицируемой с целостным материальным объектом совокупности свойств означает задание их не от части к целому, путем простого перечисления всех без исключения признаков объекта (или хотя бы их большинства), а от целого к части, путем указания в первую очередь свойств наиболее существенных, закономерных, составляющих ядро качества [см.: Антипенко 1973: 103].

Отчасти сходная точка зрения на проблему представлена и у А.И.Уёмова: "Имея Вальтера Скотта во всей цельности его качеств, мы имеем и автора "Веверлея". Но не наоборот" [Уёмов 1975: 458]. Такой подход, впрочем, сочетается у исследователя с уже упоминавшейся недооценкой "узкого" понимания вещи – что порождает некоторые внутренние противоречия. Из суждений А.И.Уёмова объективно следует, в частности, что целостность вещи играет не менее важную гносеологическую роль, чем целостность набора свойств, их системность. Ср.: "Зададим такой вопрос: один и тот же предмет – Вальтер Скотт и голова Вальтера Скотта? Несмотря на то, что Вальтера Скотта мы не мыслим без головы, все же большинство скажет, что это, несомненно, различные предметы" [Там же: 457]. Однако далее отмечается: "Один из этих предметов часть другого. Имея всего Вальтера Скотта, мы имеем и его голову, но не наоборот" [Там же]. По-видимому, физическая целостность объекта гносеологически даже более значима (по крайней мере на уровне обыденного познания), чем цельность системы его свойств (ср. в этой связи: "Внутреннее единство вещи, ее субстанциональная основа обнаруживает себя как

единство свойств, как качество вещи" [Райбекас 1977: 144]). Последняя не является для познания неким априорным, инвариантно значимым ценностным ориентиром, который был бы первичен по отношению к ориентации на фиксирование, отражение в познании материальной целостности объекта. Зависимость здесь скорее обратная. Отмечается, например, что переход от чувственного образа как более или менее непосредственно снятой "формы" внешнего предмета к квазивещному, предметному (объектному) бытию требует примысливания к этой "форме" соответствующего ей идеального содержания [см.: Лиепинь 1986: 18].

В собственно психологических понятиях гносеологическая значимость (скорее даже гносеологическая первичность) целостности вещи отражена, например, в когнитивно-психологической концепции У. Найссера. По Найссеру, восприятие объектов осуществляется на основе так называемых "предвосхищающих схем", фиксирующих прежде всего цельность образа. Поэтому при восприятии какого-либо атрибута объекта он соотносится - независимо от того, дан ли в конкретной ситуации объект в целом,- с образом объекта как целого. Важно подчеркнуть, что это положение применимо как к физическим частям, так и к свойствам вещи: "Большинство атрибутов предметов доступны для обозрения лишь спорадически. Хвост собаки нельзя видеть все время, ни одна собака не лает беспрерывно - тем не менее дискретность этой информации не мешает нам считать как то, так и другое неотъемлемой принадлежностью животного" [Найссер 1981: 178; о возможности использования идей Найссера в лингвистической семантике см.: Руденко 1987а: 29-30].

Проблема гносеологической значимости целостности вещи может быть соотнесена с проблемой так называемого "парадокса индукции". Четкую формулировку этому парадоксу впервые дал Ф.Шеллинг (не Э.Кассирер, как обычно полагают): "Откуда мне известно, что ... предметы, данные мне поодиночке, - составляют вещи одного и того же порядка, как это возможно, если сначала у нас не образуются понятия о такого рода вещах?" [Шеллинг 1936: 235-236][1]. Применительно к чувственному обобщению (которое здесь интересует нас в наибольшей мере) парадокс получает приблизительно такое решение:

[1] Достаточно прозрачные формулировки "парадокса индукции" представлены и у Гёте, отмечавшего, что опыт, базирующийся на индукции, "проистекает не из чистого и беспримесного наблюдения, а из заведомо предпосланной цели" [Свасьян 1980: 165] (в этом смысле Гёте говорит о "пагубности индукции").

"Приобретение понятия об объекте определенного вида не может быть следствием восприятия объекта, так как обладать способностью восприятия объекта значит уже обладать понятием объекта этого вида" [Sellars 1963: 176]. В свою очередь, одно из важнейших априорных ("понятийных") оснований восприятия, которое может быть гносеологически первичным по отношению к конкретным перцептивным актам, образует представление ("понятие") о целостности объекта, прежде всего наличии у него некоторой стандартной формы, стабильных материальных границ. (Интересен в этой связи подход Н.И.Жинкина, который связывает наличие в сознании образов целостных вещей с наличием образа сенсорного континуума в целом: "Для восприятия вещи не требуется учета по признакам, узнается вся вещь как часть континуума, который в опыте учтен раньше, чем его признаки" [Жинкин 1982: 124]). Устойчивая (или, возможно, хотя бы стандартная) форма, по-видимому, является важнейшим симптомом целостности объекта, который, таким образом, в познании может выступать в роли "объединителя" различных атрибутов.

Познавательная значимость формы объекта, трактуемой описанным образом, отмечается различными авторами. Как полагает, например, Р.Арнхейм (анализирующий восприятие в духе "парадокса индукции"), "любой наблюдаемый предмет воспринимается реально лишь в той мере, в какой его удается подогнать под какую-то организованную форму" [Арнхейм 1973 : 41] (под формой объекта понимаются границы соответствующей массы). М.М.Кольцова, рассматривая случаи обобщения предметов по форме, с одной стороны, и по цвету, с другой, приходит к выводу: "По-видимому, форма предметов является более характерным и надежным критерием... для обобщения этих предметов или отличения их одного от другого" [Кольцова 1967: 154] . (Сходные наблюдения были сделаны в эксперименте Дж. Кэррола и Дж. Касагранде [см.: Слобин 1976: 212-214]). Б.А.Серебренников, анализируя процесс формирования обобщенного чувственного образа предмета, отмечает: "Несомненно сохраняется в памяти и общее представление о форме предмета, его общие схематические контуры, расположение составных частей и т.д." [Серебренников 1988: 172]. (Истоки трактовки образа как очертаний, пространственных контуров предмета можно обнаружить уже у Аристотеля [см.: Структура и смысл 1989: 24-25; 30-31]). Может быть обоснована и собственно семантическая реальность образа анализируемого типа, отражение его более или менее схематичной целостности в языковой семантике, прежде всего в семантике "имен естест-

венных классов" [см.: Руденко 1986а; 1987а]. Непосредственно "именную" природу имеет наблюдение А.Вежбицкой, которая, отметив, что в языке более распространены существительные, называющие объект по форме (круг, квадрат и т.п.), а не по цвету или размеру, объясняет это тем, что форма "ограничивает определенные участки реальности и превращает их в исчисляемые сущности" [Wierzbicka 1986: 367].

Гносеологическая значимость целостного предмета (точнее, "образа" целостного предмета), по всей вероятности, имеет универсальный характер и, беря начало в чувственном познании, им не ограничивается. Трансформация отдельных чувственных образов (точнее возможно, - образов отдельных свойств, отношений, предметов) в квазивещные "идеальные предметы" и "позволяет познающему сознанию совершать относительно самостоятельное движение, вовлекая эти предметы в мысленные преобразования, в идеальные эксперименты, в процессы построения возможных миров" [Лиепинь 1986: 18].

Вообще говоря, концепция идеального, на которой базируется только что приведенное суждение (в значительном упрощении - идеальное как вещеподобная аналоговая репрезентация), оценивается неоднозначно. Ее критики, в частности, считают, что "одной из скрытых причин появления парадоксов в теории сознания и познания ... является подспудная онтологическая посылка об образе сознания и его носителе как своеобразных вещах - именно о вещах, а не свойствах или отношениях" [Пивоваров 1986: 42]. Предполагается, что идеальное виртуально существует в пространстве между объектом и субъектом и не может быть сведено ни к одной из данных сторон, взятых изолированно.

Данная концепция (она часто определяется как операциональный подход к идеальному), по-видимому, более адекватно отражает природу соответствующего явления. Для нас, однако, важно то, что она в итоге не дискриминирует целостный предмет - и как реальную сущность, и как образ сознания. (Здесь возможна аналогия с "коммуникативно-предикатными" трактовками имени, которые, уделяя основное внимание его "операциональному" аспекту - функционированию в суждении, взаимодействию с предикатами различных типов, все же объективно не отрицают значимость предметности как инвариантного, узуального значения существительного). "Совпадение знания с объективной реальностью, - отмечает, в частности, Д.В.Пивоваров, - это в конечном счете вопрос о разрешении противоречия между двумя формами объективной реальности - миром материальных предметов и

материальным целенаправленным взаимодействием с ним общественного субъекта" [Там же: 80]. Как в собственно онтологическом, так и в операционально-деятельностном плане целостный предмет, следовательно, значим для человека -и, можно предположить, так или иначе отражается в познании (см., например, анализ деятельностного аспекта предметности как составной части ее мировоззренческого аспекта [Ищенко 1987]). Характерен пример, которым иллюстрируется приведенное суждение: реальная форма Земли за время существования человечества практически не менялась, но ее идеальные образы претерпевали ощутимую трансформацию. Трансформация продолжалась до тех пор, пока образ Земли не удалось непосредственно сопоставить с самой Землей как целым, исключая из процесса отражения систему репрезентантов [см.: Пивоваров 1986: 80-81].

Лингвистическим аналогом положения о "целостном" отражении предмета в сознании является, например, трактовка денотата - противопоставляемого конкретному внеязыковому объекту, "референту" - как типового представления о целостном предмете, которое "предполагает возможность ... воспроизведения соответствующего предмета по какому-либо чувственно воспринимаемому признаку: по контуру, по форме, цвету, объему, материалу, консистенции, запаху, осязанию и т.п." [Уфимцева 1986: 106; см. также: Степанов 1981: 50]. Некоторое сходство с "денотатом", понимаемым таким образом, имеют "стереотипы" Х.Патнэма, который, однако, все же приписывает подобным сущностям определенную гносеологическую неполноценность, рассматривает их как субституты подлинного (в частности, теоретически ориентированного) значения имени [см.: Руденко 1987а: 28-29].

По-видимому, отражение в значении целостности обозначаемого объекта является одной (хотя только одной) из предпосылок точки зрения, по которой интенсионал языковых выражений обладает известной самостоятельностью (и даже может быть известен независимо от знания экстенсионалов). Некоторые авторы критикуют такую позицию: "О каком интенсионале можно говорить, не зная области объектов, обладающих этим свойством?" [Ледников 1973: 194]. Приведенное суждение справедливо, но прежде всего с точки зрения общегносеологического подхода, в котором формирование значений рассматривается как часть общего процесса отражения действительности в познании, а не с точки зрения синхронической, "стабилизировавшейся" семантики (особенно если учесть многозначность понятия "знания экстенсионала"). Если, в частности, интенсионал имени задает не

только некоторые общие свойства соответствующего класса ("денотативного пространства"), его границы, но и способ его членения, например, устойчивую дискретность составляющих, некоторые их другие непосредственно-чувственные параметры, он, действительно, обладает своего рода гносеологической ("семантико-гносеологической") автономностью. Ср. в этой связи: "Именно денотат имени очерчивает круг предметов (экстенсионал), могущих быть названными данным именем" [Уфимцева 1986: 106].

Характерно, что Б.Холл Парти, постулировавшая определенную независимость интенсионала от экстенсионала, также указывает на лингвистическую значимость целостного объекта и его чувственного образа. Рассматривая проблему определения интенсионала термина, она анализирует такую возможность ее решения: "Если имеется правильная биологическая теория видов и интенсионал слова вид уже фиксирован в соответствии с этой теорией, то направление генерализации на основе первоначального образца может быть следующим: для установления интенсионала слова лошадь следует сказать "Животные этого вида называются лошадь" [Холл Парти 1983: 299]. Холл Парти, впрочем, отмечает, что подобная ситуация, если рассматривать ее в психологическом плане, носит явно идеализированный характер: говорящие не владеют научной теорией именуемых объектов. Однако это не мешает функционированию языка в целом и анализируемых исследователем имен естественных классов в частности: "Гармония наших механизмов перцептивного восприятия и наших индуктивных способностей между человеком и природой и человеком и человеком - вот что главным образом позволяет нам если не "схватить мыслью" интенсионалы, то все же связать с ними известное знание, достаточное для того, чтобы вступать в коммуникацию друг с другом" [Холл Парти 1983: 300]. В сфере интересующей нас проблемы проявлением такой гармонии является универсальная онтологическая значимость целостного предмета и гносеологическая (в том числе семантическая) значимость целостного образа предмета. (Гармония существует и между чувственным восприятием, с одной стороны, и механизмами индукции, с другой. Она определяет, в частности, возможность обобщения чувственных образов, их более или менее значительной схематизации. Характерно, что "парадокс индукции", в своих первоначальных формулировках не имевший явной "чувственной" окраски, часто представляется именно в терминах восприятия).

Анализируя концепции "эмпирического реализма", сводящего мир к совокупности свойств, и "конкретизма", в котором онтологический статус приписывается только "вещам" (логико-лингвистиче-

ский аналог такого подхода образует уже упоминавшаяся теория Т.Котарбиньского), А.И.Уемов расценивает эти подходы как особые случаи более общих моделей атрибутивно-реляционного и реистического типа. В итоге эти модели, однако, "могут быть объединены в модели тернарного типа, где вещи, свойства и отношения рассматриваются как в равной степени необходимые элементы реальности" [Уемов 1969: 77]. Таким образом, онтологически вещь по крайней мере равноправна со свойствами и отношениями. Более того - вполне допустимо предположение, что она является ведущим элементом триады "вещь - свойство - отношение". Это в значительной мере обусловлено именно целостностью вещи, ее системностью. "С одной стороны, - считает А.Я.Райбекас, - вещь есть сложное отношение, и процессуальный характер бытия вещи лишний раз подчеркивает это, с другой - уже самим взаимодействием стороны отношения образуют некую систему, целое и, таким образом, отношение суть вещь. Взаимопереходы этих категорий друг в друга в принципе реализуются через внутреннее единство той системы, которую они образуют. Именно этим обстоятельством можно объяснить центральное положение категории "вещь" в системе понятий "вещь - свойство - отношение" [Райбекас 1977: 166].

В собственно познавательном плане идея многокачественности (точнее, "многоатрибутности") целостного объекта является одной из основных предпосылок возникновения понятий "интервала абстракции" и "интервальной ситуации". Последняя, в частности, рассматривается как любая фиксируемая ситуация, в рамках которой то или иное свойство объекта обнаруживает себя в чистом виде. Фиксированный интервал абстракции, таким образом, схематизирует диалектику реального мира, эксплицируя прежде всего (или даже исключительно) какое-либо одно свойство объекта из системы диалектически связанных свойств. Если, в частности, рассматривать как интервальную ситуацию (или класс ситуаций) систему существительного, а в качестве соответствующего интервала абстракции - категориальное значение "предметности" (ср.: "в познавательном отношении класс всех эквивалентных интервальных ситуаций может быть представлен как пространство соответствующего интервала абстракции" [Диалектика 1983: 16]), можно заключить, что в такой интервальной ситуации на первый план выдвигается своего рода стабильность, дискретность, отдельность обозначаемых объектов. Однако именно заданность, фиксированность интервала абстракции, а следовательно - допущение параллельного существования других интервальных

ситуаций, дает возможность переходить от одномерного видения реальности с позиции "абсолютного наблюдателя" (скажем, "чистого" "философа имени" или "философа предиката") к видению ее с разных позиций и в разных аспектах. Объект познания "предстает как многокачественное и многомерное образование" [Там же: 17], иными словами - характеризуется, по крайней мере в некоторых ситуациях, как действительно целостная "вещь", в системе ее разнообразных свойств.

§ 3. "ПРЕДМЕТНОСТЬ": СЕМАНТИКА

Языковая заданность "именного" интервала абстракции обеспечивается системой формально-грамматических характеристик имени. При всей значимости "предметности", она, однако, формирует лишь один класс интервальных ситуаций, один из аспектов языка, который отнюдь не исключает другие интервальные ситуации (прежде всего предикатные и прагматические), более того - взаимодействует с ними, вступая в отношения дополнительности, как в узусе, так и в коммуникации. (Отмечается, например, что "глагол и имя - это прежде всего некое единство противоположностей, которые могут существовать только как части этого единства, только в рамках его" [Кузнецова 1987: 3]). Выражаясь в "металингвистических" терминах, такое положение дел является объективной предпосылкой дополнительности парадигм "философии языка".

Если, таким образом, попытаться непосредственно трансформировать рассмотренную трактовку "вещи" ("предмета") в лингвистический план, оправданно заключить, что исследование динамических аспектов взаимосвязи "предмета" и "действия" (шире - "признака", "свойства"), "имени" и "предиката" вполне возможно без отказа от трактовки "предметности" в качестве узуального "знакового" значения существительного. Так же как в понятии "вещи" имплицитно отражен многокачественный, процессуальный характер ее бытия, взаимосвязь и взаимодействие с другими вещами, так и в понятиях "имени", "существительного", в том числе "предметности" существительного, скрыто заключены различные синтаксические характеристики имени, шире - его связи с другими семантическими категориями системы языка.

Так, глагол наиболее естественно мыслится в терминах длительности, временной протяженности и, отчасти в связи с этим, обла-

дает синкатегорематической природой, довольно жестко ориентирован на сочетаемость с актантами тех или иных типов и синтагматически подчинен одному из них – тому, который соотнесен с синтаксической ролью подлежащего. С другой стороны, имя, именно в своем противопоставлении семантическому классу предикатов[1], развивает несколько бо́льшую семантико-синтаксическую самостоятельность[2], которая проявляется прежде всего в более или менее отчетливой ориентации на функционирование в позиции субъекта: слово, выступающее в такой функции, не приобретает формальных знаков синтагматической зависимости. (Вероятно, не случайно в функционировании имен естественных классов, которые, по-видимому, являются "первыми именами" языка, очень распространена субъектная позиция; при употреблении же в функции предиката они выражают значение не характеризующей, а просто таксономической предикации [см.: Арутюнова 1980а]).

Относительная синтаксическая самостоятельность имени (в позиции подлежащего, которая, в свою очередь, заполняется прежде всего именами), его "синтагматическое превосходство" [ср.: Общее языкознание 1972: 332] свидетельствует (хотя и непрямо) о том, что в системе узуально-языкового отражения действительности "пространство" в определенной степени доминирует над "временем", другими словами – является более существенным, чем "время" параметром дискретизации универсума. Как заметил по сходному поводу В.И.Кузнецов, "фактически в обыденной рубрикации онтологическое предпочтение отдается состоянию покоя, которое считается более фундаментальным (привилегированным), чем состояние движения. Последнее ассоциируется с нарушением состояния покоя посредством внешних воздействий" [Кузнецов В.И. 1987: 136]. (Ср. также точку зрения, по которой "рассудочное мышление, здравый смысл отдают предпочтение длящемуся перед преходящим"; в свою очередь, "длительность есть пространство", точнее, сохранение пространства [см.: Пространство и время 1984: 113]). Впрочем, при рассмотрении предложения в прагматическом, шире – коммуникативном аспекте центральным его элементом оказывается уже предикат, что определяется присутствием в нем актуализаторов [см.: Общее языкознание 1972: 332]. В конечном счете язык вполне

---

1 Говоря о системе языка, его узуальных характеристиках, можно употреблять термины "глагол" и "предикат" как сходные.

2 Интересно, в этой связи, наблюдение, по которому в (физическом)познании "момент прерывности абсолютизируется сторонниками статической теории движения" [Дудель 1989: 48].

"уравновешивает" диалектику пространства и времени.

Более того, такое "уравновешивание" предполагается и семантикой самого́ имени, которая ориентирована не только на членение пространственного континуума действительности (зафиксированное в системе языка), но и на соотнесение выделенных объектов с определенными моментами времени - которое, в свою очередь, осуществляется прежде всего через сочетание имени с предикатом в высказывании. (Ср. по этому поводу: "Зафиксировать целостность объекта... - значит неизбежно зафиксировать и пространственные, и временные характеристики. С точки зрения марксистско-ленинской философии они вообще неразрывны и переходят друг в друга, они взаимодополнительны. Поэтому их нельзя фиксировать одну отдельно от другой. Но, двигаясь по различным этапам восхождения, их можно и нужно фиксировать сначала более абстрактно, а затем более конкретно" [Фофанов 1986: 324] . Если попытаться некоторым образом применить приведенное суждение к языку, можно заключить, что хотя бы частичная "конкретность" отражения временны́х характеристик целостного объекта, обозначаемого именем, может обеспечиваться только в речи).

Временны́е параметры объекта, впрочем, могут быть значимы и для некоторых имен, рассматриваемых в их узуальном аспекте, вне прямой связи с коммуникацией. Представляет интерес, в частности, намеченное Э.Хиршем противопоставление Е-термов и А-термов: "Общий терм F является Е-термом, если и только если утверждение "Этот F (вещь) был (или будет) в месте p во время t " логически влечет "В месте p во время t был (будет) F (вещь)", общий терм является А-термом, если и только если он не является Е-термом" [Hirsch 1971: 33] .

Хирш относит данное противопоставление прежде всего к оппозиции общих имен, с одной стороны, и прилагательных и глаголов, с другой. Однако оно вполне может быть использовано для различения имен естественных классов[1] и большинства функциональных обозначений неживых объектов (т.е. имен артефактов), с одной стороны, и имен номинальных классов, с другой (о противопоставлении имен названных типов см.: [Арутюнова 1980а; Руденко 1987а]). Так, Этот человек (медведь, тюльпан, молоток, стол) был здесь в 1989 г. имплицирует Здесь в 1989 г. был человек (медведь, тюль-

[1] Случаи, когда особые имена обозначают естественные объекты в соотнесении с определенным этапом их развития (ср.: мальчик - подросток - юноша и т.д., куколка - гусеница - бабочка), редки.

пан, молоток, стол), но Этот вдовец (весельчак, профессор, миллионер) был здесь в 1989 г. не обязательно влечет Здесь в 1989г. был вдовец (весельчак, профессор, миллионер).

Подобные различия, однако, в большей мере обусловлены природой именуемых объектов, чем природой значения соответствующих имен. Так, инструменты и приспособления обычно не меняют свою основную функцию в процессе существования. Человеку, с другой стороны, свойственно подниматься и опускаться по социальной лестнице, приобретать или терять определенные социальные (социально-психологические) параметры. Основное же состоит в том, что даже "А-термы" обозначают не "события", отрезки временной цепи, а целостные материальные объекты, которым приписывается признак, могущии изменяться во времени. (Характерно, что рассматриваемое различие осуществляется в пределах свободно исчисляемых, обладающих значением дискретности имен).

Отметим, что у имен некоторых типов связь с высказыванием (или даже текстом, контекстом, конситуацией) проявляется особо отчетливо. Это абстрактные имена, обладающие способностью превращать словосочетание, в котором они функционируют, в свернутую пропозицию, а также имена собственные, конкретное смысловое наполнение которых обычно определяется широким контекстом, различными характеристиками ситуации общения (см. гл. 1 и гл. 4 разд. II). Однако как раз такие существительные (прежде всего, конечно, абстрактные) вряд ли могут рассматриваться как наиболее типичные имена: связь имени с высказыванием проявляется именно в его относительной семантико-синтаксической самостоятельности, проистекающей, в свою очередь, из особенностей дискретизации мира в системе языка, в частности, "пространственного" характера такой дискретизации. (Интересно, что даже абстрактные имена, представляющие свойства как своего рода предметы, могут выполнять синтагматически ведущую роль в словосочетаниях, при "развертывании" которых соответствующий предикат оказывается синтагматически подчиненным, ср.: любовь Дмитрия, бег спортсмена и т.п.).

Характерно, что в семиологической грамматике, в которой определение имени базируется на узком, "пространственном" понимании предмета - прежде всего как тела [см.: Степанов 1985а: 22-23], последовательно прослеживается связь между именем и синтаксисом. (При том, что исходным пунктом исследования является, по определению, синтаксис). "В семиологической грамматике сначала устанавливается систематика типов предложений - таксономия Синтаксиса,

а затем "челночной процедурой" выявляются зависимые от предложений семантические сущности Словаря - таксономия Словаря. Абстракциями предложения в сфере Словаря как раз и являются Имена" [Степанов 1981: 4]. (В рамки такой концепции "укладывается" и логизированная трактовка предметности, по которой "предметность в общем смысле есть то, что при трансформации в логическую запись выступает справа или слева от r, R, "прелогическая" основа логического аргумента" [Литвинов 1986: 32]). Заметим, что семиологический подход предоставляет возможность выявления различных степеней зависимости тех или иных именных классов от синтаксиса.

В целом же на синхроническом срезе языка - по крайней мере языка флективного, обладающего развитой системой морфологических показателей - номинативные классы, выделяемые по узуальным семантико-грамматическим параметрам, и их синтаксические характеристики являются в равной мере лингвистически значимыми и взаимообусловливают друг друга. (Впрочем, даже для языков, в которых отсутствует морфологическое различение частей речи, можно постулировать наличие у определенных, пусть относительно малых, групп слов - например, "имен" - узуальных, системно-языковых синтаксических ориентаций. Как пишет А.Вежбицка, "даже если большинство гипотетических "существительных" в каком-либо языке функционируют так же, как прототипические прилагательные этого языка, и наоборот, установление того, что существует хотя бы небольшое количество ядерных "существительных", синтаксическое поведение которых в некоторых отношениях отличается от поведения прототипических прилагательных, будет достаточным основанием для утверждения о существовании двух различных классов" [Wierzbicka 1986: 381]). Ср., например, у Е.Куриловича: "Поскольку существительное выступает как определяемое, оно служит знаком для объектов (вещей), поскольку прилагательное выступает как определение, оно обозначает качества и т.д., и наоборот [выделено мною. - Д.Р.] " [Курилович 1962: 29] . (Разумеется, в зависимости от конкретных задач исследования (и более общей лингвистической "конъюнктуры") тот или иной - номинативно-семантический или синтаксический - аспект может выдвигаться на первый план. Ср.: "Слова обладают первичной синтаксической функцией в зависимости от их лексического[1] значения" [Там же: 60] ; "значимость класса вытекает из его первичной "синтаксической" функции" [Там же: 29] .

Мы пытались показать, что объективные - как собственно се-

[1] Под "лексическим" Курилович понимает "семантическое".

мантические, так и общепознавательные - основания для отказа от понятий "предмета", "предметности", "имени", слова как элемента лексикона, "принижения" их языковой значимости отсутствуют. Прослеживающаяся все же у некоторых авторов тенденция к своего рода "дискриминированию" этих категорий (или некоторых из них) объясняется прежде всего общей атмосферой межпарадигматической борьбы, в которой "старая" парадигма часто априорно оценивается как ложная (ср. у Э.Кернера употребление вместо понятия "парадигма" понятия "климат мнения", которое характеризует общую интеллектуальную атмосферу, сложившуюся на том или ином отрезке развития науки [см.: Koerner 1975: 718-720; Wąsik 1987: 31-35]).

Возможно, существуют и более частные (хотя не всегда осознаваемые) психологические причины "антипатии" к "имени" (и тому, что с ним связывается). Имеется в виду тенденция к своего рода поэтизации движения, связи, динамики и наоборот - трактовке изолированного, статичного как в чем-то неполноценного. Такое мировосприятие имеет очевидные познавательные истоки. Можно указать лишь, что оно не является универсальным. Соответствующее различие при этом отражается в языке. Для нас особо важно то, что двумя основными категориями языка, эксплицирующими противопоставление "поэтизации" статики, с одной стороны, и "поэтизации" динамики, с другой, являются имена и предикаты. Так, Г.Гачев, рассматривая произведение одного из болгарских авторов через призму общих особенностей болгарской поэтики, пишет: "У Гео Милева преобладание имен: существительных и прилагательных. Болгарский поэт отвечает на основные для болгарского мировоззрения и восприятия человека вопросы: "Кой си? Отде си? Какво работиш?" (Кто ты? Откуда? Что делаешь?) - и дает подробное описание и перечисление: кто и какие это люди. В центре внимания - твердые вещи, индивиды - неделимые, но разъемлемые: соединяемые, но не сливаемые, не переливаемые друг в друга. Для русских же поэтов - "дело не в личности, братия", как писал Демьян Бедный, а в ее "занятиях" ("Личность может переменить занятия"). Предметы, личности взаимозаменимы. Поэтому мало имен: "Что в имени тебе моем?" А у болгарского поэта лишь в конце главы появляются два глагола... Но это естественно: разнообразие горизонтальных движений мало ведомо Болгарии. Зато какое поразительное обилие и любовное ощупывание и перечисление всех мест и местечек - тех котловин, где люди вырастают вертикально во круге своих домов и сел!" [Гачев 1988: 160-161]. Мы привели суждение Г.Гачева потому, что в нем концен-

трированно, на минимальном пространстве текста отражено интересующее нас противопоставление поэтизации "именного" и "предикатного" аспектов действительности. Более широкий анализ соотношений между категориями естественного языка и поэтиками литературы представлен в концепции Ю.С.Степанова. (В исследовании "поэтик" имен, предикатов, эгоцентрических слов она базируется на положении о том, что язык не является источником развития искусства, но в определенной мере "придает изгиб" линии его развития [см.: Степанов 1985а: 5]).

По всей вероятности, лингвист (или, шире, "философ имени") также вполне способен "поэтизировать" не предикат, а имя, в той или иной форме эксплицировать эмоционально-положительную (или даже гиперболизированно-положительную) оценку данной категории. (В общем плане ср. точку зрения В.З.Демьянкова, который, анализируя применимость понятия научной парадигмы к лингвистике, отмечает: "Именно на теоретическом этапе - в отличие от периода накопления материала и этапа разработки процедур - деятельность ученых в наибольшей степени близка к художественному творчеству" [Демьянков 1989: 136]). Очень интересно (не будем говорить: характерно) в этом смысле суждение А.Ф.Лосева:"Философия имени есть самая центральная и основная часть философии вообще (и не только философии!), и настоящий труд с тем же успехом можно было бы назвать "введением в философию" или "очерком системы философии". Я же скажу больше. Имя - как максимальное напряжение осмысленного бытия вообще - есть также и основание, сила, цель, творчество и подвиг также и всей жизни, не только философии" [Лосев 1927: 181] (детальный анализ "философии имени" А.Ф.Лосева см. [Степанов 1985а: 57-64]).

"Гиперболизация" (в том числе "поэтизация") значимости имени, как и "гиперболизация" значимости какой-либо другой семантической категории, разумеется, содержит в себе достаточно явную опасность неадекватного отражения системы языка в целом. Хороший пример этому можно найти, скажем, в некоторых образцах индийской лексикографии. Так, абхидхармистов (представителей ранней буддийской философии) "интересовал в первую очередь психический мир, который можно рассматривать как хранилище сигнификатов. Но атомы этого психического мира полагались ими также и элементарными единицами мира предметов... Внутренний мир психических явлений и внешний мир вещей в совокупности исчерпывают план содержания языка" [Парибок 1981: 175] . Атомистическая познавательная ориента-

ция абхидхармы, отражаясь в лексикографической практике, приводит к трактовке имени как центрального, наиболее значимого элемента языка. С другой стороны, "в лексикон не включаются глаголы ни в каких формах" [Там же: 172]. (Не относятся к ядру лексикона и абстрактные, например отглагольные, существительные - предполагается, что их значения соотносятся со специальными областями познания и обычно полностью выводимы из этимологии). Более того, тезис о жесткой, инвариантной дискретизации не только физического, но и психического мира, его составленности из дхарм влечет исключение из сферы анализа и прагматических (хотя бы отчасти прагматических) моментов, в частности переносных значений. "Изменение значений слов в зависимости от контекста, иначе - метафорическое и метонимическое словоупотребление, свойственны обычному языку, но этому не учат, это не нужно знать (оно получается само собой); потому и нет оснований включать переносные значения слов, осознаваемые в этом качестве, в словари" [Там же: 179].

Таким образом, чисто (или даже преимущественно) "именная" (как и чисто "предикатная" или "прагматическая") трактовка языка имеет свои (обычно вполне очевидные) недостатки. И все же основное в контексте данной работы состоит в другом: отказ от "именного" подхода к языку, признание его радикальной гносеологической недостаточности (во всяком случае, большей недостаточности, чем в случае других парадигм) влечет за собой необходимость отказа от анализа самого имени, исключения его из сферы исследования [ср.: Руденко 1989а]. И именная "философия языка", и именная "поэтика" проистекают из объективных свойств имени как онтологической категории, категории естественного языка.

В свою очередь, "предметность" в языке базируется на прочных внеязыковых, как онтологических, так и гносеологических, основаниях (более детальный анализ проблемы см.: [Руденко 1989г]). При этом сущностные характеристики "предмета", прежде всего его целостность, отдельность, а также чувственная данность наиболее отчетливо фиксируются (выражаются) в сфере существительного - части речи, которая лингвистически ориентирована прежде всего на дискретизацию универсума реальности. Характерно, с другой стороны, что вопрос о "предметном компоненте" в структуре значения глагола начинает ставиться только сейчас (при том, что общая ориентация глагола на отражение внеязыковой реальности, очевидно, не может подвергаться сомнению). Более того, "предметность" в сфере глагола не эксплицируется в каких-либо формально-грамматических

признаках данного семантического класса и выражается прежде всего в способности глагола "актуализировать как мысленный образ целой ситуации, связанной с осуществлением действия, названного глаголом, так и отдельные значимые элементы ситуации" [Соловьева 1989: 3]. (Обоснование выбора подобной трактовки глагольной "предметности" осуществляется через ассоциативные эксперименты, базирующиеся на различном характере семантических отношений между предикатом и аргументами пропозиции).

"Предметность", трактуемая таким образом, может быть соотнесена с "операциональной" концепцией идеального образа, по которой "непосредственным носителем идеального образа служит не какая-то конкретная вещь, обладающая обычными координатами...,а операция субъекта с объектом (практическая операция, переходящая в умственную), т.е. свойство, проявляющееся в отношении между субъектом и объектом как системное качество" [Пивоваров 1986: 43-44]. (Характерно, что приложение такой концепции идеального образа к именной семантике не может быть непосредственным и предполагает, например, обоснование как семантической, так и операционной значимости "целостного образа предмета" [подробнее см.: Руденко 1989г]). В сфере "глагольной предметности", впрочем, возможна и актуализация отдельных элементов ситуации, однако и в таких случаях эти элементы воспринимаются прежде всего не как отдельные, а как чувственно данные [см.: Соловьева 1989] ; признак "чувственности", в свою очередь, не формирует в естественном языке жестко (формально) обособленного класса слов [см.: Руденко 1986а и гл. 2 данного раздела] .

Предметность, трактуемая как онтолого-гносеологическая основа "существительности", понимается достаточно однозначно - это "прежде всего отдельность, индивидуальное существование и отсюда наглядность, резкое отличие одного предмета от других предметов" [Тугаринов 1956: 29] . Такое понимание предмета, безусловно релевантное для обыденного познания, позволяет логически связать лингвистическую трактовку "предметности" ("телесности", "вещности" - сами термины здесь не играют главной роли) как того аспекта (именно аспекта) внеязыковой действительности, который необходимо получает отражение в семантике существительного, с высказанным ранее предположением о том, что имя (существительное) в наибольшей мере ориентировано на выражение количественных (количественных вообще и числовых в частности) смыслов. (Характерно, что диахронический анализ языкового, прежде всего "именного", матери-

ала позволяет сделать вывод о том, что "тело служит основной моделью примитивных счислений; сами "числа" поначалу суть не что иное, как обозначения различий всяческих внешних объектов словно бы в наглядном переносе их на телесные члены считающих" [Свасьян 1989: 163]). Отдельность объектов, отграниченность от других, четкая выделенность из окружающего мира является важнейшей предпосылкой исчисляемости данных объектов, возможности определения их числа [см.: Geach 1968: 38-40].

Анализируя лингвистическую категорию предметности, мы фактически отчасти воспроизвели тот ход мысли, который используется в диалектическом материализме для анализа категории интенциональности. Если взять за исходный пункт такого анализа концепцию Э.Гуссерля [см., например: Матьюс 1985], оказывается, что его понимание интенционального является почти исключительно гносеологическим (хотя сама проблема разграничения материального и идеального не относится к ядру специфически феноменологической проблематики). Интенциональность означает прежде всего свойство переживания (сознания), состоящее в том, что переживание, с помощью некоторого языкового выражения, всегда высказывает не только что-то, но и о чем-то. (В этом смысле интенциональный предмет также и трансцендентен - он не только входит имманентно в сознание, но и относительно отличается от него, характеризуется относительной - конечно, только относительной - самостоятельностью). Однако в конечном счете интенциональный предмет полностью определяется актом интенционального переживания, причем не только в качестве предмета вообще, но и такого предмета, каким он дан в сознании: феноменологический метод требует "полного вывода предметной специфики из предметной данности в интенциональных переживаниях" [Матьюс 1988: 90]. (Определенный аналог такому подходу составляет чисто грамматическое определение предметности - как "существительности", сведение ее исключительно к формальным показателям имени, т.е. чему-то гносеологическому, точнее "лингвистическому").

В то же время интуитивно очевидно, что концепция Гуссерля затрагивает некоторые важные свойства познания и не может быть безоговорочно отброшена (как не может быть отброшено на первый взгляд чисто "интуитивное" понятие предметности у некоторых авторов).

Интересно, что сам Гуссерль включает в сферу анализа и проблему "материальных вещей" - "прежде всего потому, что весьма велика опасность понимания его философии как некоторой разновидно-

сти солипсистской философии" [Там же: 85]. "Материальным вещам" у Гуссерля приписываются, как и всем интенциональным предметам, свойства интенциональности и трансцендентности. Однако в то же время отмечается, что "первым специфическим свойством временно-пространственной или "материальной" вещи является ее данность в бесконечном течении все новых и новых переживаний, точнее, - восприятий" [Там же: 89]. Кроме того, "материальной вещи" приписывается признак "самости", означающий, что "интенционально-трансцендентный предмет "материальная вещь" существует как бы ради самой себя, из-за самой себя" [Там же: 94]. Можно предположить, таким образом, что Гуссерль "в субъективно-идеалистической "гносеологической" форме по существу уловил и признал действительную бытийную независимость и самостоятельность, т.е. объективную реальность вещей" [Там же: 96]. Сходным образом даже чисто грамматические трактовки "предметности" обычно базируются на хотя бы имплицитном понимании материального (целостного) предмета как своего рода денотативной модели предметности. (Ср. в этой связи у Гуссерля понимание мира "материальных вещей" как "презумптивной", предполагаемой, вероятной реальности [см.: Матьюс 1986: 95 ; 97], которое, пожалуй,может быть достаточно рационально (хотя, конечно, отчасти метафорически) истолковано в семантическом плане. В частности, "материальный предмет" является не единственным, но наиболее вероятным объектом обозначения слов со значением "предметности").

Рассматривая возможные параллели между концепцией интенционального и учением Маркса о сознании, Ю.Матьюс, например, отмечает: "Мы полагаем, что К.Маркс чаще всего употребляет для характеристики свойства сознания, подобного интенциональности в первоначальном значении, именно слова <u>предмет</u>, <u>предметное</u> и <u>предметность</u>. Но так как эти слова часто повторяются в известном нам феноменологическом (идеалистическом) значении, синонимичном интенциональности, и в учении Э.Гуссерля, то мы должны показать, что понимание К.Марксом сознания как предметного сознания вполне материалистично, точнее диалектико-материалистично" [Матьюс 1985: 198]. (В нашей работе для развернутого обоснования собственно лингвистического статуса предметности необходимо было вывести ее в достаточно широкий философский - диалектико-материалистический - контекст, выделить онтологический и общепознавательный аспекты данной категории). Намеченный Ю.Матьюсом путь анализа позволяет, в частности, установить, что Маркс, исследуя в значительной мере тот же круг

проблем, что и Гуссерль, трактует их существенно иным образом: "С точки зрения К.Маркса предмет сознания и познания - сама объективная реальность, сама действительность, а не только - интенциональный предмет" [Там же: 202] . Концепция сознания (в частности, предметности сознания) у Маркса, таким образом, базируется на положении о его отражательной сущности: сознание предметно, потому что оно - осознанное бытие. В свою очередь, бытие - предмет сознания, на него направляется, к нему относится сознание. Трактовка сознания как осознанного бытия в единстве с положением о его направленности на внешний мир дает возможность охарактеризовать активность познания, его специфически человеческий характер.

Конечная цель диалектико-материалистического исследования понятия интенциональности, как видно, достаточно сходна с конечной задачей нашего исследования предметности. Последовательно обосновав отражательный характер лингвистической категории предметности, мы можем синтезировать гносеологический (уже - лингвогносеологический) и онтологический ("экстенсиональный", "денотативный") аспекты данной категории и тем самым обосновать активность отражения мира в языке, наличие собственной специфики у языкового отражения. (Одним из проявлений такой специфики является, например, значимость целостного чувственного образа для семантики ряда языковых единиц). Лингвистическая ценность категории предметности, таким образом, перестает носить интуитивный характер, приобретает некоторую доказательность. (Любопытная параллель: современные исследователи интенциональности часто отказываются от использования этого понятия, указывая на его слишком интенсивные "антиотражательные" коннотации. При этом предполагается, что соответствующий термин вполне может быть заменен термином "предметность". Отмечается, например, что поскольку отнесенность сознания к реальному миру "полностью описывается привычными предметными "именами", нет, видимо, никакой нужды называть его интенциональностью или еще как-то по другому - как это делается, например, Э.Гуссерлем" [Матьюс 1985: 201] . "Онтологическая"внутренняя форма термина "предметность", с вычленения которой мы начали этот раздел, оказывается неустранимым компонентом данного слова).

Отметим, впрочем, что понятие интенциональности может сохраняться в материалистической философии - в том случае, если "интенциональный объект" эксплицитно и последовательно дифференциру-

ется от физических объектов и, более того, рассматривается как гносеологически вторичный по отношению к ним. Ср., например, формулировку М.Вартофского: "Наши рассуждения об интенциональных объектах явным образом подразумевают онтологию мыслительных сущностей, которые имеются "в сознании" и "для сознания" и которые следует каким-то образом отличать от пространственно-временных физических объектов как таковых... подобные "мыслительные" объекты, или "внутренние репрезентации", являются производными и их генезис лежит в нашей первичной репрезентационной деятельности, в которой в качестве репрезентаций мы берем объекты внешнего мира,т.е. то, что мы также называем физическими объектами" [Вартофский 1988: 19] . Как мы стремились показать, в сходном направлении и на отчасти сходных предпосылках должен осуществляться анализ и при обосновании лингвистической "предметности" так называемых абстрактных имен. Имеется в виду не то, что свойства, отношения и т.п., обозначаемые такими именами, являются "мысленными", интенциональными объектами (такой ход рассуждений, впрочем, достаточно распространен [ср.: Руденко 1989б]), но лишь то, что языковое представление таких объектов в качестве обособленных, относительно самостоятельных (т.е. денотатов существительного) не имеет непосредственно-отражательной природы и "моделируется" по образцу физических объектов.

Теперь мы можем вернуться к собственно языковым способам выражения предметности. В своей формальном аспекте "предметность" - по А.М.Пешковскому - действительно "создается" (точнее, конечно, выражается) системой морфологических (число, род, падеж, определенность и т.д.), словообразовательных (наличие характерных формантов), синтаксических (тяготение к определенным синтаксическим позициям, сочетаемость с теми или иными классами лексем, например с предлогами) характеристик (о взаимозависимости значений, которые предполагает "субстантивность", см. например: [Общее языкознание 1972: 105-106] ; конкретно о взаимосвязи "числа" и "исчисляемости" с другими явлениями из сферы имени - например, с "родом" см.: [Thrane 1980: 79-81]). Конкретные параметры этих характеристик, сам объем систем выражения предметности (не содержащих с необходимостью все перечисленные компоненты и даже компоненты всех перечисленных типов) в различных (особенно типологически различных) языках, безусловно, существенно отличаются друг от друга. Ср., скажем, флективные языки синтетического типа с их отчетливой морфологической категоризацией и языки изолирующие, в

которых части речи существуют прежде всего как функциональные классы слов, обладающих более или менее определенной синтаксической валентностью [см., например; Коротков 1968: 79-80] . Однако взаимосвязь различных компонентов "предметности", системный, целостный характер последней обусловливает то, что "само противопоставление "объекта" и "процесса" ("признака") объективно и универсально - каждый язык проводит его как противопоставление "имени" и "глагола" в рамках своей собственной системы, ибо всегда можно с уверенностью сказать, является ли данное нечто в данном языке "именем" или "глаголом", а следовательно, "объектом" или "процессом" [Степанов, Эдельман 1976: 233; см. также: Кубрякова 1978: 46; Wierzbicka 1986: 355-356] . С другой стороны, при допущении "предметности", абсолютно не зависящей от конкретных языков, по-видимому, "у нас просто не будет средств для ее описания" [Литвинов 1986: 31] .

Как кажется, для описания иерархии и взаимосвязи значений внутри категории предметности целесообразно использовать разработанные Е.С.Кубряковой понятия ономасиологического базиса и ономасиологического признака (правда, трактуемые в более широком, не чисто словообразовательном смысле). "Выбор ономасиологического базиса обозначения равносилен не только простому выделению того, что подлежит обозначению, в виде отдельной сущности, но и ее отождествлению в качестве предмета, процесса, качества или свойства и т.п." [Кубрякова 1981: 101] . С другой стороны, "выбор ономасиологического признака означает выбор той индивидуальной характеристики, которой данное обозначаемое обладает в отличие от других предметов этой же понятийной категории, и в то же время такой, которая напоминает человеку другой знакомый ему предмет или явление" [Там же] . (Так, словообразовательные форманты абстрактных имен типа -ство, -ость, эксплицируя отличие имен данного типа от обозначений материальных предметов, их предикатные ориентации, в то же время представляют собой форманты существительного и в этом смысле "напоминают" о подлинных предметах). Концепция Е.С Кубряковой особо значима в том плане, что она позволяет рассматривать систему предметности не только в "экстенсиональном", чисто "таксономическом" плане, как замкнутое множество определенных семантико-грамматических сущностей, но и в "интенсиональном", "мерономическом" аспекте (об экстенсиональном и интенсиональном подходах к классификации см., например: [Мейен, Шрейдер 1976]), как своеобразный "архетип" (ср. определение час-

ти речи как "словотипа"). Такой способ анализа, в свою очередь, дает возможность выявить специфику связей и отношений между различными частями речи. Так, например, словообразовательные значения абстрактных имен "устанавливают по существу особые связи между категориями предметности и признаковости и потому развиваются, строго говоря, не столько на основе дробления и уточнения внутрикатегориального, сколько на основе межкатегориальных связей" [Кубрякова 1978: 52].

Отметим, что положение о системном характере существования категории предметности, наличии у нее различных, однако тесно связанных друг с другом семантических "составляющих" может быть соотнесено с трактовкой предметности как грамматической, а не лексической категории, т.е. категории, которая необходимо получает формальное - прежде всего морфологическое (эксплицирующееся в словоформах) или синтаксическое выражение. (Именно "системность", "целостность" категории предметности определяет то, что входящие в ее сферу единицы приобретают ту или иную, но формальную выраженность).

Лексическая трактовка предметности, по-видимому, может использоваться прежде всего применительно к развитию языка, в исследовании его диахронического аспекта. Мы имеем в виду интуитивно достаточно очевидное предположение, по которому имена первоначально обозначают почти исключительно чувственно реальные (если учитывать категорию "пустых имен" - понимаемые в качестве чувственно реальных [ср.: Lem 1986: 103]) объекты [ср., например: Польдауф 1962; Кубрякова 1978: 25-26 ; в общем виде о возможности определения лексической семантики как "референциальной" см.: Bunt 1981: 4]. (Такая идея тесно связана с общим определением первичной номинации: "Прямая (первичная) номинация ("перевод" материального в идеальное, реального материального предмета в предмет номинации) возможна только тогда, когда появляется возможность с помощью какой-либо формы (элемента) языка воссоздать в сознании тот или иной элемент в пространстве" [Языковая номинация 1977: 25]).

Некоторые авторы, рассматривая предметность как общее значение существительного, считают, что она имеет грамматический характер лишь у имен, которые подлинных предметов не обозначают. Существительные же, именующие предметы в узком (собственном) смысле, трактуются как предметные только по своим лексическим значениям [см.: Савченко, Иоффе 1985: 127-128]. Такая точка

зрения, однако, порождает внутренние противоречия. Если, например, в качестве основного признака грамматического значения рассматривается обязательность его выражения [см.: Там же: 107-108], то вряд ли можно отрицать, что имена материальных, физических предметов обладают всеми формальными показателями существительного. Более того, при ограничении грамматической предметности лишь сферой "непредметных" имен, окажется, что последние как раз и являются наиболее типичными именами, поскольку их именная природа получает формальное выражение. Характерно, с другой стороны, что Л.В.Щерба, анализируя предметность как грамматическое значение, отнюдь не исключал из ее сферы собственно предметные существительные. При посредстве предметности, писал он, "мы можем любые лексические значения, и действия, и состояния, и качества, не говоря уже о предметах, представить как предметы" [Щерба 1957: 68] (выделено мною. - Д.Р.).

На синхроническом уровне языка чисто лексическое значение предмета, по-видимому, существует в качестве своего рода архисемы, способной порождать прежде всего понятийные (например, отражаемые в идеографических словарях), но не формально-языковые группировки лексем. Такая архисема может актуализироваться прежде всего в тех случаях, когда в тексте устанавливаются гипо-гиперонимические отношения и гиперонимом является слово типа предмет, вещь, когда "предметность" конкретного референта должна быть обоснована (опровергнута) или проявляется специфическим образом (ср.: Разве волну можно назвать "предметом"?; Электрон совсем не такая вещь, как стол и т.п.).

Объединяя имена предметов и имена свойств в общей грамматической категории предметности, необходимо, разумеется, иметь в виду, что они обозначают предметы разных типов - предметы онтологические в первом случае и предметы, представляемые в качестве таковых лишь в познании (в языковой семантике), во втором. Это различие, в общей тенденции, отражается в языке: имена "гносеологических" предметов обычно лишены (по крайней мере в языках типа русского, из фактов которого мы сейчас интуитивно исходим, шире - в языках, имеющих развитую морфологическую категорию числа) свободной исчисляемости. Их денотат в языковом выражении предстает как неисчисляемый, недискретный (точнее, он может члениться не на целостные элементы, а на части, часто условные, причем даже эта членимость обычно выражается только в структуре словосочетания). Хорошо известна мысль А.Ф.Лосева о том, что грамматические категории частей речи, не являясь просто формами

выражения логического содержания, содержат в себе два семантических слоя - предметно-логический и интерпретативный [анализ см.: Матяш 1988: 160-161] . Исследование лингвогносеологической специфики абстрактных существительных показывает, что даже такая "максимально предметная" языковая категория, как категория предметности, отнюдь не опровергает названную закономерность.

Описанное положение дел дает возможность использовать в рассмотрении сугубо философской, на первый взгляд, концепции "эмпирического реализма" лингвистическую аргументацию. Если бы мир состоял из проявлений свойств, в языке (любом языке) должна была бы присутствовать развитая система имен, обозначающих отдельные проявления белого, красного, доброго и т.п. и множества таких проявлений (<u>*бели́зны</u>, <u>*красно́ты</u>, <u>*добро́ты</u>). Философ, считающий, что мир, возможно, состоит из "белизн" и подобных объектов [см.: Уёмов 1969: 73] , т.е. употребляющий для описания позиции "эмпирического реализма" имена - абстрактные имена и тем более прилагательные - естественного языка, косвенно опровергает сам себя: трудно предположить, что модель мира, фиксируемая языком (в данном случае русским), в корне неверна.

А.И.Уемов, впрочем, считает, что "отсутствие последовательности в вопросе об онтологических предпосылках у многих современных логиков связано, по-видимому, с влиянием естественного языка. В натуральных языках обозначение ... абстрактных сущностей имеет такой же грамматический статус, как и обозначение сущностей совершенно конкретных" [Там же: 71] . Однако говорить о полной грамматической тождественности обозначений "конкретных" и "абстрактных" сущностей явно нельзя: "число" является одним из важнейших компонентов системы предметности, и отношение имен названных типов к "числу" различно. Даже мыслители, пытавшиеся обнаружить существенные ошибки в языковой картине мира (например, Т.Котарбиньский, который рассматривал имена событий и свойств как имена "мнимые", принципиально не соотносящиеся с реальными объектами), все же выявляли в языке истинное ядро (у Котарбиньского это названия онтологически реальных материальных объектов). Однако концепция "эмпирического реализма" исключает такую возможность, поскольку фундаментальная единица мироздания в подобном случае представляется языком искаженно (собственно, она в языковом представлении и не является подлинной единицей, так как, не обладая дискретностью, не может быть идентифицирована как независимый объект).

Оправданно предположить, что центральное место в системе предметности занимают имена свободно исчисляемых предметов. Этот вывод может быть предварительно подтвержден как собственно онтологическими соображениями (особая роль вещи, предмета - материального предмета - в триаде "вещь - свойство - отношение"), так и языковыми фактами. Так, в языках с развитой морфологической категорией числа полным набором формальных показателей "предметности" (т.е. как единственным, так и множественным числом) обладают главным образом имена онтологических предметов.

С другой стороны, уже отмечалось, что и число, и величина, хотя они часто противопоставляются как прерывное и непрерывное, все же базируются на дискретизации действительности. "Познание непрерывного осуществляется через дискретное" [Прерывное и непрерывное 1983: 180] , и, следовательно, даже определение величины предполагает знание тех или иных дискретных - пусть и не физически отдельных - единиц, позволяющих осуществить измерение величины, ее условную дискретизацию. Фиксирование прерывности, делимости бытия служит ступенькой к формированию многих понятий - в частности, понятий множества, числа, с одной стороны, и протяженности, длительности, величины, с другой [см.: Там же: 173]. Наиболее отчетливым воплощением количественности, однако, является число, основывающееся на объективной, онтологической - даже на уровне макромира, гносеологически вполне отчетливой дискретности. Кроме того, если в "недискретной" величине явно присутствует число (исчисляются единицы измерения, целые или дробные), то присутствие в числе моментов непрерывного менее очевидно и в некотором смысле осуществляется за пределами количества. "Непрерывное" в применении к "отдельному" характеризует не только целостность объекта (т.е. уже "внутреннее" явление), но и сохранение его качества.

Как видно, положение о центральном месте исчисляемых имен в сфере имени тесно смыкается с идеей ведущей роли числа в структуре количества. Так, в металингвистическом плане базисное положение числа в системе языковой количественности проявляется в том, что статус неисчисляемых имен (абстрактных, вещественных) определяется (например, в русском языкознании) по отношению к статусу свободно исчисляемых (двучисловых) существительных [ср. также: Bunt 1981: 2]. Обсуждается вопрос о том, входят ли неисчисляемые имена в сферу категории числа. Однако особая категория "величины", "недискретного количества" в сфере существительного

практически не выделяется, хотя некоторые формальные и семантические свойства неисчисляемых, прежде всего вещественных и большинства собственно абстрактных имен (принадлежность к разряду singularia tantum, ориентация на сочетаемость с количественными наречиями и показателями меры) в принципе позволяют выделить такой языковой подкласс (и обозначить его через понятие "величина"; ср. значимость концептов "часть" и "целое" для семантики абстрактных имен [см.: Там же: 19-20]).[I]

Возникает вопрос о том, как определить характер рассматриваемых нами двух основных подклассов имени (пока условно обозначаемых как "предметные" и "признаковые" имена). Вряд ли можно раскрыть их специфику через традиционное для русского языкознания определение в качестве лексико-грамматических ("разрядов"). Если исходить из того, что лексическое значение отражает действительность более непосредственно, "конкретно" (т.е. целостно), менее схематично, чем собственно грамматическое, окажется, что лексико-грамматической природой обладают и части речи. Так, принадлежность к грамматическому классу существительных предметных имен может быть обоснована особенностями их денотатов, в лингвистических терминах - особенностями лексических значений данных имен. (Здесь мы отвлекаемся от того, что однозначная онтологическая и тем более универсально-языковая классификация "предметов" и "не-предметов" вряд ли может быть построена). Лексико-грамматический характер (при преобладании грамматического), вероятно, имеет и категориальное значение предметности, трактуемое в интенсиональном плане, как "класс-абстракция", "словотип". "Предметность" как инвариантное значение существительных по крайней мере не противоречит денотативным особенностям ядра слов соответству-

---

I В связи со сказанным выше интересна (хотя и не бесспорна) философская точка зрения, по которой "реальными видами количества... выступают величина (непрерывное количество) и множество (дискретное количество). Число же представляет собой результат оценки (измерения, счета) одного количества посредством другого, принятого за единицу масштаба. Поэтому число не может быть видом количества в том же смысле, какими являются величина и множество" [Петров, Пугач 1989: 28]. Такой подход способен одновременно иллюстрировать как возможность рассмотрения "неисчисляемых" имен в соотнесении с понятием "числа" ("категории числа"), так и наличие существенных различий между "исчисляемыми" и "неисчисляемыми" именами: "оценка" (шире - представление) дискретного и недискретного количества - через другое количество - и в общепознавательном плане, и лингвистически явно отличаются друг от друга, уже потому, что "единица масштаба" в первом случае обладает скорее онтологической, а во втором - концептуальной природой.

ющего класса (поскольку в историческом плане развивается именно на основе собственно предметных имен). Имена же, лексические значения которых "непредметны", в грамматической системе существительного моделируются по образцу "настоящих" предметов и, следовательно, опосредованно также связаны с внеязыковым миром (из абстрактных имен наиболее "онтологичны", пожалуй, имена событий: действия часто воспринимаются как объективно отдельные сущности, отрезки временной цепи [см.: Руденко 1986а]). "Лексическое" в категориальном значении предметности, таким образом, может определяться как собственно денотативный, непосредственно-отражательный аспект грамматической категории.

Вероятно, подклассы имени отражают реальность с несколько большей степенью точности, "адекватности", чем имя как таковое, точнее, рассматриваемое как таковое (это проявляется, например, в исчисляемости/ неисчисляемости соответствующих существительных). Однако однозначная обусловленность онтологическим, "лексическим" отсутствует и в таком случае [ср., например: Там же: 48-50]. В класс исчисляемых имен могут, скажем, входить имена идеальных сущностей (например, "метазнаки"), а в класс имен неисчисляемых - названия вполне предметных "веществ" (обозначаемых "вещественными существительными").

Наиболее точным определением анализируемых типов имени представляется трактовка их как ономасиологических подклассов существительного: само понятие "ономасиологического" имплицитно содержит в себе как собственно языковой (семантический), так и "онтологический", денотативный аспект [см., например: Кубрякова 1978: 24-25]. В то же время противопоставление интересующих нас категорий различными способами эксплицируется в высказывании. Поэтому они могут рассматриваться также как семиологические "функциональные классы" [ср.: Степанов 1981: 4].

Если согласиться с тем, что из всех основных семантических категорий имя наиболее тесно связано с выражением количества, в первую очередь числа, можно заключить, что существительные, свободно выражающие числовые значения, полнее всего воплощают в себе универсально-смысловые признаки имен. Такими существительными являются, в частности, общие, или конкретные, имена. Однако они составляют уже менее отвлеченную - по сравнению с "предметностью" - проблему.

ГЛАВА 2

ОБЩЕЕ ИМЯ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

§ I. ОБЩЕЕ ИМЯ В СИСТЕМЕ ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПТОВ: (ОБЩИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Уже в древнегреческой философии намечается два аспекта - условно их можно назвать "сигнификативным" и "денотативным" - проблемы обобщенности языковых выражений. Платон, например, писал: "Для каждого множества вещей, обозначаемого одним именем, мы обычно устанавливаем только один определенный вид" [Платон 1971: 422]. ("Вид" при этом понимался как отвлеченная идея). Действительно, обобщая признаки целого класса, слово приобретает способность прилагаться ко всему классу, добавим - и к каждому из его элементов[I]. Однако выявить собственно языковую специфику общего имени можно через обоснование того, что множественность вещей, к которым потенциально отнесено общее имя, некоторым образом отражена в семантике самого имени. Допустимо предположение, что общность имени естественного языка проявляется прежде всего в его отнесенности к объектам исчисляемым, способным, в языковом представлении, образовывать множества.

В философии распространена идея, по которой лексический состав языка и совокупность категорий совпадают, т.е. всякое слово, поскольку оно обобщает, может трактоваться как категория для определенного множества вещей (если не ограничиваться философскими категориями и исключить индивидуальные названия) [см.: Категории 1980: 9]. Возможность полного отождествления слов и категорий (даже при обыденном понимании последних) кажется проблематичной. Тем не менее положение о "категориальности" слов полнозначных частей речи позволяет разграничить обобщенность, категориальность значения как свойство большинства лексических единиц (в том числе "общих имен") и общность (пока гипотетическую) ряда существительных, эксплицитно проявляющуюся в способе представления их денотатов как отдельных, относительно самосто-

[I] Имена множеств объектов, разноименных с названием множества, типа армия, правительство, в этом смысле исключения не составляют, так как в языковом представлении элементами класса, соотносимого с именем армия, являются именно армии, а не солдаты или генералы.

ятельных, "множественных" объектов.

Предварительно можно определить общее имя как приблизительное естественно-языковое соответствие так называемой специфицированной предметной переменной в высказывательной, или пропозициональной, функции. Особенность её состоит в том, что область значений переменной указывается в самом языковом выражении: например, "человек" - это "Х, такой, что он является элементом класса людей", или "Х, такой, что он обладает свойствами, по которым выделяются люди" [см.: Войшвилло 1967: 49; ср. также: Свасьян 1989: 188-189]. С другой стороны, в тех случаях, когда общее имя рассматривается лишь как принадлежность естественного языка, для него обычно обнаруживаются логические аналоги, кроме названного, ещё, например, и такие: "Общие имена можно трактовать как естественные дубликаты родовых индивидных переменных в формальных системах многородовой (many-sorted) квантификации" [Bacon 1973: 333-334].

Т. Котарбиньский удачно сформулировал проблему общих имен, рассматриваемых в их противопоставлении единичным: "Чувствуется, что здесь различие не в количестве [можно добавить: не просто в количестве - Д.Р.] десигнатов, а в чем-то таком, что можно познать, прежде чем эти десигнаты будут сосчитаны" [Котарбиньский 1963: 217][1]. При этом Котарбиньский не отрицал того, что в денотативном аспекте общее имя почти всегда "имеет много десигнатов, то есть более одного" [Там же: 207]. Однако, по мнению исследователя, ответ на вопрос о том, обозначает ли общее имя множество или класс своих десигнатов, не является вполне очевидным [см.: Там же: 213]. С точки зрения Котарбиньского, общее имя не обозначает ни класс, понимаемый как свойство, задающее некоторое множество объектов ("класс-абстракция"), ни, в большинстве случаев, класс, который понимается как некое замкнутое целое ("класс-множество", в трактовке польского логика С. Лесневского) [детальнее о названных аспектах класса см.: Руденко 1983а]. Например, класс, который может быть соотнесен с именем в предложении Птицы являются позвоночными, "понимается не как целое, каждая отдельная птица являлась бы частью которого, но как что-то другое, что-то такое, что если об "этом" говорится, то говорится этим самым как-то косвенно о каждой птице (здесь, что она

---

[1] Под "десигнатом" Котарбиньский понимает денотат.

является позвоночным)" [Котарбиньский 1963: 278]. По Котарбиньскому, предметом понятия, соответствующего общему имени, является каждый из десигнатов имени, причем в данный объем понятия входят не только настоящие, но также бывшие и будущие десигнаты [см.: Там же: 276].

В целом трактовка общих имен Котарбиньским направлена на выявление их языковой специфики и по этой причине не сводится к характеристике чисто денотативной природы данных выражений. Постулируется, в частности, связь общих имён с некоторым "внутренним" способом дискретизации действительности.(Идеи Котарбиньского, таким образом, могут быть отнесены к потенциальному - потенциально-системному - аспекту референции имени [ср. также: Geach 1968: 46] и характеризуют те узуально-семантические черты имен, которые определяют особенности их функционирования в конкретных актах обозначения [ср. сходную постановку вопроса: Thrane 1980: 30-35][1]). При этом Котарбиньский приходит к выводам, сходным с идеями современной логической семантики. Так, по мнению Ю.С.Степанова, из различных пониманий общего имени наиболее адекватна точка зрения, согласно которой общее имя типа <u>человек</u>, <u>дерево</u>, <u>город</u> "означает не "город вообще" (не абстракцию города) и не класс городов (не многие города), а неопределённый город" [Степанов 1981: 15] . Если, таким образом, согласиться с тем, что "наиболее близок к правильному пониманию общих имен Б. Рассел, когда он пишет, что "человек" (a man) обозначает не многих людей, а неопределенного человека" [Войшвилло 1967: 49] , то близость к языковой реальности должна быть приписана и подходу Котарбиньского, который говорит о соотнесенности - причем "косвенной", опосредованной соотнесенности - общего имени с каждым элементом соответствующего класса.(Ср.: "Если под общим именем и подразумевается класс, то он мыслится не как целое, не собирательно, а в каком-то разделительном смысле" [Там же: 76])[1].

[1] Заметим, что потенциальный аспект референции имени, его "запрограммированная" системой языка отнесённость к "любому" ("каждому", "неопределенному") объекту соответствующего класса наиболее четко проявляется в сфере исчисляемых, т.е. формально общих имен. Значение дискретности имени, которое в речи трансформируется в значения единичности и множественности, представляет собой важную, может быть даже важнейшую (в системе других составляющих "предметности") языковую предпосылку отнесенности имени к "каждому" элементу класса, во всяком случае отчетливо эксплицирует такую отнесенность: имена, обладающие узуальным значением дискретности, тем самым соотнесены с "априорным", заданным системой языка (хотя и с ориентацией на речь) членением соответствующего класса на определенные, стабильные элементы.

Понимание Котарбиньским общих имен особо интересно тем, что оно было выработано в рамках такого подхода к проблеме имени естественного языка, на который "накладываются" некоторые априорные – и довольно жесткие – посылки в духе "философии предиката". Так, исследователь стремился отчасти "изъять" у общих имен право на употребление в позиции субъекта: предложения включения типа "город есть селение" трактовались как ложные при основном понимании структуры "А есть В" (в свою очередь, данная структура в системе Котарбиньского играет основную роль, когда А – единичное имя, а В – общее) [детальнее см.: Руденко 1989б].

У. Куайн (который, по-видимому, не имел представления о лингвистических идеях Котарбиньского) также стремился свести оппозицию единичных и общих имен почти исключительно к оппозиции субъекта и предиката: "Общий терм – это то, что утверждается или занимает позицию, которую грамматики называют предикативной, он может иметь форму не только существительного, но также прилагательного и глагола" [Куайн 1986: 66].[1] Однако это не помешало ему дать довольно четкое (хотя не всегда последовательно проводящееся) морфологически ориентированное определение общего имени – в частности, через его способность к плюрализации, возможность употребления в формах обоих чисел: "Если терм допускает определенный и неопределенный артикль и окончание множественного числа, то обычно это... общий терм" [Там же: 59]. Общие имена, по Куайну, обладают собственным, "внутренним" типом разделения референции. (Вероятно, такое понимание общего имени может быть по крайней мере отчасти соотнесено с определением общего терма как выражения, занимающего предикатную позицию: Куайн рассматривает предикацию не только в характеризующем, но и в таксономическом (точнее даже "мереологическом") аспекте, хотя и не отождествляет ее с включением в класс. Такая трактовка распространяется даже на имена, денотация которых в языковом представлении не является "разделенной". Ср., в частности: "В общем случае массовый терм в предикативной позиции можно рассматривать как общий терм, истинный для каждой порции вещества, о котором идет речь, исключая лишь части, слишком маленькие для того, чтобы принимать их во внимание" [Куайн 1986: 67; критический анализ

---

[1] Вообще говоря, базисное для Куайна положение, по которому "быть – значит быть значением квантифицированной переменной", явно смещает его логико-семантическую систему в сторону "философии предиката" [см.: Степанов 1985а: 21-22].

такого подхода см., напр.: Bunt 1981: 24-28]).

Таким образом, даже фрагментарное обращение к истории проблемы подтверждает лингвистическую реальность общих имен, наличие у них дифференцирующих смысловых и формальных признаков.

Действительно, в сфере существительных различных языков достаточно четко выделяется подкласс имен, которые без ограничений (по крайней мере семантических) сочетаются с количественными числительными, используются (в языках с развитой морфологической категорией числа) как в единственном, так и во множественном числе и, таким образом, обозначают отдельные, исчисляемые - вновь сделаем оговорку: исчисляемые в языковом представлении - обьекты. Подобные существительные, вероятно, и следует относить к общим. В качестве основного (возможно, единственного) из значений, выражающих отдельность денотатов, оправданно определить сему дискретности (противопоставляемую значению недискретности), которая традиционно выделяется во многих семантико-грамматических исследованиях.

Впрочем, названные значения часто традиционно же трактуются как семантические сущности вполне локального характера, реализующиеся в сфере "лексико-грамматических разрядов" существительного. Но если по "обьему" значения дискретности /недискретности действительно соотносятся с семантическими подклассами имени, то их языковая значимость распространяется по крайней мере на имя в целом, имя как таковое. Более того, эти значения характеризуют важнейший для имени аспект его семантики - задаваемый существительным общий способ представления (членения) континуума реальности. Точка зрения, по которой "категория расчлененности /нерасчлененности является основной, базовой категорией значения существительного любого семантического класса" [Гуренко 1987: 2], имеет под собой как собственно лингвистические, так и гносеологические основания (анализ "расчлененности/нерасчлененности" как универсальных семантических признаков см.: [Степанов 1981: 272-276]).

Эти основания "группируются" прежде всего вокруг категории предметности (которая рассматривалась в предыдущей главе). Имена, выражающие как "дискретность", так и "недискретность", обладают, поскольку являются именами (существительными), категориальным значением предметности. Предмет же и онтологически, и гносеологически всегда в той или иной мере самостоятелен, следовательно - дискретен. Однако если у имен одного типа (в исполь-

зуемой терминологии "общих") дискретность денотатов прямо отражена в семантике - что проявляется в свободной исчисляемости таких слов, то у других, неисчисляемых существительных (абстрактных и вещественных) выражение отдельности, дискретности обозначаемых объектов носит прежде всего контекстуальный характер и непосредственно эксплицируется лишь в тексте (впрочем, также благодаря системным грамматическим - входящим в сферу "предметности" - параметрам имени, таким, как род, падеж, парадигма, пусть и неполная, числа, ориентация на сочетаемость определенного типа и т.п.). В тексте же денотаты узуально неисчисляемых имен могут исчисляться - прежде всего с помощью отдельных лексем, называющих единицы измерения (два куска хлеба, три стакана воды). "Именной"материал, таким образом, подтверждает тезис о ведущей роли дискретного в оппозиции прерывного/непрерывного, выражаясь лингвистически - в системе "предметности".

В общепознавательном плане устойчивая отдельность ряда объектов окружающего мира, позволяющая стабильно отождествлять их, исчислять, включать во множества, является одной из важнейших категорий человеческого опыта (в терминах функциональной грамматики это мыслительная основа для языковой интерпретации, эксплицирующейся в категории общего имени). Наиболее универсальным - и в то же время достаточно специфическим - понятием, отражающим данную сторону опыта, является идея сохранения, трактуемого в качестве необходимого аспекта любого - и материального, и познавательного - движения, изменения, действия [см.: Марков 1987: 13] При таком подходе сохранение перестает быть чисто онтологическим понятием и входит в сферу гносеологии. Момент сохранения необходимо отражается в познании: "Мы можем нечто знать о предмете лишь при условии его достаточной стабильности, устойчивости, инвариантности относительно тех бесчисленных изменений и возмущений, которые испытывает данный предмет" [Марков 1980: 10]. В свою очередь, в том типе представления универсума реальности, который является базисным для семантики естественного языка, "онтологическое предпочтение отдается состоянию покоя, которое считается более фундаментальным (привилегированным), чем состояние движения. Последнее ассоциируется с нарушением состояния покоя посредством внешних воздействий" [Кузнецов В.И. 1987: 136]. Наконец, для большинства лингвистов вполне приемлемо утверждение о том, что "существительное статичнее глагола, который среди слов ближе по принципу к предложению (фразе), динамичнее" [Атаян 1987: 87].

Разумеется, надо иметь в виду, что условия и возможности приложения к объектам признаков "сохранения", "устойчивости", а также "дискретности" и "недискретности" в различных типах познания, точнее при его различных ориентациях, также могут быть различными. Так, Ю.А. Шрейдер, определяя "устойчивость, сохраняемость во времени", "индивидуальность", "наличие внешних связей", "автономность" и некоторые другие параметры как базисные "модусы реальности", между тем замечает: "Волна на море удовлетворяет критериям локализации, индивидуальности и наличия внешних связей. Однако если мы рассмотрим не единичную волну, а процесс образования волн на море (волнение или шторм), то мы прийдем к необходимости определить реальность этого процесса через совсем иные критерии: устойчивость, логичность, наличие внутренней организации" [Шрейдер 1984: 79]. По-видимому, для того типа познания, который соотносится с (узуальной) семантикой естественного языка (и ориентирован главным образом на макромир), характерны достаточно жесткие критерии рассмотрения объекта в качестве устойчивого, стабильно дискретного, направленность этих критериев именно на отдельный объект. (С другой стороны, при определенных познавательных ориентациях признаки "устойчивости" и "прерывности" могут прилагаться не к отдельным объектам, а к классам объектов: "Сохранение рода вещей совпадает с устойчивостью его свойства, качества, следовательно, с отличием от вещей другого рода. А это значит, что всякий род отграничен от других своей определенностью, является прерывным" [Прерывное и непрерывное 1983: 175]).

Возможны и более развернутые аргументы в пользу познавательной значимости отдельного, устойчивого, дискретного. Однако мы не будем углубляться в эту проблему, т.к. она в сущности была достаточно подробно проанализирована выше, при рассмотрении категории предметности.

§ 2. ОБЩЕЕ ИМЯ В СИСТЕМЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ИМЕННЫХ ОППОЗИЦИЙ

Изучение языковой специфики значения дискретности и "воплощающей" его категории общего имени не может быть полным без соотнесения общих имен с другими универсально-семантическими категориями имени. Особый интерес для данной работы представляет отношение общих имен к оппозиции имен конкретных и абстрактных.

(Оппозиция общих и единичных имен, как можно - пока интуитивно - предположить, базируется на критериях, несколько отличных от тех, которые анализировались до сих пор). Дж.Милль, в частности, рассматривает противопоставление общих и единичных имен, с одной стороны, и абстрактных и конкретных, с другой, как первые два основных типа противопоставлений имени. (С ними соотносятся и другие оппозиции Милля - например, противопоставление коннотативных и неконнотативных имен) [см.: Милль 1914]. Более того, в некоторых лингвистических работах конкретные имена получают дефиниции, практически тождественные приведенному выше определению общих имен. Ср., например: "Конкретные существительные выражают понятие об отдельных дискретных объектах ... конкретные существительные представляют класс-множество, предполагают противопоставление по количественному признаку и могут реализовывать оппозицию "единичность/множественность" [Ярошевич 1988: 10].

Действительно, многие имена - прежде всего названия целостных материальных объектов - традиционно определяются и как конкретные, и как общие. В то же время однозначная трактовка конкретных имен, которая позволяла бы прямо соотнести их с общими, отсутствует.

Исторически понятие "конкретного" возникло именно для обозначения целостного, соединенного вместе (от лат. concrescere 'срастаться' или, возможно, concernere 'созерцать вместе'); этимология слова "абстрактный" более прозрачна. Соответствующую терминологию впервые ввел, по-видимому, Дунс Скот, употреблявший её главным образом для анализа гносеологических сущностей, понятий [см.: Попов, Стяжкин 1974: 167-168]. В развитом виде сходная трактовка терминов представлена у Гегеля. В дальнейшем, однако, понятия "конкретного" и "абстрактного" обросли рядом дополнительных "трактовок", своего рода импликаций, которые зачастую коренным образом изменяли их первоначальный смысл. Так, очень распространен (особенно в европейской философии XIX в.) подход к абстрактному как понятийному, мыслительному, конкретному - как наглядно созерцаемому [см.: Ильенков 1960: 9-10].

Можно в общем виде восстановить цепочку "выводов", приводящую к такой трактовке: свойство, которое мысленно (в теоретическом мышлении или, учитывая концепцию "эмпирического реализма", на уровне восприятия) отделено, "абстрагировано" от целого, не воспринимается как самостоятельный предмет; мы наблюдаем не предмет "белизна", а свойство "быть белым", присущее соответст-

вующему целостному объекту. С другой стороны, физически целостный объект обладает реальным существованием как материальный предмет и, следовательно, может чувственно восприниматься. Однако в результате такого развития понятия исходное понимание последнего утрачивается. Это относится также к трактовке оппозиции конкретного/абстрактного как противопоставления случайного и существенного, реально существующего и существующего только в мысли, отнесенного и не отнесенного к определенной точке в пространстве и времени [см.: Renský 1963].

С философской точки зрения различные понимания конкретного/абстрактного приемлемы не в одинаковой мере. В диалектическом материализме предпочтение отдается исторически исходной (хотя, разумеется, существенно модифицированной) трактовке оппозиции. Тем не менее, существуют и другие способы ее рассмотрения.

Отсутствие единства в понимании конкретного/абстрактного характерно и для лингвистики. Как отмечает, например, М.В. Никитин, "не вполне уяснены понятия конкретного и абстрактного значений, неизвестны критерии степени конкретности-абстрактности значений и тем более неизвестна какая-либо методика количественной оценки словозначений по этому основанию" [Никитин 1983: 61]. В такой ситуации возможен вывод, по которому "последовательное разграничение абстрактных и конкретных лексических единиц на реальном лексическом материале чрезвычайно сложно, более того, неосуществимо" [Розина 1983: 215]. (Впервые точка зрения такого типа была, по-видимому, сформулирована А.В.Исаченко, который отметил, что "конкретность и абстрактность не являются категориями, которые можно использовать для характеристики словаря какого-либо языка" [Isačenko 1957: 9]).

Задача лингвиста, рассматривающего проблему конкретного/абстрактного в языке, как можно предположить, состоит не в авторитарном выборе одной из трактовок рассматриваемой оппозиции, а в определении того, какое (какие) из пониманий конкретного/абстрактного обладает языковой реальностью, т.е. соответствует некоторой формально проявляющейся, грамматической в широком смысле (морфологической, синтаксической, словообразовательной) классификации языковых единиц, в данном случае имен.

Для дальнейшего анализа исходным является тот факт, что в своих основных грамматических (морфологических) признаках, составляющих основу категории предметности, имена типа <u>человек</u>, <u>книга</u>, с одной стороны, и <u>идея</u>, <u>мысль</u>, <u>желание</u>, с другой, сход-

ны, поскольку, в частности, находятся в одинаковом отношении к категории числа. Хотя в одном случае обозначаются материально целостные, прямо наблюдаемые объекты, а в другом - мыслительные сущности, язык (здесь - русский) представляет все эти объекты в качестве отдельных, могущих составлять множество, исчисляться. В то же время имена, называющие некоторые вполне наблюдаемые свойства (пусть в языковом представлении "предметы-свойства"), входят в грамматический подкласс неисчисляемых имен (имен singularia tantum).

Описанное положение дел, однако, плохо соотносится с распространенным мнением, по которому конкретное существительное обозначает чувственно воспринимаемые предметы, абстрактное - то, что в том или ином смысле является продуктом мышления. При таком подходе к абстрактным именам относятся, скажем, названия единиц измерения (километр), имена фантастических существ (русалка), обозначения идеализированных научных объектов, например геометрических (точка, линия), слова типа открытие, идея, желание, обозначающие явления субъективной или интерсубъективной природы [подробно см.: Сташайтене 1973]. Формальный, грамматический критерий тем самым оказывается несущественным для классификации имен [см.: Руденко 1986а]. Заметим, что к выводу об отсутствии в языке грамматического противопоставления конкретного/абстрактного в рассматриваемом их понимании приходят и исследователи глагольной семантики [см., напр.: Чудинов 1988: 57; 60-61]).

Анализируемая точка зрения адекватно не характеризует семантику абстрактных имен (имен свойств и отношений), которые трактуются как обозначения чисто мысленных (мыслительных) сущностей [см., напр.: Стич 1984]. Однако большинство существительных, являющихся результатом номинализации, относится к вполне реальным признакам объектов. Безусловно, в представлении свойств, отношений, действий в качестве своего рода самостоятельных объектов отчетливо проявляется активность языка как средства отражения мира: имена признаков (в широком смысле) семантически и синтаксически вторичны по отношению к подлинным предикатам и выполняют важную внутриязыковую функцию приведения грамматической формы предложения в соответствие с его коммуникативной организацией [см.: Арутюнова 1980б: 352]. Заметим, однако, что словообразовательные маркеры, эксплицирующие языковую вторичность рассматриваемых существительных, типа русских суффиксов -ость, -ств(о), -от(а) входят в общую систему предметности, средствами

которой (прежде всего соотносящимися с категорией числа) выражается онтологическая специфика референтов абстрактных имен, в частности, отсутствие у них подлинно самостоятельного существования. (Характерно в этой связи, что даже в работах не лингвистической, а логико-философской направленности уделяется внимание формальным признакам абстрактных имен, в том числе тем, которые прямо отражают их номинативную вторичность. Так, Оккам, который, по-видимому, впервые ввел разграничение абстрактных и конкретных имен, считал абстрактными "термы, обозначающие качества и имеющие специальные формальные элементы", типа лат. -itas [см.: Розина 1983: 215-216]. Т. Котарбиньский, трактовавший абстрактные имена как "мнимые", заслуживающие исключения по крайней мере из языка науки, всё же достаточно детально описывает их формальные признаки, в частности, наличие специфических суффиксов [см.: Руденко 1989б]).

Для того чтобы вполне доказательно обосновать языковую реальность "выбранной" трактовки конкретного/абстрактного как целостного/отделенного от целого, необходимо всё же более глубокое исследование как собственно языковой, так и логической и общепознавательной проблематики. (В противном случае проблема останется в значительной мере просто на терминологическом уровне[1]).

Одним из основных вопросов в намеченной сфере является соотношение проблемы конкретности/абстрактности имен с проблемой абстракции в языке. Интуитивно достаточно очевидно, что семантика и конкретных, и абстрактных имен базируется на абстракции того или иного типа. (Так, Зб.Шишка, исходя из того, что десигнаты, значения необходимо определяются как "абстрактные", приходит к выводу: "Тем самым практически исключается возможность интерпретировать различие между классом так называемых конкретных имен и классом абстрактных имен как различие между лексемами с конкретными лексическими десигнатами, с одной стороны, и лексемами с абстрактными лексическими десигнатами, с другой" [Šiška 1972: 5]).

Абстракция отождествления традиционно рассматривается как полноправный вид абстракции. Однако имена типа стол, человек,

[1] Анализ понятий об абстрактном и конкретном в рамках логических и теоретико-лингвистических построений, разумеется, не должен регламентировать обыденное употребление соответствующих слов. Мы (в том числе и автор данной работы) говорим о конкретных идеях, исследованиях, мерах, требованиях, указаниях и т.п. - хотя они, строго говоря, являются абстрактными.

карандаш, лингвист, обобщающие свойства тех или иных объектов, отождествляющие их по некоторым признакам, также традиционно трактуются как конкретные. (Более того, сходным образом могут трактоваться и соответствующие понятия). Для решения намеченной дилеммы оправданно допустить, что различие генерализующей и изолирующей абстракции отражается в языковой семантике и граница между языковыми репрезентациями данных типов абстракции может быть проведена путем анализа формально-грамматических признаков имен, которые предполагается отнести к тому или иному типу. Если, в частности, иметь в виду абстракцию отождествления, очевидно, что отождествление обьектов предполагает существование множества этих объектов - актуального или хотя бы, в редких случаях, потенциального, по отношению к данному возможному миру (ср. имена уникальных объектов типа луна в общем значении 'спутник (обладающий определенными качествами)какой-либо планеты', или, скорее, 'спутник Земли' [подробнее см.:Grodziński 1973: 268]). Имена, соответствующие данному типу абстракции, вероятно, должны быть исчисляемыми, "общими".

Необходимость рассмотрения "множественного", шире - "дискретного", "отдельного" не просто как внешнего по отношению к обобщенному понятию, но в его потенциальной представленности в общем вытекает как из лингвистических, так и из логических, даже философских соображений.

Так, генерализующая абстракция, абстракция отождествления в логике трактуется как "процесс отвлечения от несходных, различающихся свойств предметов и одновременного выделения одинаковых, тождественных их свойств" [Горский 1961: 24]. Изолирующая абстракция - это "процесс отвлечения свойства или отношения от предметов и их иных свойств, с которыми они в действительности неразрывно связаны"[Там же] .

Оба типа абстракции, следовательно, характеризуются через выделение одних признаков и отвлечение от других. (Сходную мысль в более общей форме выразил М.М. Новоселов: "В каждом интеллектуальном поведении, называемом абстракцией, одновременно реализуются две тактики познавательного процесса - концентрация и элиминация" [Новоселов 1983: 48]). Противопоставление данных двух типов абстракции по числу выделяемых признаков (много/один) также не может быть однозначным: во-первых, большинство признаков "распадается" на более элементарные, во-вторых, некоторые типы абстракции отождествления явно образованы по одному признаку (ср.

напр., концепты "кассиреровского" типа - скажем, понятие о классе белых или красных предметов).

Заметим, что общая гносеологическая возможность соотнесения свойства с соответствующими ему объектами сохраняется и в случае изолирующей абстракции. Например, класс в математической логике часто понимается как универсалия, отвлеченный признак. Однако данная универсалия - "это определенное свойство или признак, которым обладают все А и только А" [Kraszewski, Suszko 1971: 325].

Как считает Б.Станош, через введение понятия денотации теоретико-множественного предиката класс в теории множеств становится экспликацией традиционно-логического понятия объема общего имени и одновременно обыденных понятий "рода" или "вида" и философского понятия "универсалии" [см.: Semiotyka polska 1971: 518]. Более того, "класс-абстракция" математической логики иногда получает "имманентно" экстенсиональное определение: "Множество Y может быть идентифицировано со свойством "X есть элемент множества Y" [Вопенка 1983: 30]. В целом, однако, связь изолирующей абстракции с множеством объектов, обладающих соответствующим свойством, не является прямой и необходимо заданной и может быть полностью эксплицирована прежде всего через особую процедуру "восполнения (исключения) абстракции".

С другой стороны, множественность объектов не является чем-то гносеологически внешним по отношению к абстракции отождествления и необходимо отражается в понятии, основывающемся на такой абстракции. Если не принимать этого во внимание, различие - причем логическое различие - изолирующей и генерализующей абстракции исчезает. Как отметил, например, Д.П. Горский, абстракция последнего типа предполагает не только тождество (точнее, пожалуй, сходство) объектов друг другу по каким-либо признакам, но и потенциальную возможность различения данных объектов, отделения их друг от друга. В ином случае все элементы, объединенные по общим для них свойствам, слились бы в один элемент. Таким образом, "процесс абстракции отождествления, процесс обобщения предметов в понятии не может быть адекватно описан без привлечения категории возможности" [Горский 1985: 11]. Характерно, что У.Куайн в работах 70-х годов рассматривает в качестве основного признака общего терма его соотнесенность уже не с "внутренними способами разделения референции", а с явлением "индивидуации". (ср., с другой стороны, трактовку референции "имен массы" как "неиндивидуирующей" [см.: Bunt 1981: 16-17]). При этом, однако, индивидуация понимается прежде всего не как процедура приписыва-

ния обьекту каких-либо "уникальных" свойств, а просто как возможность "разграничения" объектов, восприятия их как отдельных, дискретных, исчисляемых (ср., например: 'Квадрат' индивидуализирует. Мы должны знать, когда мы указываем дважды на один и тот же квадрат и когда на два квадрата" [Quine,1973:86]) ;ср. также общее определение "исчисляемости" и "числа" через концепт "индивидуации": [Thrane 1980: 79-80). "Дискретизация", действительно, является важной предпосылкой "индивидуализации" (как, впрочем, и "исчисляемости"), особенно при понимании "индивида" (в отличие, например, от "единицы") как устойчивой во времени, "времяпоглощающей" (по Куайну) сущности [ср.: Вартофский 1988: 301] .

Естественный язык (в нашем случае русский) с его устойчивой, "застывшей", по крайней мере в ряде языков, на длительном синхроническом срезе оппозицией имен позволяет, вероятно, достаточно четко выявить различие между изолирующей абстракцией и абстракцией отождествления, как они отражены в языке. В частности, общее (конкретное) имя, рассматриваемое в общепознавательном плане, образуется именно на основе абстракции отождествления и наиболее отчетливо, по сравнению с другими типами имени, воплощает в себе свойства абстракции данного вида. Это проявляется прежде всего в свободной исчисляемости общих имен, наличии у них значения дискретности, а также в их более частных признаках. Так, общие имена свободнее, по сравнению с неисчисляемыми именами (в языках типа русского существительными singularia tantum), сочетаются с показателями тождества, указательными местоимениями (особенно в ситуациях, предполагающих противопоставление одного объекта другому), прилагательными, обозначающими форму объекта [подробнее см.: Адамец 1973; Арутюнова 1983; Руденко 1983а; Hlavsa 1975; Mass terms 1979; Bunt 1981]. Как отмечает, например, П.Адамец, абстрактные имена могут сочетаться с показателями определенности типа указательного местоимения этот только в "фактографических" употреблениях, когда сообщается о "реально происходящих или существующих в объективной действительности фактах" (точнее, видимо, - о конкретных, выделенных из временнóго потока событиях и состояниях). С другой стороны, сочетания абстрактного имени с указательным местоимением неприемлемы в "идеографических" употреблениях, в которых обозначаются абстрактные "идеи о фактах" (или, точнее, фактуальные "свернутые пропозиции"), ср.: *Это существование жизни на этих планетах маловероятно; *Это выполнение плана представляется не-

оспоримым [см.: Адамец 1973: 44-46][1]). По наблюдению Н.Д.Арутюновой, в сочетаниях имен событий с показателями тождества осуществляется не отождествление разновременных (и уже в силу этого нетождественных) событий, а только их уподобление [см.: Арутюнова 1983: 17].

Ограничения рассматриваемого типа затрагивают и вещественные (неисчисляемые вещественные) имена. Так, употребление в ситуации, в которой представлены, например, два куска стали, местоимений этот и тот подразумевает прежде всего противопоставление двух сортов вещества ("образцы" которых фигурируют в ситуации общения), а не двух единичных объектов. Ср.: Эта сталь хуже (дороже), чем та, но не (?) Эта сталь тяжелее (холоднее), чем та (Этот, следовательно, семантически сближается с такой). В тех случаях, когда контекст однозначно исключает противопоставление сортов вещества, употребление при вещественном имени местоимений ближайшего и дальнейшего указания становится явно малоприемлемым, ср.: *Это молоко стоит на полке дальше, чем то; *Дай мне эту воду, а ту оставь на месте [см.: Руденко 1983а: 154] (ср. в этой связи критику точки зрения Х.Кэртрайт [см.: Cartwright 1970], по которой сочетания типа эта вода, эта бронза, это золото в моем кольце могут быть представлены в виде этот F, где F репрезентирует некое исчисляемое имя, базирующееся на концепте "количества вещества" [см.: Laycock 1979; Bunt 1981: 33-35]).

Как известно, индивидуация (дифференциация) объектов может осуществляться тремя основными способами - через некоторую совокупность свойств объекта (в определенном смысле - его "материю", по крайней мере "материю", трактуемую отчасти в "интенсиональном" плане), пространственно-временные координаты и число [см., например: Петров В.В.1977: 12-14]. Рассмотренные нами факты пока-

---

[1] Заметим, что даже в некоторых употреблениях, рассматривающихся как "фактографические", типа Эта строгость Нины всех удивила [см.: Там же: 45], вряд ли можно говорить о сохранении первичного, собственно указательного значения демонстратива. Этот в таких случаях может выполнять функцию, которую сам Адамец определил как обращение к информированности слушающего, общему опыту говорящего и адресата [см.: Adamec 1980]. Используя методику "модальной рамки" (А.Вежбицка), данное значение можно, видимо, представить в виде "ты знаешь (помнишь), мы говорили (наблюдали) различные проявления строгости Нины". В подобных употреблениях местоимение способно привносить в высказывание и оттенок эмоциональности, негативной оценки объекта. Так или иначе, в рассматриваемом случае демонстратив не выражает значения индивидуации в чистом виде.

зывают,что не только числовая,но и пространственно-временная дифференциация денотатов неисчисляемых имен сталкивается с определенными ограничениями (это, в свою очередь, обусловлено отсутствием у объектов данного типа устойчивой, стабильной формы). Такое положение дел, как кажется, подтверждает правильность точки зрения, по которой "проблема индивидуации распадается на две проблемы - проблему объяснения индивидуальности объекта, или его индивидуализации, и проблему его дифференциации через сравнение с другими объектами" [Там же: 15].

Индивидуация денотатов абстрактных существительных обычно осуществляется именно через их индивидуализацию (хотя, конечно, и не полную), но не через противопоставление другим обьектам того же типа. Характерно, что ограничения на сочетаемость неисчисляемых имен с показателями определенности, не предполагающими непосредственного противопоставления одного объекта другим, такими, как определенный артикль, средства выражения притяжательности, обычно развиты достаточно слабо [см., например:Valeika 1988: 75-76].Ср. в этой связи точку зрения Х.Кэртрайт: "В то время как this river и the same river и логически, и грамматически связаны с a river и another river, в случаях the water и the same waterтакие связи отсутствуют" [Cartwright 1979: 32]. Отметим также мнение, по которому к "именам массы" неприменим "критерий сохранения" (persistence criteria), под которым понимаются условия индивидуации различных этапов существования "протяженного во времени" объекта. При таком подходе индивид может представляться через функцию, охватывающую класс различных временных отрезков, обьединенных соотнесенностью с "существенными свойствами" соответствующего объекта [см.: Gabbay,Moravcsik 1979: 236-238; ср. также: Hirsch 1971]. Индивидуация в данной концепции носит скорее "внутренний" характер, являясь преимущественно "индивидуализацией" (в принятом здесь понимании). Однако она имеет предпосылкой устойчивую пространственную отделенность обьекта от подобных ему, которая может быть подтверждена для любого временного отрезка существования индивида. С другой стороны, при распространении "критерия сохранения" на имена массы (точнее, их денотаты) он будет базироваться на тождестве пространственных частей объекта [см.: Там же: 240]. Объект в таком случае не столько "отграничивается" от других, сколько "ограничивается" изнутри (заметим, что "части", которые имеются в виду, могут носить достаточно условный, "гно-

сеологический" характер; ср., например, понятие "количества вещества" у Х.Кэртрайт).

С другой стороны, в сфере общих (исчисляемых) имен ограничения на "индивидуацию через дифференциацию" почти полностью отсутствуют. Такая ситуация вполне соотносима с утверждением о возможности индивидуации обьектов, входящих в обьем понятия, базирующегося на абстракции отождествления (т.е., в свою очередь, имеющего отчетливо дискретный экстенсионал). Данному положению может быть поставлен в соответствие ещё один факт лингвистики текста - существование высказываний и текстовых последовательностей со значением выделения обьекта из множества, обозначенного общим именем (Из наших студентов этот самый подготовленный; Я прочел все его статьи. Это - самая слабая)[см., например: Палек 1978]. Индивидуация в таких случаях явно основывается на дифференциации.

Тем не менее,изложенное понимание абстракции отождествления с логико-философской точки зрения не является единственно приемлемым. Более того - абстракции отождествления может приписываться трактовка, прямо противоположная той, которой мы до сих пор оперировали, в частности, "изымающая" у нее отражение потенциальной множественности обьектов, фиксируемой в соответствующем понятии. Так, Г.Д. Левин пишет: "Гносеологическая функция абстракции отождествления состоит в том, что она "сливает" любой, даже бесконечный класс обьектов в один обьект, позволяет говорить о таком классе обьектов как об одном (общем) объекте"[Материалистическая диалектика 1982: 150]. Такой подход, в свою очередь, обосновывается тем, что абстракция отождествления представляет собой мысленную замену отношения сходства между объектами на отношение тождества. Языковым же соответствием абстракции отождествления оказываются не общие, а неисчисляемые, абстрактные имена: "Множество сходных признаков в результате этой операции превращается в множество тождественных, попросту в один признак: квадратность вообще, скорость вообще и т.д." [Материалистическая диалектика 1983: 127].

Отношение тождества, по мнению сторонников рассматриваемой концепции, существенно отлично от отношения неразличимого сходства. Отличие это состоит прежде всего в том, что абсолютизация сходства не затрагивает количества сходных предметов. Их остается столько же, сколько и до акта абсолютизации. Следовательно, последний не превращает класс сходных предметов в общий предмет

[см.: Материалистическая диалектика 1982: 148]. Естественно-языковым соответствием абстракции неразличимого сходства являются "собирательные понятия - "листва", "зверьё", а также понятия, выраженные существительными во множественном числе, - "листья", "звери"[Там же].

В конечном счете, как видно, какую бы трактовку ни получали логические типы абстракции, фиксирующие тот или иной способ представления класса в познании, всё же в любом случае устанавливаются достаточно тесные корреляции между видами абстракции и определёнными типами имен естественного языка.

Вообще говоря, даже в чисто логическом плане различие рассматриваемых концепций (условно- концепций Д.П. Горского и Г.Д. Левина) не настолько непреодолимо, как может показаться на первый взгляд. В частности, если рассматривать абстракцию не как процесс, а как результат, т.е. типовую операцию замещения "объект - модель абстракции" (которой предшествует "абстракция - процесс" - операция "обоснования" замещения) [см.: Розов 1965: 23-26], то абстракция отождествления, как её трактует Левин, окажется достаточно близка к изолирующей абстракции в её традиционном понимании. Типовая операция замещения класса объектов "общим предметом", по-видимому, может сводиться просто к "изъятию" признака из множества других признаков класса, его "концентрации" (ср. суждения типа "Из всех свойств этого металла для нас важна только его электропроводность"). На такую возможность косвенно указывает сам Левин, отмечающий, что соответствие понятия реальному миру имеет не зеркальный, а сложный, многоступенчатый характер, причем возможно познавательное движение как "вверх" по ступеням, так и "вниз", от знания об общем обьекте к знанию о классе сходных обьектов [см.: Материалистическая диалектика 1982: 150-151]. Действительно, направление продвижения по ступеням абстракции не является жестко фиксированным. (Это становится особо очевидным, если учесть, что движение от сходного к тождественному может рассматриваться как движение от чувственного, эмпирического к рациональному, которое, в свою очередь, безусловно инвертируемо [см.: Михова 1983]). В таком случае скорее всего не фиксирована и гносеологическая значимость тех или иных этапов абстрагирования, любой из которых в конкретных познавательных актах может выдвигаться на первый план, приобретать некоторую гносеологическую обособленность.

В историко-эпистемологическом плане ("абстракция-процесс")

процедура образования "общих предметов" охватывает все описанные выше этапы и действительно основывается на последовательной замене отношения сходства на отношение тождества. (Характерно суждение Д.П. Горского:«"Абстрактные предметы" выделяются и посредством абстракции отождествления, если рассматривать этот процесс в плане историческом, филогенетическом» [Горский 1961: 25]). С другой стороны, именно на имплицитной реальности исторически полного процесса абстрагирования, возможности при необходимости восстановить этапы формирования "общего предмета" базируется, вероятно, изолирующая абстракция. Она представляет собой конечный этап, "результат" процесса формирования понятия об "общем предмете" - но результат, который может эксплицитно не соотноситься со всеми предыдущими ступенями абстракции (именно поэтому возникает ощущение, что соответствующее свойство непосредственно отвлекается, "изолируется" от предмета).

Как кажется, постулируемое положение дел в определенной мере подтверждается фактами естественного языка. В частности, абстрактные имена - номинализации почти никогда не образуются от конкретных имен, которые представляют собой языковой аналог непосредственно предшествующего "абстракции отождествления" этапа абстрагирования ("абстракция неразличимого сходства"). Мотивирующими для отвлеченных существительных обычно являются прилагательные и глаголы, репрезентирующие более раннюю ступень абстрагирования - различимое сходство ("двух неразличимо сходных признаков в действительности не существует" [Там же: 148]). Впрочем, если рассматривать слова данных частей речи как узуальные единицы лексикона, можно заключить, что по признаку "единства" признака (выражаясь более лингвистически - неисчисляемости), который в рассматриваемой проблеме является одним из важнейших, они ближе к абстрактным именам, чем имена исчисляемые, конкретные. Числовые отношения между признаками и их носителями, эксплицируясь в тексте, выражаются путем формального согласования с существительным по числу, не всегда отражающего объективные характеристики действительности (в этой связи ср. указание на то, что класс сходных признаков равен классу их носителей [см.: Материалистическая диалектика 1983: 126]). В узусе же прилагательные (обычно и глаголы) являются денотативно "едиными", неисчисляемыми (при том, что эта неисчисляемость отлична от неисчисляемости абстрактных имен, так как в системе языка обычно не противопоставлена исчисляемости).

Таким образом, в целом факты языка подтверждают тезис об относительной гносеологической самостоятельности "изолирующей абстракции", в данном случае - "изолирующей абстракции", отражаемой в языке.

Генерализующей абстракции в её традиционной трактовке также может быть найдено соответствие в системе Г.Д. Левина - абстракция неразличимого сходства. Важно отметить, что неразличимым данное сходство является лишь в определенном интервале абстракции. Это отмечает сам Левин, приводя, однако, не вполне удачную формулировку, по которой предметы являются абсолютно сходными "в том смысле, что о двух предметах, показанных порознь нельзя сказать, видели мы один и тот же или два абсолютно одинаковых предмета"[Материалистическая диалектика 1982: 148] . Возможность операционального различения, индивидуации каких-либо объектов из "обьема понятия" не противоречит утверждению о том, что в соответствующем понятии они представлены как неразличимо сходные. Однотипная ситуация характерна и для языка: неразличимость обьектов, соотносимых с общим именем, в том интервале абстракции, который задан системой языка, в частности значением дискретности, вполне может сочетаться с индивидуацией этих объектов (именуемых тем же общим именем) в тексте.

Г.Д. Левин особо оговаривает то, что абсолютизация сходства, «"срезая" различие между признаками, не уменьшает их количества»[Материалистическая диалектика 1983: 126]. Однако именно внутренняя множественность "обьема понятия" является важной предпосылкой возможности индивидуации его элементов, значительно облегчает её (частично этот вопрос уже рассматривался выше, при анализе "каноничного" понятия генерализующей абстракции). С другой стороны - если принимать во внимание лингвистические факты - "пространственная" (пространственно-временная) индивидуация референтов абстрактных имен требует предварительного вычленения обьектов из континуума, заданного соответствующим именем, определения - обычно более или менее эксплицитного - их границ.

При соотнесении "общего предмета" Г.Д. Левина с логическим понятием континуума, он, видимо, будет соответствовать понятию "образцового", принципиально не распадающегося на части континуума [ср., например: Вейль 1934: 123]. Однако абстрактные имена естественного языка, не обладая "внутренними" способами членения области денотации, в конкретных (не предикатных; обоснова-

ние лингвистической неестественности квантификации предиката см.: [Адэишвили 1984: 119-124]) употреблениях все же часто эксплицитно отнесены к некоторым частям этой области ("континуума") [ср.: Topolińska 1981: 82-83]. Это является дополнительной иллюстрацией положения об относительной легкости перехода от одного семантического интервала абстракции - в данном случае интервала абстракции тождества, "снимающего" даже отдельность отражаемых обьектов, - к другим, в частности, к интервалу абстракции сходства (ср.: Я выпил воду из этой чашки, даже Дайте мне две воды (в значении "две бутылки воды") и т.п.). Впрочем, в случае общих (исчисляемых) имен такой интервальный переход всё же эксплицируется более отчетливо: выделенный из класса обьект необходимо (через форму имени) противопоставляется другим отдельным обьектам.

Сопоставление двух логических концепций абстракции (Д.П. Горского и Г.Д. Левина) показывает, что внешне существенно различаясь в трактовке некоторых типов абстракции (прежде всего - абстракции отождествления), они базируются на описании идентичного круга явлений, в том числе явлений естественного языка. При этом языковые факты в работах по проблеме абстракции становятся не просто иллюстрацией к тем или иным логико-философским положениям, но скорее моделью (пусть и не вполне совершенной) "типов" и "ступеней" абстракции. Вероятно, именно инвариантность языковых фактов, которыми оперируют в логике, прежде всего и определяет черты сходства соответствующих логико-философских концепций. Характерно, в частности, что Г.Д. Левин использует для описания основного противопоставления в системе абстракции понятия конкретного/абстрактного, которые безусловно значимы для анализа семантики имени. Более того, они применяются именно для описания различий в способе представления обьекта в понятии.

Предполагается, что интенсионально, по содержанию и абстрактные ("человечность"), и конкретные ("человек") понятия являются абстрактными. "На абстрактные и конкретные они делятся по характеру обьектов, составляющих их обьем, т.е. экстенсионально. Обьем абстрактного понятия - класс признаков, объем конкретного - класс носителей этих признаков" [Материалистическая диалектика 1982: 143, см. также: Левин 1976]. Интересно, что сходный ход рассуждений представлен и в лингвистике. Так, уже упо-

минавшийся Зб.Шишка, указывая, что значения ("интенсионалы") и абстрактных, и конкретных имен являются абстрактными, отмечает, что конкретные имена, в отличие от абстрактных, эксплицитно выражают отнесенность обозначаемых ими обьектов к классу денотатов (класс при этом понимается как множество) [см.:Šiška 1972]. (Правда, Г.Д. Левин говорит о соотнесенности абстрактных понятий с классом признаков, однако абстрактное имя соотносится - что "задано" его формально-грамматическими характеристиками - скорее не с классом отдельных признаков (проявлений общего признака), а с их континуумом).

Истоки "экстенсионального" подхода к абстракции, по-видимому, берут начало в логической концепции Дунса Скота. Анализируя различие абстрактного и конкретного знания, Скот, в частности, писал: "Любую сущность можно постигать на собственном её основании и даже, как таковую, выражать словом; такому пониманию сущности соответствует абстрактный способ его словесного обозначения. Другой способ постижения сущности - брать её, поскольку она формирует содержащий её субстрат, и этому пониманию соответствует конкретный способ словесного обозначения" [цит. по: Попов, Стяжкин 1974: 172] . В качестве языковых эквивалентов описываемых способов рассматривались имена, семантика которых базируется соответственно на изолирующей и генерализующей абстракции (типа человечность и человек). Действительно, развивая идеи Скота, "необходимо признать, что и второй способ есть абстракция, хотя ей соответствует конкретный способ словесного обозначения" [Там же] .

Таким образом, углубившись в проблему типов абстракции, мы вновь возвращаемся к исходной для нас проблеме конкретного/абстрактного. Как кажется, теперь уже достаточно хорошо видно, что доказательное обоснование языковой (в частности, "именной") реальности данной оппозиции возможно при трактовке конкретности/абстрактности как характеристик не значения в целом, а зафиксированного в значении способа представления денотата (как целостного, с одной стороны, или лишенного целостности, отдельности, с другой).

Выше мы пытались обосновать прежде всего "внутреннюю" логическую и лингвистическую некорректность противопоставления конкретного и абстрактного как "чувственного" и "понятийного". Однако данная проблема может быть выведена и в несколько более

широкую лингвогносеологическую перспективу.

Как показал Б.А. Серебренников, общее положение о познавательном единстве чувственного и рационального должно являться методологической предпосылкой для анализа собственно языковых явлений [см.: Серебренников 1983: 76 и далее]. Чувственное и понятийное в значении языковых единиц необходимо связаны друг с другом. Это проявляется уже в том, что наглядное, чувственное в языковой семантике очень часто оказывается обобщенным, т.е. в определенной мере "понятийным" (ср., например, обоснование языковой реальности "обобщенного чувственного образа" [см.: Руденко 1986а]). Единство рассматриваемых сторон познания в лингвистике обычно не отрицается, хотя рассматривается главным образом в генетическом плане. Однако если названные два аспекта познания мира, в их единстве, присущи процессу познания, оправданно предположить, что данное единство должно характеризовать и многие уже выработанные человеком, "готовые" мыслительные сущности – в частности, синхронические языковые значения. Непонимание данного факта отчасти "нейтрализует" утверждения лингвистов о генетическом единстве чувственного и понятийного, основывающиеся, однако, на сведении языкового исключительно к понятийному [см., например: Schaff 1964: 208]. (В определенной степени такой подход обусловлен тем, что при историческом исследовании познания единство эмпирического и теоретического знания, чувственного и рационального проявляется более четко, чем при "синхроническом" (например, структурно-функциональном) подходе [см.: Козлова 1972: 49-50]).

Казалось бы, язык мог бы – с той или иной долей огрубления – "разделить" элементы рассматриваемого диалектического единства, противопоставить их тем или иным формально-грамматическим способом. Однако, по-видимому, такая возможность в сколько-нибудь полном объеме не может быть реализована ни в одном из естественных языков, по крайней мере в системе полнозначных частей речи. Языковую семантику характеризует тесная связь чувственного и рационального, обобщенно-понятийного, которая концептуально эксплицируется, в частности, в теориях метафоры, косвенной (отчасти и первичной) номинации, имен естественных классов, в психолингвистических концепциях словесной категоризации [детальнее см.: Руденко 1986а; 1987а]. (Отметим, что вполне допустима и точка зрения, по которой отсутствие жестких границ меж-

ду "конкретной" и "абстрактной" лексикой определяется специфическими свойствами человеческого интеллекта в целом [см., например: Чудинов 1988: 66]. Однако для того, чтобы её обоснование не сводилось просто к указанию на связь "чувственно-наглядного" и "абстрактно-обобщенного" как этапов человеческого познания, необходимо развернутое исследование взаимоотношений общегносеологических и языковых явлений в соответствующей сфере).

Значение (лексическое значение) слова, в том числе и общего имени, по существу занимает весь промежуток между полюсом точного, теоретического понятия (к нему тяготеют научные термины), с одной стороны, и полюсом индивидуального чувственного образа (с которым может соотноситься любое имя), с другой. (Характерно, что подобное положение дел подтверждается и психолингвистическими данными. Так, при обобщении результатов экспериментов по определению коэффициентов конкретности/абстрактности отмечается, что "ни одно из исследуемых слов не было единодушно оценено испытуемыми как полностью конкретное или полностью абстрактное: практически любое слово содержит в своем значении некоторый диапозон колебаний между конкретным и абстрактным" [Ковалевская, Шорина 1984: 139]. Сходные результаты были получены и другими исследователями, прежде всего А.Пайвио, В.Ф. Петренко и А.А. Нистратовым). В большинстве случаев, впрочем, значение тяготеет к середине этой "шкалы". Иными словами, чувственное и понятийное, в их единстве, являются одним из важнейших средств языкового отражения мира, но не особыми, отдельными целями данного отражения ("разделенными" в языковой категоризации).

Анализируя выше лингвистические аспекты категории предметности, мы указывали, что в языке - в частности, в системе существительного - предметность предстает прежде всего как отчетливая, "наглядная" целостность, самостоятельность отражаемого обьекта. Взаимодействие "целостного" и "чувственного", действительно, характеризует семантику ряда имен естественного языка. Прежде всего это имена естественных классов, значение которых формирует главным образом целостный (не разложимый на "дифференциальные компоненты") и обобщенный чувственный образ обьекта [см.: Руденко 1987а]. Однако основным для грамматической системы существительного (формально эксплицируемым в ней) все же является лишь один из двух названных аспектов предметности - целостность, обособленность предмета. По этой причине, в частности, не вполне

последовательна точка зрения, в которой конкретные имена одновременно определяются и по их предметной отнесенности (преобладание денотативного элемента в семантике), и через свободную исчисляемость [см., например: Ярошевич 1988: 9-10]. Такой подход имеет под собой некоторые основания: большинство исчисляемых имен действительно обозначает физически целостные, обычно легко могущие восприниматься чувственно обьекты. Тем не менее, такая корреляция не носит универсального характера (ср., например, имена событий, метазнаки типа мысль, вывод, обозначения объектов микроскопического мира и т.п.) [см.: Руденко 1986а: 48-50]. Более того, даже в тех случаях, когда в семантике слова, казалось бы, "синтезируются" понимания конкретного как чувственного и целостного, "чувственный" компонент значения все равно имеет лексическую, а не грамматическую природу, не эксплицируется формально. (Ср. в этой связи противопоставление "абстрактным именам" "конкретных имен массы", под которыми понимаются вещественные существительные [см., например: Montague 1979: 177]. Грамматические характеристики данных имен - в частности, неисчисляемость - отражены в определении их как "имен массы", а соотнесенность с чувственно воспринимаемыми денотатами - в трактовке их как "конкретных" [ср. также: Wierzbicka 1986: 336]).

Подведем некоторые итоги. Мы стремились показать, что общие имена, трактуемые как свободно исчисляемые существительные, могут быть отождествлены с именами конкретными - при понимании конкретного как целостного, отдельного. Возможность такого отождествления не случайна, носит сущностный, а не терминологический характер. Диалектико-материалистическое понимание оппозиции конкретного/абстрактного было выработано на основе довольно четкого исходного разграничения онтологического и гносеологического аспектов конкретного и абстрактного.

Характерно, что Гегель рассматривается как основной предшественник монистического подхода к проблеме конкретного/абстрактного (Из идей немецкого мыслителя, в частности развился марксистский метод восхождения от абстрактного к конкретному). Монизм, как известно, ориентирован на решение проблемы тождества бытия и мышления, исходя в то же время из факта первичности лишь одной из полярных противоположностей. В свою очередь, "устранение противоречия между мышлением и бытием в философии Гегеля

происходит в пределах одного элемента, в пределах мышления" [Фриауф 1985: 8]. Гегель, действительно, уделяет основное внимание гносеологическому аспекту конкретного/абстрактного, анализ же онтологической стороны данной проблематики носит скорее импликативный, чем прямой характер [ср.,например: Богомолов 1982][1].

Именно гносеологическая (хотя и не полностью гносеологическая) направленность трактовки конкретного/абстрактного у Гегеля и позволяет сопоставить ее с противопоставлением конкретного/абстрактного в языке. В сфере семантических исследований идеи Гегеля имплицитно указывают на необходимость классифицировать значения не по чисто "эмпирическим" признакам именуемых объектов, в частности их "чувственному" характеру (образно выражаясь, некоторые лингвисты до сих пор подходят к проблеме конкретных и абстрактных имен с "догегелевских" позиций), а по тому, какие признаки объекта отражаются в значении, каким образом представлен денотат в семантике - в качестве целостного или лишенного целостности, "конкретного" или "абстрактного". Здесь читатель может напомнить автору, что "эмпирическое" у Гегеля соотносится именно с "абстрактизацией" реальности, ее расчленением. Это, однако, не сделает проводимую нами параллель (конечно, достаточно условную) неприемлемой: признаки "чувственного" и "рационального" для семантики имени являются "эмпирическими" прежде всего в том смысле, что они не формируют грамматического противопоставления имен, системы взаимодополнительных "интервалов абстракции" и, следовательно, на уровне имени как грамматической (именно грамматической) категории не отражается "конкретность", "целостность" соответствующего аспекта мира ("аспекта", рассматриваемого как соотношение диалектически противоположных определений). С другой стороны, признаки конкретного и абстрактного, понятые в духе Гегеля (хотя, конечно, в значительной мере модифицированные), соотносятся, в их языковом представлении, с последовательно реализующейся оппозицией исчисляемых и неисчисляемых имен и в этом смысле грам-

---

[1] Заметим, с другой стороны, что "конкретное", отождествляемое с "чувственно предметным", включает и онтологические, и гносеологические элементы. Оно определяется через связь с сознанием, в частности "чувственным" аспектом сознания, но не рассматривается как продукт сознания [ср. возможность сходного подхода к понятию "материи"; Кучевский 1983: 143]. Абстрактное же, "понятийное", действительно, получает чисто гносеологическую трактовку, лишь опосредованно и не всегда сопрягаясь с внешним миром. Оппозиция конкретного/абстрактного, таким образом, теряет свойство симметричности.

матически отражают "конкретность" определенного аспекта универсума.

В понятии, соотносимом с общим именем (такое понятие, по всей видимости, основывается на генерализующей абстракции), достаточно четко различаются объем и содержание, т. е. класс объектов и отражение некоторых его свойств в познании. Однако считать объем понятия чисто онтологической сущностью, видимо, недопустимо. В противном случае понятие, включающее как содержание, так и объем,оказалось бы своего рода "материально-идеальным кентавром" (этот образ принадлежит И.Ф.Вардулю). "Объем" понятия имплицитно представлен в "содержании"- в том смысле, что в последнем отражен один из важнейших признаков "объема", т.е. дискретность, стабильная отдельность его элементов. Отраженный в познании признак дискретности (как, впрочем, и признак недискретности) характеризует непосредственный способ существования "объема" (элементов "объема") и, выражаясь с долей образности, находится ближе всего к внешнему миру, денотату. Заметим, что с отчасти сходных позиций трактуется экстенсиональный аспект семантики языковых выражений в современной логике. Предполагается, в частности, что экстенсиональная часть значения непосредственно касается отношений между знаками и выражениями, с одной стороны, и реальностью, существующей за пределами языка, с другой [см.: Мулуд 1979: 209]. Однотипной "внутренней формой" обладает и точка зрения, по которой в языковой семантике внешнее "сознательно сделано способом (ино) бытия и становления внутреннего понятийного содержания" [Атаян 1987: 118].

В свою очередь, именно по признаку дискретности (трактуемому с описанных концептуальных позиций) выделяется языковая категория общих имен, сближающихся, таким образом, с конкретными именами, понимаемыми в качестве свободно исчисляемых имен, обозначений целостных - в языковом представлении - объектов. Конкретные существительные противопоставляются именам абстрактным, или неисчисляемым.

Постулируемая нами лингвистическая тождественность общих и конкретных имен с точки зрения логико-философской теории общего не является бесспорной. Утверждается - и, по-видимому, справедливо, - что логически общие понятия могут быть как конкретными, так и абстрактными. Объем общего конкретного понятия составляет класс сходных предметов, а объем общего абстрактного понятия - класс сходных признаков этих предметов. Отсюда следует, что различные реализации того или иного общего свойства вполне могут

подвергаться исчислению. "Чувственное познание, наблюдение, эксперимент убеждают нас, что в мире квадратичностей ровно столько же, сколько и квадратов, спинов ровно столько же, сколько и обладающих ими элементарных частиц, и т.д."[Левин 1987: 67]. Из признания такого положения дел часто выводятся лингвистические импликации. Так, подвергается критике точка зрения К.И.Льюиса, по которой "все абстрактные термины должны быть квалифицированы как сингулярные"[Льюис 1983: 214].

Точка зрения, по которой абстрактные имена входят в класс сингулярных имен, действительно, не безупречна. (Уже Дж.Милль, рассматривая существительные типа равенство, квадратность, отметил (несмотря на некоторые колебания в этом вопросе), что "лучше всего было бы, вероятно, не считать эти имена ни общими, ни единичными, а сделать из них особый класс" [Милль 1914: 25]). Единичность является одним из проявлений числа, а абстрактные существительные выражают значение неисчисляемости. Они существенно отличаются от собственных имен, которые также трактуются как "единичные" и действительно в определенном смысле ориентированы (хотя и не жестко) на обозначение "единичных объектов" (развернутый анализ проблемы собственных имен см. гл. 4 разд. П). Однако критика подхода Льюиса к абстрактным именам обычно ведется не с лингвистических, а с логических позиций. Отмечается, что данный подход "порождает асимметрию в трактовке конкретных понятий, которые делятся на единичные и общие, и абстрактных понятий, которые только единичны" [Левин 1987: 66]. Подобный вывод действительно был бы ошибочен, однако он, во всяком случае в эксплицитном виде, и не содержится у Льюиса, который анализирует не абстрактные понятия, а абстрактные термины, причем термины естественного языка. Язык же часто не допускает свободного исчисления признаков, что связано с отсутствием у них материальной формы и, следовательно, устойчивой отдельности. Одним из основных аспектов сохранения как универсальной онтолого-гносеологической категории является материальная устойчивость, физическая целостность объектов. Такая сторона действительности, в свою очередь, особо важна для семантики естественного языка. В последней отражена прежде всего специфика обыденного, не научного познания, в частности познания, ориентированного на макромир, причем на его непосредственно данные, а не сущностные характеристики. Важнейшей из них является "сохранение", стабильность. При такой гносеологической ориентации

важным (хотя и не вполне универсальным) условием стабильной исчисляемости объектов, которая была бы зафиксирована в языке, становится их устойчивая материальная отдельность, отделенность друг от друга.

Характерно, что даже исследователи, которые критикуют положение о единичности абстрактных понятий, указывают на то, что представление абстрактных имен как "единичных" (т.е. неисчисляемых) органически присуще естественному языку и связано с его внутренними семантическими механизмами. Отмечается, что понимание общего признака как одного (точнее, единого) на все множество обладающих им объектов (ср.: разумность людей, белизна облаков и т.п.) "заложено в самой структуре естественного языка и практически работает в каждодневном научном и обиходном мышлении" [Там же: 61]. Правомерность такого подхода особо отчетливо эксплицируется при рассмотрении языков, типологически существенно отличающихся от русского. Так, в языках банту, число в которых часто трактуется как словообразовательная, а не словоизменительная категория, реализующаяся через различные "именные классы" [см.: Кузнецов П.С. 1965; Ревзина 1974б], обозначения действий и свойств в большинстве случаев не имеют корреляции по множественному числу [см., например: Охотина 1985: 12-13; 20; 23; 29; 35; 90-91; 93; 100; 105]. Случаи, в которых имена такого типа всё же подвергаются исчислению, рассматриваются как не вполне типичные [см.: Там же: 62].

Таким образом, оправданно заключить, что конкретное, или общее, имя естественного языка представляет денотат как целостный, отдельный, исчисляемый. Существительное подобного типа может свободно, без семантических ограничений сочетаться с количественными числительными, употребляться в формах различных чисел. (Последний признак является менее общим, поскольку морфологическая категория числа существует не во всех языках). Денотат абстрактного имени в языковом выражении предстает как лишенный отдельности, обособленности и, следовательно, способности входить во множество, исчисляться. (К широко понятым абстрактным именам можно относить собственно абстрактные, т.е. "отвлеченные", признаковые, и вещественные существительные). Абстрактные имена в первичном значении не могут вступать в сочетания с количественными числительными, а в языках с морфологической категорией числа принадлежат к разряду singularia tantum.

Отметим, что приведенная дефиниция конкретных/абстрактных имен дает возможность определять семантический тип тех существительных, которые имеют не вполне типичные числовые характеристики. Так, имена pluralia tantum в славянских языках составляют относительно немногочисленный разряд существительных. Их некоторая нестандартность обусловлена тем, что они лишены числовой соотносительности, обладая в то же время формальными показателями не единственного, а множественного числа. Множественное число является маркированным членом оппозиции по числу, и это проявляется, в частности, в том, что значения множественности и расчлененности семантически гораздо ближе друг к другу, чем значения единичности и нерасчлененности (недискретности), выражаемые единственным числом. Поэтому можно предположить, что существительные pluralia tantum не являются исключительно абстрактными именами, которые выражали бы лишь значение неисчисляемости (детальнее о связи семантики множественного числа с семантикой pluralia tantum см.: [Руденко 1987б]). Действительно, в сфере pluralia tantum русского языка представлены как собственно абстрактные, в основном процессуальные (хлопоты, роды, именины, происки), и вещественные (сливки, отходы, чернила, румяна) имена, так и имена конкретные. К последним относятся почти исключительно обозначения сложносоставных объектов - ножницы, грабли, вилы, сани, ворота и т.п. (в терминологии А.А. Потебни это "множественное сложных вещей" [см.: Потебня 1888]). "Конкретность" таких имен проявляется, однако, не через их внутрисловные показатели (флексию числа), а лишь в синтагматике: имена типа сани способны сочетаться с числительными - "собирательными" (двое саней) или, с помощью слов типа пара, количественными (две пары ножниц). Это позволяет рассматривать такие pluralia tantum в качестве исчисляемых и, следовательно, общих.

Семантические компоненты имен, определяющие способ представления их денотатов, т.е. значения дискретности/недискретности, не только формируют узуально-языковую оппозицию имен, но и влияют на специфику их функционирования в речи.

Ш.Балли, развивая теорию актуализации, писал: "Виртуальное понятие вещи, процесса или качества, для того чтобы быть актуализированным и стать членом высказывания, должно быть отождествлено с реальным представлением говорящего субъекта, т.е. индивидуализировано, а индивидуализировать понятие значит одновременно локализовать (1) его и определить количествен-

но (П)" [Балли 1955: 89]. Вполне оправданно предположить, что особенности актуализации существительного определяются его принадлежностью к одному из выделенных типов имен. Так, актуализация имен singularia tantum, выражающих значение недискретности, осуществляется через локализацию, эксплицитную или имплицитную, референта по отношению к другим объектам (ср.: его доброта, ненависть к Петру, вода в этой чашке), но в большинстве случаев не через локализацию и количественное (тем более числовое) определение объекта в одно и то же время. (Балли постулировал одновременность данных составляющих актуализации). С другой стороны, специфика референции общих имен соответствует "классическому" определению актуализации по Балли (книги на столе, мой студент, встречи с другом), т.е. базируется как на локализации, так и на числовом определении.

Общие (конкретные) имена, действительно, в целом в наибольшей мере соответствуют универсально-семантическим определениям имени и явлений, входящих в сферу имени. (Так, Балли, говоря об актуализации глаголов в смысле "локализации", приписывает количественную актуализацию только обозначениям вещей, т.е. существительным. Актуализация как таковая у него определяется через соотношение между объемом и содержанием понятия [см.: Там же: 88], что является признаком типично "именного" подхода к языковым фактам). Выше уже говорилось, в частности, что сами концепты "предмет","вещь", являющиеся базисными для семантики существительного, обычно соотносятся с понятиями "отдельного", "дискретного" или прямо определяются через них.

Возможны и более развернутые аргументы в пользу центрального положения общих (конкретных) имен в системе имени. По определению Ю.С. Степанова, лингвофилософская парадигма изучения имени ("философия имени") представляет собой прежде всего семантическую парадигму [см.: Степанов 1985а: 5]. Типичное имя, следовательно, должно обладать развитым, обобщенным значением, достаточно четко отграничивающим именуемый им класс объектов от других классов.[1] Заметим, что данный класс должен выделяться, причем и в языке, и в речи, как относительно самостоятель-

[1] Ср. суждение М.Эпштейна, в котором "целостность" значения имени трактуется даже как нечто более устойчивое сравнительно с целостностью предмета, называемого именем: "По сравнению с именем, обозначающим "идеально" некую полноту предмета, сам предмет оказывается ущербным, покоробленным, на чем и играет концептуальное искусство...Предмет обнаруживает свою форму или концепцию настолько чтобы тут же вступить с ней в противоречие" [Эпштейн 1989: 232].

ный, прямо не зависящий от других классов (и их элементов), отраженных в языке. Таким свойством в полной мере не обладают ни эгоцентрические слова, ни предикаты.

Так, семантика местоимений содержит минимальное число обобщенных узуальных значений и даже те значения, которые входят в нее, не отражают "имманентную" природу объекта, а лишь задают способ представления актанта ситуации и вводят соответствующую отсылочную информацию. Потому "основное своеобразие местоименного значения заключается в его несамодостаточности" [Селиверстова 1988: 3]. Предикаты, являясь полнозначными словами, в то же время ориентированы прежде всего не на обозначение отдельных объектов (сама отдельность сущностей, к которым относятся предикаты, имеет - по крайней мере на фоне дискретности стабильных материальных объектов - достаточно условный, иногда отчасти субъективный характер), а на функционирование в целостном высказывании. Поэтому для них характерна большая или меньшая синтагматическая, а отчасти семантическая неавтономность, в частности зависимость от имени, прежде всего имени - субъекта (при том, что предикату принадлежит ведущая роль в актуализации уже́ - "уже́" - построенного предложения, его непосредственном соотнесении с действительностью [см.: Общее языкознание 1972: 332-333]). Представляет интерес в этой связи критика Е.С. Кубряковой концепции У.Чейфа, в которой глаголу приписывается центральное положение в системе языка - на том основании, что создание правильной семантической структуры, мыслимой как структура предложения, начинается с выбора предиката. Естественнее, однако, предположить, что "смысловое задание предложения и его разворачивание сообразуются прежде всего с выбором предмета речи, а выбор модели предложения обусловлен чисто прагматическими факторами" [Кубрякова 1978: 105].

Класс, признаки которого подвергаются обобщению и фиксируются в семантике слова, онтологически всегда (хотя и в различной степени) дискретен, сотоит из отдельных элементов. В случае же общих имен эта объективная дискретность непосредственно отражается в языке (что и делает возможным свободное исчисление таких существительных). С другой стороны, дискретизация действительности, более того - её статизирование, огрубление (которое понимается, в частности, как не вполне адекватное отражение отношений между прерывностью и непрерывностью [см.: Связь и обособленность 1988: 50-52]) представляет собой важное, даже важнейшее условие обобщения. Познание через общее может

быть истолковано именно как проявление, даже результат "огрубления" реальности: "Допущение статичности в познании является предпосылкой для установления инвариантов" [Там же: 51]. Вообще говоря, любое полнозначное слово совмещает в себе оба названных аспекта познания: класс, рассматриваемый как целое, также представляет собой проявление дискретизации континуума действительности [ср.: Прерывное и непрерывное 1983: 175-176]. Общее имя, однако, непосредственно отражает и внутреннюю дискретность класса, "статичность" его элементов. В этом смысле оно также является наиболее типичным именем: для имени с его денотативно ориентированной семантикой в наибольшей мере, сравнительно с другими семантическими категориями, характерна отчетливая дискретизация реальности - как на уровне классов, так и на уровне элементов классов.

§ 3. ОБЩЕЕ ИМЯ В ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ ОТРАЖЕНИЯ МИРА

Как представляется, именно стабильная онтологическая дискретность (при такой трактовке отчасти сближающаяся с "отдельностью", "самостоятельностью": на феноменальном уровне "дискретные элементы не могут быть признаны в качестве таковых без обращения к относительной инвариантности" [Вартофский 1988: 315]) или недискретность (понятая как отсутствие устойчивой отдельности) в общей - но только в общей - тенденции определяют специфику конкретных/абстрактных имен как категорий языкового отражения мира. (Подчеркнем: имеется в виду макроскопическая дискретность/недискретность, отражаемая на уровне обыденного сознания [см.: Кузнецов В.И. 1987: 133-146]). Это подтверждается тем, что имена объектов, которые не могут быть (в обыденном познании) однозначно отнесены к отдельным или лишенным отдельности, занимают своего рода промежуточное положение между явно высокой и явно низкой степенью дискретности, могут быть как конкретными, так и абстрактными. Вариативность языкового представления таких объектов проявляется и при сопоставлении различных языков, и в рамках одного языка.

Постулируемым свойством обладают, например, имена действий (событий) - онтологических сущностей, которые, в отличие от свойств и даже состояний, имеют достаточно четкие временные границы, могут отграничиваться друг от друга [см.: Руденко

1986а]. Однако потенциальная возможность исчисления событий в сфере имени естественного языка реализуется не во всех случаях. (Это объясняется тем, что дискретность событий имеет всё же временной, а не пространственный характер). Имя действия, будучи существительным, обладая показателями категории предметности, обозначает относительно самостоятельные, в языковом представлении, объекты (ср. характерное суждение: "Однословные номинации типа дождь, война, тишина представляют называемые явления действительности как изолированные, взятые обособленно элементы реальности" [Кривченко 1987: II]), но далеко не всегда такие объекты представлены в языке как исчисляемые, т.е. вполне дискретные, обособленные. (Интересно, что некоторые авторы даже противопоставляют имена событий, "событийные имена", которые "обозначают явления в виде целостных предельных фактов", именам действий, лишенным такого свойства [см.: Яцкевич 1987: 79-80]. В теоретическом плане определение "событий" как "фактов" (целостных или каких-либо иных) сомнительно, однако всё же в приведенной дефиниции имплицитно отражено различие в степени "целостности" денотатов (точнее, представления денотатов) различных имен действия, функционирующих в рамках общей категории предметности).

Приведем некоторые примеры из русского языка, которые демонстрируют затруднительность выведения однозначной закономерности распределения имен событий, даже однотипных, между конкретными и абстрактными: убийство (убийства), но уничтожение, война (войны), но борьба, атака (атаки), но штурм, крик (крики), но стук, кризис (кризисы), но инфляция, падение (падения), но взлет, подъем, шторм(штормы), но штиль, молния (молнии), но гром (исключение - фразеологизм метать громы и молнии) и т.п. По-видимому, предварительными условиями, определяющими достаточно высокую вероятность представления событий в системе имени как дискретных, исчисляемых, являются их "ощутимая", не минимальная временна́я протяженность, не слишком обобщенный характер соответствующих номинаций (дискретность разновидностей общего действия может быть различной) ,наличие у имени смыслового оттенка результативности (чаще всего исчисляемые имена событий образуются от перфектных глаголов или, во всяком случае, семантически соотносятся с ними); ср.,однако, сн. I на сс.140-141

Характерно, что даже в сфере имен, обозначающих исчисляемые события, могут существовать некоторые ограничения на сочетаемость с языковыми единицами, предполагающими наличие у су-

ществительного значения дискретности.

А.А. Драгунов, например, заметил, что имена типа дождь, туман обычно не сочетаются с местоимением этот (в собственно указательном значении). В большинстве случаев нельзя сказать(?) Тот дождь перестал, а этот начал идти [см.: Драгунов 1962: 83-84]. События, подобные "дождю", являются (вероятно, в силу отсутствия у них активного субъекта) скорее состояниями, и в значительной мере именно языковая оформленность (двучисловая парадигма) превращает данные имена в имена событий. Характерно, впрочем, что форма множественного числа дожди обозначает не столько множество отдельных объектов, сколько континуум большой мощности. Естественнее сказать не Сегодня были дожди (даже если дождь шел несколько раз), а Сегодня был дождь - возможная протяженность действия в данном случае сравнительно невелика. Ср., с другой стороны: Осенью шли дожди. Форма дожди, однако, не обозначает "сплошную массу" столь же безусловно, как и формы типа вóды (ср.: Осенью было много дождей), что позволяет, хотя и не без оговорок, отнести имя дождь к именам исчисляемых действий, событий.

Интересен также тот факт, что некоторые двучисловые имена событий, подобно абстрактным именам, не допускают исчисления своих референтов по числу субъектов или объектов действия: невозможны, например, сочетания типа *убийства (смерти) этих людей. При этом в данных случаях всё же допустимо прямое исчисление: Совершено два убийства; В этой семье было несколько смертей.

Многие имена, обозначающие события, обычно не подвергаются точному исчислению, особенно если эти события не очень значимы с точки зрения носителя языка. (Ср. в этой связи точку зрения, по которой событие представляет собой "изменение, отмеченное социумом как важное, необычное, нарушающее привычное в определенный момент времени положение вещей" [см.: Якушева 1984: 7]). Более приемлемыми для говорящего, скорее всего, будут не предложения У него было три выступления на собраниях; Он сделал два прыжка на месте; Он получил один удар, а Он два раза подпрыгнул (ср. полную допустимость Он сделал два прыжка с парашютом - в этом случае изменение событием предшествующего положения дел ощущается более отчетливо); Он три раза выступал (выступил) на собраниях; Его ударили один раз (в конструкциях деловой речи приемлемо и один удар: Ему нанесли один ножевой удар,

действие при этом, вероятно, рассматривается как достаточно значимое). Некоторые имена, не обозначая обычно даже неопределенных по числу множеств ((?) Его приезды радовали всех), все же допускают выделение отдельного события из множества сходных с ним: В один из своих приездов (во второй приезд) он привёз сыну подарок.

Отдельные события часто обозначаются не всеми значениями многозначного имени действия. Так, имя приём имеет множественное число только в значениях 'собрание приглашенных лиц' (В этом месяце в посольстве было два приёма), 'движение, упражнение' (ружейные приёмы) и в устаревшем значении 'манеры' (знать все приёмы). Невозможно, однако: *В райкомах идут приёмы заявлений в комсомол; *Им везде оказывали хорошие приёмы. Имя сбор является исчисляемым лишь в значении 'собрание членов какой-либо организации', ср. невозможность: *сборы мёда, *сборы колонн и т.п. [описание сходных явлений на материале польского языка см.:Topolińska 1981: 132-134] .

Даже исчисляемые имена действия в речи могут функционировать как своего рода singularia tantum , причем в контекстах, которые предполагают множественность обозначаемых объектов. Так, в высказываниях универсального статуса типа Он выступил против преследования негров (впрочем, возможно и против преследований)"существенна именно множественность, многократность" действия [см.: Крейдлин, Рахилина 1981: 19]. Казалось бы, такие случаи можно истолковать как наличие у имени двух лексико-семантических вариантов - "неисчисляемого" и "исчисляемого". Однако вряд ли это допустимо, так как в любом контексте имя типа преследование обозначает объекты одного онтологического типа - действия [см.: Руденко 1988а: 9-10] .

Большие возможности в гносеологическом "выборе" между "прерывностью" и "непрерывностью" предоставляются вещественными именами. Обозначаемые ими объекты занимают определенные участки пространства, обладая, следовательно, пространственной отдельностью, но не имеют "имманентных", внутренне необходимых границ, как бы стремятся слиться в единую массу. Это влияет на специфику их восприятия в обыденном сознании и представления в языке. Как заметил, например, Б.Рассел, "атомистическая" теория, в которой молоко представляется как совокупность своего

рода "молочных индивидуумов" по образцу того, как человечество есть совокупность мужчин, женщин и детей, не отражает реальные смысловые особенности имен типа молоко, хлеб:"Для ненаучного понимания такие названия вещей не тождественны с видами, состоящими из отдельных индивидуумов" [Рассел 1957: 103; ср. также критику трактовки "имён массы" как обозначений классов минимальных частей "вещества": Bunt 1981: 40-48][1].

Онтологически классы типа класса "Молоко", разумеется, дискретны, и эта материальная дискретность отражается в познании, причем также в познании обыденном, ориентированном на макромир. Однако макроэлементы "веществ" (т.е. прежде всего жидких и газообразных сущностей) лишены стандартной, типизированной, точнее даже "сущностно необходимой" формы. Приведём в этой связи формулировку С.Палмэна, по которой "достаточным условием для именования термом массы является отсутствие характерной формы" [Pulman 1983: 70]. Под "характерной формой" в свою очередь понимается скорее "форма, которая является сущностной (essential) или необходимой", чем "форма, являющаяся типичной, но случайной для объекта" [см.: Там же: 71]. Интересно, что форма как таковая, рассматриваемая в соотнесении с философской оппозицией изменчивого/устойчивого, оказывается наиболее тесно связанной со вторым её членом: определяющей тенденцией формы выступает устойчивость [см.: Приписнов 1988: 16; см. также: Структура и смысл 1989: 12; 30-31] . Устойчивость формы при таком подходе может трактоваться как свойство не только отдельного объекта, но и целого класса объектов.

Таким образом, возможность отвлечения от дискретности "вещества" - в частности, в том интервале абстракции, который задается узуальной системой имени того или иного языка и отражает специфику восприятия класса в целом, онтологически достаточно мотивированна. (Как пишет Г.Бант, "имена массы" относятся к сущностям, имеющим структуру "часть - целое", но не выражают каких-либо представлений о "минимальных частях" или элементах этих сущностей[см.:Bunt 1981: 161]).

---

[1] Ср., с другой стороны, суждение А.Тарковского, основывающееся на метафоричном понимании "молекулы": "Вода живет, в ней есть глубина, она движется, меняется, она отражает, как зеркало, в ней можно утонуть, её можно пить, ею можно мыться и т.д. Вы, наверное, слышали, что вся вода Земли - всего-навсего одна молекула" (Экран и сцена. 1990. № 1. С. 10).

Характерно, что отождествление даже отдельных референтов вещественных имен происходит по "материи", "субстрату" (в аристотелевском понимании [см.: Аринин 1989: 9-10]) вещества и/или (не без оговорок, см. выше) его пространственно-временному положению (Дай мне молоко, которое не допил Саша; Молоко стоит там же, где вчера), но не по устойчивой, имманентной форме. Содержимое одной из чашек, в которые была разлита бутылка молока, может быть названо тем же молоком, но назвать обломок стола тем же столом невозможно: утратив свою стабильную материальную границу, предмет в значительной мере утрачивает и своё качество.

Отметим, в этой связи, точку зрения П.Гича, писавшего, что возможность материального отождествления объекта не всегда предполагает его исчисляемость. По Гичу, для того чтобы имело смысл выражение "тот же А", не обязательно должен иметь смысл вопрос "Каково число А?". Мы можем говорить об одном и том же золоте, сначала бывшем статуей, а затем множеством монет, но вопрос "Сколько золот?" лишен смысла [см.: Geach 1968: 39-40][1].

Предположение о вариативности языкового представления "веществ" подтверждается многочисленными фактами. Так в ряде языков - например, тюркских, уральских - вещественные имена могут вполне свободно употребляться во множественном числе, обозначая при этом множественность отдельных объектов, "распределенных" в пространстве или даже времени, а не просто большую массу вещества. Так, "татарское предложение Боз һәм эреде, сулар йогерде (Тукай) (букв. - снег и лёд растаяли, воды побежали) понимается так, что вода течет в разных местах, отдельными ручьями. Башкирское карлар яуган означает, что снег выпал в несколько приемов и в разных местах, так что мы можем говорить

[1] Вопрос типа "Сколько золот?" может становиться осмысленным при введении понятия "количества вещества" (quantity of stuff), которое прилагается к сущностям, сохраняющим, по определению, тождество самим себе независимо от существования какого-либо конкретного материального объекта, по крайней мере его самотождественности. "Количества", понимаемые таким образом, могут исчисляться, но не способны индивидуализировать физические объекты [см., например: Cook 1979: 124]. Как видно, "количество вещества" представляет собой достаточно условную, более гносеологическую, чем онтологическую сущность и явно не вполне точно отражает специфику восприятия макромира человеком. Полное отделение "материи" вещества от реального модуса его существования является слишком сильной абстракцией для обыденного, в том числе "естественно-языкового", познания (С другой стороны, рассматриваемое понятие достаточно точно - хотя и не вполне прямо - отражает тот факт, что объекты, определяемые в качестве "веществ", лишены устойчивой формы).

об отдельных частях этого процесса и этого предмета. В тат. сибелә чәчәк, сибелә чәчәк, сибелә җилләр искәндә җилләр исә дает понять, что ветры дуют или ветер дует в разных направлениях и в разное время" [Ахунзянов 1987: 71-72]. Применительно к уральским языкам ср. ненецк. Коровито' мălакидо" паляд" 'Молоко коров густое', вещественное имя употреблено во множественном числе, так как имеется в виду молоко разных коров; хантыйск. (ваховский диалект) Koȷы н'ăн'т тӓк кытсәт? 'Чей хлеб (букв. "хлебы", куски хлеба) здесь остался?'; нганасан. Баби" сябы" нягә" 'Сырое мясо (букв. "сырые мяса") диких оленей вкусное' [подробнее см.: Меновщиков 1970: 83-84; Терещенко 1956: 41-42; Терещенко 1979: 65-66; Терешкин 1961: 32]. Описание сходных фактов на материале тюркских, палеоазиатских языков, языков американских индейцев см.:[Дмитриев 1956; Скорик 1961: 53-54; Уорф 1961].

Неоднозначность языкового представления объектов рассматриваемого типа может проявляться не только в различных языках, но и в пределах одной и той же языковой системы. Характерно, что даже в языках, факты которых только что приводились, плюрализованное вещественное имя не всегда обозначает множество физически отдельных частей вещества: в ряде случаев употребление множественного числа имеет целью обозначить большую массу вещества или его сорта, виды [см., например: Жукова 1972: 131-132; Меновщиков 1970: 84-85; Терещенко 1979: 66].

Пожалуй, самым нестабильным разрядом неисчисляемых вещественных существительных, наиболее подверженным влиянию конкретных, исчисляемых имен, являются названия самых устойчивых "веществ" - твердых[1]. Имена естественных объектов, относительно небольших, в природе обычно существующих во множестве и обладающих малой степенью индивидности, часто являются неисчисляемыми (картофель, клубника и т.п.). Тем не менее, какую-либо вполне однозначную закономерность здесь вывести затруднительно. Ср.: огурец - огурцы, баклажан - баклажаны, помидор - помидоры, но капуста, свекла, брюква, репа, морковь [фактический материал см.: Поливанова 1983]. Формулировка принципов, по которым имена рассматриваемого типа распределяются между исчисляемыми и

[1] Само определение таких объектов как "вещества", т.е. чего-то сходного с газообразными и жидкими сущностями, лингвистически релятивизировано - применительно к языкам, в которых вещественные имена обычно являются неисчисляемыми.

неисчисляемыми, может иметь только вероятностный, предположительный характер, ср., например: "Названия тех сельскохозяйственных и ягодных культур, которые обладают подчеркнутой дискретностью и крупным размером плодов..., имеют тенденцию [здесь и далее выделено мною - Д.Р.] к парным числовым формам. Названия же плодов, мелких по размеру и массовидных по восприятию, как правило, употребляются только в форме ед.ч. Не исключено также влияние на выбор форм числа и характера произрастания растений: травянисто-земляные и кустарниковые культуры часто обозначаются существительными сингуляриа тантум" [Шелякин 1985: 16].

Отсутствуют и межъязыковые соответствия, даже в случае близкородственных языков. Так, в словацком и чешском языках тенденция к трактовке встречающихся совместно отдельных природных объектов как неисчисляемой массы, видимо, выражена менее отчетливо, чем в русском (в чешском и словацком языках имена подобных объектов тяготеют к употреблению во множественном числе или в формах обоих чисел). Ср.: картофель - слов. zemiaky, чеш. brambory; малина - слов. maliny, ср. zbierat' maliny 'собирать малину' (при malina 'ягода малины'), чеш. malina, maliny; клубника, земляника - слов. jahoda, jahody, чеш. jahoda, jahody; бисер - слов. korálky, чеш. korálky; жемчуг - слов. perla 'жемчужина', perly (lovit' perly 'искать жемчуг'), чеш. perla, perly; миндаль - слов. mandl'a 'миндалина', mandle (ср. lúpané mandle 'очищенный миндаль'), чеш. mandle. (Описание однотипных расхождений между русским и болгарским языком см.: [Попов 1982; Гачев 1988: 127-128], между русским и английским - [Джарвис 1982]. Так, в английском языке обозначения почти всех овощей, ягод, фруктов являются свободно исчисляемыми).

Соответствующие русские имена получают дискретную "трактовку" с помощью сингулятивного суффикса (клубничина, жемчужина) или аналитической формы типа головка капусты, клубень картофеля. Подобные формы, однако, являются словообразовательно и/или семантически производными по отношению к неисчисляемым вещественным именам. Дискретное представление объекта, следовательно, в данных случаях вторично. (В иной терминологии такие факты могут трактоваться как проявление дополнительности грамматических и лексических - или собственно грамматических и словообразовательных - значений [см., например: Васильев 1988: 326]). В целом возможность "вторичной" (с языковой точ-

ки зрения) дискретизации референтов узуально неисчисляемых имен показывает, что представление тех или иных объектов как недискретных осуществляется в языке только по отношению к определенным "интервалам абстракции". (Наиболее отчетливо это проявляется в случае объектов, существующих в пространстве).

О том, что объекты, определяемые в качестве "твердых веществ", могут по-разному представляться языком, свидетельствует также существование слов типа камень, кирпич, зверь, устойчиво (в системе языка) совмещающих в семантической структуре значения дискретности и недискретности. (В этом случае "дискретность" и "недискретность" являются гносеологически почти равноправными даже на уровне одного слова - хотя семантически первичен всё же "дискретный" ЛСВ [описание "исчисляемых" и "неисчисляемых" значений имени с помощью понятия ЛСВ см.: Руденко 1988а]). Ср.: груда кирпичей - машина кирпича; бросаться камнями - добывать камень; звери в зоопарке - бить зверя в тайге и т.п. Такое семантическое явление присуще и другим языкам, ср. англ. cheese 'сыр' (допустимо much cheese 'много сыра' и many cheeses 'много головок сыра'; hair 'волосы' (ср.: some grey hairs 'несколько седых волос' и to let hair down 'распустить волосы' [богатый фактический материал см.: Есперсен 1958: 229-231]. Характерно, что значения, выражающиеся двучисловой формой, с одной стороны, и формой, которую можно условно назвать singularia tantum, с другой, часто денотативно (на уровне классов) тождественны, т.е. различие между ними заключается лишь в способе представления элементов класса. Случаи типа дерево (только ед.ч.) в значении 'древесный материал' и дерево (деревья) со значением 'живое растение' немногочисленны. Ср., скажем, "видовые" имена сосна, береза, вяз, дуб и т.п., которые в форме singularia tantum могут обозначать и "живое", и "обработанное" дерево: Стол сделан из сосны и Сосна хорошо прижилась в нашем лесу. Множественное число без количественных детерминативов, правда, не употребляется для характеристики дерева как материала: *Дом сделан из сосен; однако допустимо Дом сделан из нескольких десятков сосен (точное определение количества исключает континуальность).

Как уже отмечалось, язык схематизирует действительность, отражая в семантике одного слова - во всяком случае, одного

значения слова - лишь некоторые признаки объекта и, в частности, почти всегда только один признак из той или иной оппозиции диалектически связанных свойств, присущих объекту (ср. в этой связи сформулированную по несколько иному поводу точку зрения Э.Р.Атаяна, трактующего "поляризацию аспектов" как важную черту языкового мира: "Связи в объекте относительно непосредственнее, чем поляризованные связи в сознании языкового субъекта" [Атаян 1987: 118]). Такая ситуация обнаруживается и при анализе интересующей нас проблемы отражения дискретного и недискретного в языковой семантике, в частности, в семантике имени.

Е.К.Войшвилло писал, что различение абстрактных и конкретных понятий (в понимании, сходном с предложенным выше) имеет вполне определенный смысл лишь по отношению к определенному языку, в котором точно установлена классификация объектов (по соответствующим признакам) [см.: Войшвилло 1967: 252]. В философии явления такого порядка понимаются как относительность к системам абстрагирования. Поскольку в мире всё диалектически взаимосвязано, любое явление при логическом (впрочем, чисто логическом) выражении допускает две логически одинаково верные трактовки, которые при этом будут взаимоисключающими.[1] Сам понятийный аппарат нашего мышления базируется на антиномических, полярных категориях, таких, как бытие - сознание, количество - качество, прерывность - континуальность и др. [см.: Ахундов, Абдуллаев 1976]. Разумеется, это не значит, что та или иная из полярных точек зрения абсолютно адекватно описывает объект: истинное знание вырабатывается через анализ диалектических отношений и связей противоположных категорий.

С другой стороны, объективные особенности ряда объектов действительности могут делать маловероятной возможность вариативного представления таких объектов в естественном языке - во всяком случае в системе первичной номинации имени. Свойство или отношение в первичном (основной ЛСВ) языковом представлении практически всегда, по крайней мере в языках типа русского, является "абстрактным". С другой стороны, имя материального объекта, имеющего устойчивую и не случайную форму, в подавляющем большинстве случаев будет "конкретным", исчисляемым. (Ср. первый "принцип именуемости" С.Палмэна: "Индивиды, которые являются (относи-

[1] В общефилософском плане та или иная из сторон диалектического противоречия может рассматриваться как ведущая (ср., например, в этом смысле оппозицию прерывного/непрерывного).

тельно однородными), непрерывными и ограниченными, способны получать имена (are nameable)" [Pulman 1983: 63]. При этом указывается, что "синтаксическая" категория исчисляемых имен в значительной мере, хотя и не полностью, соответствует семантическому понятию именуемости. С другой стороны, имена массы соотносятся прежде всего с понятием "вещества", "substance" [см.: Там же: 71]). Действительно, характер оппозиции конкретных/абстрактных имен в общей - хотя только в общей - тенденции определяется онтологическими причинами - высокой или низкой степенью целостности обьекта, стабильностью или нестабильностью его существования в качестве отдельного, наличием или отсутствием у него пространственной дискретности, иными словами - тяготением обьекта, рассматриваемого на уровне обыденного познания, к тому или иному полюсу оппозиции прерывное-непрерывное. Реализация же вторичных "пониманий" объекта (конкретизация абстрактных и вещественных имен, употребление конкретного имени в родовом единственном числе) связана с рядом ограничений и возникновением у имени дополнительных смыслов [см.: Руденко 1988а; 1988б].

В то же время объекты, в обыденном сознании однозначно не отнесенные к "прерывному" или "непрерывному", в системе языка часто однозначно не отнесены также к "конкретным" или "абстрактным", в их языковой классификации проявляются значительные колебания. Эта тенденция была рассмотрена выше на материале "событийных" и "вещественных" имен.

Явления такого порядка обычно трактуются как проявление активности, своего рода самостоятельности языкового отражения (классифицирования) действительности[1]. Г.Бант, например, указывает, что дефиниция, по которой неисчисляемые имена обозначают обьекты, не имеющие определенной формы или границ, является неудовлетворительной. Лингвистический смысл выделения неисчисляемых имен, по Банту, заключается в том, что их языковое поведение в ряде отношений отлично от языкового поведения таких имен, как дом, кольцо, дерево. Однако некоторые имена, хотя и соотносятся с обьектом, не имеющим материальной формы, ведут себя как исчис-

[1] Интересно в этой связи суждение Л.А.Кварчелия, в котором лингвистическая релевантность значений дискретности/недискретности ограничивается прежде всего "промежуточными" случаями рассматриваемого типа: "По существу, признак исчисляемости/неисчисляемости способствует... не столько противопоставлению абстрактных и конкретных существительных, сколько вычленению из их числа круга имен, занимающих промежуточное положение между ними" [Кварчелия 1989: 67]).

ляемые (сон, положение, сущность). В то же время многие существительные с точки зрения "синтаксических" характеристик должны быть признаны неисчисляемыми, хотя обозначают предметы, имеющие вполне определенную форму (мебель, обувь, одежда)[1] [см.: Bunt 1981: 9-10]. Каждое отдельное суждение в рамках такого подхода является вполне приемлемым. В целом, однако, Бант все же слишком радикально "разрывает" онтологическое и лингвистическое, лишает анализируемые языковые категории отражательного содержания (ср., например, точку зрения, по которой count-mass distinction "надо рассматривать не как различие между объектами, а как различие в способах референции" [Там же: 20]). Это в значительной мере обусловлено абсолютизацией случаев несовпадения языковой выраженности и онтологии. (Впрочем, тот же автор отмечает, что имена массы не используются для обозначения "хорошо очерченных" (well-delineated) физических объектов [см.: Там же: 235]).

Соблазнительно истолковать рассматриваемые явления в духе концепции "лингвистической дополнительности", развиваемой Г.А. Брутяном и его школой [см.: Вопросы философии 1988: 260-355] . Действительно, если рассматривать знание об "однозначной" дискретности/недискретности тех или иных сущностей как элемент концептуальной модели мира (КММ), в которой "фиксируется инвариантное знание о мире, независимое от конкретного языка" [Маркарян 1988: 318] ,то вариативность(по отношению к оппозиции дискретного/недискретного) представления объектов некоторых типов в языке может трактоваться как принадлежность (проявление) языковой модели мира (ЯММ). Предполагается, что "за пределами КММ остаются в ЯММ некоторые периферийные участки знания, которые варьируют от языка к языку, дополняющие знания, добытые в КММ" [Там же]. При этом концептуальная модель и модель языковая (они могут трактоваться как множество А и его дополнение) "охватывают всю данную предметную область" [Восканян, Григорян 1988: 311], в данном случае - область того, что,в языковом

[1] Строго говоря, имена типа мебель обозначают не отдельные объекты того или иного вида, а родовые объединения различного (по контексту) объема. Видовое членение предполагается значением имен рассматриваемого типа, но не осуществляется с необходимостью ни в сознании носителя языка, ни в тексте [см.: Руденко 1983а: 161]. Поэтому применение к данным именам чисто денотативных, онтологических критериев вряд ли оправданно. Отражение дискретности, целостности тех или иных "представителей" мебели или обуви не является основным содержанием семантики рассматриваемых существительных, носит в данном случае скорее общепонятийный характер.

представлении,может быть дискретным или недискретным (т.е., вообще говоря, всё отражаемое в системе имени).

Как кажется, обьяснение рассматриваемых языковых фактов через "принцип лингвистической дополнительности" наиболее приемлемо, если оставаться на уровне одного языка. При таком подходе, действительно, вполне очевидно проявляется своего рода самостоятельность языка в представлении "вариативных" с общегносеологической (прежде всего "обыденной") точки зрения обьектов. Особо отчетливой она становится тогда, когда языковая оформленность того или иного имени не согласуется с основной для данного языка тенденцией представления обьектов соответствующего типа. Ср. характерное суждение: "С учетом грамматического основания от абстрактных имен следует отличать "псевдоабстрактные", например: шторм, ветер, смерч, ураган и др. Эти имена существительные во многих учебных пособиях называются среди отвлеченных, абстрактных. Однако грамматически перечисленные существительные, у которых есть взаимообусловленные формы числа, относятся к разряду конкретных, отличаясь от большинства последних степенью очевидности референтов" [Колесников 1988: 95]. Как видно, для обоснования языковой "конкретности" названных имен автор считает необходимым эксплицитно отклонить и денотативный критерий их классификации, и лингвистическую традицию.

Своего рода переходную ступень между рассмотрением интересующих нас имен (например, "событийных") на уровне одного языка и в общелингвистическом (универсально-семантическом) плане формирует точка зрения М.В. Никитина. Он пишет: "Помимо двух традиционно различаемых категорий: конкретных существительных - имен физических тел и их комбинаций и абстрактных существительных - имен признаков физических тел, существует достаточно обширный промежуточный класс вещных слов с нечеткими границами. Это класс конкретно-абстрактных имен существительных" [Никитин 1988: 80; ср. также: Кварчелия 1989: 67-68]). Такое определение, однако, не может быть безоговорочно принято ни исследователем конкретного языка, ни лингвистом-семиологом (особенно если учесть, что М.В. Никитин не дает собственно лингвистического - или хотя бы преимущественно лингвистического - определения ни конкретным/абстрактным именам, ни именам вообще). В отдельном языке имена конкретных обьектов выделенного "промежуточного класса" являются, что эксплицируется в их формальных признаках, или конкретными или абстрактными.

В универсальном же плане такие слова являются не "конкретно-абстрактными именами", а именами, которые в различных языках могут быть и конкретными, и абстрактными.

Как кажется, при универсально-семантическом анализе специфики именования "твердых веществ" и событий данное явление можно рассматривать - конечно, не без оговорок - как "предпосылку возможности" [ср.: Дудель 1989: 90] диалектико-логического отражения действительности. Хотя предполагается, что "диалектическое противоречие познается не обыденным, а научным мышлением" [Там же: 105], всё же явление вариативности языкового представления интересующих нас объектов можно анализировать с использованием некоторых понятий из сферы "диалектической логики".

Так, к рассматриваемым языковым фактам применима - очевидно, прежде всего при их универсальной трактовке - диалектико-логическая формула "и - и" (в данном случае - и дискретное, и недискретное), которая "явно допускает противоречия в мышлении как отражение реальных противоречий" [Диалектика 1962: 184]. Можно утверждать также, что представление в именной семантике "события" или "твердого вещества" как дискретного или недискретного является, причем именно по отношению к системе имени, частично истинным и ложным одновременно. При этом в системе языка (возможно, и конкретных языков[1]) "истинность каждого из суждений [представлений - Д.Р.] "усиливается", становится полнее, а момент заблуждения взаимно гасится" [Лежебоков 1981: 133].

В целом исследуемое языковое положение дел обусловлено отсутствием однозначного (по параметру дискретности/недискретности) отражения ряда объектов в общегносеологической, концептуальной картине мира. Важно отметить, что та концептуальная картина мира (или, во всяком случае, та часть концептуальной картины), для которой значимо противопоставление дискретного/недискретного (в том их аспекте, который исследуется в данной работе), в значительной мере вырабатывается обыденным, не научным познанием, фиксирующим прежде всего закономерности макромира (соответственно "макро" - дискретности и недискретности). В свою очередь, именно такой тип дискретизации континуума действительности лежит в основе языкового членения реальности. Как отмечает, в частности, В.И. Кузнецов, "совпадение" структур объективной ре-

---

[1] В частности, при рассмотрении денотатов соответствующих имен не в качестве объектов конкретных типов, а в соотнесении с широким классом "событий" или "твердых веществ".

альности и языка "является относительным, а не абсолютным. Оно имеет место не для всех сущностных уровней, а только для тех из них, непосредственно - практическое освоение которых послужило природным основанием антропогенеза и социогенеза. С современной точки зрения, эта часть оказывается сферой действия и проявления некоторых закономерностей так называемого макромира" [Кузнецов В.И. 1987: 134].

Оправданно предположить, что вариативность языкового представления обьектов определенных типов по признаку дискретности/недискретности обусловлена прежде всего не "активностью" языка в презентации "периферийных" участков знания, а диффузностью некоторых фрагментов общей концептуальной модели мира (точнее, ее "обыденно-познавательной" части), отсутствием в ней четкого разграничения всех без исключения объектов на дискретные и недискретные. Характерно, что в концепции Г.А. Брутяна к сфере "языковой модели мира" относятся не денотативно ориентированные, а в большей или меньшей мере субъективно окрашенные языковые явления, в частности оценочные, эмоционально-экспрессивные [см.: Маркарян 1988: 320]. Предполагается, что они "остаются за пределами логического отражения" [Брутян 1968: 48], и это действительно так - если иметь в виду под "логическим" логику обыденного сознания (в значительной мере направленную на дискретизацию макромира, классифицирование его элементов).

Разумеется, нельзя отрицать значимость роли конкретного языка в "выборе" между прерывностью и непрерывностью в представлении тех или иных внеязыковых сущностей. По-видимому, специфика языка в этом плане определяется прежде всего его общими грамматическими особенностями. Так, для языков, в которых не развита морфологическая категория числа, характерно расширение состава конкретных имен "за счет" существительных, которые в языках типа русского обычно являются узуально неисчисляемыми, и, тем более, тех имен, которым потенциально присуща вариативность языкового представления (см. ниже). Возможно и влияние более частных факторов, например аналогии (ср. исчисляемость имен большинства овощей, фруктов, ягод в ряде славянских языков).

Различный характер соотношения конкретных и абстрактных имен в языках мира может служить лингвистической иллюстрацией к философскому (диалектико-материалистическому) положению о наличии связей между категориями "интервальности" и "дополнительности". Ср. в частности: "Содержание принципа дополнительности

в одном аспекте шире содержания интервальности - он предполагает ведь и особый тип соотнесения разных интервалов" [Каган 1983: 39-40]. Уже у Аристотеля представлена мысль о том, что "природа целого и его специфика определяется функцией данного определенным образом построенного субстрата в более широкой системе связей... Именно это более широкое целое и превращает возможность целостности в действительность" [Науменко 1968: 130]. Для Аристотеля таким "широким целым" является система человеческой жизнедеятельности, в нашем же случае его формирует общая грамматическая система языка, прежде всего система имени, "предметности".

Заметим также, что в ряде гносеологических систем ведущую роль в формировании "общего целого" играет именно дискретное (а не непрерывное). Ср. например у Г. Гачева характеристику одного из типов мифологической концепции мира, соотносящегося с определенным пониманием Целого: "Камень есть земля, материя, ориентированная на воз-дух, тогда как масса, из которой хтонические, титаны, - нерасчленённо сырая, безвидная (безыдейная), непрерывная протяженность (тогда как камень - воздух есть пунктир: бытие - небытие, завелась дискретность как принцип склада Целого)" [Гачев 1988: 394]. Действительно, для внутренне структурированного целого (т.е. целого в собственном смысле), содержащего разнообразные связи, в частности - если попытаться установить прямые параллели с языком -"оппозиции", "дискретное" является гносеологически более значимым, чем "недискретное". Непосредственно в сфере имени доминация "прерывного" проявляется в том, что именно имена со значением дискретности наиболее полно воплощают в себе значение "предметности", шире - универсально-семантические признаки имени.

Основным (хотя, конечно, не единственным) фактором, обусловливающим потенциальную вариативность языкового представления объектов определенных типов является их онтологическая (на уровне макромира) природа, отражающаяся в общепознавательной картине мира. Именуя "события" и "вещества", язык не "вносит свои своеобразные коррективы" (эта метафора принадлежит С.А. Васильеву [см.: Васильев 1988: 322]) в концептуальную модель мира, а лишь эксплицирует гносеологическую неопределенность некоторых её фрагментов. (Разумеется, такое положение дел предопределено наиболее общими свойствами самого языка, в частности, его ориентированностью на обыденную логику, логику макромира. Данное свойство языка, однако, явно не может трактоваться как проявление

ление "лингвистической дополнительности"). Ведущая роль онтологического, денотативного в сфере имен одного из рассматриваемых типов (вещественных) хорошо эксплицирована, например, в логико-семантической концепции С.Палмэна. Анализируя точку зрения, по которой "мы полагаем, что нечто не имеет формы именно потому, что оно обозначено именем массы", Палмэн отмечает, что правильная интерпретация языкового положения дел заключается в том, что центральные «"образцы" (instances) термов массы не имеют характерной формы, и это является фактом, относящимся к ним, а не чисто лингвистическим фактом. Однако этот факт семантически связан с языковой категорией имен массы, так что через употребление слова, способного функционировать в качестве исчисляемого имени, как имени массы можно показать, что соответствующий объект не имеет отчетливой формы» [Pulman 1983: 72].

Как видно, оппозиция конкретных/абстрактных имен в целом носит адекватно-отражательный характер, хотя и оставляет тому или иному отдельному языку определенную"свободу выбора". (В этом смысле интересна мысль И.И. Ревзина о том, что категория числа, являясь в целом отражательной,"логической"категорией, специфическим образом организует представление действительности в языке [см.: Ревзин 1978: 180]; об интерпретативном аспекте категории числа имени см. также: [Худяков 1989]).

Важно отметить, что в ряде случаев онтологический (в собственном смысле) критерий вообще не влияет (иногда априорно не может влиять) на свойства имени. В частности, имена высокой степени обобщенности типа <u>событие</u>, <u>явление</u>, <u>причина</u>, <u>процесс</u>, <u>отношение</u>, <u>признак</u>, <u>вывод</u>, <u>следствие</u>, <u>мысль</u>, <u>идея</u>, не обозначая материально целостных (или вообще материальных) объектов, являются устойчиво исчисляемыми, как бы "логически конкретными". Такие слова, действительно, характеризуют наиболее общие категории бытия и познания, и поэтому к ним неприложимы "непосредственно-онтологические" критерии. (Интересно в этой связи своего рода "удивление" У.Куайна по поводу того, что имена <u>цвет</u> и <u>форма</u> на "поверхностном" - т.е. формально-грамматическом - уровне аналогичны общим именам, обозначающим физические тела [см.: Quine 1973: 86-87]). Характерно, что некоторые авторы предлагают различать "не два, а три типа имен: имена собственные, нарицательные и категориальные" [Атаян 1987: 323]. (При этом оппозиция единичных и общих имен трактуется отчасти в онтологи-

ческом духе, через противопоставление явления и сущности [см.: Там же: 54-55]). "Категориальные имена" в некоторых отношениях могут быть сопоставлены с "метаименами" Ю.С. Степанова ([см.: Степанов 1981: 95-96] ; кроме того: [Яцкевич 1987: 81-84]), которые также рассматриваются как особый (по отношению к индивидным и общим именам) языковой подкласс.

Имена исследуемого типа представляют собой своего рода дискретизаторы (выражаясь в терминах грамматики изолирующих языков - классификаторы) континуума действительности - но континуума не столько непосредственно данного, сколько концептуального. Тот факт, что исчисляемость является практически универсальной характеристикой таких имен, показывает, что концептуальная модель мира, соотносимая с инвариантными для естественного языка способами отражения действительности, включает в себя некоторые научные элементы, не сводящиеся к чисто терминологической лексике [ср., например: Васильев 1988: 324-325] . Исчислению имен типа мысль, вывод, отношение не препятствует отсутствие у их денотатов онтологической дискретности[1]. (Отметим, в этой связи, философскую (диалектико-материалистическую) точку зрения, по которой в категориях дискретности и недискретности как таковых

---

[1] Л.А. Кварчелия, анализируя развиваемую в данной работе трактовку конкретных/абстрактных имен, замечает: "Д.И. Руденко считает, что языковая специфика слова может быть обнаружена лишь через такой лингвистический признак, как образование множественного числа, и, соответственно, противопоставляет имена по тому, как, в каком качестве представлены обозначаемые ими объекты: либо как целостные, исчисляемые объекты, либо как лишенные этого признака. Справедливо отмечая формальную выраженность указанного признака и в связи с этим его лингвистическую релевантность, автор... несколько абсолютизирует его роль в семантической структуре слова, считая данный признак основополагающим для противопоставления конкретных и абстрактных имен. Все исчисляемые имена относятся автором к классу конкретных имен, все же неисчисляемые - к классу абстрактных. Такое утверждение не может быть принято безоговорочно, поскольку среди наименований, абстрактная сущность которых не вызывает сомнения, многие характеризуются способностью к образованию множественного числа" [Кварчелия 1989: 67]. Не говоря о том, что в приведенном рассуждении смешиваются два существенно отличных понимания абстрактного (как лишенного отдельности и не воспринимаемого чувственно), круг исчисляемых имен, обозначающих "абстрактные сущности" (т.е. прежде всего метаимен), не настолько значителен, чтобы они перестали быть исключением,подтверждающим правило (в частности, "правило", закономерность денотативной мотивированности оппозиции конкретных/абстрактных имен). Более того, непосредственно-онтологическая (материальная) дискретность не является единственным типом дискретности, представленным в человеческом универсуме.

ещё не фиксируется наличие в бытии пространственных и временных границ, качественная определенность, онтологическая самостоятельность объектов [см.: Прерывное и непрерывное 1983: 171]).

Как кажется, рассмотрение тех подклассов общего имени, для которых характерна вариативность языкового представления, может трактоваться как своеобразный "мостик" к анализу специфики выражения категории общего имени в языках различного типа.

§ 4. ОБЩЕЕ ИМЯ В ЯЗЫКАХ РАЗЛИЧНОГО ТИПА: (ФРАГМЕНТ ОПИСАНИЯ)

Приводимые до сих пор аргументы в пользу универсальности общих имен в системе языка и их центрального положения в системе существительного носили в значительной мере логико-лингвистический (шире - лингвофилософский) характер. Вполне возможно, однако, и конкретно-языковое обоснование данных положений. Действительно, категория конкретных имен достаточно отчетливо выделяется в языках, очень значительно отличающихся от языков "европейского" типа по характеру выражения числовых значений, в частности лишенных развитой морфологической категории числа (или даже морфологической категории числа вообще).

Так, в "изолирующих" (аналитическо-агглютинирующих) языках (китайском, бирманском, языке чжуан и т.п.), в которых морфологические категории, в том числе категория числа, развиты очень слабо, а отдельное слово представляет собой нечто вроде изолированного корня или основы, не имеет флексий, общие имена все же получают последовательное языковое выражение - хотя и не синтетическим, внутрисловным способом. Это возможно потому, что в таких языках существует особая категория классификаторов - отдельных слов, выражающих значение дискретности и представляющих объект как обособленный элемент мира. (Состав классификаторов в изолирующих языках разнообразен: обычно они ориентированы на сочетаемость с именами определенной, более или менее узкой, семантики (ср. определение явлений такого рода как "семантического согласования": [Солнцева 1985: 236-237]) - хотя имеются и универсальные классификаторы с общим значением предметности, типа кит. г э). По определению А.А. Москалева, классификатор выполняет в сочетаниях с непосредственно не исчисляемыми существи-

тельными функцию показателя грамматической категории считаемости [см.: Москалев 1971: 114]. (Согласно более известной, но менее точной дефиниции А.А. Драгунова, классификаторы представляют собой единицы измерения, которые употребляются при подсчете индивидуальных предметов [см.: Драгунов 1952: 45]).

Следовательно, в качестве "общего имени" в изолирующих языках может определяться не отдельное слово, а сочетание "слова-корня" или "слова-основы" с классификатором. Только в таких сочетаниях непосредственно не исчисляемые имена могут свободно употребляться с числительными, т.е. подвергаться исчислению. Ср., например, факты языка чжуан: wŭn^{2} – имя со значением "человек"[1], pŏw^{4} – универсальный классификатор существительных подкласса лиц; ha^{3} – числительное "пять": ha^{3} pŏw^{4} wŭn^{2} – "пять человек"; ten^{2} – "одеяло", fan^{1} – классификатор названий постельных принадлежностей, sam^{1} – "три": sam^{1} fan^{1} ten^{2} – "три одеяла", căj^{1} – "плуг", fak^{6} – классификатор существительных, обозначающих предметы с рукоятками, soŋ^{1} – "два": soŋ^{1} fak^{6} căj^{1} – "два плуга". (Определенную аналогию таким конструкциям можно обнаружить в русских словосочетаниях типа два стакана воды, три килограмма сахара, в которых слова стакан, килограмм, кусок и т.п., называющие форму или меру вещества, выполняют функцию, сходную с функцией классификаторов, т.е. делают возможным исчисление самостоятельно не исчисляющихся имен).

При употреблении непосредственно не исчисляемого существительного без классификатора значение дискретности не эксплицируется синтагматически, и имя представляет класс главным образом в признаковом, "интенсиональном" плане. Ср., например, чжуан taŋ^{6} năw^{2} po^{6} kŏw^{1} hăj^{3} mŭn^{2} kĭm^{1} ŋăn^{2} caj^{2} paw^{3}... 'Если мой отец будет давать тебе золото, серебро, драгоценности...' Существительное caj^{2} paw^{3} 'драгоценности', употребленное без классификатора, не выражает ни значения единичности, ни значения множественности, причем возможность восстановления числа предметов из контекста не имплицируется именем. На первый план в подобных случаях выходит собственно лексическое значение существительного (ср. определение "немаркированной формы" как нулевой, передающей только общее представление о классе предметов [см.: Солнцева 1985: 227-229]).

Непосредственные параметры существования объекта (единич-

[1] Цифрами в транслитерации обозначаются фонемы.

ность, множественность, отчасти сама дискретность[I]) в синитических языках в общей тенденции не могут быть эксплицированы без помощи классификаторов. В употреблениях, в которых отсутствуют данные языковые единицы, обычно подчеркивается только факт существования/несуществования в универсуме объектов, соответствующих определенным признакам [о "признаковой" трактовке существования см.: Петров Ю.А. 1969; Руденко 1989в; Żabski 1988].

Заметим, что числовые характеристики объекта "подавляются" именем без классификатора в языках типа китайского более радикально, чем формами числа (в частности, множественного) со значением существования в индоевропейских языках. А.Вежбицка, например, исключает из толкования случаев первого типа даже предположительное (через метаязыковые элементы типа to assume 'предполагать') указание на количество [см.: Wierzbicka 1980: 60-66].

И.И.Ревзин и О.Г.Ревзина выделили два основных способа выражения идеи предмета в языках мира. Предмет может мыслиться или "как точка или резко отграниченная область в системе пространственно-временных координат - в этом случае чрезвычайно существенна отделенность предмета от других ему подобных", или "как точка или область, но уже не в пространстве координат места и времени, а в абстрактном, n-мерном пространстве свойств и признаков" [см.: Ревзин, Ревзина 1977: 179; кроме того: Ревзина 1974а]. Первый способ представления предмета характерен, в частности, для индоевропейских языков, обычно имеющих развитое противопоставление по числу. Предполагается, что второй способ более или менее последовательно реализуется в языках, в которых не развита или отсутствует морфологическая категория числа.

Тем не менее, тот факт, что имя в языках типа китайского не способно "самостоятельно", т.е. с помощью внутрисловных грамматических средств, выражать числовые смыслы (даже непосредственно исчисляемые имена - например, обозначения мер - в таких языках обычно передают собственно числовые значения лишь в сочетании с числительными), не свидетельствует о том, что в системе имени синитических и сходных с ними языков не выражается значение дискретности, исчисляемости объектов. Напротив, оно обладает развитой системой форм - классификаторов. Классификатор, являющийся отдельным словом, даже с элементами индивидуального лексического

[I] Стабильная отдельность объекта может быть недифференцированно отражена уже в лексическом значении слова.

значения (которое можно определить как "указание на класс" [ср.: Руденко 1983б], а не прямое обозначение класса), выражает значение дискретности, но не в системе морфологических средств предметности, а аналитически [о классификаторах как аналитических формах см.: Солнцева 1985: 110-112], т.е. представляет собой сочетаемостный показатель предметности. (Характерно, что, по выведенной Дж.Гринбергом универсалии, в языках с классификаторами отсутствует обязательная категория числа [см.: Greenberg 1972; Ревзина 1974а]).

Положение об абстрактном ("признаковом"), отвлеченном от пространства и его дискретизации способе представления предмета в анализируемых языках, таким образом, применимо прежде всего к изолированным, исследуемым вне речи, функционирования именам таких языков, но не к именам, рассматриваемым в синтагматическом аспекте, с учетом их сочетаемостных свойств. В этой связи не кажется приемлемой точка зрения, по которой в языках типа китайского существительное "не имеет семантических признаков, кроме df_ R" [Литвинов 1986: 130], т.е. тех, которые характеризуют его как своего рода логический аргумент, в чисто синтаксическом аспекте. Однако отказ от соотнесения с "китайским" именам признака дискретности не является оправданным - особенно если учесть, что автор допускает возможность такой трактовки предметности, при которой "существительное обретает признак дискретности, получая в речи категориальное оформление; в прочих случаях оно семантически невычлененно" [Там же: 127] (в иной формулировке "признак дискретности принадлежит грамменме существительного, надстроенной над лексикой, и реализуется в имени при заданных грамматикой условиях" [Там же: 130]). Предполагается, что подобный способ выражения предметности осуществляется в агглютинативных языках типа турецкого. Однако классификаторы в синитических языках вполне могут рассматриваться как единицы, входящие в сферу существительного как словотипа и "придающие" тем или иным именам в речи значение дискретности. Признак "дискретности", как можно предположить, является универсальным семантическим параметром существительного - хотя и характеризующимся существенно различными способами формального выражения.

Так, "общие имена", получающие аналитическое выражение, во многом отличны от "общих имен" в языках типа русского. В частности, тот факт, что общие имена в изолирующих языках в значительной мере являются фактом речи и лишь потенциально представлены в

системе языка, обусловливает бо́льшую семантическую свободу выражения исчисляемости имен в таких языках, чем в языках с развитой флективной категорией числа. На синтагматическую ("контекстуальную"), осуществляемую с помощью классификаторов дискретизацию континуума действительности налагается меньше ограничений, чем на дискретизацию внеречевую (зафиксированную в узусе), выражаемую самим именем, ее легче мотивировать психологически. Как отмечает, например, В.Д. Мазо, в языках рассматриваемого типа "абстрактные существительные поддаются счету, а вещественные свободно образуют множественное число" [Мазо 1978: 162]. Иными словами, сфера конкретных (общих) имен в таких языковых системах расширяется "за счет" многих из тех существительных, которые в русском и сходных с ним языках являются неисчисляемыми, прежде всего имен действий и вещественных имен. (По-видимому, само определение имен как "абстрактных" или "вещественных" в языках типа китайского базируется в большей степени не на их грамматической специфике, а на специфике их денотатов).

Тем не менее, даже в изолирующих языках, в которых отсутствует морфологическая оппозиция по числу, исчисление свойств, действий и отношений не является абсолютно, "стопроцентно" свободным и связано хотя бы с небольшими ограничениями, по крайней мере вероятностного характера - что свидетельствует о существовании элементов системного, внесинтагматического противопоставления исчисляемых и неисчисляемых существительных.[1] Например, грамматический суффикс множественности, типа кит. - <u>мэнь</u> могут присоединять только обозначения материально обособленных, целостных объектов (в частности, имена лиц). Важным является и тот факт, что классификаторы устойчивых материальных объектов существенно преобладают по количеству над специализированными классификаторами свойств, действий, отвлеченных понятий.

По-видимому, к явлению исчисляемости имен в языках типа китайского в наибольшей мере применима точка зрения, по которой исчисляемость/неисчисляемость представляют собой "атрибуты", достаточно свободно приписываемые именам [см: Bolinger 1969: 37-39], и формируют различие не между словами, а между их употреблениями [обзор см.: Bunt 1981: 10-12]. С другой стороны, "на фоне" изолирующих языков достаточно хорошо видна чрезмерная ра-

---

[1] В общем виде о возможности вероятностного, статистического подхода к исчисляемости имен различных семантических типов (в том числе обычно неисчисляемых) см.:[Андреева 1989: 19-21].

дикальность такой позиции в применении к языкам типа английского, на материале которых обычно и формулируются подобные положения. Так, позиция Д.Болинджера в значительной степени базируется на существовании имен, у которых как исчисляемый, так и неисчисляемый ЛСВ носят узуальный, системный характер (ср., например, имена типа caramel 'карамель как масса' и 'конфета из карамели'; cheese 'сыр как вещество' и 'головка сыра'; cork 'пробка как вещество' и 'пробка как предмет' ; hair 'волосы' и 'волос'. Однако такие случаи сравнительно редки (что отмечает сам Болинджер) и вряд ли дают основания для универсальных выводов. Основное же состоит в том, что для подавляющего большинства имен может быть вполне однозначно выделен исходный, основной ЛСВ, являющийся не семантически диффузным, а конкретным или абстрактным, "исчисляемым" или "неисчисляемым", причем обычно трансформирующийся во вторичный ЛСВ с ощутимым сдвигом в значении слова (ср. точку зрения С.Есперсена по этому поводу: "Первоначальное значение относится иногда к одному, а иногда к другому разряду" [Есперсен 1958: 231 ; ср. также позицию Г. Банта: Bunt 1981: 10-12]. Представляется поэтому более приемлемым подход Т.Трэйна, который, указывая на относительность противопоставления исчисляемых и неисчисляемых имен и возможность их "рекатегоризации", все же отнюдь не исключает из анализа соответствующего явления понятие категории [см.: Thrane 1980: 80-81]. Впрочем, надо иметь в виду, что у абстрактных имен флективных языков аналитического типа, таких как английский, в несколько большей мере развита способность к плюрализации и приобретению конкретных смыслов, чем у однотипных имен в синтетических языках [см.: Руденко 1988а] .

Учитывая, что русский язык в настоящей работе рассматривается как представитель человеческого языка вообще, эксплицирующий те или иные общие закономерности именной семантики, отметим, что он обладает в этом смысле достаточной иллюстративностью, в частности располагает вполне жестким, последовательным, узуальным противопоставлением конкретных/абстрактных имен.

Наличие в современном русском языке - флективном языке синтетического типа - особых классов конкретных и абстрактных существительных вытекает из природы русской категории числа: данная категория обладает развитой смысловой системой, которая не сводится только к значениям единичности/множественности и содержит также сему недискретности. Именно в языках с развитой морфологической категорией числа классы конкретных и абстрактных существительных

представляют собой достаточно устойчивые и замкнутые категории лексем, обладающие собственной семантической и формальной спецификой. Наибольшей устойчивостью такие категории характеризуются в языках с последовательно синтетическим способом выражения числовых значений. (В частности, на конкретизацию неисчисляемых (собственно абстрактных и вещественных) имен в русском и сходных с ним языках налагаются довольно многочисленные семантические ограничения, порождаемые языковой системой; приобретение абстрактным именем признака исчисляемости обычно связано с ощутимым сдвигом в значении слова [см.: Там же]).

Рассмотренные языковые факты подтверждают точку зрения, по которой различия в строе языков еще не являются основанием для вывода о том, что то или иное значение выражается в каком-либо языке намного успешнее, чем в другом [см.: Серебренников 1983: 227]. Данная мысль вполне применима к такому фундаментальному для имени (и языковой семантики в целом) значению, как значение дискретности (на котором грамматически базируется категория конкретных имен). "Конкретное имя" как семантическая категория существует даже в изолирующих языках, хотя в них она в очень значительной мере зависит от синтагматики, речи и слабо противопоставлена абстрактным именам. Семантическая универсальность общего имени - при всех различиях в технике его выражения - по-видимому, в значительной мере определяется универсальностью понятийных категорий единичности и множественности [см. о них: Худяков 1989].

Возможно, даже у некоторых имен изолирующих языков - в частности, имен лиц - есть зачатки синтетического, "внутреннего" значения дискретности, которое не всегда нуждается в синтагматической поддержке. Так, в китайском языке обозначения людей могут приобретать грамматический суффикс множественности - мэнь, который не употребляется в одной именной группе с классификаторами. Впрочем, это не делает антропонимы именами, которые обладали бы инвариантной способностью к исчислению, заложенной в семантике самого существительного. (В общем виде способность антропонимов приобретать грамматический показатель множественности объясняется высокой "степенью индивидности" людей, объективной значимостью их отдельности, обособленности [см.: Степанов 1981: 71-96]; о некоторых грамматических проявлениях данного явления см. также [Руденко 1983а; 1987в]).

В качестве безусловных узуальных, собственно языковых общих имен изолирующих языков можно рассматривать только немногочислен-

ные лексические единицы - названия единиц измерения, имена целостных совокупностей и обозначения места (они включаются в разряд непосредственно исчисляемых существительных) [см.: Москалев 1971; Ван Ляо-и 1954: 85-88]. Отсутствие у подобных имен узуального значения дискретности означало бы, что данные существительные утратили свою смысловую (лексико-семантическую) специфику. Так, абстрактное представление меры с семантической точки зрения недопустимо, ср. невозможность имен типа *<u>килограммовость</u>, *<u>минутность</u>, *<u>метровость</u>, *<u>микронность</u>. В некоторых работах названия единиц измерения рассматриваются как отвлеченные имена [см., например: Комарова 1983]- видимо, на том основании, что обозначаемые ими единицы не имеют самостоятельного физического существования. Однако языковые факты свидетельствуют о том, что такие существительные являются конкретными, так как необходимо выделяют в континууме действительности некие условные отрезки, как бы отделенные друг от друга (килограмм + килограмм = два килограмма). Концептуальная природа единиц измерения не противоречит дискретному характеру соотносимых с ними сущностей, более того - необходимо предполагает их "отдельность". Лингвистически такое положение дел эксплицируется в свободной исчисляемости имен рассматриваемого типа, распространяющейся на типологически очень отдаленные друг от друга языки.

Сходным образом ориентированы на условное членение пространственного континуума имена места, такие, как чжуан biŋ^{3} 'сторона', ki^{2} 'место' (ср. невозможность образований типа *<u>сторонность</u>) Названия совокупностей, типа чжуан kjǒŋ^{5} 'стадо, группа, стая', paŋ^{1} 'стая, толпа', лишенные узуальной семы дискретности, вряд ли смогли бы функционировать как наименования множеств-единиц, т.е. таких совокупностей, которые образуют относительно устойчивое целое, отличающееся от других целых.

Заметим, что у самих классификаторов, которые также относят к непосредственно исчисляемым именам, грамматическая функция явно доминирует над лексической. Поэтому их нельзя трактовать как подлинные общие имена: последние, выделяясь по грамматическим признакам, обладают (уже потому, что они являются именами) и самостоятельной, развитой лексической семантикой. (Ср., в этой связи, точку зрения, по которой классификаторы ("счетные слова") "следует рассматривать в одном ряду с существительными в качестве одного из подклассов существительных, хотя нельзя не признать, что счетные слова не являются существительными в точном смысле

слова" [Ли Цзиньси, Лю Шижу 1989: 94]).

§ 5. ОБЩЕЕ ИМЯ В СИСТЕМЕ ЛЕКСИКИ

Завершая главу, отметим, что предложенная в ней трактовка конкретных, или общих, и абстрактных имен вполне может быть соотнесена с такими концепциями имени, в которых оно рассматривается преимущественно в лексическом (условно - чисто семантическом) аспекте. Мы имеем в виду, в частности, теорию имен естественных и номинальных классов (выражаясь более лингвистически - идентифицирующих и качественных имен) [подробно см.: Арутюнова 1980а; Руденко 1987а].

Как представляется, на роль наиболее типичных имен может претендовать прежде всего одна из основных категорий общего имени - имена естественных классов (тигр, муравьед, тюльпан, береза, человек и т.п.). Специфика таких существительных в некоторой степени соответствует и определению именования как указания (на основе такого понимания собственные имена иногда трактуются как имена по преимуществу [см.: Степанов 1985а: 15]), и трактовке именной парадигмы "философии языка" как семантической парадигмы [см.: Там же: 5] . С одной стороны, значение имен естественных родов сколько-нибудь четко не членится на отдельные семантические компоненты (по которым они последовательно противопоставлялись бы друг другу в системе языка), из чего может создаваться впечатление, что данные имена обозначают объект "жестко", без помощи психических концептов (ср. в этой связи логико-лингвистическую концепцию имени как "жесткого десигнатора", развиваемую С.Крипке и его последователями [подробно см.: Руденко 1987а]). С другой стороны, имена естественных классов всё же обладают общей, хотя и не признаковой, семантикой: основу их значения составляет целостный чувственный образ объекта, в общей тенденции образ обобщенный (схематизированный).

Для нас особо важно то, что имена естественных родов в своем большинстве являются свободно исчисляемыми (ср. мнение об ориентации "ядерных" существительных на обозначение дискретных сущностей [см.: Wierzbicka 1986: 385]). Исключение составляют прежде всего неисчисляемые имена веществ, типа рус. рожь, вода, золото. Однако вещественные имена, рассматриваемые в уни-

версально-языковом плане, формируют наименее стабильное звено неисчисляемых существительных. Собственно абстрактные же имена, уже потому, что они называют изолированные, мысленно отвлеченные от объектов-носителей свойства, отношения, действия, представляют собой имена номинальных сущностей (хотя, вероятно, не самые типичные). Такие слова обозначают реальные "аспекты" действительности, в языковом представлении которых как обособленных, отдельных, однако, значительную роль играет гносеологический момент. Смысловая структура подобных имен,как и других ("чистых") имен номинальных классов, состоит из относительно небольшого числа дифференциальных признаков, по которым имена противопоставляются друг другу в системе языка в целом и внутри различных лексико-семантических групп (образцы компонентного анализа имен номинальных классов, в том числе абстрактных, см.:[Ломтев 1969; Степанская 1989]). Семантика имен номинальных родов базируется на выделении тех или иных особых, отдельных аспектов (свойств) естественных объектов (почти исключительно людей), и в этом смысле носит более или менее отчетливый предикатный (в широком смысле) характер[1]. (Так, собственно абстрактные имена обычно не выступают непосредственно в роли предиката; если они все же выполняют эту функцию, в предложении осуществляется не характеризующая, а идентифицирующая предикация [ср.: Сергеева 1989: 118]; ср. высказывания типа Этот человек был воплощенное спокойствие; Она само благородство; Он олицетворенное презрение. Однако в тех случаях, когда с помощью абстрактного существительного осуществляется условное отождествление свойства с материальным объектом, последний рассматривается только в аспекте данного свойства, в отвлечении от прочих его признаков. Это проявляется в наличии экспрессивных смыслов у предложений тождества с абстрактными именами. Высказывание Она сама доброта относит признак к объекту с большей степенью необходимости, эмоциональности, чем высказывания Он добр или Он добрый человек. В расчет принимается лишь одно, представленное в качестве наиболее характерного, значимого для объекта свойство (предикатное отношение). Таким образом, хотя предикатная позиция и не типична для абстрактных имен, она все же вполне отчетливо эксплицирует их более широкие, не сводящиеся к жестко-синтаксическим ориентациям предикатные характеристики).

[1] Ср.трактовку "однопризнаковых" имен,типа герой,святой, хулиган как не вполне типичных существительных [см.: Wierzbicka 1986:375].

Важно подчеркнуть, что противопоставление имен естественных и номинальных классов реализуется и "внутри" категории общих имен[I], причём те свойства имен естественных классов, которые проявляются при этом (в общем виде - неспособность последовательно развивать предикатно-качественные смыслы), подтверждают тезис о большей типичности их как имен.

Так, отличие идентифицирующих и двучисловых качественных имен эксплицируется в том, что от первых очень редко образуются узуально-языковые (по-видимому, и речевые) номинализации (невозможно: *девочковость, *цветковость, *лимонность, *тигровость, *тюльпанность и т.п.). Для имен номинальных классов подобные трансформации также не являются обязательными, но всё же возникают (через посредство прилагательного, первоначально обычно относительного) гораздо чаще. Ср.: студенчество (времена его студенчества), геройство, девичество, гурманство, плебейство, ханжество, циркачество, якобинство и т.д.

Многие качественные имена (не абстрактные) имеют ограничения на употребление в позиции синтаксического субъекта, обладая, по точной формулировке Е.В.Падучевой, "врождённым предикативным статусом"[Падучева 1984: 296]. Ср. довольно малую приемлемость: (?) Холостяк (курильщик, лжец, хулиган, подлец, негодяй)подошел ко мне. В ряде языков в такой позиции перед именем рассматриваемого типа может употребляться указательное местоимение, типа этот, выполняющее, однако, не функцию выделения объекта из класса, а функцию усиления,интенсификации признаков объекта (обычно в той или иной мере отрицательных). Ср.: Этот негодяй (холостяк) мне надоел ; демонстратив может сохраняться даже тогда, когда объект однозначно определён конкретной ситуацией [см. также: Adamec 1980: 263].

Диагностическими конструкциями для различения общих имен рассматриваемых типов являются номинализации и употребления в функции субъекта. Предикатная позиция менее показательна, так как один из основных признаков таксономических предикатов (фор-

---

[I] Если учесть, в этой связи, что общие имена наиболее отчетливо воплощают категориальное значение "предметности" и человеческое тело является хорошим, даже очень хорошим образцом "предмета", трактуемого в качестве отчетливо дискретной сущности, становится особо интересной философская точка зрения, по которой телесность человека, его "материальный субстрат" представляет собой системное качество, включающее как природные (естественные), так и социальные компоненты. ("Физическое тело человека выступает специфическим носителем социальных взаимодействий, оно социально по своей сути" [Малюгин 1989: 131]).

мируемых главным образом именами естественных классов) - отсутствие видо-временных форм (отмечается, что временные формы могут относиться лишь к общему плану повествования [см.: Арутюнова 1980а: 198]) порожден скорее онтологическими, чем языковыми факторами. Принадлежность объекта к природному классу постоянна и не может быть изменена без физического уничтожения объекта (ср. сс. 51-52).

В целом изложенный в данной главе материал дает основания для заключения о том, что исчисляемые ("общие", "конкретные") имена представляют собой центральную для системы имени категорию, наиболее отчетливо эксплицирующую семантические свойства имени как такового, и необходимо получают формальное выражение в типологически различных языках. Для вполне доказательного обоснования идеи о "наибольшей типичности" исчисляемых имен как имен необходимо, однако, показать, что имена, лишенные свободной исчисляемости, приобретают те или иные свойства других универсально-семантических категорий - предикатов или эгоцентрических слов.

Значение дискретности, на котором грамматически базируется категория конкретных (общих) имен, таким образом, может рассматриваться как наиболее рациональный исходный пункт универсально-семантического исследования имени, "начало" соответствующего теоретического познания, "непосредственное, которое имеет всеобщую форму в системе" [Абдильдин 1967: 197], является "наиболее всеобщей определенностью предмета" [Там же: 198], в данном случае - имени (существительного). Рассмотренные факты подтверждают правильность такого подхода как в "интенсиональном" (ср. обоснование органичной связи значения дискретности с категориальной семантикой существительного, "предметностью"), так и в "экстенсиональном" (ср., например, легкость приобретения именами признака конкретности, своеобразное увеличение числа конкретных имен "за счет" абстрактных[1] в ряде языков) плане.

Отмечается, что "начало", являясь элементарной конкретностью, внутренне противоречиво. Однако "оно способно развиваться, преодолеть свою элементарность, абстрактность, односторонность и стать сложной, конкретной целостностью" [Там же: 233]. Сход-

---

[1] Оговорим - при трактовке языков типа русского как "точки отсчета".

ным образом в нашем случае исследование семантики имени в аспекте выражения количества, необходимо начинаясь с анализа имен, наиболее предрасположенных к выражению количественных смыслов, (обладающих значением дискретности), дает возможность охарактеризовать семантическую систему имени в целом[I].

[I] Ср. в этой связи точку зрения О.Г.Ревзиной, отметившей, что категория числа, "конституируя в языке понятие предметности..., является значимой для всех имен существительных - для предметной лексики, связанной с пространственны параметром, и для отвлеченной лексики, связанной с временным параметром" [Ревзина 1988: 67].

РАЗДЕЛ П

ИМЯ В ПАРАДИГМАХ "ФИЛОСОФИИ ПРЕДИКАТА" И "ФИЛОСОФИИ ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИХ СЛОВ"

ГЛАВА I

АБСТРАКТНЫЕ ИМЕНА В ЯЗЫКОВОЙ СЕМАНТИКЕ

Наиболее очевидные аргументы в пользу положения о наличии у неисчисляемых имен некоторых "неименных" семантических характеристик предоставляют абстрактные имена, трактуемые в узком смысле, - как (неисчисляемые) имена действий, отношений и, прежде всего, свойств.

§ I. АБСТРАКТНЫЕ ИМЕНА В ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ ОТРАЖЕНИЯ МИРА

Абстрактные имена представляют обозначаемые ими явления действительности в качестве своего рода самостоятельных предметов. В этом отчетливо проявляется активность языка как средства отражения мира [I]: "отвлеченные" существительные в большинстве случаев семантически и формально (т.е. словообразовательно) вторичны по отношению к подлинным предикатам (глаголам и прилагательным) и выполняют важную внутриязыковую функцию приведения грамматической формы предложения в соответствие с его коммуникативной организацией [ср.: Арутюнова 1980б] . (Интересно в этой связи принадлежащее М.Фуко суждение, в котором прослеживается

[I] Ср. в этой связи "радикально лингвистическую" точку зрения К.Твардовского, по мнению которого "средством, создающим возможность мышления с помощью изолированных свойств, являются выражения языка" [Twardowski 1965: 160] . Имеется в виду, что язык "фиксирует" выделенное из континуума реальности свойство, придает ему своеобразную гносеологическую самостоятельность, не дает раствориться в "конкретной целостности" признаков обьекта: "снабженное именем и тесно с ним связанное, свойство отличается тем самым от всех остальных свойств"[Там же: 161]. Интересно, что подобный подход имеет и определенные психологические основания. Так, "французский исследователь П.Олерон, проанализировав экспериментальные данные, пришел к выводу, что речь - основа расчленения и выделения признаков предметов" [Горобец 1989: 10].

связь между словообразовательной производностью отпредикатного имени и его коммуникативными, "дискурсивными" потенциями: "Если дискурсия овладевает прилагательным, обозначающим модификацию, и придает ему внутри фразы значение как бы самой субстанции предложения, то тогда прилагательное субстантивируется, становясь существительным" [Фуко 1977: 157].)

Проявлением названной способности абстрактных имен является, например, функционирование формируемой ими свернутой пропозиции в роли темы, в том числе - для некоторых употреблений - "квазианафорической" темы" [см.: Topolińska 1981: 136-137]. Как отмечает Н.Д.Арутюнова, "внутрипропозитивные преобразования направлены на выявление изменений в актуальном членении предложения, на то, чтобы привести семантический ранг субъекта в соответствие со значением предиката" [Арутюнова 1988: 135]. Иными словами, абстрактное имя в тексте позволяет (во взаимодействии с другими языковыми единицами) "превратить", трансформировать предложение в именную группу и поставить её в позицию терма при предикате более высокого уровня. (Отмечается, что с помощью абстрактных имен в предложении формируется иерархическая система предикатных выражений, "вложенных друг в друга" пропозиций [см., например: Сергеева 1989]). Реализация такой коммуникативной функции, в свою очередь, возможна благодаря наличию у абстрактных имен синтагматических, предикатных свойств и ориентаций - и именно они определяют то, что такие существительные оказываются "менее существительными" [см.: Павлов 1985: 104], чем имена, не обладающие подобными характеристиками.

По оригинальной формулировке В.Б.Касевича, "с точки зрения закономерностей человеческого восприятия "быть в фокусе внимания" и "быть предметом" оказываются функционально приравненными, что и объясняет широко распространенный в разных языках грамматический прием "опредмечивания" путем субстантивации" [Касевич 1988: 279] . Заметим, что такая идея не противоречит положению о способности именных групп с абстрактным именем выполнять функцию темы: отвлеченное существительное представляет собой своеобразный "конденсер вторичной предикации" [см., например: Buzássyová 1982: 24] , как бы "сворачивает", совместно со своими актантами, некую эксплицированную или подразумеваемую, но полную пропозицию, представляет её в "концентрированном" виде. Это повышает коммуникативную значимость темы такого рода. Характерно, что многие исследователи отмечают значительный стилистико-экс-

прессивный потенциал абстрактных имен: "Такая форма содержательного ядра предикации приобретает значение факта стилистической грамматики" [Номинализация 1982: 44]. Предполагается, например, что номинализации могут быть средством "интенсификации значения, выражения смысловых нюансов рельефно-образной метафорой или гиперболизацией признака" [Там же: 54].

Как заметил Б.А.Серебренников, возникновение имен, обозначающих овеществленные свойства и отношения, "является элементом творчества, но это творчество не идет вразрез с отражательной способностью нашего мышления" [Серебренников 1983: 143] . Эта мысль справедлива потому, что даже неисчисляемые опредикатные имена связаны с общей системой категории числа, выступающей одним из важных, даже важнейших средств языкового отражения мира. Так, специфика объектов, обозначаемых именами свойств, действий, отношений, в языках с развитой морфологической категорией числа проявляется в отнесенности большинства таких имен к разряду singularia tantum.Отсутствие у признаков (признаков как константных, так и процессуальных) самостоятельного, отдельного существования затрудняет или делает невозможным их исчисление (особо очевидным это становится в случае обозначений "непроцессуальных" признаков, т.е. имен свойств). Действительно, если абстрактное существительное ориентировано на функционирование в качестве центрального элемента номинализованной предикатной структуры, его собственно денотативные характеристики - в частности, количество обозначаемых объектов - становятся несущественными. (Характерно, в этой связи, что числовые формы существительных трактуются как "такие участки морфологической парадигматики, которые характеризуются максимальной независимостью от синтаксиса" [Павлов 1985: 27]). Исчисление свойств (точнее, проявлений свойств) или действий является достаточно сложным познавательным действием, и семантическая специфика абстрактных существительных не имплицирует необходимости преодоления этих сложностей (в значительной мере она сама порождена ими). Существование нестандартных с точки зрения общей категориальной системы языка и системы "предметности" форм - "предикатов" в сфере имени обусловлено прежде всего тем, что рассматриваемые имена достаточно жестко ориентированы на выполнение синтагматических функций, в частности, формирование свернутой пропозиции.

Количество свойств, которое можно было бы соотнести с абстрактным именем, безразлично для него - при том, что отвлечен-

ные существительные играют безусловно значимую роль в системе имени. Этот факт является в такой мере базисным, что позволяет делать определенные логико-философские обобщения. Так, Г.Д.Левин, анализируя теорию сходства, по которой как конкретные, так и абстрактные понятия могут быть общими (людей существует столько же, сколько их "разумностей"), пишет: "Этот вывод, кажущийся совершенно бесспорным до тех пор, пока мы остаемся в рамках чисто теоретических рассуждений, начинает вызывать большие сомнения, если сопоставить его с такими выражениями повседневного языка, как "разумность (ед.ч.) людей (мн.ч.)", "белизна (ед.ч.) облаков (мн.ч.)", "спин (ед.ч.) электронов (мн.ч.)" и т.д. В этих выражениях общий признак трактуется способом, прямо противоположным тому, который предлагает теория сходства: как один на все множество обладающих им объектов... Перед нами, таким образом, глубокая, принципиальная трудность теории сходства: противоречие между развиваемым в ней пониманием общего признака и тем его пониманием, которое заложено в самой структуре естественного языка и практически работает в каждодневном научном и обиходном мышлении" [Левин 1987: 61] . Остается лишь выяснить, как именно "работает" лингвистическая модель абстрактных понятий, необходимостью выражения каких смыслов определяется её специфика.

§ 2. АБСТРАКТНЫЕ ИМЕНА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИМЕННОГО И ПРЕДИКАТНОГО

Среди логико-лингвистических исследований, ориентированных на объяснение двойственной природы абстрактных имен, анализ соотношения в их семантике именных и предикатных характеристик, может быть выделена прежде всего концепция Т.Котарбиньского. По Котарбиньскому, имена свойств, отношений, действий представляют собой "мнимые имена", т.е. имена, которые могут "действительно по праву фигурировать в качестве "В" в структуре типа "А есть В", но только если эта структура выполняет сокращенно заместительную, а не главную роль" [Котарбиньский 1963: 207]. "Заместительную" (фактически основывающуюся на возможности трансформации в полную пропозицию) трактовку получают и абстрактные имена, причем независимо от их позиции в предложении. Так, "предложение, сокращением которого является выражение "старшинство есть транзитивное отношение", в несокращенном виде звучит: "Если какой-либо предмет является старшим по сравнению с другим предметом, а этот -

старшим по сравнению с каким-либо еще другим, то этот первый предмет является старшим по сравнению с этим третьим". В сокращенном высказывании словечко "есть" фигурирует не между именами, хотя слово "старшинство" относится к грамматическим именам существительным подобно тому, как и слово "отношение". Словечко "есть" не играет здесь своей роли как таковой, а некую вторичную, заменяющую роль" [Там же: 206-207].

"Мнимость" абстрактных имен как имен у Котарбиньского в значительной мере (особенно в относительно ранних работах) обосновывается и собственно онтологическими факторами: "реизм" ("соматизм", "конкретизм") предполагает, что единственно реальными объектами являются материальные предметы, обладающие "телесным бытием"[I]. Однако и при таком подходе принимаются во внимание "предикатные" черты имен рассматриваемого типа, возможность трансформации словосочетаний с ними в более развернутые конструкции: "Так называемые наименования событий соматист должен признать выражениями, которые только внешне являются наименованиями, он должен считать нелепостью признание существования таких объектов, как полеты, танцы и т.п. Я наблюдаю не полет метеорита, а летящий метеорит, нас восхищает не танец, а тот, кто именно так танцует" [Там же: 97; анализ идей Т.Котарбиньского см. также: Руденко 1989б].

Соотношение чисто именных и предикатных признаков у абстрактных имен не является вполне стабильным. Так, если воспользо-

---

[I]Вообще говоря, если бы Котарбиньский, утверждая, что ни один (реальный) предмет не является состоянием, отношением или свойством, вполне эксплицитно приписал подобным сущностям, условно говоря, статус реальных "атрибутов" (предметов), его концепция, возможно, была бы более прозрачной и последовательной. (Заметим, что в системе Котарбиньского понимание свойств и отношений как "абстрактных предметов" также обычно носит имплицитный, даже импликативный характер: "Если каждый предмет является вещью и ни один предмет не является состоянием, отношением или свойством, то при молчаливо принятой предпосылке, по которой состояния, отношения, свойства являются абстрактными предметами, получается, что предметы, следовательно, вещи или тела, представляют собой не абстракты, а телесные индивидуумы"[Woleński 1985: 214]). Некоторые "онтологические неясности" рассуждений Котарбиньского, по-видимому, обусловлены тем, что "реизм" в значительной мере ориентирован именно на усовершенствование языка (в частности, языка философии) [см.: Там же: 221]. (Определенные проблемы может порождать и полное отождествление "предмета" с "объектом": события и даже свойства, явно не представляющие собой реальных предметов, допустимо трактовать как реальные объекты . Впрочем, в своих основных значениях термины "объект" и "предмет" близки друг к другу - уже потому, что "объект" представляет собой нечто достаточно однозначно выделенное в универсуме реальности).

ваться предложенной З.Новаковой классификацией типов употребления рассматриваемых существительных (изолированное употребление; распространение с помощью "левого" определителя, т.е. согласованного, адъективного определения; распространение с помощью "правого" определителя, т.е. определения несогласованного, "субстантивного";распространение с помощью "левого" и "правого" определителя одновременно [см.: Новакова 1986]), оказывается, что предикатные признаки абстрактных существительных наиболее очевидно проявляются в употреблениях двух последних типов. (В свою очередь, специфически предикатные черты абстрактных имен реализуются прежде всего в их субьектных - эксплицирующихся, например, через зависимый родительный падеж - валентностных отношениях. Ср.: "Субъектную связь при существительных с процессуальным значением есть основания рассматривать как специфическую, так как она присуща лишь этой группе слов, в отличие как от атрибутивной связи, характеризующей все имена существительные, так и от обьектных и обстоятельственных связей, употребляющихся и при глаголах, и при анализируемых существительных" [Курьянова 1982: 7]).

В употреблениях с "правым" определителем группа абстрактного имени может быть довольно легко трансформирована в полную пропозитивную структуру, чисто фактуальную или событийную, осложненную дополнительными качественными смыслами (Приезд Ивана обрадовал нас→То[тот факт], что Иван приехал, обрадовало нас; Бег Ивана удивил всех тренеров→То, как бежал Иван, удивило всех тренеров и т.п.). С другой стороны, в изолированных употреблениях абстрактных имен наиболее отчетливо эксплицируется их именная природа: отвлеченное имя в случаях такого типа представляет свой референт как нечто гносеологически обособленное, "замкнутое на себя" (ср.: Глупость опасна; Доброта всегда окупается и т.п.); ср. определение номинативной функции абстрактного имени как его способности функционировать в качестве (относительно) самостоятельной единицы именования [см.: Buzássyová 1982: 25]. Впрочем, даже высказывания с "изолированными" абстрактными именами могут трактоваться как производные от пропозиций с неопределенным актантом (дополнением) или как содержащие такой актант в глубинной структуре [см.: Reichl 1982: 206; 222]; об имплицитной реализации аргументов с обобщенным или неопределенным значением см. кроме того: [Филиппова 1985: 19]. (Ср. также точку зрения, по которой невыраженность актанта при абстрактном имени "усложняет его речевую семантику, так как невыраженное существует в нем в скрытом

виде" [Сергеева 1989: 116] . Иными словами, случаи, в которых эксплицитно не реализуются предикатные ориентации абстрактного существительного, можно рассматривать как не вполне характерные для данного типа имен).

Исследование контекстов различного характера позволяет достаточно однозначно выявить и те типы употреблений, в которых абстрактные имена выполняют преимущественно (или даже исключительно) именную функцию. Это, в частности, функционирование абстрактных имен в названиях различных текстов и текстовых фрагментов, их использование как обозначений научных понятий и категорий [ср.: Horecký 1976], употребление в конструкциях перечисления. Наиболее распространенным контекстом, способствующим экспликации номинативного содержания абстрактного имени, является, по-видимому, употребление в позиции нераспространенного субъекта [подробнее см.: Buzássyová 1982: 30-34]. Важно подчеркнуть, что реализация номинативной функции в перечисленных случаях обусловлена прежде всего не узуальными характеристиками соответствующих имен (например, возможным нарушением или разрушением семантических связей между ними и мотивирующими глаголами или прилагательными), а тем, что в соответствующих конкретных контекстах невозможна или затруднительна трансформация конструкций с абстрактным именем в полную пропозицию[1].

С другой стороны, именно речевой характер условий "акцентирования" номинативного или предикатного аспекта отвлеченных имен обусловливает нежесткий характер данных предпосылок. Так, например, если абстрактное имя в изолированном употреблении "соотносится с конкретным, получившим пространственную и временную локализацию действием, возникает конфликтная ситуация между сигнификативным значением имени, стимулирующим субстанциональность, и его референциальной соотнесенностью, стимулирующей глагольность"[Новакова 1986: 7]. Однако, если абстрактное имя "употреблено с "правым" определителем, но обозначает понятие и не соотносится с конкретной ситуацией, в нем возникает обратная и тоже

---

[1] Заметим, что отдельным отвлеченным именам присущи (лексические) ограничения на употребление в "собственно именной" функции, причем они порождены языковым узусом (или по крайней мере нормой): "Например, существительные величественность, бренность, буквальность, априорность не могут употребляться абсолютивно, при них обязательны управляемые формы родительного падежа. Заботиться о буквальности перевода, величественность здания, бренность существования, априорность пространства"[Кудрявцева 1973: 126] .

конфликтная ситуация: способ употребления толкает его к глагольности, а сигнификативное значение к субстанциональности" [Там же].

Заметим, что наиболее очевидно диалектика именного и предикатного в сфере абстрактных существительных проявляется при рассмотрении их "в контексте" словосочетания. Это объясняется тем, что абстрактные имена, постольку, поскольку они являются именами, обладают достаточно отчетливой номинативной функцией - которая, в свою очередь, реализуется прежде всего в пределах словосочетания [ср., например:Сергеева 1989: 115-116].

Интересно, что различное соотношение предикатных и именных черт в функционировании абстрактных имен фиксируется - хотя и не вполне прямо - и в некоторых логико-семантических исследованиях. Так, К.Твардовский отмечал, что в сознании понятия абстрагированных свойств могут замещаться их символическими или полусимволическими представлениями (wyobrażeniami), которые не являются представлениями самих изолированных свойств: "Разум свободно сравнивает, соединяет, разделяет свойства, не задавая себе труда действительно представлять их в изоляции, удовлетворяясь обозначением такого представления, в результате чего внимание, которое было бы полностью поглощено понятием свойства, может распространяться в другом направлении"[Twardowski 1965: 164][1]. Например, тот, кто сравнивает цвет двух предметов, рост двух людей, представляет не свойства как отдельные объекты, а объекты, которые имеют определенный цвет, рост и т.д. (в терминологии Твардовского это "полусимволические представления"). Более того, функция обозначений свойств может быть и чисто синтаксической, "символической". "Тот, кто в ходе беседы употребляет высказывание "Я очень люблю запах резеды", обычно представляет себе выражения, из которых состоит это высказывание, но не резеду с её запахом" [Там же].

---

[1] Часто предполагается, что подобную точку зрения впервые сформулировал О. Есперсен: "Когда я говорю о красоте молодой девушки или о мудрости старика, я вовсе не думаю об этих качествах как о вещах или реальных предметах; для меня это только иной способ выражения мысли: "она красива", "он мудр" и т.п." [Есперсен 1958: 153]. Однако, как видно, предикатно-синтаксические черты обозначений свойств достаточно адекватно охарактеризованы и в работе Твардовского ("Представления и понятия"), которая вышла еще в 1898г. (В современной "философии языка" трактовка опредикатных имен через (изолированное) "представление" признака прослеживается, например, у М.Фуко [см.: Фуко 1977: 156-157]).

По Твардовскому, мы не удовлетворяемся символическим или хотя бы полусимволическим представлением свойства только тогда, когда обучаемся абстрактному имени (например , такому, как окружность круга), впервые узнаем его значение (подобные употребления, очевидно, являются - если использовать приведенную выше терминологию - вполне "изолированными"). Однако "как только мы "запомнили", что значит "окружность круга", т.е. соотнесли представление выражения с представлениями, которые формируют понятие свойства, вступает в свои права символическое и полусимволическое представление" [Там же:164-165] .

Анализ соотношения именного и предикатного в семантике абстрактных существительных вполне может осуществляться и на уровне самого имени, с опорой на его узуальные характеристики. Представляет интерес, в частности, вопрос о том, входят ли, пусть в модифицированном, "усеченном" виде, предикатные значения отглагольных имен в общую систему предметности существительного. Положительный ответ здесь в принципе возможен, однако лишь с оговоркой, что данные значения всегда находятся на периферии (грамматической) предметности, часто, даже обычно "на грани" приобретания чисто лексического характера; ср. замечание об относительной самостоятельности грамматического и лексического в семантике слов транспозиционного типа, сложности их взаимодействия [см.: Павлов 1985: 30]. Отметим, например, у Е.А.Иванниковой определение "вида" имени как "семантической грамматической категории" - при том, что сам автор указывает на условность данного понятия: "Считать значение вида у имен грамматической категорией, хотя и семантически выраженной, или полуграмматическим явлением, близким к ней, - это зависит от лингвистической интерпретации подобных явлений" [Иванникова 1972: 118] ; ср. также мысль о потенциальном, скрытом характере предикатных сем отвлеченных существительных [см.: Филиппова 1985; Сергеева 1989][1].

[1] Неграмматический (во всяком случае, неморфологический) характер выражения вида именами действия может быть "металингвистически" проиллюстрирован на материале подхода некоторых авторов к категории так наз. "событийных имен". Отмечается, что "в отличие от имен действий и состояний, событийные имена обозначают явления в виде целостных, предельных фактов. Именно поэтому состав событийных имен пополняется за счет образований от глаголов совершенного вида (потеплеть - потепление, похолодать - похолодание)"[Яцкевич 1987: 79]. Такой подход, как кажется, проистекает из стремления связать понимание события как относительно дискретного, "целостного" звена временной цепи (ср. Введение) с представлением о семантической "предельности", "целостности" совершенного вида (Интересно в этой связи также представленное у К.Твардовского определение отглаголь-

Предикатные значения у имен не носят облигаторного морфологического характера и эксплицируются прежде всего через сочетаемость имени (как, например, в случае залога [см.: Номинализация 1982: 128; Петров А.В. 1985]) или более широкие типовые параметры функционирования в тексте. (Так, например, имена, образованные от глагола, имеющего соотносительную видовую форму, в контекстах, указывающих на настоящее время, могут употребляться только в значении несовершенного вида [см.: Иванникова 1972: 117]). Показательно, что критерии разграничения отпредикатных имен и семантически близких единиц, не входящих, однако, в сферу существительного, могут формулироваться именно в сочетаемостных, синтаксических терминах: "При исследовании... образования, беспорядочно относимого традицией то к существительному (к имени действия), то к глаголу, необходимо прежде всего проверить: возможны ли какие-то контексты, в которых рассматриваемое образование незаменимо неограниченным числом типов иначе образованных существительных в данной реляционной форме и в данных формах всех своих общесоматических категорий. Если таких случаев нет, то какова бы ни была общность свойств исследуемого образования с глаголом (автоматическая образуемость от любой глагольной основы, предикаторная определяемость, различение залога, вида, времени, лица, числа и т.п.), налицо не более как особая разновидность существительного" [Габинский 1972: 184].

Заметим, что в изолирующих языках абстрактные имена (как они функционируют в речи) имеют даже несколько более отчетливые

(продолжение сноски 1)
ных имен типа пение, прыжок, крик как обозначений результатов (wytworów), "продуктов" действий [подробнее см.: Руденко 1990а]. Однако конкретный языковой материал "сопротивляется" установлению подобной однозначной закономерности. Приходится, в частности, указывать на то, что "событийное значение может развиваться и у производных от глаголов несовершенного вида в результате лексикализации контекстуально обусловленных значений (праздновать - празднование, наступать - наступление)" [Яцкевич 1987: 79]. Более того, многие "событийные имена", приводимые автором, вообще словообразовательно не связаны с глаголами (это относится к заимствованным именам типа конференция, катастрофа, кризис, премьера, турнир и к именам, обозначающим события в неживой природе, типа ураган, гроза). Таким образом, представление денотатов "событийных имен" в качестве "целостных" обусловлено не столько их соотнесенностью с глаголами совершенного вида, сколько другими факторами - прежде всего, как можно предположить, наличием у большинства имен выделенного типа признака свободной исчисляемости.

именные признаки, чем абстрактные имена в языках типа русского (что может показаться парадоксальным). Это объясняется тем, что конкретные/абстрактные имена в языках типа китайского часто не обладают узуальной (по крайней мере отчетливо узуальной) природой и выделяются как имена того или иного типа главным образом в речи[I]. Конкретные имена при этом маркируются классификаторами, которые представляют собой речевое (реализующееся в сочетаемости) средство представления денотатов в качестве дискретных, исчисляемых. Нельзя, однако, сказать, что абстрактные имена могут быть однозначно определены через отсутствие классификаторов в их именных группах. Как известно, в синитических языках часто отсутствуют системные формальные отличия между глаголами или прилагательными, с одной стороны, и абстрактными именами, с другой. Языковые средства, эксплицирующие противопоставление данных категорий, "не носят характера регулярных изменений звуковой формы" [Коротков 1968: 74]. Так, в китайском языке даже различия в тоне слова, выражающего значение действия, представленного как процесс, и соотносимого с ним существительного реализуются достаточно редко и к тому же возникают лишь тогда, когда существительное обозначает не "опредмеченное" действие, а материальный предмет.

I Характерно, что в языках типа китайского при определении той или иной лексемы в качестве абстрактного имени часто используются вероятностные (синтаксически ориентированные) критерии. Так, Ван Ли, рассматривая вопрос о том, является ли слово цзяоао абстрактным именем, отмечает: "Поскольку выражения типа цзуго ды цзяоао 'гордость Родины' не встречаются регулярно, а в абсолютном большинстве предложений цзяоао используется либо как определение, либо как качественное сказуемое, ... цзяоао не может быть признано существительным, оно является прилагательным" [Ван Ли 1989: 46]. Даже авторы, считающие что лексемы с "признаковыми" значениями (значениями действия) становятся существительными не только потому, что в предложении выступают в качестве подлежащего или дополнения, отмечают: "подобные слова потенциально [выделено мною - Д.Р.] обладают возможностью приобретения всех особенностей, свойственных существительным; войдя в состав предложения, они становятся подлежащим или дополнением" [Ли Цзиньси, Лю Шижу 1989: 88].

В металингвистическом классе интересно, что лингвисты, критикующие слишком широкое, с их точки зрения, понимание абстрактных имен (ср.: "Ли Цзиньси смешивает два различных языковых явления - абстрактные существительные, образованные от глаголов и прилагательных, и то новое значение, которое придает существительным та или иная позиционная форма" [Фу Цзыдун 1989: 116]), сами используют при определении абстрактных имен нечеткие психологизированные критерии: "Когда лаодун ['трудиться', 'труд' - Д.Р.] отражается или возникает в сознании говорящего как предмет, или существительное, может появиться предложение Лаодун чуанцзао шицзе 'Труд создает мир' [Там же: 115].

Отметим также, что случаи, когда слова, представляющие действие как "предмет", не могут выступать в чисто глагольной функции, редки. Типичным является скорее совмещение в слове функций глагола (прилагательного) и абстрактного имени [см.: Там же: 61-63; Ли Цзиньси, Лю Шижу 1989: 88-89], при первичности чисто предикатной функции.

Таким образом, слово, потенциально способное выполнять функцию отвлеченного существительного и употребленное без классификатора, показателя дискретности, отнюдь не всегда будет осуществлять функцию имени. Этим, по-видимому, и объясняется факт относительно свободной исчисляемости "абстрактных имен" - точнее, названий признаков и действий - в изолирующих языках: для того, чтобы их можно было однозначно идентифицировать в качестве существительных, они должны иметь при себе показатель "существительности", в данном случае классификатор. "Абстрактные имена" изолирующих языков (определяемые в качестве абстрактных прежде всего на основе их денотативной природы) оказываются близки, иногда, возможно, даже очень близки к именам конкретным и, следовательно, часто являются больше именами, чем предикатами.

Представляет интерес также тот факт, что в китайском языке совмещение в одном слове процессуального и "предметного" значения действия характерно для лексем лишь одной словообразовательной модели - копулятивной. Она отличается от других тем, что "действие здесь обращено на внутренний объект, выраженный в самом слове, в его втором компоненте. Поэтому такое слово в семантическом отношении вполне закончено, "само себе довлеет", не нуждается в соединении с каким-то другим словом" [Там же: 70][1]. Неполная семантическая автономность слова, требующая для реализации его значения соединения с другой лексемой, обычно лишает такое слово способности выполнять функцию существительного [Там же: 78]. Это показывает, что абстрактные имена современного китайского языка обладают определенной синтагматической независимостью (возможно, тяготеют к изолированным употреблениям), что представляет собой именной, а не предикатный признак. (Заметим, впрочем, что некоторыми предикатными - хотя обычно и не пропозитивными, прямо эксплицирующимися в тексте - характеристиками обладают и "абстрактные имена" изолирующих языков: их значение - в

[1] Определенный аналог такому явлению можно найти в понятии "семантического дополнения" [см.: Степанов 1981: 256-257].

определенных случаях, возможно, ЛСВ - семантически тесно связано со значением слов (словоформ), употребляющихся в глагольной или адъективной функции).

Характерно, с другой стороны, что в древнекитайском языке, почти лишенном классификаторов, "совершенно отсутствуют отвлеченные названия действий и качеств, вроде русских ученье, любовь, мудрость, высота" [Яхонтов 1965: 41]. В то же время слова, определяемые в качестве предметных (в узком смысле), стабильно выполняли некоторые предикатные функции. Так, по значению, которое предметное существительное получало в конструкции, где оно управляло дополнением, можно выделить три подгруппы таких имен: (1) Существительные, которые имеют значение "использовать предмет, названный сказуемым, для совершения некоторого действия над другим предметом, названным в дополнении". Например, имя "яд" с дополнением "река" приобретало значение 'отравить реку ядом', имя "сеть" с дополнением "народ" - 'заманивать народ в сети'. (2) Существительные, которые в конструкции с дополнением приобретают значение "использовать (или получить) предмет, названный дополнением, в качестве предмета, названного существительным - сказуемым". Имя "пояс" с дополнением "веревка" могло, например, выражать значение 'подпоясаться веревкой', имя "одежда" с дополнением "шелк" - 'одеваться в шелк'. Имена данной подгруппы могли иногда выступать в качестве глагольного сказуемого без дополнения в значении "пользоваться или обладать предметом, названным в сказуемом". (3) Имена, которые в функции сказуемого развивают значение "создать или построить предмет, названный в сказуемом". Дополнение в таких случаях носило необлигаторный характер и чаще всего указывало на место действия. Показательно, что даже имена естественных классов, в коннотации которых можно было обнаружить указание на некий процесс, могли стабильно функционировать как предикаты, ср.: "саранча" ⟶ "нашествие саранчи", "шелковичные черви" ⟶ "появились шелковичные черви", "плоды" ⟶ "плодоносить" [см.: Никитина 1987].

Важно отметить, что в языках, имеющих развитую систему абстрактных имен, возникновение предикатных смыслов у конкретных существительных явно не вполне типично для них, обычно носит отчетливо контекстуальный характер, базируясь на актуализации периферийных компонентов семантики (хотя для отдельных конкретных имен может быть достаточно частым явлением). Случаи типа Снег затруд-

нял им охоту (ср.: "Наличие снега затрудняло охоту", "Снегопад затруднял охоту", "То, что снег был глубокий (рыхлый, вязкий) затрудняло охоту") получают следующую трактовку: "Пропозитивное значение конкретного имени является речевым, это значит, что само слово сохраняет свое предметное значение, но, объединяясь с имплицируемым предикатом, семантически интерпретируется как целая пропозиция" [Суслова 1987: 3]. Сочетаясь с межсобытийными предикатами, предметные имена употребляются не в своей "семантической сфере" [см.: Там же: 5; ср. также: Абашина, Вакарюк 1988].

Оставаясь в пределах русского языка, можно заметить, что в общей тенденции (конечно, только тенденции) исчисляемые "признаковые" имена являются именами в несколько большей мере, чем неисчисляемые имена того же типа. Уже отмечалось, в частности, что в сфере имен с "непредметными" денотатами исчисляемость наиболее характерна для имен событий (хотя и не является инвариантной).При синтаксическом анализе таких существительных обнаруживается, что они часто не допускают чисто пропозитивных (фактуальных) трансформаций, ср.: Наша встреча произошла случайно; Их свидание состоялось вчера; Удар был нанесен кулаком (такие ограничения особо характерны для высказываний, предикат которых имеет обстоятельственное, орудийное, объектное, адресатное значение [см.: Арутюнова 1988: 135]). Как считает Н.Д. Арутюнова, "направленность номинализации на идентификацию события всегда открывает возможность обогащения значения признаками денотата (ср. значения имен типа бунт, восстание, забастовка и т.п.)... Лексикализуется в основном тот вид синтаксической деривации, который связан с преобразованиями внутри пропозиции" [Там же: 140]; в общем виде о связи лексикализации с "осложнением" семантической структуры производного имени см.:[Павлов 1985: 31-32].

Одной из существенных предпосылок возможности "окачествления" событий является то, что они, в общей тенденции, представляют собой относительно обособленные, дискретные отрезки временной цепи (или по крайней мере соотносятся с такими отрезками). Разумеется, связь между развитием у событийного имени дополнительных "качественных", не эксплицируемых (иногда независимо от функции имени в высказывании) в рамках "чистой", фактуальной синтагматики значений и его исчисляемостью носит скорее вероятностный, чем инвариантно-необходимый характер. (В общем виде это обу-

словлено сложностью соотношения лексических и грамматических - как глагольных, так и именных - признаков у транспозитивных единиц языка, которая, в свою очередь, определяет континуальный характер перехода от глагола (прилагательного) к имени в сфере номинализации). В целом, однако, оправданно предположить, что для описания исчисляемых отпредикатных существительных в большей мере приемлема "лексикалистская", "собственно именная" (по крайней мере, преимущественно именная), чем "трансформационалистская" трактовка отпредикатных имен [обзор истории проблемы см., например: Buzássyová 1982; Медведева 1988].

Важно подчеркнуть, что "лексикализация" имен событий осуществляется в соотнесении с общими грамматическими параметрами "предметности" (точнее даже, в рамках данной категории). Именно ориентация имени на обозначение отдельных, обособленных, в представлении грамматической системы языка, объектов создает возможность "приписывания" таким объектам - даже "событийным" - некоторых дополнительных признаков. (По-видимому, исходя из таких предпосылок можно решить проблему, хорошо сформулированную Р.З. Мурясовым: "Считая, что при синтаксической деривации имеет место только функциональное переключение слова из одной части речи в другую без каких-либо изменений его лексического значения, мы допускаем, что категориальное значение (т.е. такие значения частей речи, как предметность, признаковость, процессуальность) не входит в лексическое значение слова" [Мурясов 1989: 41]).

§ 3. ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ИМЕНА КАК "ИМЕНА СВОЙСТВ"

Заметим, что в логической семантике довольно широко распространена "предикатная" трактовка неисчисляемых вещественных имен как имен свойств. Например, в логической системе Р.Монтегю конкретные имена массы рассматриваются прежде всего как обозначения свойств индивидов. Так, <u>вода</u> обозначает свойство быть частью воды, существующей в мире, <u>железо</u> - свойство быть частью железа (свойство такого типа трактуется как функция, распространяющаяся на все возможные миры) [см.: Montague 1979: 173; обоснование возможности анализа предложений с "именами массы" в терминах свойств см. также: Parsons 1979: 137][1]. Разумеется, исчисляемые

[1] У некоторых авторов предикаты рассматриваемого типа даже релятивизируются к определенным моментам времени, по отношению к которым "вещество" имеет те или иные границы [см.: Burge 1979: 201-202].

имена также могут описываться через понятие свойства (соотносимое с понятием функции), и в рамках развиваемой Монтегю и его последователями "семантики возможных миров" подобная трактовка является, пожалуй, наиболее естественной. Однако даже в таком случае исчисляемые имена, т.е. обозначения дискретных "вещей", могут трактоваться как предикаты второго уровня, а имена массы, относящиеся к недискретным "веществам", - как первоуровневые предикаты [см.:Grandy 1979]. Дать однозначную оценку такой идее, даже оставаясь в рамках логико-лингвистического (а не чисто лингвистического) подхода, затруднительно [ср., например:Cheelas 1979: 228] . Как кажется, лингвистически можно интерпретировать точку зрения Р.Грэнди в том смысле, что "предикатная" трактовка является несколько более естественной для имен массы, чем для имен противоположного типа (хотя, заметим, в любом случае носит достаточно условный, преимущественно метаязыковой характер).

В общем виде возможность описываемого подхода к вещественным именам определяется тем, что неисчисляемые имена "веществ" не соотносятся с "внутриименным" типом членения соответствующих континуумов, не обозначают классы, представленные как классы индивидов [см.: Montague 1979: 173]. Исходя из такого положения дел, можно заключить, что данные имена не являются наиболее типичными именами. Даже Т.Парсонс, отмечающий, что исчисляемые имена нельзя рассматривать как более "базисные" по сравнению с неисчисляемыми (в чисто онтологическом смысле это действительно так,так как и исчисляемые существительные, и "имена массы" - к которым относят прежде всего вещественные имена - обычно обозначают объекты, обладающие пространственной протяженностью, являющиеся в равной мере реальными и "физическими" [ср. также: Burge 1979:207]), указывает, например, что логика исчисляемых имен характеризуется большей понятностью, чем логика имен противоположного типа [см.: Parsons 1979: 137].

В качестве еще одного класса имен, иллюстрирующего положение о наличии у неисчисляемых существительных определенных "предикатных", шире - "не-именных" смыслов, могут рассматриваться "собирательные имена". Прежде чем перейти к их исследованию, отметим, однако, что помимо чисто предикатной трактовки абстрактные имена естественного языка могут получать "прагматическое"

описание, т.е. анализироваться с использованием тех или иных понятий "философии эгоцентрических слов". В общем виде такая возможность вытекает уже из понимания имен рассматриваемого типа как конденсированных, "свернутых" предикатов, на основе которого номинализация может трактоваться как "прежде всего повтор, указание, т.е. разновидность сигнификативного дейксиса" [Мурясов 1989: 48]. (Формально "текстовые ориентации" абстрактных имен проявляются, например, в их сочетаемости с местоимениями, прежде всего указательными. Так, даже авторы, отмечающие, что предикатные имена "характеризуются наименьшей степенью индивидуализации объекта"[Категория 1979: 179], указывают на распространенность их употребления с демонстративами [см.: Там же: 180-181] . Этот факт, в свою очередь, в значительной мере объясняется тем, что "отглагольное существительное часто замещает содержание предыдущего предложения, а местоимения "этот" и "такой" выступают в качестве дополнительных показателей связности текста... Отглагольное существительное может конденсировать содержание не только предыдущего предложения, но и более широкого текста"[Казаков 1987: 34]).

В то же время надо иметь в виду, что прагматические характеристики абстрактных существительных производны от их предикатных черт: способность таких имен "конденсировать" пропозицию - входящий в которую конкретный предикат, в свою очередь, выполняет ту или иную функцию в тексте - представляет собой их узуальную, системно-языковую характеристику. (Интересно в этой связи наблюдение З.Тополиньской, по которому именные группы с абстрактными именами часто носят "квазианафорический" характер и, не соотносясь с какими-либо предикатами, которые были бы непосредственно эксплицированы в предшествующем изложении, представляют собой стилизацию, подчеркивающую динамизм функциональной перспективы текста [см.: Topolińska 1981: 136]; о роли "полных номинализаций" в обеспечении "тематической прогрессии дискурса" см. также: [Мурясов 1989]).

ГЛАВА 2

СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ИМЕНА В СЕМАНТИКЕ ЯЗЫКА

Собирательные имена являются одной из наиболее детально описанных групп существительных русского языка. Однако до сих пор не выработано единое мнение даже в вопросе о составе категории собирательности. Вопрос о том, входят ли в данную категорию только имена, лишенные формы множественного числа (студенчество, зверьё, листва), или также существительные, обладающие полной числовой парадигмой (народ, коллектив, группа, армия, роща), окончательно не решен [обзор точек зрения по проблеме см.: Еселевич 1979: 3-30]. Традиционный подход, по которому "собирательность в логическом отношении, с одной стороны, есть единичность, а с другой - множественность"[Есперсен 1958: 225], для определения границ категории особой ценности не имеет. Анализируя имена, которые могут определяться в качестве "собирательных", исследователь сталкивается как с "единичностью" целостного, обособленного, в языковом представлении, обьекта, могущего входить во множества подобных ему единиц (народы этих стран, два народа), так и с "единичностью", как бы не мотивированной денотативно, смыкающейся с неисчисляемостью: имена типа студенчество не обозначают целостных, в представлении языка, обьектов, являются неисчисляемыми (ср. невозможность *студенчества этих институтов, *два студенчества).

Как кажется, для того чтобы выявить общее в значении собирательных имен - и тем самым определить обьем данной категории, - необходимо установить следующее: почему множества людей, животных, растений или вещей, называемые словами студенчество, зверьё и подобными,представляются языком так, как если бы они не имели отдельных элементов. К разряду singularia tantum , помимо собирательных существительных, относятся вещественные и абстрактные имена - названия обьектов, которые в реальной действительности не распадаются на целостные единицы, лишены четких границ и не могут, в представлении языка, входить во множества сходных обьектов. Без решения поставленного вопроса нельзя аргументированно определить смысловые различия между двучисловыми именами с (лексическим) значением множества и именами типа студенчество.

Важно отметить, что трактовка собирательных имен с использованием понятий из области "философии предиката" (а также "фи-

лософии эгоцентрических слов") не является интуитивно очевидной и, более того, не соотносится со сколько-нибудь развитой научной традицией. Поэтому в обосновании возможности рассмотрения собирательных имен в сфере "не-именных" "философий языка" собственные рассуждения автора играют бо́льшую роль, чем, например, в описании имен абстрактных.

§ I. СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ИМЕНА: ЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АНАЛИЗА

При исследовании намеченной проблемы оправданно сочетать анализ конкретного языкового (прежде всего русского) материала с рассмотрением существующих в лингвистике определений значения собирательности. Такой подход, в частности, дает возможность уточнить представления о естественно-языковой семантике множества.

Т.П.Ломтев, сопоставляя значения некоторых определительных и неопределенных местоимений с понятиями математической логики, выделил два типа языкового множества: разделительное, т.е. такое, каждый член которого "специфическим способом отличается от каждого другого члена того же множества", и собирательное, любой элемент которого "специфическим спооообом не отличается от каждого другого элемента" [см.: Ломтев 1971: 107-108].

Лингвисты, исследующие категорию собирательности, часто рассматривают понятия собирательного и разделительного множеств в качестве значений, которыми обладают соответственно собирательные существительные и формы множественного числа конкретных имен [см., например: Иванов 1969: 45; Еселевич 1979: 18]. Формулировки подобной точки зрения не отличаются особой терминологической точностью. (Это в какой-то мере связано с традиционностью такого подхода). Однако даже со скидкой на неточность определений положение об отсутствии различий между членами множества, обозначаемого собирательным именем (singularia tantum), не кажется достаточно точным - уже потому, что авторы четко не разграничивают онтологические, общегносеологические и собственно языковые аспекты проблемы тождества [о необходимости различения данных сторон тождества см., например: Новоселов 1970; Вартофский 1988: 298-300].

Онтологически каждый отдельный объект обладает уникальными

признаками (точнее, уникальным комплексом таковых) и объективно отличается от любого другого объекта универсума, в том числе объекта того же класса. Известное суждение Гегеля о том, что "множественность есть простое, лишенное различий равенство"[Гегель 1974: 259], необходимо понимать диалектически, а не в "метафизическом" плане. Гегель имеет в виду не отсутствие у элементов множества индивидуальных различий, а скорее вообще отсутствие элементов (по крайней мере в обычном понимании) у континуума (который, в свою очередь, представляет собой идеализацию действительного положения дел). Таким образом, если собирательные существительные и представляют элементы множества как тождественные друг другу (или вообще не существующие в качестве элементов), то это не связано с адекватным отражением особенностей реального мира.

В общегносеологическом плане можно постулировать тождественность элементов множества друг другу, рассматривая соответствующие объекты в соотнесенности с каким-либо определенным общим признаком или признаками (тождественность, понятая таким образом, может быть соотнесена с понятиями "сходство", "подобие", даже "однородность"). Данный подход связан с идеями Лейбница, который выделял как принцип индивидуации объектов, основывающийся на "внутреннем" (онтологическом) различии предметов, так и принцип "тождества неразличимого" ("то, что тождественно, не различно") [см.: Лейбниц 1983: 84-85; 230-231]. Тем самым имплицитно постулировалась возможность обнаружения у предметов признаков как "единичных", так и общих, по отношению к которым объекты неразличимы. (Как указывает М.М.Новосёлов, при трактовке принципа "identificatio indiscernabilium" в гносеологическом плане он не только не противоречит принципу индивидуации, но и существенно дополняет его [см.: Новосёлов 1970: 239; ср. также: Хуцишвили 1989: 115-116]).

Заметим, что концепция тождества, развиваемая в духе идей Лейбница, может трактоваться как "унитаристская" и противопоставляться "плюралистическому" подходу к тождеству, который предполагает эксплицитное указание на то, что тождество устанавливается по отношению к определенному предикату (соотносимому с тем или иным общим именем) [см.: Gabbay, Moravcsik 1979]. Впрочем, сущностные противоречия между такими подходами, по-видимому, отсутствуют, так как они могут различаться просто степенью эксплицитности в определении того, по каким параметрам ус-

танавливается тождество. "Лейбницианская" трактовка неразличимости охватывает не только тождество одного объекта самому себе, но и "относительное" тождество в рамках класса: "Если бы два индивида были совершенно [здесь и далее выделено мною - Д.Р.] сходны и одинаковы, одним словом, неразличимы сами по себе, то не было бы принципа индивидуации, и я осмеливаюсь даже сказать, что в этом случае не было бы индивидуального различия или различных индивидов" [Лейбниц 1983: 231][I]. Возможно, "неотчетливо гносеологический" характер принципа тождества у Лейбница обусловлен тем, что в каноничной формулировке этого принципа "предметы X и Y сравниваются по всем возможным признакам или свойствам. Поэтому, ссылаясь на принцип тождества неразличимых Лейбница, его обычно "смягчают" ссылками на условия неразличимости" [Антипенко 1986: 39].

"Гносеологическое" тождество является тождеством относительным, зависящим от выбранного аспекта рассмотрения объектов. Это хорошо отражено в концепции "интервала абстракции": "Каждый раз решая - практически или теоретически - вопрос о том, что следует принимать в качестве "одного и того же предмета" и какие предметы рассматриваемого класса следует различать, мы должны строго фиксировать так или иначе выбираемый интервал абстракции отождествления (или различения)" [Диалектика 1983: 16-17]. Являясь относительным, "познавательное тождество" тем самым не может быть полным: объекты, отождествленные по всем без исключения признакам, представляют собой онтологически один объект [ср. обоснование применительно к анализу идей С.Крипке: Руденко 1987а: 23-24]. Характерно, что некоторые исследователи трактуют отношение тождества (противопоставляемого сходству) между объектами как отношение, порождающее "общий предмет" (разумеется, в гносеологическом его понимании): "Чтобы превратить класс неразличимо сходных предметов в общий предмет, необходимо осуществить еще одну, заключительную процедуру: заменить отношение неразличимого сходства между этими предметами (отношение "абсолютно такой же самый") на качественно отличное от него отношение тождества (отношение "тот же самый") [Материалистическая диалектика 1982: 149] (Заметим, что "собирательные понятия" в качестве проявлений отно-

[I] По-видимому, в последней части суждения Лейбница имеется в виду скорее: "не было бы различения (разделения) на индивиды". Во всяком случае, утверждение об отсутствии "индивидуального различия" тавтологично по отношению к посылке ("если бы два индивида были совершенно сходны и одинаковы...")

шения тождества не рассматриваются [см.: Там же: 148]).

Сторонники логических концепций, в которых различаются множество и класс, подчеркивают, что элементы экстенсионально определяемых множеств априорно индивидуализируются, в то время как объекты, составляющие задаваемые интенсиональным путем классы, "не индивидуализируемы, не открыты (во всяком случае все) непосредственному наблюдению и не замкнуты как совокупность" [Виленкин, Шрейдер 1974: 120] . В некоторых работах различие "априорной индивидуации" и "абстракции отождествления" связывается с противопоставлением множества и системы [см.: Шрейдер 1978: 76-77]. Суть противопоставления при этом остается сходной, поскольку множество с четко различимыми, несколько идеализированными в своей дискретности элементами рассматривается - в данном его аспекте - как преимущественно "гносеологическое", в большей мере зависящее от познания, а класс (система, реальный объект) - преимущественно "онтологическое" образование.

Однако и в том случае, если принимается противопоставление класса и множества, нельзя считать, что элементы классов гносеологически лишены потенциальной индивидуализируемости. Тождество элементов класса также является относительным (кстати, выделение общего признака хотя и вторично для множества, но вполне допустимо). Класс как бы отодвигает индивидуальность элементов на второй план, но не исключает её вообще - уже потому, что он рассматривается как совокупность отдельных объектов, но не один нечленимый объект. Очевидно также, что элементы классов отождествляются лишь по некоторым определенным признакам (из ряда возможных).

Таким образом, относительное, "признаковое" отождествление явно не может рассматриваться как характеристика лишь одного из типов множества (скажем, "собирательного"). Это становится очевидным при сопоставлении собирательных имен с общими именами (во множественном числе). В собственно гносеологическом плане элементы множеств, к которым относятся собирательные существительные, с одной стороны, и плюрализованные конкретные имена, с другой, в равной степени "сходны" - или в равной степени "тождественны", поскольку и те и другие являются составляющими определенных классов (не представленных в качестве "общих предметов", "абстрактных сущностей" и т.п.), часто классов идентичных (при наличии собирательного имени, соответствующего тому или иному конкретному). Характерна точка зрения Г.Д.Левина: "Класс

сходных предметов, представленный как класс неразличимо сходных предметов, отражают... собирательные понятия - "листва", "зверьё", а также понятия, выраженные существительными во множественном числе, - "листья", "звери" [Материалистическая диалектика 1982: 148]. С логической (именно с логической, скорее даже общегносеологической, но не лингвистической) точки зрения "изъятие" у объектов хотя бы потенциальной индивидуализируемости (что отражено в лингвистическом определении "собирательного множества") или отдельности вообще (принадлежность к разряду singularia tantum) является немотивированным.

Некоторые авторы полагают, что собирательные существительные обозначают так называемое "качественное множество", безразличное к индивидуальным характеристикам объектов и выдвигающее на первый план некое общее качество [см., например: Сташайтене 1973]. Однако известная точка зрения А.А.Потебни, механически перенесенная в план синхронии, хотя в целом она и не противоречит языковой интуиции, объяснительной силы не имеет. Необходимо или показать, что представление множества как единицы связано с обозначением особого, онтологически "нового" качества [см.: Аббасов 1984: 40-41], или же раскрыть природу "качественных" значений категории собирательности некоторым иным способом.

С.Н.Иванов писал, что "раздельная множественность учитывает качественные различия включаемых в нее единиц и потому дает именно количественное представление о данном множестве" [Иванов 1969: 45]. Отметим также замечание А.В.Исаченко о том, что каждая единица, входящая в совокупность, обозначаемую формой множественного числа, "в какой-то степени сохраняет свою индивидуальность" [Исаченко 1954: 112-113], точку зрения В.И.Дегтярёва, по которой формы множественного числа "направлены на выражение индивидуализированной, расчлененной совокупности, в которой не утрачено внимание к индивиду" [Дегтярёв 1982: 71]. В этих суждениях довольно точно фиксируются особенности отражения (во всяком случае, "преломления") индивидуальности объектов множественным числом. Последнее, разумеется, не характеризует конкретные индивидуальные признаки элементов (это возможно, например, с помощью специальных дескрипций), но именно "учитывает" данную индивидуальность, по крайней мере не противоречит ей. (По Г.Ш.Хуцишвили, "даже неразличимые объекты - это все-таки в некотором смысле различные (в принципе различаемые) объекты, поскольку о них возможно говорить во множественном числе" [Хуцишвили 1989:

113-114]). Такое положение дел обусловлено прежде всего тем, что форму множественного числа свободно приобретают имена, обладающие грамматическим значением дискретности, отдельности элементов. Применительно к множественному числу (общего имени) можно было бы говорить о потенциальной, возможной индивидуализированности (индивидуализируемости) именуемых объектов. (Значения такого типа выделяет, например, П.Адамец [см.: Adamec 1980]).

По всей вероятности, определение того типа (интервала) абстракции, который соотносится с семантикой общих имен, как отношения "неразличимого сходства" применимо лишь к узуальным характеристикам данных имен, но не к их функционированию в тексте. Характерно, что даже в логической трактовке отвлечение от индивидуальных характеристик объектов, осуществляемое в процессе абстракции отождествления, "не означает "абсолютного забывания"[1] отличительных свойств отдельного и удержания в памяти лишь общих и специфических свойств обобщаемых предметов" [Горский 1985: 11]. Элементы соответствующих классов являются потенциально, "в возможности" индивидуализируемыми (что лингвистически поддерживается, в частности, наличием у общих имен значения дискретности). С другой стороны, можно предположить, что в случае собирательных имен "неразличимое сходство" в общей тенденции остается в речи неразличимым (что поддерживается выражаемым данными именами значением недискретности).

Потенциальная индивидуализируемость объектов, обозначаемых общим именем во множественном числе, проявляется, в частности, в высказываниях и текстовых последовательностях типа Среди студентов этого института есть один, которого я знаю; Студенты нашего института активно участвовали в воскреснике. Этот студент тоже хорошо поработал [о возникновении в тексте отношений вхождения в класс или включения классов см.: Палек 1978]. Однако при замене в приведенных предложениях конкретного имени на собирательное студенчество высказывания оказываются малоприемлемыми. Не очень удачен, например, микротекст (?) Студенчество нашего института активно участвовало в воскреснике. Этот студент тоже хорошо поработал; ср. также (?) Среди студенчества института есть один [студент], которого я знаю (допустимо, однако, Среди студенчества института распространено курение, где признак не приписывается конкретным

[1] Психологизированный термин в данном случае не вполне удачен (имеется в виду скорее отвлечение от индивидуальных свойств), но всё же он не несет собственно психологической нагрузки.

элементам множества). Отметим, кроме того, невозможность использования собирательных имен в таких конструкциях, как один из, каждый из и т.п. (*один из студенчества).

"Единичный" объект, именуемый в тексте, опознается (даже в тех случаях, когда такие объекты могут обозначаться с помощью как конкретного, так и собирательного имени) в качестве элемента множества, представляющего собой объединение отдельных, дискретных объектов, но не "нечленимого" множества, хотя бы и условно "нечленимого". Так, Т.П. Ломтев писал: "В отношении Эта роза растет в саду имеется предмет эта роза. Он мыслится как член разделительного множества растений. Это значит, что названное отношение предполагает разделительное множество растений и выделяет в нем одно растение - эту розу, специфическим образом отличающуюся от любого другого растения и любой другой розы" [Ломтев 1972: 138]. Формально семантическая "принадлежность" единичного объекта к "не-собирательному классу" проявляется в малой приемлемости высказываний типа (?) Он относится к числу студенчества. Употребление же формы множественного числа в подобных контекстах вполне допустимо (относится к числу студентов).

Включение в "собирательную" совокупность затруднительно и для множества объектов: собирательное имя обычно не может функционировать в позиции предиката (в частности, таксономического): *Эти люди студенчество; *Они учительство (случаи типа Мы молодежь немногочисленны и выражают оценочно-усилительные смыслы, ср. гораздо меньшую приемлемость (?) Они молодежь).

Некоторые авторы, в частности А.А. Холодович, различают дискретные и недискретные ("собирательные") множества. Дискретность/недискретность понимаются как возможность/отсутствие возможности выделения объекта из множества, расчленения множества на составляющие. (Недискретное множество, по определению, "при всем желании не может быть разобщено, расчленено на части, ибо такое расчленение сразу сделало бы его дискретным" [Холодович 1946а: 17]). Однако такая дефиниция обладает теми же недостатками, что и определение "собирательности" через "тождественность": в нем не раскрывается семантическая природа данной категории, её своеобразная внутренняя противоречивость.

С точки зрения "обыденного" (впрочем, в определенной степени и математического [см.: Брушлинский 1988]), ориентированного на макромир познания множество вообще не может быть недискретным: оно предполагает наличие достаточно отчетливо выделяемых элемен-

тов, которые входят в соответствующий класс объектов, т.е. дискретный класс. По-видимому, обычно множество является множеством постольку, поскольку оно дискретно; так называемое "недискретное множество" - не множество, а цельная сущность, "сплошная масса" (по крайней мере в некотором данном интервале абстракции). Такой подход к множеству вытекает уже из общего определения счета как операции установления взаимно-однозначного соответствия элементов двух множеств [см., например: Кураев, Лазарев 1988: 131-136]. При данном подходе "недискретное множество", очевидно, не было бы множеством в строгом понимании, так как могло бы подвергаться не счету, а лишь измерению [ср.: Петров, Пугач 1989: 31].

В некоторых математических теориях (например, у Г.Кантора) существует понятие "множественного континуума". Континуум в таком случае не является идеальным (в понимании Вейля), в том или ином смысле представляет из себя множество. С другой стороны, на современном этапе развития представлений о континууме возникает тенденция к трактовке континуума только как целостного, единого, исключающего всякую возможность выделения элементов [см.: Цехмистро, Бобкова 1977: 93-94; 109]. Тем более кажется гносеологически немотивированным совмещение "полярных" трактовок объекта (как дискретного, в частности множественного, и недискретного) в значении имени. По мнению А.И.Панченко, "наглядное, естественное восприятие множества человеком предполагает возможность различения элементов множества" [Панченко 1975: 49-50]; ср. также замечание О.Н.Селиверстовой о понимании термина "множество" применительно к естественному языку: [Селиверстова 1983: 142-143]. Отметим в этой связи точку зрения Л.А.Радзиховского, по которой "можно попеременно воспринимать один и тот же объект то как целостный и неделимый, то как систему из некоторых элементов, обладающую внутренней структурой. Одновременное же восприятие объекта и как целостно-неделимого, и как обладающего структурой в принципе невозможно" [Радзиховский 1988: 116]; ср. также замечание об отсутствии в языке имен, референт которых в одно и то же время воспринимался бы и как дискретный, и как недискретный [см.: Bunt 1981: 162; 259].

В определенном смысле, впрочем, совмещение дискретности и недискретности осуществляется в семантике "собирательных" имен типа <u>студенчество</u>, <u>зверьё</u>. Подобные существительные, обладая формальными признаками неисчисляемых имен, в то же время в денотативном плане относятся к множествам вполне (даже безусловно) от-

дельных объектов. Однако такая семантическая совмещенность явно не имеет непосредственно отражательной, "онтологической" природы. Выбор необычной точки зрения на объект, а тем более совмещение её с обычной в семантике имени скорее всего порождает некий дополнительный, "гносеологический" эффект.

Помимо объединений, называемых собирательными именами, существуют и другие совокупности, наличие целостных составляющих у которых может быть осознано носителем языка - несмотря на то, что данные множества обозначаются именами singularia tantum. С.Д. Кацнельсон, в частности, определяет имена типа песок, снег, пыль, крупа как условно недискретные [см.: Кацнельсон 1972: 29-30]. Носитель языка может (даже чувственно, не умозрительно) осознать, что песок - множество, однако элементы этого момента множества обычно лишены самостоятельной ценности, чему причиной их малые размеры. Признаком отсутствия стабильной значимости у элементов множества является способность существительных типа песок мотивировать сингулятивы (песчинка), слова со значением выделения единицы из "сплошной массы".

Отнесение имени песок и подобных ему к группе у с л о в н о недискретных в целом оправданно: граница между отражением мира языковым (упрощающим, даже огрубляющим реальность) и научным, проникающим в "тайну" вещества (в данном случае, впрочем, вполне очевидную), не является непреодолимой. Однако все же для носителя языка песок мало чем отличается от явно не членимого на самостоятельные единицы молока (воды, глины и т.п.). Объединения очень небольших предметов, существующих в тесном физическом контакте друг с другом, сознание приближает к веществам, целостные единицы в составе которых на уровне обыденного мышления не выделяются. Язык обычно отражает и поддерживает данную особенность познания - номинации совокупностей, состоящих из очень малых единиц (не принадлежащих, однако, к микроуровню), в большинстве случаев непосредственно не выражают множественность этих единиц (даже в языках, в которых исчисление референтов "вещественных" имен не связано с большими ограничениями). Для ряда таких слов восприятие называемых ими классов в качестве дискретных достаточно необычно (ср., например, различие в степени узуальности слов песчинка и солинка).

Для легкости мысленного вычленения единицы из множества необходимо наличие в сигнификате имени-названия множества признаков дискретного класса сходных единиц. При формировании же клас-

а "Песок" в обыденном сознании объединяются не мириады отдельных песчинок, а скорее "фрагменты" песка, существующие в различных ситуациях, на разных участках пространства. Это подтверждается, во-первых, возможностью вхождения соответствующих номинаций в класс неисчисляемых имен, во-вторых, малой распространенностью сингулятивов как средств исчисления рассматриваемых объектов. Значение слова песчинка основано на противопоставлении малого количества большому, т.е. всей массе "вещества", которое при реализации такого противопоставления может окказионально осознаваться как класс отдельных единиц (ср. определение так называемого "выделительного" значения суффикса - ин(а) как контаминации значений единичности и усилительности).

Как было установлено, "недискретность множества" в трактовке А.А.Холодовича не обладает семантической реальностью. Попробуем определить значение "недискретности" множества, или условной недискретности, как отражение в языке малой ценности составляющих множества, метафорически выражаясь - нежелания (но не невозможности) принимать в расчет элементы множества в их отдельности; ср. у Э.Сэпира указание на лингвистическую значимость "нежелания" расчленять объект на элементы [см.: Sapir 1930: 7]. (Возможно, признак "тождественности элементов", который часто обнаруживают у собирательных имен, сводится прежде всего к значению условной недискретности). Благодаря зрению и осязанию носитель языка знает о существовании элементов у песка и подобных ему объектов, но это знание язык представляет как несущественное. Употребляя слово песок, говорящий как бы отвлекается (что отражено в принадлежности слова к разряду singularia tantum) от наличия во множестве неделимых (на уровне макромира) единиц. Элементы песка оказываются, в языковом представлении, частицами единого вещества.

Семе условной недискретности присуща та же формальная выраженность, что и значению недискретности (передающие её имена лишены свободной исчисляемости). Специфика значения условной недискретности состоит в том, что оно представлено совместно с лексической семой множества - актуальной, как у собирательных существительных, или потенциальной, как у слов типа песок. (В некотором смысле сема условной недискретности является "очевидной" точкой соприкосновения грамматического и лексического. При этом нельзя рассматривать данный смысл как чисто исследовательскую абстракцию: значения дискретности/недискретности, сохраняя граммати-

ческую природу, в то же время взаимодействуют - более или менее явно - со значениями лексическими [ср., например: Шелякин 1985]). Наличие в семантике имени лексического ("денотативного") признака множества, таким образом, не означает, что оно необходимо обладает также узуальным грамматическим значением дискретности.

Множества, характеризуемые собирательными именами, представлены в языке как лишенные внутренней дискретности (форма singularia tantum). В то же время вхождение целостных элементов в "собирательное множество" (ср.: студенчество) осознается практически каждым носителем языка. Поэтому возможно сопоставить собирательные и "условно недискретные", в терминологии С.Д.Кацнельсона, имена.

Однако существует принципиальное различие между "условной недискретностью" множеств, обозначаемых именами типа песок и типа студенчество. Человек (в данном случае студент, общие признаки которого отражаются в семантике слова) не является "мизерной", незначимой сущностью - ни физически, ни в смысле других аспектов своей внеязыковой ценности. Элементы любого множества людей, как они воспринимаются нами, во-первых, отделены друг от друга, во-вторых, любой из них так или иначе ценен в своей физической (по крайней мере) конкретности, отдельности[1]. Семантика собирательных имен, как можно предположить, включает не только значение множества, которое "корректирует" сема (условной) недискретности. Не мотивированное действительными свойствами объектов значение условной недискретности порождает какой-то другой, отсутствующий у слов типа песок смысл. Для того чтобы доказать реальность этого компонента, необходимо выяснить, каким образом обнаруживается в языке значимость индивида.

Как показал Ю.С. Степанов, различия в степени индивидности объектов материального мира существенны для языка. Степень индивидности определяется тем, до какого предела - вида или отдельной особи - человек обычно устанавливает различия сущностей того или иного класса. Одно из наиболее очевидных языковых проявлений индивидности состоит в мере возможности дать собственное имя единице, номинация которой входит в определенную таксономическую группу словаря, - "Вещи", "Растения", "Животные", "Люди". Собст-

[1]Интересно рассуждение В.Набокова: "Не знаю, замечено ли кем-нибудь прежде, что одна из главных особенностей жизни - обособленность. Без покрова плоти, окутывающего нас, мы умираем. Человек существует лишь постольку, поскольку он отделен от своего окружения" (Набоков В.Пнин. Пер. с англ.//Иностр.лит.1989. № 2.С.9).

венные имена получают главным образом люди и - с меньшей степенью необходимости - животные [см.: Степанов 1981: 71-96].

Степень индивидности объектов, в её языковом преломлении, существенно затрагивает семантику числа. Выше уже отмечалось, что, в частности, в китайском и других синитических языках аффикс множественности (типа кит. - мэнь) могут приобретать (факультативно) только названия лиц и личные местоимения. Сходные факты зафиксированы и в типологически отдаленных от китайского языках - например, африканских [см.: Вестерман 1963]. Отметим, что степень индивидности наиболее очевидно проявляется в семантике множественного (но не единственного) числа. Например, в волоф и ряде других африканских языков семантическое противопоставление лицо/не-лицо отсутствует в классах единственного числа, в то время как в формах классов множественного числа оно выражено эксплицитно. Так, элемент ñ указывает на принадлежность существительного во множественном числе к классу "лиц", а показателем класса "не-лиц" является формант y . При этом данные форманты характеризуют существительные, относящиеся в единственном числе к различным классам [см.: Никифорова 1981: 24-25] . Отметим, что для некоторых языков Африки характерно наличие не вполне тождественных - даже в пределах одного класса - моделей исчисления одушевленных и неодушевленных имен. Так, в языке суахили префикс множественного числа ma-"может равно оформлять имена существительные одушевленные и неодушевленные... Однако имена существительные, номинирующие людей, а иногда, реже, другие одушевленные номинанты, могут с одинаковой правомерностью иметь варианты с префиксом 2-го класса (wa-)" [Охотина 1985: 86]. Явления такого рода трактуются как подтверждение того, что в языке вырабатывается категория одушевленности/неодушевленности [см.: Там же: 105].

Факты различия "лица" и "не-лица", одушевленности и неодушевленности в формах (точнее, через формы) числа представлены и в иранских языках. В фарси, например, долгое время наблюдалась тенденция к обозначению множественного числа одушевленных имен, с одной стороны, и неодушевленных, с другой, с помощью специальных форм (-он для одушевленных и -хо для неодушевленных) [см. Рустамов 1972: 50]. Иным образом (и более явно, непосредственно) степень индивидности проявляется в ишкашимском языке (памирская группа). При ишкашимских существительных, обозначающих людей, аффикс множественного числа обязателен (за исключением случаев, когда имя стоит после количественного числительного). Употребление же

показателя множественности при именах, называющих животных или неодушевленные предметы, факультативно [см.: Пахалина 1959: 37-38]. "Степень индивидности" затрагивает и семантику единственного числа иранского имени: "Главное отличие личных имен от неличных заключается в том, что форма единственного числа личных имен может свободно выражать актуализованную единичность без каких-либо уточнителей" [Смирнова 1974: 46]. Такое положение дел определяет и более частные характеристики личных существительных - например, то, что они, в отличие имен не-лиц, не употребляются в несубстантивных функциях [см.: Там же: 55], т.е. наиболее отчетливо воплощают признаки категории предметности.

Многие авторы, анализируя явления такого типа, эксплицитно указывают на степень значимости объектов как основу подобных языковых различий. Д.Вестерман писал (имея в виду факты африканских языков): "Предметы, имеющие для нас особое значение и часто воспринимаемые как самостоятельные существа, например, части тела, крупные, опасные или ценные животные, а также люди, рассматриваются не как коллектив, а как отдельные индивидуумы" [Вестерман 1963: 58].

Для семантики множества главную роль играет не то, что индивидуальные признаки единиц ряда классов могут быть постоянно ("длительно") значимыми (этот аспект индивидности лингвистически проявляется в возможности отнести к объекту собственное имя), а то, существует или нет в соотносимой с языком картине мира представление о важности неспецифицированных индивидных черт элементов того или иного множества (включая множество, равное классу), априорной ценности их отдельного существования[1]. В общей тенденции каждый человек "отделен", обладает некими существенными индивидуальными, "личностными" признаками (хотя содержание последних часто неизвестно). Как пишет А.А.Бодалев, "положение человека в системе ценностей проявляется четко в том, насколько устойчиво субъект стремится к раскрытию индивидуально-неповторимых характеристик каждого из познаваемых лиц, и стало быть, насколько он тяготеет к выбору оптимальных способов поведения по

---

[1] Интересна мысль Л.Разгона, в которой прослеживается своеобразный конфликт между желанием отвлечься от индивидуальных признаков представителей определенного подкласса людей и представлением об "априорной индивидуализированности" любого человека: "Поскольку тюремщики все же происходят из людей, каждый из них обладает уникальностью и своеобразием, свойственным каждому человеку" (Разгон Л. Непридуманное //Юность. 1989. № 1. С. 21).

отношению к этим лицам" [Бодалев 1970: 5]. Характерно, что в последнем суждении говорится не просто о значимости уже установленных различий, а о направленности (часто, впрочем, неосознаваемой) сознания на определение этих различий [ср. также: Рубинштейн 1973: 333-338; Асмолов 1986: 79-81].[1]

С другой стороны, растения и вещи во множестве воспринимаются - если отвлечься от возможных профессиональных интересов, которые распространяются лишь на некоторые классы вещей или растений - скорее как "просто" отдельные или даже почти сливающиеся друг с другом единицы.

Собирательное имя на -ство, таким образом, как бы искусственно снимает представление об "априорной" значимости различий между элементами обозначаемого им множества людей (выражаясь менее метафорично, своей формальной выраженностью противоречит такому представлению, по крайней мере не согласуется с ним). Объекты же типа песка действительно воспринимаются как масса, что обусловлено действительной малой значимостью образующих их единиц, которые не ощущаются обычно даже в качестве отдельных. Песчинка выделяется из песка, а студенчество складывается из студентов, молодёжь - из молодых людей. Это следует из направления словообразовательной мотивации. Вещественное имя песок является мотивирующим для сингулятива, а собирательные имена типа студенчество образованы от конкретных. (Иными словами, собирательные имена обычно являются мотивированными, а вещественные - первичными наименованиями).

§ 2. СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ИМЕНА В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ

Представление в языке множества безусловно дискретных объектов так, как если бы оно было сплошной массой, становится основой для своего рода языковой игры. Немалая доля собирательных

[1] Представляет интерес, в этой связи, трактовка "индивидуализма", который психологически является переживанием индивидом уникальности связей со всеми общностями,с которыми он себя идентифицирует, в качестве социально-психологической основы для развития множественности индивидуальностей [см.: Опыт словаря 1989: 107-111]. Отметим также подход к обществам с "коллективистской" структурой сознания, для которых характерна малая степень вычлененности человека из социального контекста, как к духовно незрелым [см.: Там же: 149-152] (А.Эткинд, Л.Седов).

имен, в частности, обозначает множества лиц, и легко объяснимое представление о непременной ценности ("индивидуализированности", хотя и не конкретизированной) человека, которое поддерживается соотнесенностью собирательных существительных с общими, взаимодействует с формально выраженным значением недискретности. Язык как бы опровергает сам себя - для того, чтобы "оттенить", усилить существенность некоторого свойства, присущего множеству объектов, выразить оценку того или иного типа. (Заметим, что даже в "формальной семантике" отмечается гносеологическая неадекватность представления дискретных объектов с помощью "имен массы": "Имена массы предоставляют возможность говорить об объектах, как если бы они не состояли из дискретных частей" [Bunt 1981: 47] и используется - хотя и не без оговорок - понятие "веры" говорящего в дискретность/недискретность объекта [см.: Там же: 48; 161])

В исследованиях по стилистике довольно подробно рассматриваются случаи, когда говорящий, приписывая объекту некий оценочный признак, в действительности стремится оценить его противоположным образом. Стилистическую фигуру такого типа, в частности, представляет собой мейозис. Его реализацией является, например, обозначение заведомо хорошего как терпимого - в тех случаях, когда говорящий предполагает, что слушатель понимает (может понять) неадекватность оценки, употребление выражения Он кое-что понимает в лингвистике применительно к академику-языковеду и т.п. Истинная оценка в подобных случаях довольно легко восстанавливается из контекста (или общей картины мира) и потенциально заключена уже в эксплицитной оценке говорящего [ср.: Скребнев 1975: 122-123].

Мейозис обычно понимается как преуменьшение чего-либо в реальности заведомо большего, обладающего высокой степенью проявления некоторого признака. Однако неадекватная оценка может эксплицитно характеризовать предмет не только как нечто "малое", но и как "большое". Ср. употребление высказывания Какой ты умный! применительно к глупцу (случаи такого типа - относящиеся к одной из разновидностей мейозиса, литоте - анализируются, например, у Д.Болинджера [см.: Bolinger 1972: 115-125]). Оправданно поэтому использовать для описания рассматриваемых явлений термины "недооценка" и "переоценка", заимствованные из английской лингвистической традиции (ср.: understatement, overstatement).

"Недооценка" и "переоценка" предполагают существование двух противоположных точек зрения на объект и поэтому часто переходят

в "двухголосую" (М.М.Бахтин) иронию (в большей мере ирония характерна для "переоценки") [детальнее см.: Spitzbardt 1963: 281-284].

Со скидкой на невозможность точно "состыковать" идеи литературоведения и лингвистики, к интересующей нас "недооценке" можно применить разработанное М.М.Бахтиным понятие "скрытой полемики" Если "явная полемика" (пародия) направлена на опровергаемое "чужое слово" как на свой предмет, то в полемике скрытой слово "направлено на обычный предмет, сказывая его, изображая, выражая, и лишь косвенно ударяет по чужому слову, сталкиваясь с ним как бы в самом предмете" [Бахтин 1972: 335].

В анализируемом нами материале (собирательные имена) предполагается победа "чужого слова", точнее неэксплицированной точки зрения на объект, содержащейся в картине мира (ср.: "чужое слово остается за пределами авторской речи, но авторская речь его учитывает и к нему отнесена" [Там же: 334]). Можно предположить, что в случае собирательных имен (в частности, номинаций людей) такой "точкой зрения" является представление о человеке как безусловно ценном в своей отдельности объекте (это представление в какой-то мере отражается в лексическом значении соответствующих существительных, их коннотации, поддерживается словообразовательной соотнесенностью с конкретными именами).

К собирательным именам, выражающим оценку других типов - например, именам на -j(o) со значением "(очень) плохой" - в меньшей мере применимо понятие "недооценки": представление денотата имени в качестве сплошной массы в таких случаях психологически, по крайней мере отчасти, мотивировано отрицательными свойствами объектов. Однако эта мотивированность часто достигается через сужение круга объектов, к которым может относиться собирательное имя, сравнительно с кругом денотатов соответствующих конкретных имен. Ср. неприемлемость *хорошее, доброе, советское (при стандартной коннотации прилагательного советский) офицерьё и т.п. (С другой стороны, существуют и пары типа хулиган - хулиганьё, где оценка объектов тождественна, если не по интенсивности - у собирательных имен она, видимо, выше, то по крайней мере по знаку). В целом в сфере имен рассматриваемого типа "преуменьшение" значимости элементов класса часто не воспринимается как вполне (безусловно) адекватное. При этом все собирательные имена с негативной оценкой предполагают выделение, "акцентирование" некоей, обычно недифференцированной, совокупности (отрицательных) признаков класса.

Таким образом, оправданно предположить, что в семантику собирательных имен входит значение отношения говорящего к множеству, обозначенному именем, - оценка. Оценка, наряду со значением неисчисляемости, образует смысловое ядро категории собирательности, как бы грамматикализует представления о степени индивидности объектов того или иного типа. Собирательные существительные отличаются от общих имен (в том числе и от общих со значением множества, таких, как роща, народ) прежде всего оценочностью.Наличие у рассматриваемых имен собственной смысловой специфики и позволяет выделять их в отдельный класс "собирательных существительных". Формальным признаком (необходимым, но не достаточным) собирательных имен является отсутствие свободной исчисляемости, в частности, способности приобретать множественное число).

Оценка "важно", постулируемая для собирательных имен типа студенчество, не является традиционной ни для лингвистики, ни для философии (в последнем случае это связано, вероятно, с тем, что широкое исследование проблем диалектико-материалистической аксиологии началось сравнительно недавно). Многие авторы выделяют оценки лишь двух общих типов - "хорошо" и "плохо" (особенно это характерно для лингвистов). Следует поэтому рассмотреть основные логико-философские предпосылки обнаружения оценки объекта как значимого [см. также: Руденко 1983а; Руденко 1988б].

Как кажется, необходимость выделения оценки данного типа имплицитно отражена уже в широко принятом определении оценки как таковой. Ср., например: "Оценка является субъективным выражением значимости предметов и явлений окружающего нас мира для нашей жизни и деятельности" [Фабело 1984: 27]; "всякая оценка связана с определением значения оцениваемого предмета для человека, его жизни и деятельности" [Хапсироков 1972: 149]. Значимость в свою очередь понимается (в упрощенной трактовке) как отражаемая в сознании функция объекта быть связанным с удовлетворением тех или иных (материальных и духовных) потребностей человека. Под это определение подпадают как положительные значимости, ценности в собственном смысле слова, так и отрицательные значимости, "антиценности". Отмечается, в частности, что аксиологическая значимость представляет собой "такое функциональное свойство объектов, когда объекты способны (положительная аксиологическая значимость) или не способны (отрицательная аксиологическая значимость) отвечать социальным потребностям человека" [Кислов 1986:7].

Оправданно предположить, что в ряде случаев значимость объекта отражается в человеческом познании не в отнесенности к тому или иному из оценочных полюсов, а в общем, неспецифицированном виде. Это возможно, вероятно, в тех случаях, когда человек не может точно определить знак оценки или намеренно отказывается от этого[I]. Как отмечает, например, Н.Д.Арутюнова, "чтобы прийти к холистической оценке какого-либо объекта, необходимо пометить его конкретные свойства знаком плюс или знаком минус, т.е. распределять их между чашами весов. Общеоценочный результат, свидетельствующий о перевесе плюсов или минусов, складывается из соотношения частных характеристик, каждой из которых приписывается определенная количественная значимость" [Арутюнова 1988: 73]. Как видно, выведение "оценочного баланса" представляет собой достаточно сложную познавательную процедуру, результат которой не всегда очевиден[2]. (В общем виде сложность оценивания определяется тем, что оно представляет собой процедуру оперирования двумя типами знаний - о внешнем предмете и о потребностях субъекта). "Обобщающая" оценка "важно", по-видимому, является своеобразным, пусть отчасти "паллиативным", средством снятия возможной оценочной неоднозначности.

Несмотря на противоречивость (по крайней мере противоположность) оценочных признаков, "соотносимых" с объектами, у субъекта оценки все же складывается целостный аксиологический образ предмета: оценивающиеся признаки осознаются как аспекты од-

---

I Хорошей иллюстрацией последней возможности может служить так называемая "абсолютная ценность". По определению, она обладает аксиологической реальностью независимо от того, с какими частными ценностями может быть соотнесена в том или ином конкретном случае: "Абсолютная ценность личности есть её достоинство, это ценность человека потому, что он человек и вне зависимости от того, насколько этот человек полезен обществу" [Артановский 1988: 41]. Заметим, что некоторыми чертами сходства с понятием "абсолютной" ценности обладает понятие ценности "потенциальной" ("существует возможность "ценности", оценки, т.е. существует потенциальная "ценность", которая имеет объективное содержание" [Авалиани 1989: 154]).

2 Характерно, что в некоторых случаях определенные аспекты действительности могут оцениваться в одно и то же время одним и тем же субъектом различным образом. Известно, например, что отрицательная эмоция, в силу своей особой сигнальной функции, почти всегда неприятна человеку. Но, с другой стороны, "при длительном бездействии нервных аппаратов человек начинает испытывать актуальную потребность в переживании этой эмоции, что придает ей парадоксальный положительный оттенок" [Додонов 1978: 88].

ного объекта – и в чисто физическом, и в качественном смысле (ср.: "оценочное познание, являясь постижением сущности ценности объекта, находит свое продолжение и завершение в выражении отношения субъекта к оцениваемому предмету, в котором и фиксируется ценность объекта: в итоге объект воспроизводится в его реальной целостности" [Кислов 1986: 11]). Вероятно, целостность оценочного образа в значительной мере обеспечивается именно оценкой "важно", "значимо", которая приписывается – с той или иной долей осознанности – оцениваемому объекту.

Заметим, что если на чисто субъективном уровне отражения значимость существует только в виде оценки того или иного частного типа, то на более высоких уровнях осуществляется целостное отражение значимости как таковой, происходит "переход от полярного отражения внешнего мира (только в категориях "полезности-вредности") к аполярному" [Понукалин 1984: 17]. Лингвистически выражаясь, оценка "важно" является оценкой скорее "интеллектуального" ("рационального"), чем "эмоционального" типа, осознается менее отчетливо, чем "эмоциональная" оценка, выражаемая, например, собирательными именами типа офицерьё. Некоторая "неочевидность" смысловых различий между именами на -ство и соответствующими общими именами во множественном числе иногда служит аргументом в пользу трактовки соотношения данных языковых единиц как проявления "внутриуровневой синонимии, которая базируется на общем отнесении форм собирательности и мн.ч. имен существительных к инвариантному значению количества" [Колесников 1988: 53]. (Впрочем, даже сторонники подобного подхода не рассматривают такую синонимию как абсолютную). Чуть ниже будут проанализированы некоторые диагностические контексты, эксплицирующие семантические отличия имен типа студенчество от соотносимых с ними общих имен, а пока ограничимся указанием на сомнительность общей предпосылки постулируемой синонимичности: собирательные и общие имена, уже в силу их формально-языковых различий, явно не находятся в одинаковом отношении к "инвариантному понятию количества". Само значение множества у собирательных существительных имеет лексический характер и противоречит грамматически выражаемому такими именами значению неисчисляемости, недискретности (что, в свою очередь, служит источником возникновения оценки).

Лингвистический статус оценки "важно" все же нуждается в особом обосновании – прежде всего применительно к явлениям лексической (лексико-грамматической) сферы. Оценка "важно" выделя-

ется главным образом на уровне целого высказывания, где данный смысл передают интонация и порядок слов. Теория "коммуникативного динамизма", разрабатываемая школой актуального членения из Брно, например, основывается на выделении различных градаций важности элементов сообщения. Степень значимости, "динамизма" возрастает в направлении от темы к реме [из обобщающих работ см.:Firbas 1982; Svoboda 1981; применительно к именной группе см.: Svoboda 1987]. Анализ элементов высказывания по степени их "важности" осуществлялся также исследователями, принадлежащими к другим лингвистическим школам, - например, И.Г.Торсуевой [см.: Торсуева 1979: 32-38; сжатое изложение названных концепций см.: Николаева 1982: 24-28]. Менее систематизированные наблюдения о различной значимости, информативности компонентов (выделяемых в основном по просодическим признакам) высказывания можно найти у самых разных авторов.

Оценка "важно" как компонент значения слова в большинстве случаев не выделяется исследователями (для описания лексем, выражающих ее, обычно употребляют довольно расплывчатый термин "экспрессивность"). Детальное описание некоторых лексических единиц, характеризующих объекты с точки зрения их значимости (ср. имена типа миссия, пост), было осуществлено только в работах Е.П.Петрищевой [см.: Петрищева 1984: 159-162].

Обнаружение оценки "важно" затрудняется тем, что ее нельзя, в духе В.В.Мартынова [см.: Мартынов 1982: 160-163], представить как результат свертывания двухэлементной структуры (ср.: *учителя значимы). Предметом оценки "важно" в сфере собирательных имен является некоторое свойство (отношение) класса, но не класс в целом. Следует поэтому описать некоторые диагностические конструкции, в которых проявляется искомый смысл.

Простейшим примером такой конструкции являются суждения типа Мне безразлично (все равно), что студенчество участвовало в демонстрации (что человечество борется за мир). Придаточная часть данных высказываний, по-видимому, может быть воспринята лишь как дословная цитация оценки другого субъекта. Для выражения хотя бы относительно независимой квалификации следует использовать форму множественного числа конкретного имени.

Рассмотрим более сложные случаи. Высказывание Он представитель дворянства может быть в тексте истолковано двояко: (1) Группа дворян избрала лицо, являющееся субъектом высказывания, для осуществления ее интересов в какой-то сфере; (2) Субъект

воплощает в себе характерные признаки класса дворян. Замена в предложении собирательного имени на форму дворяне уничтожает возможность второго понимания. Это подтверждается тем, что употребить при общем имени прилагательное типичный, указывающее на то, что субъект рассматривается с точки зрения выраженности в нем признаков класса, нельзя: *типичный представитель дворян. (Заметим, что конкретное имя не употребляется в подобных конструкциях и в тех случаях, когда ему не соответствует собирательное: *типичный представитель преподавателей, *типичный представитель крепостных. Подобный смысл может быть выражен с помощью простого атрибутивного сочетания: типичный преподаватель и т.п.).

Способность собирательных существительных привносить в высказывание содержание, достаточно отчетливо соотносящееся со значением прилагательного типичный, объясняется наличием в их семантике признака "важно". Эта оценка связывает отношение, в которое входит лицо в конкретной ситуации (в данном случае это отношение включения в класс), с некоторыми (здесь имплицитными) признаками всего класса, которые и делают важным принадлежность к нему. Значимыми оказываются и общие признаки класса, и конкретное отношение. Оценка "важно", следовательно, может иметь два тесно связанных предмета - признаки множества, которое является частью класса (в тех случаях, когда референт собирательного имени меньше объема класса или когда сообщается о вхождении в класс, обозначенный собирательным существительным), и признаки, свойственные всем элементам классификационного объединения.

Направленность собирательных имен с оценкой "важно" на представление частного признака в качестве значимого для всего класса проявляется и в употреблениях других типов. Так, имя человечество ориентировано на включение в свой референт всех людей (по крайней мере актуально существующих в мире), ср.: *человечество Советского Союза, *человечество Азии. Это дает возможность предположить, что местоимение весь, употребленное при этом существительном, осуществляет особую функцию, отличную от роли, выполняемой им в сочетаниях с конкретными именами.

Как уже отмечалось, довольно часто собственно денотативное различие между выражениями (именными группами) с местоимением весь и выражениями без такого показателя отсутствует или малосущественно, ср., например, высказывания Лингвисты пишут без ошибок и Все лингвисты пишут без ошибок; Офицеры хорошо стреляют и Все офицеры хорошо стреляют. Противопоставление "почти все"

и "все" для обыденного общения во многих случаях не является значимым [см.: Hawkins 1978: 163-164; кроме того: Sapir 1930: 15-18]. Местоимение весь поэтому в ряде употреблений не столько указывает на полный охват множества, сколько выполняет функцию усиления, интенсификации того или иного содержания ("признака"), эксплицированного в высказывании[1]. (Заметим, что такая функция весь обоснована, по крайней мере косвенно, с психолингвистической точки зрения. Как показали психологические исследования, речь в состоянии эмоционального напряжения характеризуется высокой частотностью слов со значением "семантической безысключительности" [см.: Носенко 1981: 76-77; 152-153]).

Можно предположить, что интенсифицирующие смыслы выходят у весь на первый план, когда имя, к которому оно отнесено, ориентировано на всеобщую референцию или когда слово, употребленное с весь, объективно относится явно не ко всем объектам данного рода, причем возможность фактической ошибки говорящего маловероятна. (Эти случаи объединяет то, что денотативная функция детерминатива в них не является доминирующей). Оценочность собирательных имен на -ство наиболее явно проявляется в случаях второго типа. Так, даже имя человечество в ряде экспрессивных контекстов может реально относиться - если отвлечься от оценочных смыслов - лишь к части элементов класса (Все человечество борется с поджигателями войны, ср. также: Все учительство выступает против консерваторов в сфере образования). При замене собирательных существительных на общие высказывания скорее всего будут восприниматься как не вполне истинные, так как агрессивные и консервативные существа вполне отвечают признакам класса людей вообще и класса учителей, если рассматривать последние неоценочно (ср. истинность Все прогрессивные люди борются с поджигателями войны; Все здравомыслящие учителя выступают против консерваторов в сфере образования).

Таким образом, с помощью собирательных имен с формантом -ств(о) элементы ("подклассы") тех или иных классов могут условно исключаться из них - как не соответствующие некоей оценочной

---

[1] А.Вежбицкой принадлежит метаязыковая трактовка весь, по которой цель употребления данного местоимения - рассеять сомнения слушателя по поводу тождественности выражений (заключенных в субъекте, с одной стороны, и в предикате, с другой). Ср.: Все мои сестры высокие = Мои сестры таковы, что выражения "моя сестра" и "моя высокая сестра" полностью тождественны [см.: Wierzbicka 1969:129].

норме, установленной говорящим. Имя приобретает всеобщую референцию, хотя она не мотивируется реальной сферой распространения соответствующих свойств; признаки класса как бы сужаются до признаков, которые субъект оценки рассматривает в качестве значимых. Весь при этом выполняет прежде всего функцию интенсификатора оценки "важно".

Оценочность имен на -ство проявляется также в сочетаниях типа история человечества. Слово история, употребленное без конкретизаторов, почти всегда понимается в отнесении к событиям, связанным с человеком (ср., например, необычность высказываний типа Появление простейших организмов - важнейшее событие в истории; допустимо в истории Земли, в истории эволюции). Иное понимание возможно главным образом при использовании специальных лексем (естественная история, история эволюции и т.п.). Следовательно, специальное указание не "очеловеченность" истории с чисто денотативной точки зрения обычно является излишним. Изъяв из высказываний типа История человечества знает не много событий столь значительных, как Великая Французская буржуазная революция (А.Манфред); Преступность в новой и новейшей истории человечества - это, по существу, буржуазная преступность (Б.Райнов) собирательное имя, мы не сделаем их менее информативными[I]. Существительное человечество передает здесь оценку "важно", предметом которой является вся ситуация, описываемая в предложении. Заменить в подобных высказываниях собирательное имя на форму люди невозможно ((?) история людей), поскольку в таком случае отсутствует оценочная мотивация употребления конкретного имени. Сходные смыслы проявляются и в более редком сочетании языки человечества. Ср., например: В любом живом языке человечества имеются не только системные, но и антисистемные тенденции и элементы (Р.Будагов). Противопоставление языков людей языкам животных в этом высказывании, очевидно, не предполагается.

Проявлением оценки "важно" является также тот факт, что высказывания типа Студенчество сидело на скамейке; Учительство шло в буфет воспринимаются носителями языка (за пределами особых, редких ситуаций) как малоприемлемые - или приобретают оттенок ироничности. Описываемые в этих предложениях действия

[I] Опустить слово человечество в сочетании история человечества нельзя только в случаях, когда человеческая история противопоставлена истории других существ или общая история человеческого рода - частным. Ср.: Кроме частных историй отдельных народов, есть еще история человечества (В.Белинский)

(признаки) объектов для большинства членов социума вряд ли существенны. Данное ограничение не является жестким и носит главным образом понятийный характер. Однако оно имеет лингвистическую предпосылку - оценку "важно", выражаемую собирательными именами.

Характерно, что в случаях, когда значимость признака, который оценивается с помощью собирательного имени, явно невелика, возможно возникновение коннотаций ироничности (основанных на "столкновении" противоположных оценок) [о коннотации данного типа см.: Вольперт 1979: 34-35]. Ср.: Если человечеству вздумается произвести инвентаризацию профессий, то шансы быть лично упомянутым в качестве единственного представителя того или иного занятия есть не только у м-ра П. (Вокруг света. 1968. № 7). Употребление глагола вздуматься подчеркивает малую значимость действия, отсутствие у него объективной необходимости. Ср. также: Выслушав гомонящее учительство, милиционер надел шапку и буркнул: учительша - де тоже птица хороша (В.Астафьев). Глагол гомонить предполагает представление о невысокой значимости субъекта данного действия, вытекающее из признака неорганизованности действия (часто оно сочетается с отрицательной оценкой).

Как говорилось, по мнению некоторых авторов, собирательные существительные и формы множественного числа однокоренных конкретных имен являются семантически эквивалентными. Ощущаемые тем не менее носителями языка различные возможности употребления данных существительных объясняются тем, что "собирательные имена с суффиксом -ство несут на себе печать "книжности", употребление их закреплено в основном в языке прессы, в научном и официально-деловом стилях речи" [Миськевич 1970: 78] . Тяготение ряда собирательных имен к публицистическому стилю (в меньшей мере, вероятно, к стилю официально-деловому и тем более научному), действительно, представляет собой реальную языковую тенденцию, но именно тенденцию, а не обязательное ограничение. Это подтверждают даже примеры, приводимые сторонниками чисто "стилистической" трактовки собирательных имен. Трудно предположить, например, что в высказывании Зарядившись в пивных, студенчество толпами спускается по бульвару вниз на Трубную площадь (В.Гиляровский) собирательное существительное представляет собой "терминологическое обозначение группы лиц". Встречаются и другие случаи использования в предложениях с собирательными

именами на -ство разговорных и просторечных элементов: Из года в год актерство помещалось в излюбленных своих гостиницах и меблирашках, где очищали места содержатели (Он же) [см.: Руденко 1987в: 62-63].

Следует подчеркнуть, что стилевая ориентация собирательных имен (в частности, выражающих оценку "важно") в целом производна от семантики данных существительных. Для публицистического стиля, например, несколько более характерно представление объектов как особо значимых в каком-то отношении, соотносящихся с существенными признаками класса, чем для разговорной речи. (Ср. в этой связи замечание о том, что принадлежность так называемой возвышенной, акцентирующей значимость объекта лексики, типа чужбина, вершитель, к книжным средствам вторична и объясняется тем, что "торжественный, патетический тон наиболее характерен именно для указанной разновидности речи " [Петрищева 1984: 163]).

С лингвогносеологической точки зрения недискретность "собирательных множеств" имеет две градации. На первой ступени у обьектов условно "изымаются" прежде всего неопределенные, но воспринимаемые как существенные индивидуальные особенности - что порождает оценку "важно". Её передают только номинации людей - степень индивидности человеческих существ наиболее высока, и принадлежность имен людей к классу неисчисляемых ("недискретных") наиболее отчетливо эксплицирует "признаковую", оценочную направленность собирательных существительных (при том, что не во всех случаях собирательные имена лиц развивают негативную оценочность, которая как бы полностью лишает элементы соответствующих множеств ценности, значимости). Характерна точка зрения, по которой "ядро категории собирательности составляют производные имена существительные со значением совокупности лиц. Эти слова передают собирательное значение наиболее однозначно и независимо от контекста" [Пярн 1987: 8].

В русском языке оценку "важно" выражают главным образом собирательные существительные с суффиксом - ство. Это в значительной мере обусловлено бифункциональностью данного форманта, который входит также в состав абстрактных существительных. Семантика как собирательных, так и абстрактных имен направлена на выделение среди прочих определенного признака класса - или путем абстрагирования свойства от класса его носителей, или путем оценки признака как значимого.

На второй ступени недискретности полностью "снимается" тож-

дество объекта самому себе, его материальная целостность. Множества этого типа в русском языке обозначаются главным образом собирательными именами с суффиксом эмоциональной оценки - j(о) и -ня (офицерьё, вороньё, солдатня). Такие существительные передают негативную оценку, предметом которой является класс в целом, в совокупности его возможных свойств (ср. точку зрения, по которой оценочное познание в эмоциональной оценке "свертывается до самых общих, недетализированных представлений о ценности объекта" [Кислов 1986: 19]). Случаи, в которых референтам подобных собирательных имен приписываются относительно положительные признаки, редки. Ср., например: Забегала в мастерскую веселая солдатня, грохотала плоскими шутками, материлась, учила материться и нас (Б.Горбатов). Характерно, однако, что признак "веселый" здесь воспринимается с коннотацией "грубости", как не противоречащий другим (отрицательным) характеристикам объекта.

Окончательно "снимая" с помощью формантов - j(о) и -ня (у номинаций людей и животных) представление об отдельности объектов во множестве, язык как бы полностью уподобляет их некоей "сплошной массе". С объектом "обращаются" явно без учета его ранга, так,как если бы он был совершенно незначимой сущностью. Это обусловлено наличием у класса отрицательных характеристик. Негативные свойства лишают объект всякой самостоятельной ценности, как бы уничтожают даже целостность единиц. Существуют также собирательные существительные, выражающие только оценку "много". К ним относятся наименования растений и вещей: вишенье, гвоздье, листва. (Для современного языкового сознания оценка "много" относительно четко выделяется только у слова листва). "Растворение" единицы в массе требует относительно большого объема последней. Большой объем множества может делать несущественной даже отдельность его составляющих - если они воспринимаются как не обладающие значимыми индивидными признаками. Степень индивидности вещей и растений настолько мала, что представление их в виде лишенных самостоятельности частиц "сплошной массы" общей оценки не порождает. Семантический потенциал собирательных имен, дающий возможность особо выделить некоторые классные характеристики, данными именами реализуется не полностью. Это, вероятно, и является основной причиной того, что такие существительные представляют собой замкнутую, не развивающуюся группу, не формируют синхронической словообразовательной модели.

В языке представлены, впрочем, собирательные имена типа

старьё, рваньё, называющие множества вещей и выражающие тем не менее отрицательную оценку. Такое положение дел, как кажется, объясняется тем, что данные слова обозначают объекты разных видов – хотя и утратившие бо́льшую часть признаков своих исходных классов. Так, во множество, называемое словом старьё, может входить старая мебель, одежда, книги и т.п. Объединения типа "класс старых предметов" не представляют собой исторически сложившегося, единого вида объектов. Оценочность слов типа старьё, таким образом, возникает как результат наличия у элементов множества вещей, представляемого в виде сплошной массы, некоторых видовых признаков. Тем самым повышается степень значимости единиц, являющаяся исходным пунктом "собирательной" оценки. (Интересно, что собирательные имена рассматриваемого типа, образованные от конкретных существительных, обозначающих объекты одного вида, также приобретают некоторые "родовые" свойства. Ср. тонкое замечание Н.А.Рюминой: "Тряпьё не есть просто собирательное в триаде тряпка – тряпки – тряпьё, поскольку имеет также сему "любые старые вещи, относящиеся к предметам одежды" ("он одевался в тряпьё" вовсе не значит, что его одежда состояла из тряпок)" [Рюмина 1985: 193]).

Можно предположить, что степень индивидности объектов так или иначе проявляется в семантике всех языков (уже потому, что все языки имеют собственные имена). Однако различия в индивидности в неодинаковой мере затрагивают смысловую структуру категории числа различных языковых систем. Так, для современного русского и большинства индоевропейских языков характерно представление объектов самых различных классов как равно дискретных (категория конкретных имен). Различия в степени индивидности, следовательно, не получают грамматического выражения. С другой стороны, для несколько архаичной, ограниченной по составу категории собирательности "значимость индивида" оказывается более значимой, отражается, хотя и не вполне прямо, в (лексико-грамматической) семантике входящих в нее слов. Это подтверждается рассмотренными выше фактами.

Интересны также выводы Б.А.Серебренникова, сделанные на основе изучения древних уральских и тюркских языков. Каждый суффикс собирательности в этих языках "одновременно выполнял двойную функцию: он выражал собирательную множественность, указывая, что в языке по линии собирательной множественности существовало классное деление, т.е. понятие собирательной множественности

существовало не вообще, а применительно к определенному классу предметов. Классное деление имен существительных в этих языках выражалось не в непосредственной классификации, а опосредствованно, в так называемых классах собирательной множественности" Серебренников 1974: 165]. Подобное положение дел отчасти сопоставимо с состоянием, характерным для русского языка (если учесть, что в последнем осуществляется менее жесткая, косвенная классификация оценочного характера). Собирательные существительные в русском языке в определенном смысле "разграничивают" классы людей, животных, растений и вещей - как через свои формальные (словообразовательные) признаки, так и, причем даже с большей степенью необходимости, семантически, по типу оценки. (Такая ситуация, в свою очередь, имеет определенные исторические корни: исследователи древнерусского языка отмечают "семантическое отличие имен собирательных личных значений от предметных, основанное на разном осмыслении одушевленных и неодушевленных совокупностей" [Дегтярев 1982: 147]).

Заметим, что в русском языке имеется также ряд собирательных имен (не объединенных общим словообразовательным показателем), которые передают отрицательную оценку сравнительно слабой степени интенсивности, - рус. публика, детвора, ребятня, начальство, укр. жіноцтво 'женщины' и т.п. Значение таких лексем связано с имплицитным оценочным противопоставлением одного из членов некоей онтологической "оппозиции" (начальники - подчиненные, дети - взрослые, женщины - мужчины) другому. Характерно, что собирательные имена с антонимичными значениями - "взрослые", "мужчины" и т.д. в языке отсутствуют. Это связано с тем, что собирательное существительное не способно передавать вполне положительную оценку: "принижение" значимости объекта, пусть и нарочитое, не может быть источником позитивной квалификации. С другой стороны, то, что оценка имеет сопоставительный характер, тяготеет скорее к "интеллектуальной", чем к "эмоциональной" сфере, обусловливает отсутствие у слов рассматриваемого типа ярко выраженной отрицательности (т.е. смысла "очень плохой"). Значение слов детвора, ребятня даже характеризуется довольно оригинальной совмещенностью отрицательных и положительных сем и сходно по типу с семантикой диминутивов: ребенок является существом социально "малым", отчасти неполноценным, но малому, если воспользоваться выражением К.С. Аксакова, "свойственно быть милым" [см. также: Wierzbicka 1980: 53-60]. Имена типа детвора могут,

не ощущаясь как нейтральные, с почти одинаковым успехом употребляться и в "положительных", и в "отрицательных" (впрочем, умеренно отрицательных) контекстах (Я люблю детвору; Во дворе толпилась надоедливая детвора).

§ 3. СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ИМЕНА В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ МНОЖЕСТВА

Произведенный анализ семантики собирательных имен позволяет уточнить решение двух взаимосвязанных вопросов: о словоизменительном vs. словообразовательном характере категории числа (в языках типа русского) и о составе категории собирательности, в её соотнесении с другими средствами выражения множества.

Спор о том, являются ли формы числа действительно формами одного слова или представляют собой отдельные лексемы, имеет в русском языкознании достаточно длительную традицию. Основоположником "словообразовательной" трактовки категории числа обычно считается Ф.Ф.Фортунатов. Однако подобные идеи можно обнаружить уже у К.С.Аксакова, который писал о склонности "русского человека видеть во множественном как бы новое имя" [Аксаков 1880: 106-107]. (Отметим, впрочем, что Аксаков имел в виду прежде всего тенденцию к лексикализации множественного числа, проявляющуюся, например, в образовании форм на -ья типа каменья).

Концепция словообразовательной природы числа в русской лингвистике не получала (за немногочисленными исключениями) развернутого обоснования. Однако основные аргументы в пользу соответствующей гипотезы формулируются достаточно четко. Её сторонники исходят главным образом из положения о несинтаксическом характере числа. Форма числа существительного, действительно, определяется не грамматическими признаками окружающих имя слов, а особенностями отражаемой денотативной ситуации (т.е. количеством объектов, представленных в ней). Однако из этого еще отнюдь не следует, что категория числа представляет собой категорию словообразовательную. Отождествление дихотомии синтаксическое/несинтаксическое с противопоставлением грамматическое/лексическое оказывается априорным и не поддерживается детальным изучением реальных смысловых (тесно связанных с денотацией существительных) функций форм числа: предполагается, что семантический критерий в исследуемом вопросе не является вполне удовлетворительным [см.: Кузнецов П.С. 1961: 45].

В то же время сам П.С. Кузнецов, как и другие лингвисты, разделяющие его позиции, использует для обоснования своей точки зрения не только формальные, внутриязыковые (зависимость/независимость формы от синтаксического окружения) факты."Различие единственного и множественного числа существительного (а также других чисел, если они есть в языке) обусловлено различием предметов действительности и мысли" [Там же]. Собственно говоря, иной (чисто формальный) подход к категории числа вообще невозможен.

Если исходить из того, что существительные в той или иной числовой форме являются отдельными словами, можно заключить, что в представлении языка они обозначают особые, отдельные предметы. (Разумеется, разные слова могут обозначать один и тот же объект, представленный в различных его аспектах, ср., например, оценочные и нейтральные обозначения предметов. Однако различие между "словами" со значением единичности и множественности явно носит "онтологический", а не "гносеологический" характер). Интересно, однако, что Фортунатов пишет, что формы числа выражают "различия в известном изменяющемся признаке отдельных предметов мысли" [Фортунатов 1956: 156], но, следовательно, не различия особых предметов мысли. Если бы множество предметов, обозначаемое формой ("формой"?) множественного числа было в языковом отражении устойчиво отдельным, особым объектом, оно должно было бы обладать способностью входить во множество сходных отдельных объектов. Однако люди, живущие в одной стране (и обозначаемые формой люди (живущие в этой стране), и люди, живущие в другой стране, студенты, учащиеся в этом, и студенты, учащиеся в другом институте, при объединении их во множество обозначаются "теми же" формами множественного числа - люди (этих стран), студенты (этих институтов), ср. в одном тексте: Студенты политехнического изучают математику, а студенты медицинского - нет. Но у студентов этих институтов есть и общие предметы [см. также: Bogusławski 1973: 16-17].

Онтологически любой объект действительности, рассматриваемый в качестве объекта, т.е. того, что так или иначе выделено человеком из континуума реальности, обладает теми или иными качественными особенностями. Однако далеко не во всех случаях особое качество объектов (в частности, объектов-множеств) является настолько устойчивым (а отношения между их составляющими - настолько значимыми [ср.: Grodziński 1973: 41]), чтобы отдельность, "особость" объекта была отражена в системе языка. Ср.

в этой связи третий "принцип именуемости" С.Палмэна, по которому сумма объектов, которым в языковой системе соответствуют особые имена, сама является именуемой, если эти объекты характеризуются пространственно-временной смежностью, или их сумма представляет собой продукт человеческой деятельности, или они совместно выполняют функцию, не присущую какому-либо из них в отдельности [см.: Pulman 1983: 65-66].

И онтологически, и в логическом отражении целостность разных объектов-множеств имеет различную природу ("степень"). Она может представлять собой неотторжимую, "имманентную" характеристику объекта (ср., например, у Г.А. Смирнова указание на возможность тождественности единого объекта и объекта-связи [см.: Смирнов Г.А. 1977]). В других случаях, однако, определение множества как целостной, устойчиво отдельной сущности является скорее его идеализацией. во всяком случае носит преимущественно гносеологический характер(ср. известное противопоставление множества - "многого, мыслимого как целое" и системы - "целого, мыслимого как многое" [см.: Шрейдер 1978]).

Очевидно, язык отражает реальные различия существующих в мире совокупностей. Утверждение о том, что категория числа является словообразовательной потому (в том числе потому), что её формы относятся к особым, отдельным объектам, неточно и с философской, и с собственно лингвистической точки зрения: в таком суждении не учитывается роль языка (причем в общей тенденции "онтологически мотивированная") в отражении устойчивой и/или особо значимой в функциональном плане отдельности объектов или отсутствия у них данного свойства. В развернутом виде аргументация такого типа (правда, без детальных онтологических обоснований) представлена у А.И.Смирницкого, отмечавшего, что "различие в вещах ещё не есть обязательно различие в значении слова, так как обозначаемые вещи отнюдь не тождественны со значением слова" [Смирницкий 1959: 114].

Критикуя "словообразовательную" концепцию числа, А.И.Смирницкий стремится обосновать прежде всего то, что нелексикализованное множественное число не обозначает особого, качественно "нового", входящего в собственный класс объекта, сравнительно с именем в единственном числе: "В качестве особого основания для отнесения к словообразованию в случае категории числа в имени существительном выдвигается то соображение, что... различие между единственным и множественным числами отражает известное ве-

щественное различие" [Там же: 112]. Один из аргументов Смирницкого против подвергаемой критике концепции числа может показаться не вполне корректным: "Образование 'столы' или 'кони' тоже ведь обозначает сплошь и рядом не одинаковый предмет даже с чисто количественной точки зрения: это может быть и пара столов или коней, и сотня, и тысяча. Если подходить с этой точки зрения, то можно сказать, что между, например, 'конь' и 'кони', когда последнее обозначает только двух коней, различие меньше, чем между 'кони' при обозначении двух коней и 'кони' при обозначении тысячи" [Там же: 116] . (Можно было бы заключить, следовательно, что разная референтная отнесенность формы кони образует разные слова). Разумеется, даже сторонники "словообразовательной" трактовки числа не утверждают, что языковое членение действительности в формах числа "учитывает различия" в пределах количества "больше чем один". Однако лингвисты, отстаивающие такой подход к числу, по сути сами отказываются от учета семантических (пусть семантико-денотативных) параметров форм числа, принимая во внимание лишь онтологическое количество (один/больше чем один) их референтов. Поэтому использование А.И.Смирницким приема reductio ad absurdum оказывается оправданным. Выводы, к которым пришлось бы прийти при последовательном развитии "лексической" трактовки числа, явно противоречили бы критерию простоты описания (в том числе семантического), согласно которому единицы описания должны определяться через возможно меньшее количество признаков. В общем виде описанная языковая ситуация может быть соотнесена с диалектико-материалистическим положением, по которому "множественный" обьект является онтологически "новым" по сравнению с единичными лишь тогда, когда возникает "абсолютно новое свойство, характерное сугубо для этого обьекта-целого, но не для его составляющих (частей, компонентов, элементов)"[Аббасов 1984: 41] . Нелексикализованное множественное число этому определению не соответствует - как в денотативном, так и в собственно смысловом аспекте.

Свойством обозначать отдельные (шире - "особые") в языковом представлении обьекты-множества обладают общие имена с лексическим значением совокупности, типа армия, народ, коллектив, отряд, семья, группа, куча, колоннада, ивняк. (Интересна в этой связи точка зрения Б.Бозанке, по которой имя типа армия является "собирательным" по отношению к солдатам, входящим в соответствующее множество, но "общим" в отнесении к английской, немецкой,

французской и другим армиям [см.: Bosanquet 1888: 57; ср. также: Pulman 1983: 66]). Связи между элементами рассматриваемых совокупностей могут быть как функциональными - главным образом у названий людей, так и механическими, даже чисто пространственными; колоннада, например,- это не множество отдельно расположенных колонн, а множество колонн, объединенных, "связанных" портиком. (По-видимому, у "функциональных" объединений связи составляющих более тесно сопрягаются с сущностью соответствующих совокупностей, явно не сводятся к чисто количественным отношениям [ср.: Bosanquet 1888: 57-58]). Объекты, обозначаемые словами анализируемого типа, часто (даже обычно) являются онтологически устойчивыми. Но в любом случае язык позволяет представить такой объект как отдельный, "отделить" от ему подобных, ср.: По улице шли люди и По улице шли группы людей[1].

Для языка может оказаться значимой отдельность как сравнительно недолговечных "функциональных" множеств, обозначаемых именами типа группа, отряд (ср.: "Целостность характеризуется не только пространственной определенностью, но и, в первую очередь, временной определенностью, не только пространственной взаимосвязью частей, но и временным состоянием частей" [Аббасов 1984: 16]), так и отдельность длительно существующих, но в основном "пространственных" объединений (ивняк, колоннада). Так или иначе, однако, обладает реальностью общая семантическая тенденция к представлению в качестве отдельных, "особых" объектов лишь некоторых множеств. В целом языковое различие общих имен с лексическим значением множества и нелексикализованного множественного числа общих имен вполне мотивировано реальными свойствами действительности.

Основным и наиболее распространенным, даже наиболее эксплицитным формальным показателем того, что множество представлено в языке в качестве целостного, обособленного объекта, является наличие у имени множества двучисловой парадигмы. Характерно, что даже в африканских языках (например, языках банту), в кото-

---

[1] В качестве основных признаков (относительно) неустойчивых множеств можно рассматривать их стохастическую, вероятностную природу (вхождение индивидов во множество носит неупорядоченный, случайный характер, осуществляется по принципу "может быть, а может и не быть") и ситуативный статус (множество образуется и существует исключительно на базе и в границах той или иной конкретной деятельности, невозможно вне её) [ср.: Опыт словаря 1989: 204-205].

рых число часто рассматривается как словообразовательная категория, существуют специальные лексемы для обозначения целостных групп, коллективов, которые могут употребляться и в единственном, и во множественном числе (точнее, входить в классы как единственного, так и множественного числа). Ср. эве ame 'человек' - amewo 'люди' и ameha 'группа людей' - amehawo 'группы людей' [см.: Вестерман 1963: 58; ср. также: Охотина 1985: 18-19; 29-30; 101].

Признак "двучисловой парадигмы", впрочем, реализуется не во всех без исключения случаях обозначения "(онтологически) целостных множеств". Сема "совокупной (целостной) множественности" иногда, хотя и редко, обнаруживается только в сочетаемости слова. Так, имя singularia tantum профессура может быть применимо ко множеству профессоров не только одного института и т.п., но и города (профессура Москвы). Однако дальнейшее расширение множества приводит к тому, что оно уже не ощущается как целостная единица, члены которой относительно целенаправленно выполняют известную общую функцию, ср.: *профессура Советского Союза, *профессура всего мира (ср. с этой точки зрения оценочное имя студенчество). Сходными признаками характеризуется имя администрация (ср.: администрация завода, даже администрация Рейгана, но *советская администрация - в смысле "советские руководящие работники"). Иногда отсутствуют и сочетаемостные ограничения (полиция). В таких случаях обнаружение у слова некоторых семантических признаков конкретного имени может основываться на отсутствии у него оценочной функции (которая обычно возникает при обозначении множества через форму singularia tantum). Следует учесть также возможность расхождений в формальных параметрах слов рассматриваемого типа в различных языках, даже близкородственных. Так, в польском имена administracja, policja могут свободно употребляться во множественном числе.

Как уже говорилось, имена совокупностей представляют множество объектов как своего рода единицу. Однако это явление может быть связано с факторами не "онтологического", денотативного (отражение целостности денотата), а "гносеологического" (выражение оценки через представление множества как нечленимой, недискретной сущности) порядка. В последнем случае единичность в собственном смысле отсутствует, так как не предполагается противопоставление её множественности (ср., например, у М.А. Шеля-

кина - "единично-несчитаемое значение, указывающее на несчитаемое непрерывно-однородное или недифференцированное проявление признака, процесса, собирательности, вещественности" [Шелякин 1985: 15]). Кажется поэтому сомнительной точка зрения авторов, рассматривающих форму собирательности как элемент парадигмы грамматической категории числа на том основании, что "в словоформах типа вороньё, студенчество и т.д. форма единственного числа не подвергается нейтрализации, не выступает в качестве "пустой", а сообщает ... о множестве конкретных идентичных предметов, понятом как одно целое" [Колесников 1988: 58]. Единственное число у собирательных имен является, однако, не менее (если не более) "пустым" - в смысле отсутствия противопоставленности "единичного" "множественному", чем у имен вещественных и абстрактных.[1] Характерно, что сами сторонники рассматриваемого подхода отмечают, что собирательные имена, в отличие от абстрактных и вещественных, ни при каких условиях не могут приобретать форму множественного числа [см.: Там же].

Рассматривая собирательные имена (в изложенном выше понимании), надо иметь в виду, что они не представляют собой семантической группы, абсолютно изолированной от смежных языковых явлений. Обосновать этот факт можно через описание различий между именами типа интеллигенция, буржуазия, аристократия, с одной стороны, и студенчество, учительство, человечество, с другой.

А.Богуславски выделил два основных типа "собирательных имен" имена, отражающие определенные взаимосвязи между элементами множества (т.е. имена "агрегатов" в широком смысле), и имена, передающие значение "весь", ориентированные на включение в денотат всех объектов данного рода, представленных в некоей ситуации. Последний случай иллюстрируется таким образом: если в городке N. только три интеллигента, относящееся к ним суждение Это интеллигенция городка N. будет истинным, но такое же суждение, относящееся к двум из них, окажется ложным [см.: Bogusławski 1973: 21-22].

Критерий отнесенности слова ко "всем" объектам не является особо точным - уже потому, что концепт "всего" не самодостато-

[1] Ср. в этой связи противопоставление собирательных имен русского языка как "абсолютных" singularia tantum, принципиально не способных подвергаться плюрализации, "относительным" singularia tantum - именам типа песок, боль, вино, измерение [см.: Слово 1989: 6-7].

чен и некое "всё" часто (скорее даже обычно) является "всем" лишь по отношению к определенному участку универсума, а не универсуму в целом. Данный критерий может быть использован прежде всего в ситуациях, когда достаточно однозначно определены границы множества (ими могут быть, например, народ, страна, планета) [см.: Булыгина, Шмелев 1988: 8-9] . Если такой ограничитель отсутствует, имена типа интеллигенция (как, впрочем, и имена других типов) относятся ко всем объектам, представленным в описываемой конкретной ситуации. Однако когда такая ситуация является слишком узкой, локальной, употребление имени интеллигенция может оказаться малоприемлемым, ср.: (?) На сеанс пришла только интеллигенция; (?) В комнате была интеллигенция и т.п.

Наблюдение А.Богуславского, следовательно, нуждается в другом семантическом объяснении. Вероятно, имена типа интеллигенция, буржуазия используются главным образом для называния относительно устойчивых социальных групп, но не множеств (точнее, подмножеств) отдельных представителей этих групп. (Этим объясняется тенденция к обозначению с помощью данных имен стабильных объединений, которые рассматриваются как некое целое, охватывающее "все" объекты). Ср. типичные контексты употребления имени интеллигенция: Качественные изменения в производственных силах и характере общественного труда очень заметно сказались и на положении интеллигенции (Журналист. 1981. № 7); Мировая бойня погубила цвет французской интеллигенции, подготовила почву для прихода на её смену новой, оголтелой фашистской молодежи (А.Игнатьев). Употребление в данных предложениях форм интеллигенты малоприемлемо и во всяком случае придает высказываниям несколько иной смысл (ср., например, в первом предложении положение интеллигентов).

С другой стороны, при описании ситуаций, в которых имеются в виду отдельные, объединяемые только общими признаками члены класса, обычно используется форма интеллигенты, ср.: Здесь собрались интеллигенты и немало фигур, знакомых лично или по иллюстрациям: профессора, не из крупных, литераторы (М.Горький); Тысячами шли рабочие, ремесленники, мужчины и женщины, осанистые люди в дорогих шубах, щеголеватые адвокаты, интеллигенты в легких пальто, студенчество, курсистки, гимназисты (М.Горький). Использование формы интеллигенты в подобных случаях особенно характерно для текстов первой половины XX в.: устойчивые оценочные (в основном - хотя только в основном - положительные) коннотации

у слова интеллигент (ср.: Он настоящий интеллигент) развились, видимо, сравнительно недавно.

Иногда употребление лексемы интеллигенция по отношению к отдельным объектам, как бы извлеченным из социальной группы, становится одним из источников возникновения оценочных (иронично-негативных) смыслов: Ораторы менялись. Всем хлопали. Совершила выступление интеллигенция (И.Бабель) ; оценка мотивируется дальнейшим содержанием текста. В то же время имя интеллигенция может относиться к части представителей класса - в контекстах, которые предполагают наличие между объектами определенной функциональной связи, ср.: Советская власть достаточно долго и порой в ущерб себе проявляла гуманность, терпение и тогда, когда враждебность интеллигенции была очевидной и даже активной (В.Соскин).

Заметим, впрочем, что описанные ограничения на употребление имен типа интеллигенция не являются жесткими и носят скорее характер общей тенденции.[1]

Собирательные имена типа студенчество, офицерство, с другой стороны, обычно не обозначают некие целостные социальные совокупности. Ср. существование высказываний, в которых именуются объекты, представленные в узких, очень локальных ситуациях: Офицерство, наверное, подумает, что о случае с Тагальским я рассказал (М.Горький), невозможно *Интеллигенция (буржуазия) подумает; Офицерство, туго связанное ремнями портупей, вело себя размашисто и очень крикливо (Он же). Различие между именами двух типов проявляется, например, в том факте, что референты таких слов, как интеллигенция, обычно не могут характеризоваться по внешним ("не социальным") признакам; малоприемлемо (?) Интеллигенция была красиво одета (ср. допустимость Студенчество было красиво одето). Характерно также, что собирательные имена на -ство способны употребляться в ситуациях, предполагающих чувственный (например, визуальный) контакт с объектом, ср.: Я из России выехал затем, чтобы не видать офицерства и чиновничества (А.Герцен);

[1] Интересно, в этой связи, тонкое наблюдение Ю.Левады, в котором помимо параметра "целостности" у имени интеллигенция обнаруживаются и "качественные" (пусть "функционально-качественные") смыслы: "В понятии интеллигенции, как оно оформилось в России, содержится нечто иное и бо́льшее, чем "слой" или "социальная группа"; это в то же время ещё и социальная функция, роль, притом представленная как миссия, окруженная ореолом долга и жертвенности" [Опыт словаря 1989: 128]. "В функциональной системе, именовавшейся реальным социализмом, интеллигенция утратила свою идентичность; насмешкой судьбы можно считать сохранение её имени для обозначения определённой рубрики в таблице социально-профессиональных позиций" [Там же: 130].

нельзя, однако, *Он не хочет видеть интеллигенцию и т.п.

По сравнению с собирательными именами типа студенчество имена типа интеллигенция по своей семантике несколько более близки к конкретным именам, отражая наличие определенных связей у элементов того или иного социального класса или группы, их объективную целостность. Ср. в этой связи точку зрения Б.Бозанке: "Когда мы рассматриваем объекты, в которых очевидно проявляется разум, - общество, человеческий род или по крайней мере цивилизованного человека ..., оказывается, что у этих единиц целостность является более реальной и конкретной и взаимные связи между частями обнаруживаются не только под микроскопом, но и как обыденные факты"[Bosanquet 1888: 244-245].

Бозанке не говорит, однако, о безусловном наличии у классов - даже у классов человеческих существ - признака целостности. Представление широкого класса в качестве целого может быть в немалой мере обусловлено гносеологическими причинами. (Э.Сэпир отмечает "метафоричность" такой трактовки класса [см.:Sapir 1930: 9]) и во всяком случае часто определяется не столько "экстенсиональными" (внутренними связями), сколько "интенсиональными" (общностью тех или иных свойств) факторами. Поэтому оно не является для языка обязательным, инвариантным.

Подобное положение дел косвенно отражено и в семантике собирательных имен. Существительные типа студенчество функционируют главным образом в оценочных контекстах, для которых малосущественна целостность соответствующих множеств. Однако иногда употребление собирательного имени является единственно приемлемым, т.е. отсутствует возможность выбора языкового средства,представляющая собой важную предпосылку оценки. Так, невозможно заменить собирательное имя на форму множественного числа имени общего в таких сочетаниях, как колхозное крестьянство, дворянское офицерство, многомиллионное славянство и т.п. В подобных случаях множество представляется как целое - через выделение подкласса, отделенного от других подклассов класса, или через характеристику количественного состава совокупности с помощью прилагательного (тем самым количество рассматривается как признак, "внешний" по отношению к совокупности, характеризующий множество в целом). Оценка ("важно") при этом отходит на второй план. Собирательные имена могут приобретать сходные черты и в высказываниях метафорической направленности, в которых класс уподобляется физическому целому, а подклассы - его частям, ср.: Эта масса, желудок человечества [в данном контексте невозможно:

желудок людей] живет на всем готовом (А.Писарев) ; Особенно смехотворными и жалкими показались мне придворные - отживающие свой век старики и старушки, последние обломки дворянства (А.Игнатьев).

Подчеркнем, что описанные употребления для собирательных имен все же вторичны по сравнению с чисто оценочными, в которых представление множества как единицы является вполне условным. Иными словами, в категории собирательности отражены черты диалектики множественного и единого - но скорее "со стороны", в аспекте множественного. (Как отмечал Э.Кассирер, каждое числовое множество есть одновременно и единство, а всякое единство - множество. Однако в "языковом мышлении числа" тот или иной из данных аспектов может "преобладать", выходить на первый план [см.: Свасьян 1989: 167-168]). Характерно, с другой стороны, что имя во множественном числе может в определенных контекстах обозначать целостные объекты, ср., например, случаи типа Греки внесли большой вклад в науку, которые могут быть представлены в виде Греческий народ внес большой вклад в науку [ср.: Bosanquet 1888: 212] ; об использовании множественного числа для обозначения классов в их "собирательном" понимании см. также: [Grodziński 1973: 36-37] .

Не относятся к собирательным, в изложенном выше понимании, "родовые" имена типа мебель, одежда, посуда - хотя они, с одной стороны, не обозначают физически целостных объединений, а с другой - не воспринимаются как обозначения "вещества", сплошной массы чего-либо однородного. Анализируемые имена однозначно не принадлежат к какому-либо лексико-грамматическому подклассу существительных singularia tantum . Они занимают промежуточное положение между собирательными и вещественными именами. С собирательными такие существительные сближает то, что их референт осознается в качестве множества (включающего объекты различных видов), с названиями "сплошной массы" - то, что видовой состав множества сколько-нибудь четко не фиксирован [ср.: Исаченко 1954: 118]. Однако отсутствие оценочности и наличие семы множества, указывающей на отграниченность составляющих объединения друг от друга (иными словами - "родовой" характер имен), отдаляют описываемые имена соответственно от категорий собирательности и вещественности [подробнее см.: Руденко 1983а: 159-161] .

Предложенная здесь трактовка собирательных имен является в основном синхронической. В то же время она согласуется с данными, полученными в ходе изучения истории категории собирательности ряда языков. Хорошо известен, в частности, вывод А.А.Потебни: "Явления слав. и др. языков, как кажется, склоняют к мнению, что собирательность происходит от качественности, а не наоборот" [Потебня 1968: 35]. В целом вопрос об исторической первичности/вторичности собирательности по отношению к качественности, отвлеченности не получил окончательного решения [см., например: Олейник 1986]. Так или иначе, однако, достаточно очевидно то, что значение собирательности в современном русском языке (и сходных с ним по характеру выражения числовых значений) связано именно с выделением некоего общего качества объектов - в частности, путем его оценки.

Оценка наиболее явно эксплицирует качественные смыслы, заложенные в семантике имени. Видимо, на современном этапе функционирования русского языка оценочность собирательных имен часто ощущается (реализуется) более четко, чем на более ранних стадиях. Это отчасти связано с тем, что количество собирательных существительных сравнительно невелико и даже уменьшается (впрочем, главным образом за счет имен с оценкой "много"). Редкость формы, как известно, может способствовать развитию у нее экспрессивно-оценочных смыслов.

Важно отметить, что собирательные имена как оценочная категория могут быть представлены главным образом (скорее даже исключительно) в языках, в которых хорошо развито грамматическое противопоставление единичности/множественности и в сферу категории числа входит значение неисчисляемости. По-видимому, в языковых системах такого рода реализуется прежде всего "эллиптический" тип множественности, который "связан с максимальной опорой на различия, допустимые внутри тождества" [Хазагеров, Николаев 1984: 53]. Представление класса однозначно дискретных объектов как "неисчисляемого" в таких языках явно не носит отражательного характера, порождает некоторые нестандартные для имени (в частности, предикатно-оценочные) смыслы. С другой стороны, "амплифицирующая" множественность связана с "минимальной опорой на различия элементов, отождествляемых во множестве" [Там же]. Такой тип множества характерен для языков, в которых не развито или слабо развито облигаторное противопоставление единичности/множественности и узуальное значение неисчисляемости, например, тюркских, иранских, кавказских.

Разумеется, нельзя полагать, что для носителей подобных языков несуществен признак дискретности объектов. Более того, класс исчисляемых имен в таких языковых системах в большей или меньшей мере расширяется "за счет" существительных, которые в языках типа русского являются неисчисляемыми [см.: Руденко 1983а]. Различия в степени индивидности объектов в названных языках обычно затрагивают сферу числа, часто даже более эксплицитно, чем в русском и сходных с ним (см. выше). В целом, однако, в языках с развитой морфологической категорией числа значение исчисляемости более грамматикализовано и по этой причине более отчетливо противопоставляется значению недискретности. В свою очередь, такое положение дел обусловливает возможность различных вторичных репрезентаций объектов, представленных в системе первичной номинации в качестве дискретных или недискретных (ср. соответственно собирательные имена и явление конкретизации абстрактных и вещественных существительных). В "амплифицирующих" языках возможностей для такого рода смысловых трансформаций заложено гораздо меньше, что обусловлено малой развитостью грамматической оппозиции дискретности/недискретности. Характерно, например, что в иранских языках личные имена (т.е. имена с максимальной "степенью индивидности") не могут употребляться в несубстантивной (в частности, адъективной) функции [см.: Смирнова 1974: 55; 30-33]. Имея в виду непосредственно собирательность, можно отметить, что в тюркских языках в качестве собирательных обычно рассматриваются имена, обладающие стандартным аффиксом множественности -лар: предполагается, что последний "образует в этом случае существительное собирательное"[Кононов 1960: 78]. Категория, не обладающая собственной формальной спецификой, очевидно, и семантически менее четко отграничена от смежных явлений. Характерно, что в качестве единиц, у которых особенно ярко проявляется значение "собирательности", рассматриваются экспрессивные плюральные формы от абстрактных и вещественных имен [см.: Кононов 1956: 68-69], т.е. явления отчетливо контекстуального (в общей тенденции) характера.

Таким образом, оправданно заключить, что трактовка собирательных имен как оценочной категории априорно не может иметь универсально-языкового характера и применима главным образом к таким языкам, как русский, т.е. флективным синтетического типа.

Более того, говоря об оценочности собирательных существительных, надо всё же иметь в виду, что наличие предикатных эле-

ментов в их семантике проявляется не так отчетливо, как у абстрактных имен: свойство (отношение), которое становится предметом оценки ("важно"), выражаемой собирательным именем, не носит жестко-пропозитивного характера и может быть вообще прямо не эксплицировано в предложении.

Собирательные имена способны соотноситься с имплицитными модальными (модально-предикатными) структурами. В духе предложенной А.Вежбицкой методики "модальной рамки" их можно представить в виде Студенчество участвует в борьбе за мир → Студенты участвуют в борьбе за мир, и это важно (точнее - если использовать модус "объективной оценки" - "и я полагаю, что ты понимаешь, что это важно") [ср.: Wierzbicka 1969: 43-46]. Развернутые модальные построения, однако, могут быть поставлены в соответствие прежде всего тем собирательным существительным, которые передают оценку "важно". (В случае имен, выражающих оценку "плохо", оценка приписывается не какому-либо признаку класса, эксплицируемому в тексте или выводимому из него, а классу в целом, является как бы априорной. Поэтому её довольно затруднительно представить в развернутом виде). Основное же состоит в том, что рассматриваемые трансформации носят достаточно условный, нежесткий характер (в строгом смысле не являясь трансформациями). Тем не менее объяснить семантическую специфику собирательных имен (понимаемых в качестве неисчисляемых обозначений множеств) и особенности их функционирования в речи без привлечения понятий из сферы предикатной, в значительной (может быть, даже в большей) мере и "эгоцентрической" (прагматической) семантики ("оценка", "свойство", "отношение", "модальность" и т.п.) затруднительно.

Важно отметить, что "предикатные" черты собирательных имен носят преимущественно "лингвистический", чисто языковой (ср., например, выше соотнесение данного явления с понятием "языковой игры"), к тому же не универсально-языковой характер, и вряд ли могут быть представлены в логической (логизированной) форме. Характерно, что в формальной логике в "предикатном" аспекте рассматриваются такие "собирательные" имена множеств, которые обозначают некоторое функциональное или материальное - т.е. в общей тенденции "онтологическое"-целое. М.И.Каринский, например, писал: "Соединение нескольких или многих предметов в одну группу имеет в наших глазах не один и тот же смысл. Мы можем соединять предметы в одну группу то на основании сходства между ними,

то на основании какого-нибудь реального, совершившегося на деле или только представляющегося возможным, соединения между ними. В первом случае мы будем смотреть на них как на предметы, из которых каждый характеризуется особо, но тем же самым признаком, каким и другие, т.е. будем смотреть на них как на предметы, отожествленные логически с определенной стороны, и т..лько эта установленная нами логическая связь между ними дает нам возможность рассматривать их во всей их совокупности как один предмет суждения, обнимать их за раз своей мыслью. Во втором случае они являются в наших глазах в качестве частей одного и того же агрегата, которые характеризуются уже не каждая особо, а лишь в своей совокупности, так что характеризующий признак принадлежит не каждой из них в отдельности, а только всем им в соединении их одной с другой" [Каринский 1956: 74]. На сходных (хотя иногда несколько более "гносеологизированных") принципах трактуются в логике "собирательные суждения", которые, по определению, могут быть получены через последовательный синтез (эксплицирующийся в перечислении) единиц, составляющих совокупность, и, таким образом, относятся к сумме индивидов в целом [см.: Bosanquet 1888: 56-57; 212]. В тех случаях, когда, по мнению логиков, в суждениях, относящихся к "единицам-множествам", на первый план выходит их интенсиональный, признаковый аспект (ср. так называемые "корпоративные суждения" у Б.Бозанке), также подчеркивается "онтологический" характер соответствующих совокупностей. Так, при анализе суждений типа Греческий народ внес большой вклад в науку и искусство отмечается, что их нельзя рассматривать как "собирательные" в описанном выше смысле, поскольку они не могут быть получены через мысленный синтез единиц-составляющих. В таких случаях первичной является идея народа как исторической единицы со специфическими характеристиками и особенностями развития [см.: Там же: 212-213].

Таким образом, предикатно-оценочные характеристики собирательных имен, как они трактуются в данной работе, могут быть адекватно описаны лишь в рамках собственно лингвистического подхода, причем явно не распространяющегося на все естественные языки. В то же время произведенный анализ "собирательных существительных" способен, как кажется, служить аргументом в пользу положения о наличии у неисчисляемых имен определенных "не-именных" свойств.

ГЛАВА 3

КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ НЕИСЧИСЛЯЕМОСТЬ ИМЕНИ (ОБОБЩЕННОЕ ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО. МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО С "ПРИЗНАКОВЫМИ" ЗНАЧЕНИЯМИ)

Важно отметить, что даже в сфере конкретных, исчисляемых имен представлены случаи, когда имя - в том или ином контексте - теряет способность к исчислению, непосредственному выражению числовых значений (такое явление в определенном смысле противоположно конкретизации абстрактных и вещественных существительных). Это прежде всего "обобщенное единственное число", под которым понимаются употребления общего имени без кванторных детерминативов (типа всякий, каждый, любой) [ср.: Падучева 1989: 15] в форме единственного числа, семантически прямо не соотносящегося со множественным. Данному определению соответствуют, например, случаи типа Человек стремится к счастью; Студенту нужны знания; Женщина всегда прекрасна; Собака - друг человека; Тигр любит свежую пищу. Априорно оправданно предположить, что функция имени в высказываниях приведенного типа не является чисто денотативной и, следовательно, чисто именной. Обоснование того, что даже узуально общие имена, утратившие в контексте способность прямо выражать числовые значения, приобретают некоторые не-именные черты, может служить важным аргументом в пользу положения о "центральности" (наибольшей типичности) исчисляемых существительных в системе имени.

§ I "ОБОБЩЕННОЕ ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО": ЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ "НЕ-ИМЕННОГО" ОПИСАНИЯ

Как известно, существует точка зрения, по которой в таких высказываниях, как Студенту нужны знания; Человек смертен, некий неиндивидуализированный, идеальный элемент множества (класса), обозначаемого именем в форме единственного числа, представляется как символ всего множества. Как кажется, впервые мысль такой направленности сформулировал А.А. Потебня, писавший: "Между лист ("лист сухой валится осенью"), листы и листье, во множественном числе листья, разница в образе, т.е. в исходной точ-

ке и способе, каким получается значение множественности: в одном случае единица, служащая символом множества, в другом раздельное множество, в третьем сплошное множество, понятое как единица или как множество" [Потебня 1968: 25-26].

В случаях, сходных с тем, который рассматривает Потебня, мы имеем дело с идеальным типом, инвариантным образом объекта. Ситуации построения такого типа довольно подробно описаны в гносеологии. Он конструируется, например, в случаях, когда у каждого из членов класса отсутствует ряд тех или иных типических классных черт [см.: Pelc 1982: 187-188]. Идеальный тип наиболее приемлем и для больших, потенциально открытых классов, в частности, таких, с которыми соотносится большинство общих имен (так, в объем понятия, соответствующего общему имени, входят не только настоящие, но также бывшие и будущие объекты с некоторыми признаками [см., например: Котарбиньский 1963: 276]).

Класс в целом, обозначаемый через объект-символ, также представляется как своего рода единица, нечто замкнутое на самого себя. Характерно, что такие предложения, как Человек любит искусство; Человек благороден, явно не тождественны высказываниям , в которых употреблены местоимения каждый, всякий и т.п.: Каждый человек любит искусство; Каждый человек благороден. Между высказываниями данных типов имеются различия в условиях истинности: предложения с каждый, очевидно, воспринимаются как не вполне соответствующие действительности. Это обусловлено тем, что с помощью слов типа каждый, всякий класс представляется как множество с четко отделенными друг от друга элементами, причем признак приписывается "каждому" из них в отдельности [подробнее см.: Ломтев 1971] . С другой стороны, имя в обобщенном единственном числе относит признак классу в целом, что связано с менее жесткими истинностными ограничениями.

Таким образом, оправданно предположить, что в значении рассматриваемых нами случаев обобщенного единственного числа совмещаются и значение идеального представителя класса (т.е. своего рода "символичной", "признаковой" единичности[1]), и значение класса как целого.

---

[1] Однако не единичности "конкретной", единичности в собственном смысле. Ср. у М.А.Шелякина: "Синекдохическая функция сохраняет значение конкретной единичности предмета, делая её экземплярной (наглядной) в ряду подобных конкретно-единичных предметов" [Шелякин 1985: 17] . Безоговорочно приняв такую дефиницию, мы долж-

Невозможно объяснить семантику исследуемых форм без включения в анализ семы класса ("рода"). Это становится очевидным при сопоставлении высказываний типа Человек смертен с предложениями Я играю на скрипке (в смысле "вообще"); Он похож на слона и т.п., в которых также именуется "идеальный объект", но которые сколько-нибудь прямо не соотнесены со множеством объектов.

С другой стороны, отмечается, что вопрос о сущности отдельного предмета, шире - его значимых качествах имеет смысл лишь в том случае, если этот предмет рассматривается как представитель некоторого класса. Действительно, даже если исходить из традиционного определения существенного как того, без чего объект не может быть тем, что он есть, существовать вообще, оказывается, что для отдельного предмета, рассматриваемого вне связи с широким классом, существенно любое его свойство. Без любого свойства этот предмет не был бы тем, что он есть [см.: Войшвилло 1967: 147].

По мнению Е.В.Падучевой, в высказываниях типа Иван может убить медведя имеется в виду не любой элемент соответствующего открытого множества, а как бы эталонный его представитель [см.: Падучева 1979: 30]. С общепознавательной точки зрения идеальный "эталонный объект" необходимо (ср. приведенное суждение Войшвилло) соотносится с классом реальных объектов. Именно поэтому он является эталонным, воплощает в себе существенные признаки класса. Однако в семантике анализируемого языкового явления данный класс (как объединение объектов) не отражается. Так, предложение Иван может убить медведя нельзя с сохранением смысла трансформировать в Иван может убить медведей; Я играю на скрипке - в Я играю на скрипках. В высказываниях с именем в форме множественного числа будет иметься в виду некий более или менее широкий подкласс объектов, но не класс в целом (ср.: Иван может убить много медведей; Он играет на старых скрипках).

Объяснить тот факт, что рассматриваемые употребления не предполагают семантической соотнесенности объекта-символа с

(продолжение сноски I):
мы будем заключить, что при замене "обобщенного единственного числа" на множественное изменятся только "онтологические", денотативные параметры описываемой ситуации: "конкретная" единичность неразрывно связана с множественностью. В действительности же при такой трансформации денотативные характеристики ситуации сохранятся (по-прежнему будет иметься в виду класс предметов), но изменится способ ее представления в языке.

классом, можно лишь путем сопоставления их с другими случаями обобщенного единственного числа. В целом истоки данного смыслового явления ясны. В таких высказываниях, как Он похож на слона, основные признаки (точнее, нерасчлененная совокупность признаков) эталонного объекта очевидны и не эксплицируются контекстом. Количество таких подразумеваемых свойств (прежде всего внешних) невелико[I].

Интересно, что некоторые глаголы имеют ограничения на постановку при них в позиции объекта "единственного числа" со значением эталона. Ср.: Зоологи описали мидию, льва, ленивца (в смысле "вообще") при меньшей приемлемости (в обобщенном понимании) высказываний Зоологи изучают льва (мидию, ленивца). Описание класса предполагает наличие у него некоторых достаточно очевидных, легко типизируемых признаков, которые могут быть воплощены в одном объекте, в то время как изучение направлено на проникновение в скрытую сущность объектов.

С другой стороны, в тех случаях, когда единица непосредственно "символизирует" класс, называемый признак часто не входит в круг наиболее очевидных признаков класса (ср. высказывания типа Человек благороден; Человек стремится к знаниям). Поэтому в семантическую сферу "вводится" и весь класс, что как бы мотивирует правильность приписывания "предмету-символу" того или иного свойства. Терминологически различие двух рассматриваемых разновидностей обобщенного единственного числа можно выразить в понятиях "единственного числа эталона" (Он похож на слона) и "родового единственного числа" (Человек стремится к знаниям).

Отметим, что родовое единственное число нельзя адекватно описать только через сему "рода" ("класса"), без обращения к смыслам, отражающим условную единичность идеального представителя класса. (Сходные наблюдения были сделаны на материале турецкого языка С.А.Соколовым, который, анализируя семантику "единственного числа" тюркских языков, отметил, что значение "представителя вида или класса" не уничтожает полностью смысла единичности: "Значение единичности в какой-то степени сохраняется, хотя и отступая на задний план и образуя фон, на котором развертывается или, точнее, на который накладывается значение "представительства"[Соколов 1970: 73]). Некоторые контексты особо четко

[I] В философии отмечается, что эталон предполагает выдвижение на первый план лишь одного или нескольких значимых для объекта признаков [см.: Ляхович 1970] .

эксплицируют этот факт. Ср., например, предложение Человек смертен с ложным суждением Класс людей смертен; высказывание Собака – друг человека – с высказыванием Класс собак является другом класса людей. Если бы слова человек, собака обозначали здесь только класс, данные общие имена должны были бы обладать узуальным, внеречевым значением совокупности. Однако этого в языковой действительности не наблюдается [ср.: Grodziński 1973: 36].

Таким образом, формы родового единственного числа семантически не тождественны формам множественного числа того же имени.

Интересно в этой связи сопоставить особенности родового единственного числа с особенностями квантификации (исчисления переменных), как она понимается в логике. Распространена точка зрения, по которой квантор представляет собой нечто вроде сингулярного терма, денотация которого выявляется только в контексте. С другой стороны, как справедливо замечает М.В.Попович, индивид является индивидом только относительно данной системы рассуждений. Поэтому, в частности, допустима квантификация не только по отдельным элементам класса, но и по классам в целом: "Множество может рассматриваться как целостный объект, и при этом может иметься в виду то, что делает его единым множеством, т.е. условие, "сжимающее" его в целое" [Попович 1975: 137].

Здесь мы отвлекаемся от того, что квантификация по классам иногда расценивается в качестве неприемлемой по онтологическим соображениям (как, например, в номиналистической системе У.Куайна). Данный вид квантификации, соотнесенный с явлениями естественного языка, однако, может оказываться не вполне приемлемым и в семантическом плане: функционирование родового единственного числа нельзя объяснить ни только через квантификацию по элементам класса, ни только через квантификацию по классам в целом [ср.: Zemach 1979a: 72].

Вместе с тем различие между высказываниями типа Человек смертен, с одной стороны, и Люди смертны, с другой, достаточно тонко и во всяком случае, как отмечал А.И.Смирницкий, обычно не лежит в логической, чисто понятийной сфере [см.: Смирницкий 1954: 16; ср. также: Hlavsa 1975: 68]. По этой причине некоторые авторы считают, что при обозначении "родовых понятий" различие между формами единственного и множественного числа полностью нейтрализуется [см., например: Кацнельсон 1972: 31]. Для того,

чтобы обосновать противоположную точку зрения, необходимо исходить не просто из факта достаточно свободной для многих случаев взаимозаменимости форм множественного числа и родового единственного, а из более широкого анализа языкового материала. Как отмечал А.А.Потебня, "синекдохическое" единственное число "не замещает собой множ. число", так как "множ. число стоит само за себя, не становясь излишним от употребления един. числа" [Потебня 1968: 25]; критику идеи синонимичности "родового единственного" и множественного числа см. также [Шелякин 1985: 16-17].

Некоторые исследователи отмечали, что родовое единственное число и форма множественного числа общего имени по-разному представляют одно и то же явление действительности (такая точка зрения исходит уже от А.А.Потебни). А.В.Бондарко, например, сопоставляет предложение ... мужик измельчал, помещик разорился или превратился в кулака с высказыванием, в котором употреблено множественное число соответствующих имен. "Формы единственного числа, - пишет он, - имеют здесь обусловленное контекстом и лексическим содержанием словоформ мужик, помещик, кулак коннотативное значение "репрезентативной собирательной единичности". Эта языковая семантическая функция отличает план содержания данного текста от текста, в котором множества субъектов интерпретируются посредством форм множественного числа как неопределенная множественность" [Бондарко 1978: 110], ср. также сходную позицию у М.Докулила [см.:Dokulil 1958: 97].

Суждения такого типа верны и в то же время являются неполными. Не вызывает сомнения то, что объект может по-разному интерпретироваться, "трактоваться" языком. Однако отражение в одном языке двух диалектически полярных "точек зрения" на один и тот же объект в семантическом (впрочем, и в гносеологическом вообще [см.: Радзиховский 1988]) плане не является необходимым. Напротив, положение об огрублении реальности языком относится прежде всего к отражению в языковой семантике особенностей отдельных объектов (точнее, объектов отдельных классов), а не действительности в целом или больших её фрагментов. Реализация в семантике обоих логически возможных способов представления объекта обычно означает, что один из них, во-первых, носит ограниченно контекстуальный, а не узуально-языковой характер, а во-вторых, может порождать те или иные вторичные (не чисто денотативные) значения. (Характерно, что А.В.Бондарко говорит о кон-

нотивном характере значения родового единственного числа). Развитие дополнительных значений у формы особенно характерно для тех случаев, когда выражаемая с её помощью "интерпретация" объекта является непривычной, малораспространенной в обыденном ("естественно-языковом") сознании. Нетипичным является, например, "недискретное" представление обьектов, являющихся устойчиво отдельными, обладающих очевидной материальной обособленностью (подробное обсуждение данной проблематики см. гл. 2 разд. I и гл. 2 разд. П).

В обьективной действительности "прерывное" и "непрерывное", при всей их противоположности, неразрывно связаны между собой. Категории прерывного и непрерывного отражают диалектику изменчивости и устойчивости обьекта, противоречивость и динамизм его качества. С другой стороны, в грамматической семантике языка в слабой степени отражено единство данных аспектов действительности. Признаки "прерывного" и "непрерывного" в ряде языковых систем формируют устойчивое, узуально-языковое противопоставление конкретных (общих) имен, передающих значение дискретности, исчисляемости, и абстрактных в широком смысле, т.е. собственно отвлеченных и вещественных, имен, лишенных способности к свободному исчислению и содержащих сему недискретности. (В тех языках, в которых исчисляемость имени представляет собой в значительной мере речевое, "синтагматическое" явление, имя в конкретном употреблении также является или исчисляемым, или неисчисляемым). Формы родового единственного числа, представляющие собой своего рода контекстуальные singularia tantum, выражают значение недискретности, противоположное узуальному значению общего имени. Представление с помощью родового единственного числа класса дискретных объектов, к которому в системе языка отнесено общее имя, так, как если бы он был чем-то нечленимо целостным, недискретным, не распадался на отдельные элементы, не носит непосредственно-отражательного, собственно денотативного характера. Подобная языковая выраженность, по-видимому, порождает некоторые дополнительные смыслы, в частности, позволяет семантически выделить те или иные признаки соответствующих классов.

§ 2. "ОБОБЩЕННОЕ ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО" И "ФИЛОСОФИЯ ПРЕДИКАТА"

Интересно, в связи со сказанным выше, что родовые предложения часто рассматриваются как обладающие семантической структурой условных предложений или допускающие трансформацию в условные. О.И.Москальская, например, отметила, что предложения типа Упрямый человек несносен представляют собой не простые суждения формы P(x), а сложные с отношением импликации "если p , то q ": Если человек упрям, то он несносен [см.: Москальская 1981: 139-140]; кроме того: [Падучева 1989: 20] . Сходные наблюдения делались также на материале других языков (например, английского) [см.: Patrick 1970: 54-55; Wierzbicka 1972: 192-193].

Приоритет в обнаружении возможности трактовать родовые предложения как условные принадлежит не лингвистам, а логикам. Так, еще Б.Бозанке писал, что в универсальных суждениях момент необходимости или соотносительности признаков доминирует над целостностью класса или актуальной представленностью его элементов [см.: Bosanquet 1888: 150]. По Бозанке, универсальное суждение, доведенное до предельного уровня абстракции, становится условным суждением [см.: Там же: 249]. Сходные идеи (хотя и в менее "концептуализированной" форме) высказывал и Г.Фреге [см.: Фреге 1978: 195-196] .

Задача лингвиста, таким образом, состоит в описании собственно языковой специфики рассматриваемого явления. Отметим, в частности, что в русском языке в формулу импликации укладываются главным образом генерализующие предложения с именем в форме несоотносительного единственного числа. Преобразования типа Упрямые люди несносны → (?) Если люди упрямы, то они несносны; Интересные книги приносят радость → (?) Если книги интересны, то они приносят радость; Старательные студенты изучают дополнительную литературу → (?) Если студенты старательны, то они изучают дополнительную литературу малоприемлемы. (Предложение с субъектом во множественном числе может быть скорее представлено в виде (Те) люди, которые упрямы, несносны (являются несносными); (Те) книги, которые интересны, приносят радость). С другой стороны, имя в форме родового единственного числа может без ограничений употребляться в приведенных условных предложениях. (Характерно, что в работах, в которых исследуются если - транс-

формации общереферентных высказываний, используются главным образом примеры с именем в "родовом единственном числе" [см., например: Лебедева 1986: 84-86]). В качестве условных обычно нельзя представить и общие высказывания, в которых существительное во множественном числе, находящееся в позиции субъекта, не имеет при себе определения. Ср.: Кит - млекопитающее ⟶ Если какое-либо существо (нечто) является китом, оно является также и млекопитающим; Сосна - хвойное дерево ⟶ Если какое-либо растение является сосной, оно является также и хвойным деревом (такие трансформации, пусть несколько громоздкие, представлены в ряде работ логико-лингвистической направленности [см., например: Котарбиньский 1963: 206]). Однако предложение Сосны - хвойные деревья явно не может быть с достаточно полным сохранением смысла трансформировано в высказывание (?) Если какие-либо растения являются соснами, они являются также и хвойными деревьями.

Оправданно предположить, что имя в родовом единственном числе представляет некоторый - обычно выводимый из предложения (текста) - классный признак как необходимо присущий классу (множеству), значимый для него (Ср., например: "Формой единственного числа, которую зачастую оценивают как собирательную и обобщенную, часто выражается значение качества, существенного для целой группы предметов" [Брусенская 1986: 6]. Отметим также указание на оттенок "категоричности", даже "абсолютной обязательности", присущий "собирательной" функции единственного числа [см.: Шелякин 1985: 18; Смирнов И.Н. 1988: 33-34]). Этим, в частности, объясняется то, что высказывания, содержащие "родовое единственное", могут быть сведены к условным предложениям, характеризующим отношение, при котором один признак необходимо вытекает из другого.

Если воспользоваться методикой "модальной рамки" (А.Вежбицка), значение высказываний типа Человек смертен; Человек благороден (в отличие от Люди смертны, Люди благородны) можно записать в виде "я предполагаю, что ты понимаешь, что это важно" ("что этот признак важен для класса людей"). Мы используем модус так называемой "объективной оценки" [см.: Wierzbicka 1969: 43-46], поскольку оценка "важно" носит не эмоциональный, а скорее "рассудочный","интеллектуальный" характер (чем, в свою очередь, определяется то, что отличие "родового единственного" от форм множественного числа иногда является не вполне очевид-

ным, носит отчасти "стилистический" характер).

Возможность выделения, "акцентирования" тех или иных признаков класса через представление класса в качестве "нечленимого целого" может быть соотнесена с точкой зрения, по которой класс тех или иных объектов оправданно рассматривать как целое, характеризующееся не только внутренними отношениями элементов, но и общей качественной определенностью [ср., например: Райбекас 1977: 144-145; Прерывное и непрерывное: 1983: 174-175] (ср. также в лингвистике описание семантики "родового единственного" через понятие "качественной определенности"). Особый интерес для нас представляют идеи А.Ф.Лосева, который, анализируя онтолого-гносеологические условия "единства", "целости" (философ сближает данные понятия), отмечает, что "недостаточно единства как объединенности. Необходимо другое единство, высшее... Необходимо, чтобы данная вещь была бы неделимой единичностью, чем-то одним определенным и отличным от всего другого" [Лосев 1928: 12-13] В частности, применительно к "вселенной" (т.е., вообще говоря, классу) такое единство обеспечивается соотнесенностью с ней некоего общего предиката, "качества". В системе Плотина, которую подвергает анализу А.Ф.Лосев, подобным предикатом является "Благо":"Предикат благости берется Плотином в смысле некоей крепости, прекрасной отделанности, спаянности, оформленности, нерушимости, композиции... Благо Плотина... есть не что иное, как абсолютная единичность мира, являющаяся принципом его устроенности и целостности, мешающая его распадению и исчезновению во мгле" [Там же: 13-14][1].

Заметим, что Плотин рассматривал Благо, определяющее качественное единство, целостность универсума, не в чисто онтологическом плане. Такой подход в некотором (конечно, только в некотором) смысле дает ключ к пониманию специфики "родового единственного числа": признаки, оценивающиеся с помощью данной формы как значимые, часто не формируют объективной (тем более единственной) "сущностной основы" соответствующих классов; однако в гносеологическом плане именно стремление говорящего выделить, подчеркнуть значимость того или иного соотносимого с классом

[1] В современных диалектико-материалистических концепциях Универсума в качестве "предиката", определяющего его качественное единство, рассматривается материальность: "Универсум - это единая цельность (Unum), характеризуемая материальностью субстанциальных основ всех наблюдаемых и возможных явлений" [Крымский, Кузнецов 1983: 94].

признака становится причиной представления класса как единого, условно нечленимого ("понятийно единоцелостного", по И.М.Тронскому) целого [см.: Тронский 1946].

Подробнее рассмотрим один из типовых контекстов, который эксплицирует оценочные свойства родового единственного числа. Такой контекст формируют, в частности, предложения с именем в позиции нераспространенного обьекта после ряда глаголов. Например, могут быть восприняты в качестве родовых предложения Я люблю человека (женщину, учителя), однако высказывания Я люблю кота (птицу, слона, парашютиста) нельзя понять подобным образом. Интересно также сопоставление такого высказывания, как Он любит книгу, с неприемлемыми в родовом понимании высказываниями Он любит журнал (статью); предложений типа Эта организация оказывает помощь студенту - с менее приемлемыми в "родовом" понимании высказываниями Эта организация оказывает помощь химику (аспиранту, лингвисту), вполне допустимо химикам, аспирантам, лингвистам.

Признаки класса, оценивающиеся как значимые с помощью родового единственного числа, обычно тем или иным путем эксплицируются в тексте. Существуют, однако, и контексты, которые не позволяют вывести какое-либо однозначно формулирующееся свойство класса. Это относится, в частности, к употреблениям типа рассматриваемых. Поскольку предмет оценки в данных случаях явно не выражен, оказывается нарушенным важное условие использования родового единственного числа. Исключение составляют лишь немногие имена (в приведенных предложениях человек, женщина, книга, студент, учитель), в значение или, скорее, коннотацию которых могут входить некоторые "пресуппозитивные" [ср.: Иртеньева 1976: 53-54], осознаваемые большинством носителей языка признаки, которые расцениваются в качестве значимых. (Это, в свою очередь, обусловлено главным образом предметной отнесенностью данных имен, местом, которое занимают обозначаемые ими обьекты в человеческой практике). Однако с большинством имен не ассоциируются такие признаки, что и порождает запрет на "родовое" истолкование большей части высказываний анализируемого типа.

Отметим также наблюдения З.Вендлера, показавшего, что имена, которые являются настолько общими ("родовыми"), что их невозможно (затруднительно) подвести под номинацию с бо́льшим обьемом, обычно не могут употребляться в функции родового единственного числа (иногда даже в субъектной позиции). Так, неприемлемы трансформации типа Objects are in space 'Обьекты

находятся в пространстве' → The object is in space 'Объект находится в пространстве'; Monkeys do not use the instruments 'Обезьяны не пользуются орудиями труда' → Monkeys do not use the instrument 'Обезьяны не пользуются орудием труда'. Имена (the) object, (the) instrument в приведенных предложениях могут пониматься только как имеющие референцию к "единичным" предметам [см.: Вендлер 1982: 223-226; кроме того: Степанов 1981: 91-93]. Таким образом, высокая степень обобщенности семантики имени, её смысловая бедность является фактором, существенно уменьшающим вероятность соотнесения с соответствующими объектами оценки "важно".

Описанная языковая ситуация может быть сопоставлена с некоторыми положениями логики оценок. В аксиологии, в частности, отмечается, что если для объектов одних классов существуют очень ясные стандарты, фиксирующие свойства, которые должна иметь вещь данного типа, чтобы ее можно было оценить (скажем, как хорошую), то для объектов других типов такие стандарты отсутствуют, ср., например, трудности истолкования выражения хорошая планета [см.: Ивин 1970: 38-41] (лингвистические аспекты данной проблемы рассмотрены З.Вендлером [см.: Вендлер 1981: 551-553])[1].

Единичное или обобщенное осмысление предложений с именем в единственном числе определяется и другими особенностями контекста, главным образом микроконтекста. Например, важным (хотя и не облигаторным [ср.: Dahl 1975: 103]) условием трактовки имени как относящегося ко всему классу является употребление в высказывании предиката настоящего времени (он допускает не только актуальное, но и гномическое понимание) или лексических единиц, указывающих на постоянный или длительный характер признака: Человек стремится к счастью; Человек всегда (издавна) боролся за мир. Истолкование предложения как общего делает невозможным употребление в нем многих детерминативов (скажем, указательных местоимений). Из исклю-

[1] Изучение конкретного материала дает возможность сделать некоторые более частные наблюдения. Ср., например, бóльшую приемлемость "родовой" трактовки высказываний Они помогают студенту (поддерживают студента, заботятся о студенте) даже защищают студента сравнительно с предложениями Они осмеивают студента (критикуют студента, впрочем, и превозносят студента). Глаголы первой группы предполагают наличие у класса студентов некоторых стандартных (отражаемых в обыденной "картине мира") для него признаков (например, некоторой социальной неопытности, пассивности и т.п.). В "пресуппозицию" же глаголов второй группы входят признаки (обобщенные), приписать которые данному объекту более затруднительно.

чений наибольший интерес представляет родовой определенный артикль, который в артиклевых языках характеризует значительную часть общих предложений с "несоотносительным единственным числом". Подчеркнем в этой связи, что в "оценочных" (сходных с рассмотренными выше) случаях родового единственного числа выражается особое (эксплицитное или скрытое, как в русском языке [ср.: Ревзин 1969: 106-107]) значение определенности - определенности не индивида, а класса, представленного как нечто единое, рассматриваемое с точки зрения его специфических свойств; последние и составляют предпосылку определенности. С другой стороны, в общих суждениях с неопределенным артиклем класс не представляется как замкнутое целое. Соответствующие именные группы обычно лишены оценочных ("важно") смыслов и семантически достаточно близки к сочетаниям со словами типа англ. any 'любой' [см., например, Еспереен 1958: 236; Patrick 1970: 52-53; Hawkins 1978: 198-220].

Отметим, что в некоторых случаях множество объектов и признак, присущий ему, носят такой характер, что высказывание, устанавливающее связь между ними, не может быть воспринято в качестве общезначимого. Тем не менее множество обозначается с помощью формы несоотносительного единственного числа, сохраняющей свои оценочные свойства. При этом ограничения на употребление языковых единиц, однозначно ("конкретно") локализующих признак во времени, снимаются.

Высказывания, в которых несоотносительное единственное число обозначает сравнительно небольшую часть класса, довольно многочисленны (ср.: Сегодня зритель хорошо принял наш спектакль; Рабочий Москвы заступил на трудовую вахту в честь праздника и т.п.). "Обобщенная" трактовка имени в единственном числе в таких случаях также во многом обеспечивается внутренним контекстом предложения, например, детерминативами, выделяющими не индивидуальный объект, а подкласс класса. Оценочные свойства "родового единственного" обычно сохраняются и в таких употреблениях.

Отметим, однако, что чрезмерное эксплицитное сужение объема класса часто порождает запрет на обобщенную трактовку высказываний с единственным числом. Так, излюбленное исследователями категории числа предложение Студент нынче уже не тот при уменьшении "обьема" его субъекта становится малоприемлемым: (?) Студент в этой группе уже не тот. Ср. также: Комсомолец нашей республики хорошо поработал в этом году, гораздо менее приемлемо,

однако, (?) Комсомолец нашего класса (нашей группы) хорошо поработал в этом году. Оценка "важно" в подобных случаях может восприниматься как немотивированная о связи значений "много" и "важно" [см.: Руденко 1983а; 1989в].

Некоторые лексические единицы в большей мере тяготеют к употреблению в контекстах рассматриваемого типа, чем другие. Таковы, например, слова типа немец, француз, японец, обладающие достаточно очевидным "пресуппозитивным" ореолом. Ср.: И слышно было до рассвета, Как ликовал француз (М.Лермонтов); Японец-то крепко засел на высоте (А.Степанов); Немец опять пошел в атаку. (С другой стороны, такие предложения, как (?) Мы никогда не воевали с австралийцем (исландцем, англичанином), вряд ли можно истолковать в родовом смысле). Сходными свойствами обладает слово зритель. Так, высказывание Актер хорошо играл сегодня не может быть понято как относящееся ко множеству лиц, однако подобная трактовка вполне нормативна для предложений типа Зрителю понравился наш спектакль. Заметим, что рассматриваемые ограничения, по-видимому, являются идиоэтническими и обычно не выходят за пределы одного языка.

Дж.Милль отмечал, что в тех случаях, когда не вполне ясно, является ли выраженное в предложении единичным или общим, смысл предложения выясняется "из контекста или из условий обычного способа выражения. Так, когда говорят "Человек смертен", никто не сомневается в том, что это утверждение имеет в виду всех человеческих существ; обозначение всеобщности пропускается обычно здесь просто потому, что смысл предложения и без того совершенно ясен" [Милль 1914: 74] . Данное суждение интересно тем, что в нем обнаруживается еще один (помимо контекста) фактор, влияющий на "обобщенное" истолкование предложений. Это имеющееся в социуме представление о значимости для класса того или иного признака (ср. у Милля "условия обычного способа выражения"). Например, высказывания типа Этот человек смертен, действительно, будут восприниматься как явно неинформативные, поскольку признак "быть смертным" рассматривается людьми в качестве необходимо присущего всякому человеку (и объективно является таковым). Ср., с другой стороны, необычность (в родовом понимании) высказываний Человек болеет насморком; Человек любит хорошо поесть; Человеку нравятся детективы. Значимость соответствующих признаков в представлении большинства носителей языка, вероятно, не будет достаточно высока, чтобы "оправдать" (вне особых контекстуальных условий) её специальное акцентирование, подчеркивание.

(Вообще говоря, общереферентные предложения могут отражать как "существенные", так и "случайные" признаки класса: "и между случайными признаками такие высказывания устанавливают закономерные зависимости" [Лебедева 1986: 88; ср. также: Dahl 1975: 100-101]. Однако, как видно, общие высказывания с родовым единственным числом, эксплицитно выражающие оценку признака как значимого, налагают определенные, хотя и нежесткие, "понятийные", ограничения на отражение в них "случайных" свойств).

Свойства, о которых говорится в предложениях последнего типа, объективно не присущи всем без исключения членам класса. Однако реальная степень общности признака может не влиять на возможность обозначения его носителей с помощью формы родового единственного числа. Вполне приемлемы, например, высказывания Человек ищет новые пути познания мира; Человек любит искусство; Человек добр и умен (заметим, что при употреблении в данных предложениях конкретного имени во множественном числе они могут утрачивать смысл "универсальности"). Названные в них признаки, видимо, могут расцениваться как существенные для всего класса (ср. в этой связи точку зрения, по которой "для универсальной ИГ выполнение свойства, выражаемого предикатом, не может быть проверено простым перебором - ввиду потенциальной бесконечности квантифицируемого множества, - а дедуктивно выводится из концепта ИГ" [Падучева 1989: 20] ; в свою очередь, высказывания с "родовым единственным числом" могут определяться как "неэксплицитно универсальные"). С другой стороны, в высказываниях типа У человека есть волосяной покров на теле выделение признака как значимого не ощущается (хотя названное свойство и присуще практически всем членам класса). Характерно, что к предложениям такого типа нельзя - в большинстве контекстов - добавить эксплицитные оценки вроде и это важно (очень важно), об этом нельзя забывать и т.п. Подобные случаи следует, скорее, отнести к "единственному числу эталона".

В некоторых грамматических системах различие фактического обобщения и обобщения, осуществляющегося по принципу метонимии ("часть - целое")[1], получает формальное выражение. Так, в болгар-

[1] Ср. также у А.Вежбицкой противопоставление "универсальных" и "общих" (generic) высказываний. В предложениях второго типа свойство приписывается не каждому члену класса, но лишь его "типичным" (в представлении говорящего) членам [ср.: Wierzbicka 1980: 192-194]. (Впрочем, сам говорящий может не осознавать того, что некоторый признак объективно "универсальным" не является).

ском языке имя в форме родового единственного может употребляться и с "определенным членом", и без него. В тех случаях, когда признак, о котором говорится в предложении, реально присущ всем членам класса или подавляющему большинству их, употребление члена является обязательным. Ср.: Гълъбът е добър летец 'Голубь хорошо летает'. В случаях же метонимического обобщения определенный член факультативен, ср.: Цигулар къща не храни 'Скрипач не содержит семью', где показатель определенности при имени цигулар 'скрипач' отсутствует [см.: Иванчев 1967]. Фактическое и метонимическое обобщение противопоставляются (хотя и с помощью различных языковых средств) также в других языках, например, арабском и индонезийском [см.: Ревзин 1977а: 216-218]. К примеру, в арабском языкознании выделяется несколько семантических подтипов артикля al - в частности, родовой артикль "фактического обобщения" и родовой артикль "метафорического обобщения". Первый употребляется, когда некий признак присутствует у любого члена класса, обозначаемого существительным. Родовой артикль "метафорического" обобщения представляет класс не с точки зрения охвата реально всех его членов, а в аспекте указания на значимые (с точки зрения говорящего) для элементов класса особенности.

Таким образом, сфера использования родового единственного числа (прежде всего как оценочной формы) не ограничивается общими суждениями в их чисто логической трактовке. Естественный язык допускает употребление высказываний, являющихся общими по форме, но не по содержанию. (Этот факт был отмечен, например, Т.Гоббсом, который писал, что "последнее имя предложения может и не содержать в себе первого, как, например, в предложении Все люди справедливы, где имя справедливы не содержит в себе имени все люди, ибо для огромного большинства людей применимо имя несправедливы" [Гоббс 1964б: 462]). Семантическая цель представления частного признака в качестве общего состоит в субъективном повышении значимости признака, оценке его как существенного. Именно в высказываниях типа Человек благороден (vs. Человек смертен) наиболее очевидно проявляются оценочные свойства родового единственного. (Приведем в этой связи мысль Канта, рассматривавшего "эмпирическую всеобщность" как "произвольное повышение значимости суждения от той степени, когда оно имеет силу для большинства случаев, на ту степень, когда оно имеет силу для всех случаев" [Кант 1964: 107]).

С другой стороны, в предложениях, в которых осуществляется

жесткое подведение понятия под более широкое понятие, реализуется значение таксономической предикации (Волк - млекопитающее; Сосна - хвойное дерево), оценка отходит на второй план, обычно вообще исчезает [ср.: Шелякин 1985: 20]. Тем не менее, даже в таких случаях родовое единственное число сохраняет признаковую ("сигнификатную") семантическую направленность, обозначает классы, рассматриваемые в понятийном аспекте, с точки зрения необходимо присущих им свойств. Приведем в этой связи точку зрения, по которой в "родовом" употреблении имя не является актуализированным [см.: Лейкина 1973: 5; Ревзин 1978: 179-180] и, следовательно, соотносится прежде всего с виртуальным понятием (которое может "дополняться" теми или иными коннотативными признаками).

Заметим, что использование несоотносительного единственного числа некоторых двучисловых имен может быть обусловлено не столько "гносеологическими" (выражение оценки, обозначение понятия), сколько денотативными, "онтологическими" факторами. Это относится, в частности, к случаям типа В этой реке много щуки; Кедровый орех собирают осенью; Здесь нет комара [фактический материал см.: Озерова 1987 : 41-42]. Подобные высказывания предполагают наличие у денотатов имен таких свойств, как стабильное существование во множестве, малая степень индивидности (по мнению некоторых авторов, в данных случаях подчеркивается не обобщенность, а "собирательность" [см.: Морфология 1968: 165]). Формы единственного числа имен в таких употреблениях приобретают контекстуальную "вещественную" семантику и не представляют типичных случаев обобщенного единственного числа, могут при определенных условиях трансформироваться в "недискретный" (соотносимый с концептом "твердого вещества") ЛСВ узуально исчисляемого имени.

Коротко охарактеризуем так называемое "дистрибутивное единственное число" - еще один тип единственного числа, не выражающего значения единичности отдельного ("конкретного") предмета. К дистрибутивному единственному относятся случаи типа Кто за это предложение - поднимите руку; Многие никарагуанские патриоты отдали свою жизнь за родину. Подобные формы не выражают оценочных смыслов и по значению в наибольшей мере, сравнительно с другими типами обобщенного единственного числа, близки ко множественному числу. Основной их функцией является просто снятие неопределенности, указание на то, что каждому из некоего множества объектов соответствует лишь один объект другого множества, обозначаемого именем в форме единственного числа. (Так, при употреб-

лении в первом из приведенных предложений формы руки подразумеваемый жест приобрел бы совсем другой смысл).

Рассмотренный материал показывает, что использование общего имени в форме (контекстуально) несоотносительного единственного числа в значительной мере уничтожает, по крайней мере нивелирует, его ориентацию на выражение числовых, т.е. собственно именных, денотативных значений. Общее имя, употребленное таким образом, обычно приобретает оценочную (шире - "признаковую") семантику и, следовательно, некоторые предикатные (хотя, конечно, не жестко-пропозитивные) и прагматические черты.

Важно отметить, однако, что употребления рассматриваемого типа возможны главным образом в языках, в которых хорошо развито морфологическое противопоставление единичности/множественности и в сфере категории числа представлено значение неисчисляемости. (Сходные предпосылки необходимы и для существования категории собирательности в описанном выше понимании; см. гл. 2 раздела II). По-видимому, в языковых системах такого рода реализуется прежде всего "эллиптический" тип множественности, который "связан с максимальной опорой на различия, допустимые внутри тождества. В этом случае отдельный элемент множества далеко не всегда адекватно репрезентирует все множество в целом, а в определенных случаях выделение элемента, репрезентирующего множество, вообще может оказаться невозможным" [Хазагеров, Николаев 1984: 53]. Представление класса (как недискретно-целостного) через (идеальный) объект-символ в таких языках не носит непосредственно-денотативного характера, порождает некоторые не вполне типичные для имени (в частности, предикатно-оценочные) смыслы.

С другой стороны, "амплифицирующая" множественность связана с "минимальной опорой на различия элементов, отождествляемых во множестве. В этом случае каждый отдельный элемент множества репрезентирует все множество в целом" [Там же]. Такой тип множества характерен для языков - например, тюркских, иранских, - в которых слабо развито облигаторное грамматическое противопоставление единичности/множественности и узуальное значение неисчисляемости. Представление множества через единицу для соответствующих языковых систем является вполне стандартным и выражается прежде всего в сочетаемости всех числительных с именем в "единственном" числе. В то же время в случаях, когда необходимо подчеркнуть центральность, значимость объекта-репрезентанта, даже обладающего реальным существованием, употребляется множествен-

ное число. Так, в тюркских языках значение "репрезентативного множества" выражается через присоединение форманта -лар к собственным именам, ср. азерб. Рустамовлар 'Рустамов и члены его семьи', карач.-балк. Махмутларі 'Махмут со своими домашними', казах. Абаȷлар 'Абай и его спутники', крым.-татар. Асанлар 'Асан и его окружение (семья или друзья)'(любопытно, что такие случаи иногда сопоставляются с "синекдохическим" единственным числом в языках типа русского) [см.: Щербак 1977: 94-95]. Сходные употребления возможны и в языках, типологически существенно отличающихся от тюркских. Так, в японском языке присоединение форматива множественности типа тати к собственному или нарицательному имени показывает, что имя "выступает не просто как название конкретного лица, индивидуума, взятого изолированно, вне отношения к множеству, а как название конкретного лица, которое одновременно по каким-либо своим качествам сходно с целою группой других лиц и в силу этого способно представлять всех их в себе одном, быть их представителем" [Холодович 1946б: 178].

В целом "не-именные", в частности предикатно-качественные, характеристики рассматриваемого языкового явления (как оно представлено в языках "русского" типа) отражены в "философии языка" более последовательно,чем в случае"собирательных имен" (в том их понимании, которое развивается в данной работе). Мы имеем в виду описание связей между родовыми и условными предложениями, гносеологический анализ "качественного" аспекта целостности (единства) класса, рассмотрение условий "общезначимости" признаков, отражаемых в общих высказываниях. Такое положение дел, вероятно, отчасти объясняется тем, что обобщенное единственное число, представляя собой контекстуальное средство выражения неисчисляемости общих имен, несколько более очевидно, чем собирательные имена, реализует свой смысловой (оценочный) потенциал [ср.: Шелякин 1985: 18; Пярн 1987: 11-12], более употребительно в языке (это связано с тем, что практически любое конкретное имя может употребляться в форме "родового единственного" [см., например: Брусенская 1986: 3], хотя, конечно, с различной частотностью [ср.: Озерова 1987 : 40]).

§ 3. МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО С "ПРИЗНАКОВЫМИ" ЗНАЧЕНИЯМИ

Важно подчеркнуть, что даже в сфере множественного числа (т.е. маркированного члена оппозиции по числу) языков типа русского общее имя, непосредственно не выражающее конкретно-числовых значений, развивает некоторые не-именные, в частности, оценочные, шире - "признаковые" характеристики. Соответствующий круг явлений покрывается понятиями "множественного числа гиперболического", "пейоративного множественного", отчасти "множественного существования" и "немаркированного множественного числа" [см., например: Потебня 1888; Зализняк, Падучева 1974; Морфология 1968: 155-163; Гевзин 1969]. В употреблениях подобного типа дополнительные, не (чисто) числовые значения часто передаются двучисловым именем, не утрачивающим узуальную (отчасти даже контекстуальную) числовую соотносительность, в частности, сохраняющим в контексте значение дискретности.

Как отмечалось, уже А.А. Потебня выделил так называемое "множественное гиперболическое" - множественное число существительных, употребляющееся для "возвеличения, идеализации единичного предмета"[Потебня 1888: 8]. В случаях такого типа имя во множественном числе реально относится - что осознают коммуникативные партнеры, по крайней мере говорящий, - к одному объекту. Это, в свою очередь, становится источником возникновения оценочных смыслов, в частности, оценки "важно" ("это важно"), отражающей не частные оценочные признаки ("хорошо" или "плохо"), а значимость объекта как таковую. С помощью "множественного гиперболического" оценка "важно" приписывается как самому объекту, обозначаемому именем в данной форме, так и всей ситуации, в которой он представлен. Ср.: Он уже на велосипедах катается (разговорная речь; об одном велосипеде); Что это у вас дети телевизор по ночам смотрят? (разговорная речь; об одном ребенке); "Что это вы, - сказал с упреком Леонтий Назарович, - знаменитых своих земляков забываете" (К. Паустовский; об одном человеке).

Действительно, множество, особенно множество большого объема психологически часто является более значимым объектом, чем единичный предмет. То, какое влияние - положительное или отрицательное, окажет такой объект на человека, может быть заранее неизвестно. Однако в целом объекты данного типа в несколько большей мере, чем объекты единичные, предрасположены становиться предметами оценки, т.е. занимать существенное место в человечес-

кой практике. Как отметил, например, В.Брожик, высокую ценностную валентность могут иметь ценности, которые по их внутренним свойствам не относятся к числу самых ценных, но которых человеку требуется много [см.: Брожик 1982: 217].

Интересно сопоставить "множественное гиперболическое" с "немаркированным множественным числом", которое определяется как употребление множественного числа в случаях, когда имеется в виду один объект или число объектов несущественно [см.: Морфология 1968: 154-155; Ревзин 1969]. В сферу последней числовой формы включают случаи типа У меня гости: дочка скобеевского доктора приехала (А.Фадеев); Пастухов, опять усаживаясь, обратился к Наде: "У нас есть молчальники. Вот вы" (К.Федин); В вагоне у нас новые пассажиры: молодая женщина с чемоданом (разговорная речь, пример из [Морфология 1968: 159]); Сегодня не было писем. В приведенных высказываниях множественное число отнесено к единичным объектам и даже (в последнем случае) к нулю объектов. Однако оценка "важно" в предложениях такого типа часто не возникает.

И.И.Ревзин отметил, что в подобных употреблениях основным (возможно, даже единственным) значением формы множественного числа является значение неопределенности [см.: Ревзин 1969]. Однако эта неопределенность является достаточно условной - и в смысле неопределенности количественной, и в смысле неизвестности обьекта кому-либо из коммуникативных партнеров. "Немаркированное множественное число" может прилагаться к объекту, идентифицированному и для слушателя, и тем более для говорящего, причем часто идентифицированному с помощью средств одного предложения. Характерно, что употребить при рассматриваемой форме множественного числа местоимение какой-то, служащее показателем неизвестности обьекта говорящему, нельзя. Ср., в частности, невозможность высказываний типа *У него какие-то гости: дочка доктора приехала; *Какие-то советские писатели ездили за границу. Это был мой любимый поэт.

Е.В.Падучева указывает на возможность выделения у множественного числа значения существования. По мнению исследователя, оно проявляется в предложениях типа Там есть болота (которое может быть употреблено и для обозначения факта существования одного обьекта); У меня гости; У него нет детей (в данном случае следует говорить о "несуществовании", что не меняет существа дела) [см.: Зализняк, Падучева 1974]. Во многих случаях метаязыковые по-

нятия о семах существования, с одной стороны, и неопределенности, с другой, могут быть отнесены к одному и тому же значению. Действительно, объект обычно рассматривается в аспекте его основных свойств, т.е. самого́ его существования обоснование "признаковой" трактовки существования [см., например: Петров Ю.А. 1969; Żabski 1988][1], в тех случаях, когда он не может быть идентифицирован или идентификация его не представляется говорящему необходимой (ср. в этой связи возможность сближения "экзистенциального" и "слабоопределенного" статусов имен [см.: Красильникова 1988: 62; кроме того: Wierzbicka 1980: 60-66]). В то же время нельзя трактовать значение существования лишь в качестве проявления значения неопределенности. Даже вполне определенный в общих рамках ситуации объект может рассматриваться прежде всего не как нечто индивидуальное, а как член класса (подкласса) с теми или иными общими признаками. "Неопределенность" в подобных случаях "как бы сохраняется по воле говорящего" [ср.: Красильникова 1988: 62], иногда, возможно, и слушателя.

Значение "условной неопределенности", собственно существования у множественного числа возникает главным образом в тех случаях, когда форма однозначно отнесена к единичному предмету, который может быть идентифицирован с бо́льшим успехом, чем предмет, существующий во множестве. Единичность объекта составляет своего рода внеязыковую предпосылку его определенности (по крайней мере для говорящего) и позволяет, с помощью формы "множественного существования", семантически выдвинуть на первый план те или иные его общие, основные, а не частные (количественные) признаки.

Имя во множественном числе, обозначающее единичный объект, таким образом, тяготеет к "классу-абстракции" [см.: Руденко 1983а], сигнификативному или коннотативному наполнению слова, способствует экспликации, подчеркиванию данного содержания и, следовательно, обладает "признаковой" смысловой направленностью. Однако собственно оценочные смыслы ("множественное гиперболическое") в употреблениях рассматриваемого типа реализуются не всегда. Возникновение их маловероятно, например, в тех случаях, когда единичный объект, именуемый с помощью формы множественного

[1]Ср., в частности, лапидарную формулировку Э.Жабского: "То, что существование свойства, присущего X, является необходимым условием того, что X существует, можно обосновать следующим образом: если X существует, то существование присуще X, а поскольку существование является свойством (cecha), то существует свойство, присущее данному X" [Żabski 1988: 93-94].

числа, не является контекстуально определенным, тем более когда с точностью неизвестно, каково количество этих объектов. В таких высказываниях лишь отражается тот факт, что в мире существует класс (подкласс) объектов, обладающих определенными признаками, но не подчеркивается значимость этих признаков и ситуации, в которой представлены обладающие ими объекты.

В качестве диагностического контекста, эксплицирующего оценку "важно" у общих имен в форме множественного числа, можно использовать следующий диалог: - Он процветает, получил квартиру, готовит к печати монографию и, как говорят, дружит с министрами. - Ну уж не с министрами, а всего лишь с одним министром, тем самым, который перевел его (Н.Самвелян). Реальное положение дел (оно отражено в последней реплике) известно, по контексту, обоим собеседникам. Экспрессивные формы ну уж, всего лишь передают значение, которое можно сформулировать в виде "не думай, что (на самом деле) так важно".

Действительно, высказывания с "множественным существования" (в терминологии некоторых авторов - "немаркированным множественным") типа В вагоне новые пассажиры: молодая женщина с чемоданом; У меня гости: знакомый приехал вряд ли могут (за пределами особых случаев) породить такие реплики, как Ну нет, не пассажиры (гости), а всего лишь один пассажир (гость). Ср., с другой стороны, возможность диалога: - У него в гостях бывают поэты (академики). - Ну, не поэты (академики), а всего лишь один поэт (академик).

Способность слова во множественном числе приобретать оценку "важно" может также определяться через невозможность употребить его в контексте типа: - Он дружит со всякими проходимцами. - С кем? - С Х-ом (смысл "с одним"). Для большинства носителей языка будут малоприемлемыми высказывания типа Он дружит со всякими (с какими-то) министрами (поэтами, профессорами): слова всякий, какой-то в данных случаях передают оценку объектов как малозначимых, которая, однако, не вполне согласуется с семантикой, по крайней мере коннотативной, самих имен. "Множественное гиперболическое" (от двучисловых имен), таким образом, выявляет оценку "важно", коннотативно существующую у некоторых лексических единиц (профессор, директор, министр, поэт, ученый и т.п.).

Впрочем, языковой прием "возвышения" единичного объекта через обозначение его с помощью формы множественного числа имеет и оборотную сторону - множественное число может "принижать"

значимость единичного объекта, как бы утрачивающего свою индивидуальность (это - "пейоративное множественное"). Оценку такого типа поддерживают прежде всего определители типа всякий, разный, какой-то, способные в ряде контекстов передавать оттенок пренебрежительности [фактический материал см.: Морфология 1968; Захарова 1984]. Ср.: Венька строго отчитал постовых: зачем они пропускают разных граждан с улицы (П.Нилин; имеется в виду один "пропущенный гражданин"); Мы не имеем права отправлять какие-то экспедиции с буддами (Вс.Иванов; речь идет об одной экспедиции). Негативные оценочные смыслы, не эксплицируемые микроконтекстом ,обычно возникают тогда, когда употребление формы множественного числа от имени по формальным причинам является не вполне нормативным (имена singularia tantum) или когда из знаний о мире (подчеркнем: не просто из контекста) очевидно выводится единичность объекта. Ср.: Вы тут обедали, а нас по милициям водили (А.Макаренко); Мы коньяки за двадцать рублей не пьём (В.Липатов); Чему тебя в университетах учили; Хватит по заграницам разъезжать и т.п.

В целом рассмотренный материал показывает, что даже в тех случаях, когда общее имя, не приобретая в контексте значения недискретности, все же (непосредственно) не выражает конкретно-числовых (в данном случае "больше чем один") значений, по крайней мере "отодвигает" их на второй план, у имени развиваются некоторые "признаковые" (сема существования, предикатно-оценочные смыслы) и прагматические (оценка) значения.

ГЛАВА 4

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА В "ИМЕННОЙ" И "ПРАГМАТИЧЕСКОЙ" ПАРАДИГМЕ

Очевидно, что исследование проблемы отношения имен различных типов к различным парадигмам "философии языка" будет неполным без включения в анализ категории собственных, или единичных, имен. Интуитивно достаточно, очевидно, однако, и то, что семантика данного языкового класса основывается на таких естественно-языковых процессах номинации, концептуализации, семантического отражения действительности, которые существенным образом отличны от одноименных, зачастую представляющихся идентичными процессов, протекающих в сфере имен других типов (в том числе и тех, которые выше рассматриваются как не вполне типичные имена, например собирательных или абстрактных).

§ I. СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА: ЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ "ПРАГМАТИЧЕСКОГО" ОПИСАНИЯ

Среди различных именных категорий в лингвистике, как и во многих направлениях логики, особое внимание уделяется именно собственным именам. Ни общие, ни абстрактные, ни собирательные, ни нарицательные имена вообще не связаны с особой отраслью лингвистической науки, которая занималась бы изучением лишь одного из данных классов. Собственные же имена соотносятся с отдельным, достаточно четко отграниченным от других разделом лингвистики. Это ономастика, само название которой содержит в своей внутренней форме общее обозначение имени (др.-греч. ὄνομα).

Вместе с тем, ни одна именная категория не порождает такого количества разноречивых точек зрения на ее природу, как собственные имена. Традиционным для работ по ономастике стало указание на нерешенность большого числа проблем собственных имен. При этом немалые затруднения до сих пор вызывает само определение данных языковых единиц, в некоторых случаях - и выявление состава соответствующей категории [ср., например: Теория и методика 1986: 37-39; 200-201]. Понятно, что граница класса собственных имен определяется по отношению к границам других именных классов. Однако основные трудности здесь все же идут не от нарицательных имен или каких-либо их подклассов, а от имен собственных. Так, общие имена, которые часто непосредственно про-

тивопоставляются собственным, могут трактоваться различным образом (см. гл. 2 раздела I), однако правомерность самого применения к общим именам понятия "общего", прежде всего "общего признака или по крайней мере "общего значения", особых сомнений не вызывает. Даже такие общие имена, значение которых нельзя представить через набор отдельных дифференциальных признаков, - это "имена естественных классов", слова типа <u>тигр</u>, <u>овчарка</u>, <u>берёза</u>, <u>тюльпан</u> - всё же обладают обобщающей семантикой. Значение таких существительных сводится к целостному чувственному образу обьекта, в основной тенденции образу обобщенному [см.: Wierzbicka 1986; Руденко 1986а: 45-47; 1987а: 27-30].

В сфере "единичных имен", однако, ситуация оказывается несколько иной. Определение собственного имени через концепт "единичного" имплицирует необходимость обоснования того, что "единичные признаки", соотносимые с собственными именами, остаются, по крайней мере при определенных, достаточно чётко заданных условиях, гносеологически единичными, не подвергаясь в познании трансформации в общие. Решение такой задачи априорно кажется несколько затруднительным. Как отмечается в диалектико-материалистической философии, "отдельное", представляющее собой единство единичного и общего, - "не абстрактно-мертвое, застывшее, а реальное, развивающееся единство противоположностей" [Материалистическая диалектика 1982: 135]. В свою очередь, лингвистическая "аксиома", по которой "всякое слово обобщает", предполагает своего рода "гносеологическую привилегированность" общего в сфере языковой семантики.

Из сказанного можно заключить, что количественные (числовые) значения определяют смысловую специфику собственных имен иным образом, чем в случае имен других типов. Тем не менее полностью отвлечься от числового аспекта рассматриваемых имен также невозможно - хотя бы потому, что нельзя анализировать данный языковой класс в отвлечении от понятия единичного. Предварительно заметим только, что семантика собственных имен не может быть полно охарактеризована "в рамках" оппозиции значений дискретности и недискретности, которая до сих пор рассматривалась как базисное для семантики имени противопоставление, если иметь в виду значение дискретности - "начало", исходное понятие развиваемого анализа имени. Параллель такому положению дел можно найти в науковедческом суждении, по которому "начало целого не обязательно должно быть самым содержательным, в смысле

заключающим в себе всё содержание системы" [Абдильдин 1967: 198].

Априорно можно утверждать, что собственные, или единичные, имена не обладают развитым обобщающим и общим для различных носителей языка значением[1] и ориентированы на отнесенность к одному объекту. (Имея в виду многочисленные случаи совпадения имен, уточним - одному не в рамках всего социума, а в рамках конкретной ситуации именования). Такая ориентация, однако, не является безусловной, вполне жесткой в формальном аспекте. По этой причине случаи, в которых одновременно обозначается более чем один объект с одинаковым собственным именем (Я знаю двух Дим; В нашем городе мало Ивановых), не могут рассматриваться как примеры перехода собственных имен в класс общих [ср.: Болотов 1978: 103]. У единичных имен в таких употреблениях не развиваются обобщенные смыслы: формальное обладание именем представляет собой конвенционально-языковой или даже метаязыковой, а не отражательно-семантический признак [ср., например: Grodziński 1973: 37-43; 118-119]. Подобное положение дел получило интересное преломление в логической системе Дунса Скота, который в целях устранения из логики силлогизмов противоречий, порождаемых неразличением неодинаковых суппозиций связки "есть", "заменяет в силлогистике некоторые единичные (квазиобщие) термины на квазиединичные вроде "Socratitas " (Сократовости). В таком случае оказывается возможным рассматривать обозначение "Socratitas" как имя множества, в которое входят те и только те предметы, которые носят имя "Socrates" [Стяжкин 1980: 116].

---

[1] В качестве непосредственного проявления данного свойства может рассматриваться факт необычности сочетаний собственных имен с "эксклюдерами" - прилагательными типа настоящий, указывающими на соответствие обьекта некоей норме качества. Даже в тех случаях, когда получатель сообщения достаточно хорошо знаком с обьектом, который обозначается собственным именем, нет гарантии, что он сможет вполне осмысленно истолковать высказывания типа Он настоящий Дмитрий (Николай, Володя). Лишь тогда, когда с объектом соотносятся какие-либо однозначно выделяемые признаки, как бы доминирующие над всеми остальными, подобные употребления (основанные на переносе признака на другой объект) становятся однозначно приемлемыми. Ср.: Он настоящий Хлестаков (хвастлив, несерьезен); Он настоящий Наполеон (честолюбив, стремится к власти). Однако собственное имя при этом приобретает (в своем вторичном, производном значении) некоторые свойства общих имен. Можно даже сказать, что способность имени к подобным употреблениям обусловлена его окказиональным [ср.: Болотов 1978: 105-106] переходом в сферу общих, другими словами - развитием у имени такого общего значения, которое носит отчасти "символический" характер, предполагает знание о конкретном "образцовом" носителе соответствующего общего признака.

Заметим, с другой стороны, что многочисленные случаи развития у собственного имени качественно-характеризующих ("понятийных") смыслов (Пушкины, Шекспиры, Дон-Жуаны, Ноздрёвы) не представляют собой употреблений, в которых обозначаются объекты с "одинаковыми именами": объект, действительно обладающий соответствующим именем (подвергшийся процедуре "крещения"), в таких случаях рассматривается как символ, точнее "образец" некоторого присущего ему свойства, которым обладают и другие объекты (ср. возможность соотнесения с подобными случаями понятия "эллиптического множества" [см.: Кацба 1989]).

Тем не менее в любом случае собственное имя, используемое для обозначения нескольких или многих объектов одновременно, утрачивает свою важную, даже наиболее важную функцию - способность к идентификации референтов. (По терминологии М.А.Кронгауза, в таких случаях мы имеем дело с "невоплощенным" собственным именем или, точнее, с невоплощенным употреблением имени [см.: Кронгауз 1987: 125]). Ср., например, два варианта ответа на вопрос - Кто к нам пришел: - Таня и - Тани. В последнем случае собственное имя однозначно не отождествляет объект и просто выделяет группу людей, носящих одинаковое имя (т.е. "простую", "случайную" совокупность [см.: Кацба 1989]). Необходимой (хотя и не достаточной) предпосылкой познавательного отождествления объекта с самим собой является его отдельность, отделенность от остального мира и, следовательно, его единичность, вернее возможность быть осознанным в качестве "единичного", "индивидуального".

Характерно, что эксплицитное выражение единичности референта собственного имени также лишает его способности отождествлять объект, ср.: Ко мне приходила одна Таня, а не две (Это объясняется тем, что единичность в таких случаях оказывается не важным общим условием использования собственного имени, а лишь непосредственной числовой характеристикой референта). Вообще говоря, эксплицитное исчисление референтов собственного имени в любом случае превращает последнее в своего рода метазнак (конечно, частичный), выражающий смысл "объект с таким-то именем" [ср.: Grodziński 1973: 38].

Собственные имена, таким образом, можно рассматривать как своего рода singularia tantum [ср., например: Sørencen 1958: 134-138]. Сама необходимость использования для описания данных имен метаязыкового понятия о некотором "значении единичности"

особых сомнений не вызывает: и интуитивно, и умозрительно кажется бесспорным то, что первичными, скорее даже базисными, для собственных имен являются такие употребления, в которых они используются для отождествления конкретных - "единичных" - объектов.

Однако собственные имена значительно отличаются от типичных singularia tantum - абстрактных и вещественных существительных, плюрализация которых (во всяком случае, в языках типа русского, с развитой категорией числа, т.е. в тех, в которых такие имена действительно являются singularia tantum) обычно порождает очевидный сдвиг в значении слова и типе его денотативной отнесенности [см.: Руденко 1988а]. Ограничения же на использование собственных имен (не приобретших "понятийных" смыслов) во множественном числе, шире - их исчисление носят не чисто семантический, а, скорее, семантико-прагматический характер[I]. Само значение "единичности" у единичных имен тесно связано с отождествлением обозначаемых данными именами объектов, которое является внесемантическим по своей природе. Сема единичности, приписываемая собственным именам, по этой причине также приобретает прагматический оттенок.

Как известно, "единичное" не формирует самостоятельного объекта (обладавшего бы только "единичными" свойствами) и существует в единстве с "общим" - которое, в свою очередь, осуществляется в рамках "отдельного" анализ проблемы взаимосвязи отдельного и единичного [см., напр.: Материалистическая диалектика 1982: 132-135]. Такое положение дел достаточно непосредственно проявляется и в сфере "единичных имен": собственные имена обладают грамматическим значением дискретности ("отдельности"), которое, однако, реализуется менее явно, чем в случае общих имен, менее тесно связано с неграмматическим (не будем говорить: лексическим) содержанием имени, например, отражаемым в нем представлением о "стандартных границах" денотата. Это, в свою очередь, объясняется прагматической ориентацией собственных имен на отождествление "единичных", т.е. прямо не включаемых в более широ-

---

[I] Положению о лингвистической нежесткости ограничений на исчисление собственных имен, их отчасти общегносеологическом характере может быть найдено довольно любопытное философское соответствие. Так, в системе Спинозы предполагается, что "единичные вещи сами по себе не являются перечислимыми, если мы понимаем их правильно" [Вартофский 1988: 289], т.е. познаем их некоторым определенным образом.

кий класс, объектов (напомним: дискретность предполагает существование класса объектов).

Как уже отмечалось, описание собственных имен через категории "единичного" и/или "индивидуального" ("единичное" обычно трактуется как важнейший аспект индивидуального или его необходимое проявление) порождает немало затруднений. Ср. одно из последних определений собственных имен, достаточно типичное и на первый взгляд вполне приемлемое: "Собственное имя дается отдельным объектам, принадлежащим к определенному классу вещей, индивидуально выделяемым из этого класса" [Соболева, Суперанская 1986: 60-61]. По другой дефиниции, собственные имена представляют собой "отдельные слова и слова в словосочетаниях, которые служат для именования индивидуальных, вычлененных из данного вида объектов" [Теория и методика 1986: 38]. Сходная точка зрения может выражаться и в психологизированном виде: "Имя собственное дается индивидуальному объекту, воспринимаемому как единственный в своем роде" [Там же: 16]. Возникает, однако, вопрос: с помощью каких лингвистических механизмов осуществляется или по крайней мере фиксируется индивидуализация объекта, являющегося денотатом собственного имени?

Познание объекта как уникального, индивидуально неповторимого связано со многими сложностями. В частности, его очень трудно достигнуть лишь через соотнесение с предметом тех или иных отдельных признаков, которые были бы "единичными" по своему содержанию. "Простые признаки", т.е. признаки, не являющиеся комбинацией других, во всяком случае - не осознаваемые в качестве такой комбинации [о психологической реальности понятия "простого признака" см.: Шехтер 1967: 23; 114-115], в познании обычно тяготеют к обобщению, отождествлению с однотипными признаками других предметов. Как отмечает, например, Э.К.Лиепинь, "формально всякий конкретный единичный признак может быть переведен в статус общего" [Лиепинь 1986: 147]. Объективную предпосылку (по крайней мере, одну из предпосылок) такой возможности составляет тот факт, что различие признаков может являться в большей мере количественным, чем качественным: свойство имеет не только качественную сторону, но и обладает определенной величиной. Свойство того или иного типа обладает потенциально бесконечным числом количественных градаций, "оттенков", входящих в сферу соответствующей общей категории. В свою очередь, эти "оттенки" далеко не все-

гда четко различаются человеческим сознанием (или отсутствует необходимость их различения) и часто мысленно сводятся к общему типу.

Действительная индивидуализация отдельного предмета возможна через соотнесение с ним системы признаков, которые в своей совокупности как бы гарантируют, обеспечивают индивидуальность объекта. (Возможность такой гносеологической процедуры в общем виде обусловлена тем, что "единичное потому и существует как единичное, что оно представляет собой относительную инвариантность, неизменность индивидуализирующих признаков" [Приписнов 1988: 15]). Практическая необходимость в индивидуализирующем познании предмета возникает тогда, когда он не может быть заменен любым другим предметом того же класса и нет возможности представить данный объект в виде члена некоторой совокупности [см.: Лиепинь 1986: 137-139]. (Объекты обозначения собственных имен обычно воспринимаются именно таким образом). Осуществление процедуры индивидуализации, однако, не требует (и, очевидно, не может требовать) учета потенциально бесконечного числа признаков конкретного объекта. "Идея индивидуального в своем рациональном выражении предполагает выбор некоторого ограниченного числа параметров, по которым данная вещь противопоставляется другим" [Там же: 151]. Это означает, что процедура познания индивидуального имеет в своей основе системное, обобщенное знание, своего рода схему, определяющую те направления, по которым осуществляется рассмотрение единичного.

В логической семантике достаточно близкое соответствие рассматриваемому подходу к "единичному", как кажется, составляет понятие "haecceitas" ("этости") у Дунса Скота (хотя, конечно, оно может получать различные интерпретации). Так, Ю.Хабермас, анализируя концепцию индивидуального, в которой "предикаты" ("качества") рассматриваются как индивидуализирующие сущности, замечает: "Качества, благодаря которым одна индивидуальная вещь отличается от других вещей, порождаются идеями или субстантивными формами, которые per se универсальны... Этот путь приводит в конце концов к Иоанну Дунсу Скоту, который наделил то, что делает индивидуальность индивидуальностью, Сократа Сократом, статусом субстантивной формы. Скот дополняет цепочку родов и видов не чем иным, как индивидуализирующей идеей haecceitas. В парадоксе "Socratitas" Сократа универсальное празднует нечаянную по-

беду над любым индивидуальным" [Хабермас 1989: 36]; об отражении в идеях Скота "градаций бытия" см. также: [Степанов 1985а: 27-28].

В любом случае познание индивидуальности объекта представляет собой достаточно сложный процесс. (Заметим, что во многих науках обоснование необходимости индивидуализирующей ориентации познания было дано сравнительно недавно [см.: Кемеров 1986: 45-47]).[1] Характерно, что "понятие на уровне единичной конкретности" (когда "живое понятие развертывает все свои внутренние моменты") рассматривается как высший этап становления конкретного понятия, результат синтеза многих определений [см.: Салин 1987: 178-182]. Оправданно поставить вопрос: может ли такая процедура в сколько-нибудь полном виде осуществляться или хотя бы фиксироваться в языковой семантике (соотнесенной прежде всего с "обыденным", не научным типом мышления), в частности, формировать смысловое наполнение собственного имени? Ответ будет отрицательным: в значении словесных знаков естественного языка обычно отражается обыденное, не теоретическое (системное), относительно несложное знание. Предполагать, что собственное имя способно последовательно фиксировать совокупность параметров, дающих целостное представление об отдельном объекте как системе (даже к исходным средствам индивидуализирующего подхода относятся главным образом системные понятия), значит существенно преувеличивать возможности языковой семантики [ср. использование сходного хода рассуждений в анализе категории "пустых имен": Руденко 1986б].

Характерно, что довольно часто в суждениях лингвистической и даже общегносеологической направленности отмечается некоторая неестественность (необычность) "единичных" ("индивидных") концептов. По Ю.С.Степанову, например, индивидный концепт "является некоторым свойством или некоторой совокупностью свойств (притом, ... в силу неустранимой неестественности индивидных определений - совокупностью, как правило, очень небольшой или даже сведенной к одному свойству)" [Степанов 1981: 90]; об "индивидных концептах" в логической семантике см. также [Linsky 1977: 68-74; Руденко 1987а: 25-26]. В собственно философском плане уже софисты полагали, что "единичное алогично как таковое: к нему неприменимо общее понятие, а необщих понятий не бывает"

---

[1] Ср. более радикальную точку зрения, по которой "ещё вообще не сложился тип мышления, способный научно анализировать единичное. Но идут поиски таких возможностей" [Литвинов, Недялков 1988: 4].

[Доброхотов 1986: 12]. Отметим также представленное у Ж.Пиаже психологическое обоснование сложности образования "единичных классов" (классов, содержащих "единственный в своем роде" объект): "Существует, очевидно, сильная тенденция избегать единичных классов, и их образование начинается только к 7-8 годам" [Пиаже, Инельдер 1963: 185].

Выше мы приводили такие дефиниции собственных имен, в которых они трактуются главным образом в "признаковом" плане, через индивидуальную выделенность из класса. Однако затруднения часто возникают и при определении собственного имени через другие элементы "семантического треугольника" - денотат или знак. Так, распространенное суждение о том, что собственные имена обозначают единичные обьекты, порождает ряд довольно сложных вопросов (особенно в тех случаях, когда данное определение рассматривается как самодостаточное): всегда ли собственные имена называют такие обьекты, в каком смысле (по отношению к какому классу) эти объекты являются единичными, какие языковые механизмы обеспечивают референцию собственного имени к "единичному обьекту", являются ли эти механизмы чисто семантическими, какие формальные признаки собственных имен поддерживают их направленность на приложимость к "единичным объектам" (относятся ли, например, собственные имена к именам singularia tantum) и т.п. Более того, сами термины "единичный объект", "единичная вещь" достаточно условны и "объективно" не сводятся лишь к понятию "единичности" (это в целом ясно уже из того, что было сказано выше). Если рассматривать вещь как определенный тип "особенного" - а такой подход является наиболее естественным для диалектико-материалистической философии (см., например, работы в сборнике [Проблемы всеобщего 1982]), оказывается, что "выражения вроде "единичная вещь", "единичный процесс" и подобные отражают факт отдельного существования рассматриваемых вещей и процессов, а не то, что они являются воплощением единичного" [Кузнецов В.И. 1987: 64]. Определение собственных имен как "индивидуальных (единичных) обозначений" также не безупречно: с его помощью трудно обьяснить, например, многочисленные в реальных языковых сообществах случаи совпадения имен у различных объектов, а также решить другие вопросы, названные выше, особенно те, которые относятся к смысловой природе единичных имен.

Некоторые исходные положения теории собственного имени, таким образом, не являются лингвистически и логически бесспорными, содержат в себе ряд не решенных (иногда и не поставленных) проб-

лем. Если принять во внимание существование очень большого, давно практически необозримого массива работ, посвященных собственным именам, можно предположить, что основной задачей ономастики сейчас должно являться не столько вовлечение в оборот нового фактического материала, сколько более полное осмысление уже имеющихся фактов и сформулированных точек зрения. Однако для этого необходимо не просто модифицировать те или иные частные дефиниции и понятия, а попытаться уточнить общий подход к собственным именам. До сих пор они часто трактовались именно и только как имена, в семантическом или, скорее, в семантико-денотативном плане, т.е. лишь с помощью понятий типа "единичная идея", "единичный признак", "совокупность единичных признаков", "единичный (индивидный) концепт", "единичный обьект". Это семантическая парадигма "философии языка", "философия имени".

Собственно именной подход к собственным именам предполагает, что противопоставление единичных и общих имен является вполне симметричным и базируется на едином основании - типе отражаемого признака (реже - типе называемого обьекта, "единичного" или "общего"). Как кажется, в наиболее чистом виде трактовка собственных имен на основе понятий "философии имени" представлена в работах ряда английских философов-материалистов ХУП в., прежде всего Т.Гоббса и Дж.Локка. (Это - концепция механистического материализма, которая в некоторых своих наиболее общих чертах соотносима с ортодоксальными вариантами "философии имени": в обоих теориях значимым является понятие отдельного, относительно самостоятельного, даже отчасти обособленного объекта действительности).

Т.Гоббс, например, писал:"Из имен некоторые суть собственные и относятся лишь к одной вещи, как, например, Петр, Джон, этот человек, это дерево; некоторые же общи многим вещам, например, человек, лошадь, дерево. Каждое из этих последних, хотя и является одним именем, есть имя различных, особых вещей и в отношении всех их в совокупности называется всеобщим, причем в мире нет ничего более общего, кроме имен, так как каждая из наименованных вещей индивидуальна и единична" [Гоббс 1964а: 67]. В этом суждении в сжатом виде намечены две важные проблемы собственного имени, которые будут многократно обсуждаться позже. Во-первых, Гоббс относит к собственным именам не только отдельные слова, но и "дескрипции", т.е. развернутые выражения, характеризующие те или иные признаки обьекта. (В другой работе Фило-

соф даже использует само это понятие, указывая, что для называния тех объектов, которые обозначаются собственными именами, "мы иногда пользуемся методом косвенного описания" [Гоббс 1964б: 460]. Во-вторых, по Гоббсу, собственное имя относится к одной вещи, и при этом все вещи (т.е. все объекты, которые могут быть поименованы) объективно единичны и индивидуальны. (Общие имена Гоббс, таким образом, трактует отчасти с номиналистических позиций). Из этого следует, что собственные имена - имена в наиболее точном, "собственном" смысле; ср. также о генетической первичности единичных имен по отношению к общим [см.: Донских 1989: 20].

Дж.Локк, наиболее близко стоящий к Гоббсу в истории философии, ввел в анализ собственных имен элементы прагматического подхода, дополнив традиционный вопрос "какие вещи именуют собственные имена?" вопросом "какие вещи имеют собственные имена?". Познавательное движение не только от имени к денотату, но и от денотата к имени предполагает рассмотрение социальных факторов, определяющих распространенность именования собственными именами объектов того или иного типа: "Люди пользуются именами собственными для своего вида живых существ, с которым у них всего больше дела и применительно к которому им часто бывает необходимо говорить об отдельных лицах" [Локк 1985: 467]. В целом, однако, подход Локка к собственным именам все же носит преимущественно "именной" характер (хотя и не чисто денотативный, как у Гоббса, а скорее семантико-денотативный). Так, рассматривая понятие субстанции, носителя качеств, Локк пишет, что из всех различных видов идей лишь у субстанций "есть особенные, или собственные, имена, которыми обозначается только одна единственная вещь" [Там же: 523]. Подобное положение дел Локк объясняет онтологическими причинами, в частности тем, что большинство "смешанных модусов" (которые образуют другой общий тип явлений действительности) представляют собой действия и поэтому не способны к продолжительному существованию. В работах Локка представлена и идея первичности собственных имен по отношению к общим, их большей типичности как имен. При этом она мотивируется не онтологическими, как в номиналистической системе Гоббса, а гносеологическими факторами: "Чувства сперва вводят единичные идеи и заполняют ими еще пустое место (empty cabinet), и, по мере того, как разум постепенно осваивается с некоторыми из них, они помещаются в памяти и получают имена. Затем, подвигаясь вперед, разум абстрагирует их и

постепенно научается употреблению общих имен" [Там же: 103].

Точка зрения, связанная с именами Гоббса и Локка, обладает некоторым изяществом и разделяется рядом современных исследователей. К.Д.Саная, например, приписывает собственным именам соотнесенность как с "единичными обьектами", так и с "единичными понятиями" (даже не "идеями"): "Единичный объект - Тбилиси отражается единичным индивидуальным понятием как мысленным отражением его определенных признаков, скажем, общих и единичных признаков. Этот объект имеет собственное имя "Тбилиси", с которым связана определенная мысль о Тбилиси; эта мысль есть индивидуальное понятие которое выступает как смысл этого наименования" [Саная 1985: 64]. Вместе с тем, такой подход и в общепознавательном, и в лингвистическом плане является малоприемлемым. Это достаточно очевидно проявляется при соотнесении лингвистической оппозиции единичного (собственного) /общего имени с философской оппозицией единичного/ общего признака.

Уже отмечалось, что в диалектическом материализме единичное и общее трактуются как стороны, "моменты" (не "элементы") отдельного. Из этого следует, что разделение признаков на единичные и общие не является абсолютным, раз и навсегда данным [см., например: Материалистическая диалектика 1982: 134-135]. Говоря об относительности границы между единичным и общим, ее зависимости от способа рассмотрения объекта, единичное и общее обычно понимают в познавательном плане. Характерно, однако, что даже объективное, онтологическое "единичное" и "общее" имеют в своем определении гносеологические элементы. Единичное, в частности, понимается как признак данного отдельного элемента класса, находящийся в отношении отличия к признакам всех других элементов того же класса или (с использованием абстракции отождествления) как признак, присущий только одному элементу класса [см.: Левин 1976: 44-45]. Другими словами, определение признака как единичного зависит от определения границ класса, в который входит обладающий "единичным признаком" объект. Расширение данных границ, рассмотрение предмета как элемента более широкого множества может трансформировать единичный - онтологически единичный - признак в общий [ср.: Левин 1987: 49-50].

Отдельный объект может быть описан именно через единичные признаки (в их единстве с общими), если он однозначно отнесен к определенному классу: "Признак только тогда ясно и недвусмыслен-

но охарактеризован как единичный, общий, особенный или всеобщий, когда фиксирован класс обьектов, по отношению к которому он выбран в качестве таковогo" [Левин 1985: I4I; см. также:Левин I987: 42-43; I33]. (Этот класс не должен быть универсальным, включающим все актуально существующие обьекты. Признаки отдельного обьекта, рассматриваемого в качестве элемента универсального класса, являются главным образом общими). Можно заключить, таким образом, что для собственных имен развернутая индивидуализация через "единичные" (скорее всего, впрочем, и "общие") признаки маловероятна: данные имена ориентированы на обозначение обьектов, прямо и/или однозначно не включаемых в определенный класс. Выше идея о том, что у собственных имен естественного языка отсутствует связь с явлением последовательной индивидуализации обьектов, обосновывалась через общие представления о природе языковой (лексической) семантики, со ссылкой на относительную простоту, нетеоретичность фиксируемого в ней знания. Сходный вывод, однако, может быть сделан и при рассмотрении специфики самих собственных имен, в их связи с некоторыми познавательными закономерностями.

В современных концепциях собственного имени - прежде всего тех, которые представлены в работах С.Крипке, К.Доннелана, С.Шварца и их последователей - важное место занимает критический анализ трактовки собственных имен как выражений, синонимичных некоторому множеству дескрипций, однозначно идентифицирующих объект, часто фиксирующих его "уникальные" признаки [см., например:Kripke 1972: 255-260; Donnellan 1972; Donnellan 1974; Schwarz 1979]. (В качестве наиболее видных сторонников дескрипционистского подхода к единичным именам обычно рассматриваются Фреге и Рассел - хотя такой подход нуждается в дополнительном обосновании, особенно применительно к Расселу [ср.: Linsky 1977: 42-48; Руденко 1987а: 22-23]). Теперь видно, что критика "принципа уникально идентифицирующих дескрипций", которая во многих случаях ведется отчасти с психологических позиций (незнание говорящими таких дескрипций, неспособность сформулировать их, возможность ошибок в соотнесении дескрипций с именами и т.п.), имеет под собой некоторые более общие логико-лингвистические и гносеологические основания. (В этой связи интересно, например, что собственные имена и дескрипции у некоторых авторов противопоставляются по признаку эмпиричности/теоретичности соотносимого с ними

знания: "Если собственные имена референциальны и использование их предполагает эмпирическое знание и выделение объекта на основании эмпирических свойств, то подлинные дескрипции тесно связаны со знанием по описанию, теоретическим знанием" [Дёмина 1988: 19-20]).

Характерно, что отказ Рассела от трактовки определенных дескрипций в качестве обозначающих выражений мотивировался тем, что высказывания с определенными дескрипциями являются скрытыми общими (экзистенциональными) предложениями с условием единственности. Иначе говоря, высказывания типа "(тот) такой-то и такой есть F " могут рассматриваться как высказывания вида "существует единственный обьект, являющийся таким-то и таким, и он же есть F ". В результате данной трансформации определенная дескрипция устраняется из обозначающей позиции в предложении, причем ее место занимает выражение с переменной (ср.: "обьект", "нечто"), а собственно дескриптивные элементы становятся частью предиката. В предложении не остается обозначающих выражений (и поэтому, в частности, снимается проблема обозначения несуществующих объектов, решение которой, пожалуй, в наибольшей мере интересовало Рассела). "А так как, - замечает, анализируя взгляды Рассела, А.Дегутис, - предложения существования (экзистенциальные предложения) - это не сингулярные, а общие предложения, т.е. предложения не об единичном объекте, а о всех объектах какой-то области, то налицо полная элиминация предикативных предложений с дескрипциями в пользу общих" [Дегутис 1984: 128-129]. Если вспомнить теперь, что Рассел рассматривал (хотя и не всегда по собственно "семантическим" причинам, иногда скорее в целях унификации логического описания [ср. Linsky 1977: 45-46]) "обычные" собственные имена - в отличие от "логических" собственных имен, т.е. имен единичных явлений-событий, даже переживаний [см.: Рассел 1957: 337]- как скрытые, или "сокращенные", дескрипции, мы получим дополнительное подтверждение неправомерности описания собственных имен через концепт "единичных признаков", учитывая "необозначающий" характер дескрипций - и признаков "общих". (Ср. ход рассуждений К.Доннелана: "Если обычные собственные имена не являются ни именами "в строго логическом смысле", каковыми они наверняка не являются, ни скрытыми дескрипциями, тогда должно быть выявлено некоторое другое отношение, устанавливаемое между единичными выражениями и тем, что они замещают" [Donnellan 1972: 359]).

П.Стросон трактовал "дескриптивную" концепцию собственных имен как проявление лейбницианской доктрины тождества неразличимых, согласно которой "необходимо истинно, что для любого индивида существует некоторое описание в чисто универсальных, или общих, терминах, такое, что только один индивид соответствует этому описанию" [Strawson 1961: 117; ср. также: Цыркун 1978: 133]. В качестве одного из основных объектов критики при этом рассматривалась расселовская теория имен и дескрипций. Впрочем, в конечном счете идеи Стросона оказываются достаточно близки к представленной у Рассела концепции "логических" собственных имен. По Стросону, "идентифицирующее указание на единичные объекты (particulars) основывается в конечном счете на употреблении выражений, которые непосредственно или опосредованно заключают в себе демонстративный смысл; выражаясь в терминах мышления, а не языка, идентифицирующая мысль о единичных объектах необходимо содержит демонстративный элемент" Там же . Однако "идентификация объекта внутренне связана с установлением его существования; поэтому, если полагается, что её основа - это демонстративная идентификация, то существование объекта односторонне (и в этом смысле идеалистически) привязывается к актам восприятия. Неразрешимые затруднения подобной идеи общеизвестны, и они дополнительно выявились при анализе расселовской концепции указания" [Дегутис 1984: 136]; детальный анализ концепции "логических" собственных имен см.: [Петров В.В. 1977: 41-47; кроме того: Степанов 1985а: 151-162].

Ряд исследователей считает (и, по-видимому, такая точка зрения близка к реальности), что индивидуализация предмета часто (а в "абстрактном", "ненаглядном" мышлении - всегда) осуществляется вообще без соотнесения с объектом каких-либо единичных, присущих (тем более - "необходимо присущих")только ему признаков (ср., например, определение того вида соотношения отдельного и общего, когда "отдельное получается как сумма общих определений", в качестве концептуального типа взаимосвязи общего и отдельного [см.: Пивоваров 1982]). Действительно, достаточно объемный, и, что даже более важно, хорошо организованный, отражающий значимые для объекта и связанные друг с другом признаки набор общих свойств в большинстве случаев способен гарантировать отличение данного предмета от других. (По-видимому, именно в таком смысле допустимо, хотя и с оговорками, говорить об "аб-

страктности индивида" [см.: Hiż 1971]. По Хижу, в частности, можно утверждать, что (в определенном смысле) индивид не дан в непосредственном восприятии, а абстрагирован из массы фактов с помощью определенных высказываний, его описывающих).[1] При таком подходе к индивидуализации возможность сколько-нибудь последовательного отражения этой процедуры в семантике собственных имен становится еще более сомнительной. Элементы обобщения в значении данных имен явно факультативны и, тем более, не образуют системы.

В сфере собственного имени могут существовать соответствия между именами и теми или иными классами действительности, для называния элементов которых они употребляются. Практически в каждом языковом социуме, например, представлены относительно устойчивые группы имен для обозначения людей, с одной стороны, и животных различных видов, с другой. Сходные отношения могут проявляться и формально. Так, во многих языках классифицирующие смыслы в семантику собственных имен человеческих существ вносят грамматические показатели рода, мужского и женского. Обобщающие значения у собственных имен, однако, являются не "целью", основным содержанием их семантики, которое целенаправленно передавалось бы другим носителям языка, а скорее "средством", способом предварительного, нежесткого определения общего типа объектов, которые могут именоваться с помощью данных слов. Так, хотя в русском языке собственное имя Дмитрий содержит грамматический показатель мужского рода и обычно употребляется для обозначения людей, мы не называем Дмитрием - "дмитрием" - любого мужчину или человека как такового. (Как отмечает один из исследователей собственных имен, свойство типа 'быть лицом мужского пола' "нельзя считать интенсионалом имени собственного, но можно сказать, что оно обычно следует из свойства 'иметь данное имя'" [Кронгауз 1987: 126; ср. также: Grodziński 1973: 128-129]). Случаи, когда какое-либо собственное имя приобретает подобные свойства, являются теми исключениями, которые подтверждают правило. Так,

[1] Разумеется, существует опасность того, что при сведении индивидуального к общему будут утрачены "существенные и неповторимые черты самой индивидуальности" [Кемеров 1986: 39]. Избежать её позволяет, по-видимому, прежде всего тщательное определение априорно (хотя только априорно) наиболее значимых для индивида общих параметров, по которым будет развертываться исследование его своеобразия, и взаимных связей данных параметров (ср.: "порядок и связь определений задаются в конечном счете имманентной логикой индивидуального" [Там же: 46]).

имя Иван иногда может употребляться для обозначения русского, Джон - англичанина, Жан - француза и т.д. потому, что эти слова являются наиболее распространенными личными (мужскими) именами в соответствующих языковых сообществах (или, точнее, осознаются как наиболее распространенные имена). Значение здесь явно производно от употребления. Собственные имена,приобретающие некоторые свойства общих имен, приобретают их благодаря речи (в широком смысле), а не системе языка.

Общее имя является общим постольку, поскольку оно фиксирует (расчлененно или в целостном образе, как "имена естественных класов") некоторые общие свойства класса отдельных обьектов. Однако единичное имя является единичным, собственным не потому, что в его семантике сколько-нибудь последовательно отражаются единичные признаки объектов, а скорее потому, что в ней последовательно не фиксируются признаки общие. (В этом смысле единичные имена точнее называть не-общими). В таком случае возникает вопрос: каким же образом собственные имена естественного языка все же осуществляют, и вполне успешно, функции именования и референции? Сама постановка такой проблемы является своего рода имплицитным обоснованием необходимости перехода в рассмотрении собственных имен от именной (семантической) парадигмы к парадигме иного типа. Отметим в этой связи точку зрения Дж.Катца, считающего, что изучение собственных имен в рамках "парадигмы общего имени" бесперспективно. ("Основная черта классической теории собственных имен может рассматриваться как решение трактовать референцию общих имен типа 'стул' в качестве парадигматической. Референция собственных имен, таким образом, моделируется в соответствии с этой парадигмой"[Katz 1977: 3; ср. также:Katz 1979: 113-114]). Семантическая специфика имен всех типов трактуется в ней через приписываемое носителям языка знание стабильных, обычно "существенных" свойств именуемых объектов. Однако, по Катцу, референция имеет грамматически гетерогенный базис (в этом утверждении он исходит из идеи Милля о "неконнотативности" собственных имен), и прежде всего это означает, что собственные имена сущностно отличны от общих и лишены значения в том (прямом) смысле, в каком им обладают общие имена[1]. (Таким образом, то, что у Катца определяется как парадигма общего имени, может быть сопоставлено

[1]Точка зрения, по которой собственные имена лишены если не "значения" вообще, то "значения" в обычном смысле, достаточно традиционна как для лингвистических, так и для логико-семантических ис-

с понятием парадигмы "философии имени" - учитывая, что последняя трактуется как "семантическая"парадигма). Наиболее серьезную конкуренцию собственно именному подходу к собственным именам может составить прагматический подход.

§ 2. СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА И "ФИЛОСОФИЯ ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИХ СЛОВ"

Основной для единичных имен является функция референции, обозначения одного (конкретного) объекта с данным именем, а не его характеризации. Инвариантное значение собственного имени сводится к предоставлению общей возможности референции, но не к сколько-нибудь детальному и однозначному определению ее условий. Помимо чисто грамматических смыслов и значения единичности (носящего прагматический характер, являющегося в значительной степени не "значением" как таковым, а скорее "пресуппозицией", даже "прагматической конвенцией"), в сферу узуально-языковых элементов собственных имен входит только имплицитное указание на тип сущностей, для именования которых обычно (хотя и не облигаторно) употребляется имя, в лингвистических терминах - указание на "ономастическое поле". (Последнее значение - "значение" - обладает социолингвистической, чисто "конвенциональной", а не собственно семантической природой. Характерно, что даже авторы, рассматривающие явления, могущие трактоваться через понятие "ономастического поля", часто определяют собственные имена как "некатегориальные знаки" [см., например: Thrane 1980: 214-216]).

Говоря о "неразвитости", "бедности" обобщающих значений собственных имен, надо иметь в виду, что само их наличие является необходимой характеристикой данных имен, обусловленной уже тем, что они являются именами, словами естественного языка и в этом смысле не могут не иметь хотя бы отчасти обобщающей природы. Характерна точка зрения Э.Р.Атаяна, по которой "в языковом уни-

(продолжение сноски I)

следований собственных имен. Она представлена (хотя, конечно, не вполне последовательно) даже у некоторых авторов, развивающих классическую ("дескрипционистскую") концепцию собственного имени, например Дж.Серля [см.: Katz 1977:69-70; обзор проблемы см.также: Mates 1975: 196-200]. В собственно лингвистическом плане анализ различных способов употребления термина "значение" в сфере ономастики дает основания для вывода о целесообразности замены его термином "содержание собственного имени" [см.: Зинин 1988].

версуме даже единичное предстает так, как если бы оно было общим, ему приписывается понятийно-виртуальная форма бытия (собственное имя как языковая величина относится к некоей абстракции единичного): такова концептуализирующая тенденция языка" [Атаян 1987: 54] (ср. также довольно распространенный подход к собственным именам как обозначениям классов, состоящих из одного элемента). Целесообразно оговорить, однако, что "абстракция единичности", соотносимая с собственным именем как элементом языковой системы, принципиально (см. изложенную выше аргументацию) не является последовательной, достаточно объемной (по входящим в неё параметрам) и - в чем состоит основное - не характеризует собственно "единичность", индивидуальность объекта.

Значение собственных имен, определяемое подобным образом, обнаруживает определенное сходство со значением дектических элементов языка, местоимений в широком смысле. С точки зрения системно-языковой семантики местоимения не являются пустыми, лишенными каких-либо узуальных, внеречевых смыслов словами. Они могут, например, содержать дифференциальные признаки определенности/неопределенности, лица, рода, числа и т.п. В семантике местоимений реализуются и еще более общие противопоставления, например, оппозиция субъективное/объективное [см., например: Штелинг 1983; Селиверстова 1988]. При этом, однако, все эти смысловые элементы служат одной цели - определению типа объектов, которые местоимение может обозначать через их отношение к тем или иным элементам контекста или реального речевого акта (конситуации). Местоимение прямо не называет общий тип (типы) предметов, отраженный в его значении, но лишь указывает на него, отсылает к нему. (По определению О.Н.Селиверстовой, для местоименного значения "характерно деление на два основных слоя: а) задается способ представления актанта ситуации, б) вводится отсылочная информация-указание на "адрес" получения сведений, необходимых для характеризации актанта ситуации" [Селиверстова 1988: 3]). Важнейшим свойством местоимений, объединяющим почти все их многочисленные разновидности, оказывается свойство референции (конечно, не "самодостаточной"). Многие дектические слова способны также служить средством идентификации объектов (хотя обычно эта идентификация осуществляется в пределах сравнительно небольших временны́х отрезков).

Идея о наличии общих свойств у местоимений и собственных имен, пока не ставшая тривиальной, все же не является абсолютно новой ни для лингвистики, ни для логики. Более или менее развер-

нутые замечания о сходстве собственных имен и дектических выражений представлены в работах ряда исследователей (Б.Бозанке, Г.-Н.Кастаньеда, А.Нурен, Э.Бойссенс, П.Кристоферсон, К.Тогебю) [см., например: Суперанская 1973: 65-66; 69-70; 74; 77; 81-82]. (В общем виде возможность такого сопоставления обусловлена тем, что местоимения естественного языка выполняют роль, сходную с ролью логических переменных - сингулярных термов [ср.: Ледников 1973: 27-29]). У ряда авторов суждения о близости местоимений и собственных имен тесно связаны с хорошо разработанными концепциями языковой природы собственных имен и особенностей их функционирования (в частности, референции). Б.Бозанке, например, предлагал рассматривать собственные имена как особого рода указательные местоимения, которые имеют одну и ту же референцию для всех, кто в различных ситуациях употребляет такие слова. Одновременно Бозанке отмечал, что единичные имена, не обладая общим значением, выражают непрерывное тождество, а это, в свою очередь, обусловлено наличием у признаков и отношений данного объекта исторической непрерывности [см.: Bosanquet 1895: 64-65; 91-92]. Оправданность сопоставления единичных имен и дектических единиц языка постулируется и в современных теориях собственного имени. Так, С.Шварц, развивающий трактовку собственных имен как "жестких десигнаторов", указывает, что для местоимений, демонстративов и собственных имен "концептуальный" подход, в котором слово представляется через совокупность дескрипций, является по меньшей мере неудобным [см.: Schwarz 1979: ХУI-ХУП]. По Дж.Катцу, собственные имена подобны местоимениям не только в том, что в системе языка они являются семантически пустыми (впрочем, такая точка зрения на семантику местоимений достаточно уязвима [ср.: Селиверстова 1988: 3]), но и в том, что они могут приобретать значение, производное (derivative) от контекста (предложения) [см.: Katz 1977: 59; кроме того: Katz 1979: 118-119].

Отметим, что необходимость трактовки собственных имен как своего рода дектических выражений может быть выведена из такой представительной логико-лингвистической концепции, как теория "жестких десигнаторов" (развиваемая в работах С.Крипке, Х.Патнэма, К.Доннелана, С.Шварца, Б.Холл Парти, Р.Даути, ряда других логиков и философов).

Роль исходного, первообразного противопоставления в конструируемой этими исследователями системе языковых единиц выполняет оппозиция жестких и нежестких десигнаторов. По определению, жест-

кий десигнатор представляет собой языковое выражение, способное обозначать (и почти всегда обозначающее) один и тот же обьект в каждом возможном мире, нежесткий, или случайный, десигнатор - выражение, не обладающее такой способностью. Из того, что 'a' и 'b' - жесткие десигнаторы, следует, что если суждение тождества 'a = b' является истинным, оно является также необходимо истинным. Если же 'a' и 'b' - нежесткие десигнаторы, подобное следование отсутствует [см.: Kripke 1980: 3; 48].

В теории жесткого десигнатора предполагается, что закрепление имени за предметом почти всегда происходит по случайным свойствам обьекта, не образующим какой-либо системы дескрипций, или просто через указание на обьект. Функционирование имени в разных ситуациях и у разных носителей языка без нарушения единства референции возможно благодаря непрерывности причинной (каузуальной) цепи, идущей от первого употребления имени (от ситуации "крещения объекта") к последующим употреблениям [см.: Kripke 1972] (в другой терминологии употребление собственного имени основывается на отношении "исторического обьяснения" [см.: Donnellan 1974]). Предполагается, что использование имени не требует знания существенных и/или идентифицирующих свойств обозначаемого им обьекта, знания подавляющего большинства свойств объекта вообще.

В качестве естественно-языковых "жестких десигнаторов" в теории Крипке рассматриваются собственные имена и имена естественных классов, "нежестких десигнаторов" - имена номинальных классов. Анализу имен, не являющихся "жесткими" обозначениями, уделяется, впрочем, немного внимания: работы Крипке и большинства его последователей базируются (по крайней мере имплицитно) на трактовке "жесткости", "адескриптивности" обозначения как наиболее типичной для имени характеристики. (По Крипке, "знак любого языка, не являющийся жестким десигнатором, настолько не похож на имя обычного языка, что его нельзя назвать "именем" [Kripke 1980: 5]. Только немногим менее радикальна позиция Патнэма [см.: Putnam 1975в: 242]). Как полагает Дж.Катц, в рассматриваемой теории референции (он определяет ее в качестве "каузальной") собственные имена приобретают "парадигматическую" нагруженность и служат моделью для трактовки общих имен [см.: Katz 1977: 3]. Впрочем, один из основных типов общих имен - имена естественных классов - концепция Крипке характеризует с достаточной степенью адекватности, отражая (хотя и косвенно) тот факт, что семантика данных

имен не может быть сведена к системе отдельных дифференциальных признаков, "дескрипций" [подробнее см.: Руденко 1987а].

Говоря об приложении идеи "жесткого десигнатора" к именам, в том числе собственным, естественного языка, надо иметь в виду, что Крипке, определяя жесткие десигнаторы как имена одного и того же объекта во всех возможных мирах, не вводит в их анализ понятие "контекста употребления" (без которого дектические выражения не могут быть адекватно описаны [ср., например, позицию Р.Монтегю: Монтегю 1985]). "Жесткие" обозначения в их каноническом понимании обычно рассматриваются вне зависимости от эпистемологических, в том числе "контекстуальных", факторов. Основным понятием, характеризующим данные имена, является понятие (материального) тождества обьекта самому себе, тождества, сохраняющегося в любом возможном мире [см.: Руденко 1987а: 24]. Если исходить из понимания модальностей как чисто гносеологических сущностей, концепция Крипке - точнее, ее исходная версия, отраженная в лекциях начала семидесятых годов, - является отчасти амодальной (хотя, конечно, не антимодальной). Как отмечает В.В.Целищев, Крипке придает модальностям "метафизический" (онтологический) статус и лишает их эпистемологической интерпретации [см.: Целищев 1977: 122] (ср., например, тезис Крипке о том, что случайные свойства объектов могут быть априорно известными).

Понятие "жесткого десигнатора" само по себе прямо не соответствует специфике даже собственных имен естественного языка. Хотя основной для собственных имен является функция референции и они лишены сколько-нибудь развитого обобщающего значения, употребление данных языковых единиц необходимо предполагает (как и употребление любых других слов) соотнесение их с некоторыми психическими (шире - гносеологическими) сущностями, представленными в сознании носителей языка (говорящего и слушателя). Собственные имена можно сравнивать с "метками" (что сопоставимо с пониманием их как жестких десигнаторов), но всё же они физически ("жестко" или хотя бы "нежестко") не прикрепляются к объектам и приобретают референцию только благодаря участию в процессе именования мыслящих существ - носителей языка. Нет оснований полагать, что при использовании собственных имен мы "отключаем" свое сознание. Как пишет (имея в виду гораздо более широкую закономерность) Е.С.Кубрякова, в любом случае "акт номинации представляет собой речемыслительный акт, в протекании которого не может быть выключено промежуточное звено: когнитивное, отражательное,

концептуально-логическое или образное, но деятельностное, т.е. свидетельствующее о включенности подлежащего наречению объекта (или совокупности объектов) в деятельность и жизнь человека" [Кубрякова 1986: 37]; ср. также мысль о необходимости "переформулировки теории референции в терминах теории действий": [Петров В.В. 1986: 82].

Вместе с тем лингвиста в большей мере интересуют не многообразные, теоретически неисчерпаемые психологические вариации, с которыми сопряжено употребление языковых единиц, а общие, системные свойства лингвистических категорий, так или иначе определяющие специфику их использования в речи. Концепция Крипке объективно (хотя, возможно, не вполне осознанно) ориентирована именно на обнаружение внеречевых свойств имени. При экстраполяции [см.: Руденко 1987а] теории Крипке на материал естественного языка гносеологическая бедность жестких десигнаторов находит соответствие в смысловой бедности собственных имен, рассматриваемых в их узуально-языковом аспекте: для данных лексем характерна семантическая связанность не с языком в узком (соссюровском) смысле (la langue), а главным образом с речью (la parole). Иными словами, сколько-нибудь полная реализация смысловых потенций собственного имени вне речи, контекста обычно невозможна. (Это разумеется, не значит, что собственные имена относятся исключительно к la parole, как полагает, например, Г.-Н. Кастаньеда [см.: Castañeda 1979: 133]).

Отметим, что в работах конца семидесятых годов Крипке вводит и подробно разрабатывает "речевое" по своей направленности понятие "референции говорящего", которая определяется как специфическое, соотносимое с конкретными обстоятельствами (on a given occasion)) намерение (интенция) говорящего осуществить референцию к некоторому объекту. "Семантическая референция" трактуется как общая интенция говорящего к осуществлению референции, не зависящая от обстоятельств употребления десигнатора [см.: Kripke 1979: 15]. Возможно, было бы проще описать это различие с помощью лапидарной формулировки К.Доннелана - " People refer and expressions refer " [см.:Donnellan 1979: 32], но это не совсем то, что имеет в виду Крипке. Последний включает указание на говорящего даже в понятие "семантической референции", как бы компенсируя проявляющееся в его более ранних работах невнимание к этому аспекту языка. Такой подход создает возможность обнаружения взаимосвязей семантической референции и референции говорящего,

трактовки их взаимодействия и даже совпадения как вполне закономерных для языка явлений. Характерно, например, что, по Крипке, дектические элементы языка служат средством сближения двух типов референции: "Если десигнатор... содержит индексикалы, демонстративы и т.п., мы должны говорить о семантическом референте, связанном с обстоятельствами употребления. Референт будет определяться конвенциями языка во взаимодействии с намерениями говорящего и различными контекстуальными факторами" [Kripke 1979: 14]. Позиция "позднего" Крипке имеет черты сходства с развитой Р.Монтегю трактовкой значений как функций от возможного мира и контекста употребления, служащих целям актуальной интерпретации выражений ("значения" у Монтегю противопоставляются "смыслам" как интенсиональным сущностям) [см.: Монтегю 1985: 112-113]; детальный анализ точки зрения Монтегю см.: [Степанов 1985а: 253-254].

§ 3. СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА И ПОНЯТИЕ "КОНТЕКСТА"

Рассматривая собственные имена как особые дектические (эгоцентрические) слова, нельзя упускать из вида существование значительных различий между собственными именами и собственно дектическими выражениями. Местоимение получает в речи конкретное семантическое наполнение через контекст употребления данного местоимения или ситуацию, в которой оно употреблено, конситуацию. Контекст в большинстве случаев ограничивается несколькими предложениями (часто и одним), а конситуация - непосредственными условиями использования слова. Сближая с местоимениями собственные имена, мы тем самым предполагаем, что и для них контекст играет особо важную роль. (Заметим, что контекст является одним из центральных понятий "прагматической", шире - "когнитивной" парадигмы изучения языка вообще: "Принципиальную роль в становлении когнитивной парадигмы языка сыграло все более четкое понимание необходимости систематического учета контекстуальных, в том числе экстралингвистических, факторов использования языка" [Петров В.В. 1988: 41]; о "контекстуальном" направлении прагматических исследований см. также: [Почепцов 1989: 1-2]). Однако этот контекст качественно отличен от контекста, в котором функционируют местоименные единицы языка. Он в большей мере формируется не обстоятельствами употребления слова или его лексическим окружением (хотя и этот аспект контекста собственных имен дос-

таточно важен для их функционирования, ср., например, мнение Дж.Катца о "релятивности" значения собственных имен по отношению к предложению, в котором они функционируют, его "производном" от предложения характере [см.: Katz 1977: 63-64; 57-58; Katz 1979: 118-119; ср. также: Колмакова 1988: 14-15][1]), а обстоятельствами (в той или иной мере осознаваемыми носителями языка) существования объекта, который называет имя. (Интересна в этой связи точка зрения, по которой собственные имена, сравнительно с другими местоименными выражениями, соотносятся с наименее специфицированными условиями референции [см.: Thrane 1980: 216]; ср. также общую постановку вопроса о различной степени зависимости индексальных единиц языка от широко понимаемого контекста [см.: Белова 1989]).

Среди имеющихся в лингвистике понимаий контекста контексу местоимений в большей степени соответствует понятие "узкого", "лингвистического" контекста, а контексту собственных имен - понятие контекста "широкого", "исторического", "социального", "социально-культурного". Характерно, что почти все исследователи ономастики указывают на гораздо бóльшую, чем у существительных других типов, зависимость собственных имен (как диахроническую, так и синхроническую) от экстралингвистических факторов. Исследование единичных имен с помощью понятия "широкого контекста" позволяет сблизить логико-лингвистический и социолингвистический ("имя как социальный знак" [см.: Никонов 1974]) подходы к собственному имени, которые пока имеют относительно немного общих черт. [Например, при трактовке собственных имен в рамках дектической парадигмы "философии языка" многочисленные почти во всех реальных языковых сообществах случаи совпадения имен у разных объектов должны пониматься не как проявление "логической непоследовательности" языка, а

[1] Даже в "каузальной" теории референции не отрицается значимость "непосредственного контекста" собственных имен. По К.Доннелану, например, "контекст употребления имени может однозначно указывать на то, что говорящий устанавливает референцию к лицу, с которым мы оба знакомы. Однако теория исторического объяснения не отрицает такой возможности и не обеспокоена ее существованием. Она утверждает лишь то, что конечным (final) критерием референции является некоторая историческая связь"[Donnellan 1974: 17-18]. Заметим, что введение в анализ "жестких десигнаторов" понятия контекста позволяет сблизить соответствующую концепцию референции с "неоклассической" теорией референции Дж.Катца (в трактовке собственных имен исходящей из идеи Милля о их "неконнотативном" характере) [см.: Katz 1977; Katz 1979]. Возможность такого сближения может быть выведена, например, из положения о множественности "каузальных" факторов,их зависимости от субъекта,воспринимающего объект ,обозначенный собственным именем [см.:Donnellan 1974: 19].

как явление так же естественное, как использование одного местоимения для обозначения различных объектов в различных ситуациях. Контекст большинства собственных имен формирует знание об объектах, которые не обладают всеобщей или хотя бы достаточно широкой известностью. Это является определенной гарантией непересечения контекстов одинаковых по форме имен. Если же пересечение все же происходит, различение референтов осуществляется через отдельные элементы данных контекстов, т.е. через то знание, которое носитель языка может использовать для разграничения объектов, определения хотя бы некоторых их индивидуализирующих черт (но, разумеется, не их "индивидуальности" в целом).

Описание собственных имен через "широкий контекст" может быть сближено и с логической трактовкой данных имен как жестких десигнаторов: контекст, не ограниченный непосредственными обстоятельствами употребления слова, отражает различные аспекты существования объекта, выражаясь с долей метафоричности - различные "возможные миры", в которых представлен объект (в этой связи ср. у Я.Хинтикки понятие "индивидуирующей функции", которая трактуется как средство распознавания индивидов в различных, часто сходных, однако не во всех возможных мирах (подробнее см.: [Целищев 1975]). Положение о жесткой десигнации собственных имен находит соответствие в "жесткой", длительной или вечной закрепленности имен за их носителями. Конечно, исключений здесь достаточно много ("детские", "девичьи", "артистические", "семинарские", "монашеские", "шпионские" и т.п. имена, перемена имен по эстетическим соображениям). Однако все же тенденция к соотнесению с взрослым человеком, социальный статус которого не подвергается резкому изменению и имя которого не вызывает интенсивных отрицательных коннотаций, одного и того же имени на всем протяжении его существования является вполне реальной (хотя в разных этнических общностях она проявляется с разной степенью отчетливости) [см., например: Grodziński 1973: 147-151; Успенский 1971].

Широкая трактовка контекста единичных имен может порождать опасность сведения его к бесконечности, потенциально неограниченному числу признаков объекта. Для того, чтобы обосновать лингвистическую значимость контекста, который определяет семантическое наполнение собственных имен, необходимо вводить указание на релятивность этого контекста по отношению к говорящему (а отчасти - и по отношению к тому, кто воспринимает сообщение с соб-

ственным именем). Как отмечает Ю.С. Степанов, "собственное имя индивида является прямым обозначением этого индивида и косвенным обозначением другого индивида - "Я", который обозначает первого" [Степанов 1985а: 234]; см. также сравнение собственных имен с местоимениями 3-го лица [Thrane 1980: 214]. Формально это проявляется в варьировании формы собственного имени в зависимости от позиции и статуса говорящего в ситуации общения[1]. (Излишне говорить, что указание на говорящего, реже - и на адресата предполагается также семантикой местоимений). То, какое содержание соотносит носитель языка с собственным именем, зависит от характера и обьема имеющихся у него знаний об обозначаемом обьекте, значимости объекта для говорящего или слушателя, условий, в которых произошло знакомство с обьектом, обстоятельств и продолжительности этого знакомства, содержания предложения или, шире, текста, в котором употреблено имя, просто от актуального психологического состояния носителя языка (ср. в этой связи о "динамичности" значения собственных имен [см.: Grodziński 1973: 80-81]).

Концепцию жесткого десигнатора в принципе можно совместить с трактовкой собственного имени через понятие коммуникативного намерения (интенции) говорящего [см.: McKinsey 1978; ср. также: Колмакова 1988: 20-21] или даже через понятие дескрипций, которые говорящий соотносит с именем. Однако это допустимо лишь в том случае, если учитывать особый характер подобных "дескрипций", обеспечивающих именование, но не обеспечивающих логически безупречное выделение именуемого обьекта из универсума и достаточно полное установление его индивидуальности, постоянно варьирующих, в значительной мере зависящих от познавательных установок и возможностей конкретного носителя языка. В современной логике с развиваемым пониманием собственных имен можно сопоставить пред-

---

[1] Сходным образом возникшее в обществе движение за восстановление исторически первичных имен населенных пунктов может рассматриваться как стремление "вернуть" имени его имманентную "жесткость" частично разрушенную под влиянием привходящих социальных обстоятельств. Заметим, что через варьирование формы собственных имен, по-видимому, вводится информация, сходная с "отсылочным" содержанием местоимений (указание на "адрес" получения сведений, необходимых для характеризации актанта ситуации [см.: Селиверстова 1988: 31]). Так, употребление уменьшительной формы имени указывает на то, что используемые для идентификации его денотата параметры скорее всего будут носить "обыденный" (семейный, домашний, "дружеский") характер, а использование полной трехэлементной формулы именования предполагает "официальный" ("рабочий") характер параметров идентификации.

ложение интерпретировать такие имена как скрытые эпистемические дескрипции, включающие много - однозначные отношения типа "знать как", одним из элементов которых является носитель языка, употребляющий собственное имя. "При такой интерпретации твердой десигнации эта теория, во-первых, оказывается не столь радикально отличной от стандартных теорий именования, поскольку имя по-прежнему трактуется как особого рода скрытая дескрипция, и, во-вторых, хорошо согласуется со стандартной теорией определений, согласно которой конкретный обьект может быть охарактеризован лишь со ссылкой на другой конкретный обьект. Более того, теория именования оказывается тогда разделом теории познания, так как наиболее очевидными примерами много-однозначных отношений являются эпистемические конструкции "знать как", "воспринимать как" [Карпович 1977: 133]; развитие последовательно эпистемологической трактовки дескрипций, соотносимых с собственными именами, см. также:[Schiffer 1979]. (В общем виде целесообразность такого подхода мотивирована тем, что процесс распознавания у человека "обычно осложнен рядом дополнительных логических операций (не все из которых нам известны), а также сложных эмоциональных реакций, ассоциаций, фантастических представлений"[Баландин 1988: 118]. Наиболее очевидно гносеологическая "несводимость" опознаваемого объекта к "набору характерных параметров" [см.: Там же: 114-115], очевидно, проявляется в сфере обыденного, "естественно-языкового" мышления). Если рассматривать "дескрипции" описанным образом, оказывается, что "признаковый" подход отчасти приложим и к местоимениям. Близко к такой их трактовке, например, развиваемое О.Н.Селиверстовой понимание местоимений как слов, задающих определенный "уровень характеризации" актантов ситуации.

Описание собственных имен с помощью понятия широкого контекста не исключает и возможности вхождения в смысловое наполнение таких слов дескрипций, отражающих существенные признаки объекта, идентифицирующих дескрипций в традиционном понимании (подобную возможность отмечал даже С.Крипке [см.: Kripke 1972:301]). Едва ли не идеальный случай идентифицирующих дескрипций, которые могут осознаваться в качестве значения собственного имени, порождают употребления единичных имен в кроссвордах. Формулировки типа "древнегреческий философ, автор "Метафизики", "административный центр Крымской области", "президент США в период второй мировой войны" фиксируют вполне существенные для объектов признаки и в то же время достаточно лаконичны для того, что-

бы обладать способностью функционировать в семантике естественного языка.

Заметим, однако, что возможность соотнесения с "традиционными" дескрипциями реализуется главным образом в случае имен хорошо (даже универсально) известных объектов. (Характерно, что именно такие имена обычно используются сторонниками классической теории референции для обоснования "дескрипционистского" подхода к собственным именам [ср.:Katz 1979: 105]). Впрочем, даже имена типа Аристотель, Эйнштейн, Сахаров в обыденном общении, очевидно, не соотносятся с системой дескрипций, которая бы достаточно однозначно характеризовала индивидуальность, "уникальность" их денотатов. (Такая соотнесенность, по-видимому, может хотя бы относительно последовательно реализоваться лишь в энциклопедическом описании денотата собственного имени. Ср.: "Отображая существенные отличительные признаки, указывающие на свойства единичных объектов, дефиниции отражают понятия, являющиеся единичными, но неразрывно связанные с общими. Охватывая не всю сумму знаний об определяемом объекте, а только минимум наиболее общих характерных признаков, эти понятия предстают одновременно как формальные (в терминологии С.Д.Кацнельсона)" [Епурь 1988: 13]. При этом состав таких "характерных признаков" варьирует "в зависимости от категориальной принадлежности называемого именем собственным объекта, его индивидуальных особенностей и типа словаря" [Там же]).

Дж.Катц, правда, использует для описания смыслового наполнения собственных имен понятие "стереотипа"(оно заимствовано у Х.Патнэма). Стереотип, по определению, обладает "энциклопедической" направленностью и представляет собой пучок (cluster) свойств, соотносимых с объектом. (Так, стереотип Черчилля может быть эксплицирован через дескрипции "Черчилль был наиболее выдающимся государственным деятелем Великобритании в XX в.", "Черчилль был премьер-министром во время второй мировой войны", "Черчилль ненавидел нацизм", "Черчилль любил сигары" и т.д. [см.:Katz 1979: 121]). При этом, однако, стереотип традиционно рассматривается как принадлежность (результат) обыденного, не научного познания: соответствующее понятие первоначально было введено для описания функционирования имен естественных классов в естественном языке (прежде всего в речи носителей языка, не обладающих научным знанием о тех или иных объектах) и определялось как условная, часто неточная идея, содержащая минимально необходимый для употребления имени естественного рода объем

знаний об обьектах того или иного класса [см.: Putnam 1975a: 148-150; Putnam 1975в: 247-252]; лингвогносеологический анализ данного концепта см.: [Руденко 1987а: 28-29]. Именно в таком духе трактует "стереотипы" и Дж.Катц, а это значит, что им нельзя приписывать способность к логически последовательной индивидуализации объекта. (Характерно, что, по Катцу, "стереотипы" одного и того же объекта у разных носителей языка могут существенно различаться по обьему входящей в них информации и ее характеру, зависят от познавательных возможностей и установок говорящих [см. Katz 1977: 64-65]).

То, что собственные имена обычно соотносятся с дескрипциями "эпистемического" типа, обусловлено тесной связью данных имен с речью, контекстом (прежде всего "широким"), отсутствием у них развитого узуального значения. Таким образом, определение номинативной способности собственных имен не может быть чисто лингвистическим. В семантику единичного имени входит прагматически ориентированное значение (отчасти даже "пресуппозиция") единичности, но в ней отсутствует значение тождества (тождественности именуемого объекта самому себе). Допустив противоположную возможность, мы будем вынуждены трактовать случаи отнесения собственных имен не к тем обьектам, к которым они - в стандартном употреблении - прилагаются в данном социуме, как нарушения лингвистических правил или хотя бы лингвистических "пресуппозиций". Подобный подход, однако, явно противоречил бы языковой интуиции. Собственные имена служат одним из средств идентификации предметов, однако собственно лингвистические предпосылки этой их способности состоят прежде всего в тяготении данных имен к обозначению единичных (по отношению к ситуации употребления имени) объектов. Характерно, что общепознавательный, концептуальный (а не чисто логический или лингвистический) характер процедуры отождествления, с которой связаны единичные термы, отмечается и в модальной логике [см., напр.: Хинтикка 1980: 89].

Заметим, что собственные имена естественного языка соотносятся главным образом с тем типом отождествления, которое осуществляется в не ветвящемся потоке времени, элементы которого находятся в отношении временной последовательности. Темпоральная логика, однако, вполне допускает и существование ветвящегося времени, трактуемого как временной поток, каждая ветвь которого представляет собой возможное развитие событий [см.: Ишмура-

тов 1981: 28-32]. Понимание возможных миров как альтернативных направлений событий, противопоставляемых последовательному течению времени, допущение ветвления и слияния индивидов широко представлены и в модально-логической семантике возможных миров. Временной поток в модальной логике трактуется со значительной долей идеализации, что отчасти обусловливает и идеализированную трактовку жесткого десигнатора, распространение единства его референции на все без исключения возможные миры. Здесь, видимо, и возникают расхождения между логическими "жесткими десигнаторами" и естественно-языковыми "собственными именами". (Тем не менее, в целом анализ понятия "жесткой десигнации" подтверждает правильность наблюдения Ю.С.Степанова, по которому "в области философских проблем языка постепенно снова возвращаются к уже поставленным вопросам, прежде всего к семантике, причем даже к семантике имени" [Степанов 1985а: 255]).

Здесь мы не станем детально останавливаться на вопросе о психологической реальности предложенной трактовки собственных имен. Особых возможностей для этого у нас и нет - психолингвистическое исследование собственного имени пока в широких масштабах не осуществлялось. Важно подчеркнуть, однако, что некоторые общие психологические особенности ряда типов опознания (отождествления), причем даже опознания в рамках класса[1], обнаруживают определенное сходство с лингвистическими особенностями собственных имен, как они трактуются выше. Опознание может осуществляться не с помощью набора существенных (концептуальных, релевантных, в психологических терминах) признаков, а через целостный, единый признак объекта. Как отмечает М.С.Шехтер, в ряде случаев отличительные признаки "представляют собой не группы опознавательных свойств, а целостные, т.е. неразлагаемые на несколько опознавательных свойств, единицы" [Шехтер 1967: 82; см. также: Подольский 1978: 31-32; 75-76; 81-82]. Данные признаки, выполняя функцию отличения объекта от других, не являются "концептуальными", логически необходимо присущими идентифицируемым объектам, часто непостоянны.

[1] Проблема отождествления единичных объектов, так называемого "вопризнания" не находится в центре внимания современной психологии [см.: Шехтер 1981: 5-6]. (Возможно, это связано с тем, что "чаще приходится распознавать не единичные объекты, а классы" [Баландин 1988: 41]). Поэтому мы обращаемся к данным о категориальном опознании.

Опознание по релевантным свойствам в психологии расценивается как гносеологически затруднительное и маловероятное для ряда случаев отождествления [см.: Шехтер 1981: 158-160]. Однако если даже опознание в рамках (общего) класса может осуществляться без помощи "существенных свойств", то тем менее вероятно участие таких признаков в отождествлении единичных объектов (ср., например: "наименее формализуемо единичное, индивидуальное в отличие от типового, общего" [Баландин 1988: 56]; при этом в качестве основного средства "формализации" распознавания рассматривается представление объекта в виде системы признаков). По всей видимости, в обыденном, не теоретическом познании индивидуализация (хотя и не являющаяся логически безупречной) осуществляется прежде всего через непостоянные и не образующие системы взаимосвязанных параметров опознавательные свойства.

Реализованному в данной работе при анализе собственных имен ходу рассуждений может быть поставлена в соответствие трактовка понятия индивидуальности, развиваемая рядом философов. Уже упоминалась, в частности, точка зрения Ю.Хабермаса, по которой описание индивидуальности, "haecceitas " через общие идеи не позволяет "выделить индивидуальное как уникальное" [Хабермас 1989: 36; ср., например: Вартофский 1988: 284] [1]. Выход из такого положения дел Хабермас видит в придании понятию индивидуальности "перформативной", прагматической трактовки: "Перформативно используемое понятие индивидуальности... полностью отделено от его дескриптивного употребления. Требование индивидуальности, предъявляемое первым лицом vis-à-vis ко второму, обретает смысл, отличающийся от единичности" [Хабермас 1989: 37]. (Заметим, что не все исследователи, критикующие дескрипционистский (в широком смысле) подход к индивидуальному, решаются на радикальную "трансформацию" проблемы в сферу "эгоцентрической" парадигмы. Уже отмечалось, например, что П.Стросон, обосновывая несводимость единичного к "дескрипциям", приходит к выводу о неотделимости идентификации от акта указания на объект. "Единичное", таким образом,

---

[1] Зачатки интересующего нас подхода к "индивидуальности" можно, как кажется, обнаружить уже в философии Плотина. Отмечается, в частности, "непоследовательность в трактовке проблемы индивидуации, проявленная Плотином, который при обсуждении вопроса о том, соответствует ли множеству эмпирических Я множество отдельных умопостигаемых архетипов, иногда признавал "идеи индивидов", а иногда - нет" [Гарнцев 1987: 62].

получает прежде всего чисто денотативную трактовку, а это дает основания для вывода о том, что теория Стросона "содержит пережитки традиционной концепции указания как прямого соотнесения имени и объекта" [Дегутис 1984: 137])[1]. Предполагается, что смысл понятия "индивидуальность" может быть объяснен лишь "через обращение к концепции самости субъекта, субъекта, который презентирует и в конечном счете оправдывает себя vis-à-vis к другим сторонам в качестве несомненной и незаменимой личности. Эта концепция самости, какой бы расплывчатой она ни была, обосновывает самоидентичность человека... Только та личность, которая знает, что̀ она есть и чем желает быть – vis-à-vis к себе самой и другим, – может обладать понятием индивидуальности, указывающим выход за пределы просто единичности. Эта концепция самости личности, порождающая идентичность, не имеет дескриптивного смысла" [Хабермас 1989: 38]. При таком подходе в сферу анализа необходимо включается "коммуникативный" аспект индивидуальности, лингвистически эксплицирующийся, в частности, в употреблении местоимений, прежде всего местоимения _я_: "Перформативный смысл "я" представляет собой интерпретацию Ego говорящего также и в отношении его собственной незаменяемой позиции в сплетении социальных отношений" [Там же: 39]. "Предпосылки и автономии, и индивидуальности сохраняют строго интерсубъективное значение в коммуникативном действии" [Там же: 40]. Из сказанного выше достаточно очевидно, в чем (хотя, конечно, не во всем) изложенные идеи смыкаются с развиваемой трактовкой собственных имен.

Сочетание "адескриптивной" трактовки собственных имен с их "эгоцентрическим", шире – "личностным" пониманием характерно и для лингвофилософской концепции П.А.Флоренского. По Флоренскому, с "отрицанием именной типологии, конечно, очень бы пришлось считаться, если бы высказывающие его вообще-то признавали что-либо конкретное общее: тип, первоявление, идею, форму – как угодно называть его. Но ведь это они раздробили всякую форму на кирпичики; это они расстригли Слово Божие на строчки и слова, язык растолкли в звуки, организм измельчили до молекул, душу разложи-

---

1 Противоположную крайность в "онтологическом" обосновании несводимости индивидуального к общим свойствам формирует, как кажется, позиция Спинозы, использующего в своей аргументации предельно широкое понятие субстанции: "Каждое верное представление о единичной вещи напоминает нам о ее основе – бесконечной субстанции" [Вартофский 1988: 291].

ли в пучок ассоциаций и поток психических состояний, Бога объявили системою категорий[I], великих людей оценили как комочки, собравшиеся из пыли веков, - вообще все решительно распустили на элементы, которые распустились в свой черед, приводя бывшую действительность к иллюзии формы и ничтожеству содержания. Было бы даже удивительно услышать от этого нигилизма, отвергшего в корне самое понятие типа, что-либо, кроме отрицания, и в отношении типов столь высокого порядка, каковому причастны имена" [Флоренский 1988: 175]. (Заметим, что в "рационалистическом" подходе индивид, если он и включается в иерархию родов и видов бытия, рассматривается как "наинизший вид" [см.: Степанов 1981: 71-72]).

Рассматривая (собственные) имена в качестве (проявлений) одного из высших типов иерархии жизни, Флоренский отмечает, что "именно высота его, то есть степень обобщенности и сгущающая сила имен, делает эти типы личностного бытия трудно доступными, трудно объяснимыми, трудно усвояемыми в практическом мышлении" [Флоренский 1988: 176]. Так или иначе, однако, "исторический опыт должен показать, признает ли народ, признает ли самый язык имена пустыми кличками, условно присоединенными к их носителям и потому ничего не дающими познанию носителя, или же полагает найти в имени формулу личности, ключ к складу и строению личного облика, некоторое universale, весьма конкретное, весьма близкое к этости, haecceitas человека, хотя с этостью и нетождественное" [Там же: 173].

Таким образом, переход в анализе собственных имен естественного языка от чисто именной парадигмы "философии языка" к дектической ("прагматической") парадигме дает возможность более адекватно описать их семантику, в том числе ее функционально-коммуникативный аспект. Собственные имена, понимаемые как особые дектические единицы, разумеется, не перестают считаться (и являться) именами. (Характерно, что в класс собственных имен входят только существительные или по крайней мере субстантивирован-

I Отметим, в этой связи, традиционность "адескриптивного" понимания истинного имени Бога (оно часто обозначается условной тетраграммой JHWH, ЯХВЕ) в схоластике: предполагается, что в таком имени "в единой простоте без составления свернуто все сущее" [см.: Руденко 1987а: 23].

ные слова). Однако все же их целесообразно рассматривать как не вполне типичные имена, обладающие многими свойствами другой универсально-семантической категории, категории эгоцентрических слов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В тезисном виде воспроизведем ход рассуждений, реализованный в настоящей работе.

Имя (существительное) в наибольшей мере, сравнительно с другими универсальными языковыми классами (предикаты, эгоцентрические слова), ориентировано на выражение количественных, прежде всего числовых значений. При этом (скорее даже поэтому) формальные средства выражения данных значений и их смысловые параметры обычно унифицированы, несколько менее разнообразны и вариативны, чем, например, в области предикатов. Исследование семантики количества в сфере имени, следовательно, должно быть направлено прежде всего на анализ того, почему имя предоставляет наиболее широкие возможности для выражения числовых смыслов, какова специфика существительных, лишенных способности последовательно передавать такие значения, в связи с этим - имена какого типа можно считать наиболее типичными именами.

Категория количества в ее языковом преломлении обладает достаточной отражательной и системной (внутриязыковой) значимостью для того, чтобы стимулировать решение различных проблем именной семантики, в том числе их металингвистических аспектов. Это обусловлено прежде всего тем, что и семантическая природа имени, и гносеологическая природа одного из двух основных типов количества - числа (в конечном счете,впрочем, и величины) базируются на выделении некоторых дискретных единиц в континууме действительности. (Развернутое обоснование "имманентной" ориентированности имени на выражение числовых смыслов может быть получено, в частности, через рассмотрение "предметности" как категориального значения имени существительного). Анализ отношения имени к семантике количества (числа) допустимо определять как процедуру выявления собственно языковых оснований трактовки существительных различных типов в тех или иных парадигмах "философии языка". Семантика количества является тем параметром имени, который охватывает (по крайней мере затрагивает) все его основные семантические типы, более того - прежде всего и является основанием для их выделения.

Имена, свободно выражающие числовые значения, наиболее полно воплощают в себе универсально-семантические признаки класса имен. Это общие, или конкретные, имена. Действительно,если именная парадигма "философии языка" является семантической парадиг-

мой, то типичное имя должно обладать достаточно развитым, обобщенным значением, в общей тенденции четко отграничивающим соотносимый с ним класс обьектов от других классов. (В свою очередь, данный класс должен выделяться, причем и в системе языка, и в речи, как относительно самостоятельный, прямо не зависящий от иных классов, отраженных в языке). Классы (в том числе те, признаки которых подвергаются обобщению и отражаются в семантике слова) онтологически всегда, хотя и в различной степени, дискретны, состоят из отдельных элементов. В случае же общих имен эта объективная дискретность непосредственно фиксируется в языке (что и делает возможным свободное исчисление таких существительных).

Приведенные аргументы в пользу центрального положения общих (исчисляемых) имен в системе имени носят логико-лингвистический характер. Возможно, однако, и собственно лингвистическое обоснование данного положения. Так, в языках с развитой морфологической категорией числа только общие имена могут обладать полным набором ее показателей, т.е. употребляться как в единственном, так и во множественном числе и, следовательно, выражать основные, собственно количественные значения категории. (При этом категория числа обычно рассматривается как основной компонент категории предметности, "существительности"). Отметим также, что в изолирующих языках, почти лишенных морфологических показателей числа, дискретность, исчисляемость объектов все же получают последовательное языковое (хотя и не синтетическое, внутрисловное) выражение - с помощью классификаторов, отдельных слов со значением дискретности. Более того, во многих языках (прежде всего тех, в которых в сферу грамматической категории числа не входит значение недискретности, в частности агглютинативных) класс конкретных имен существенно расширяется "за счет" многих из таких существительных, которые в языках с развитой категорией числа, типа русского, относятся к неисчисляемым (ср., например, возможность свободной исчисляемости "вещественных" имен).

Важно отметить, что представление денотатов узуально общих имен в качестве недискретных, неисчисляемых не носит собственно денотативного, "онтологического" характера и порождает вторичные, "гносеологические" (в частности, предикатно-оценочные и прагматические) смыслы. К явлениям такого типа относится, например, родовое (и шире - обобщенное) единственное число. В случаях типа <u>Человек стремится к счастью</u>; <u>Женщина всегда прекрасна</u> выража-

ется оценка "важно" ("и это важно"), которая приписывается некоторому свойству класса, обычно эксплицируемому в контексте. Сходными смысловыми характеристиками обладают собирательные имена, трактуемые как оценочная категория. В языках с развитой категорией числа лингвистически особый класс собирательных имен (противопоставляемых конкретным, исчисляемым именам с лексическим значением совокупности) формируют обозначения (дискретных) множеств, представленных ("намеренно" представленных) в качестве недискретных. Собирательные существительные относятся к разряду singularia tantum и выражают оценку трех типов - "важно" (студенчество, офицерство и т.п.), "плохо" (офицерьё, вороньё) и "много" (листва).

Класс имен содержит неисчисляемые существительные (в языках типа русского они определяются как singularia tantum), сочетаемость которых с показателями количества существенно ограничена. Это уже названные собирательные, вещественные (которые, впрочем, во многих языках могут достаточно свободно подвергаться исчислению) и, прежде всего, абстрактные имена. Собственно абстрактные существительные, т.е. обозначения свойств, отношений, ряда действий, формируют наиболее устойчивый (по отношению к различным языкам) тип неисчисляемых имен. Данные имена не являются типичными, "чистыми" именами и, представляя собой полные номинализации, обладают более или менее отчетливо выраженными предикатными чертами, например, способностью формировать свернутую пропозицию. Так как абстрактное существительное ориентировано (хотя и не облигаторно) на функционирование в качестве центрального элемента номинализованной предикатной структуры, его собственно денотативные характеристики - в частности, число обозначаемых сущностей - становятся несущественными. Исчисление свойств (точнее, проявлений свойств) и действий является достаточно сложным познавательным процессом, и семантическая специфика абстрактных существительных не имплицирует необходимости преодоления этих сложностей (в значительной мере она сама порождена ими). Отметим, что предикатные свойства абстрактных имен наиболее отчетливо проявляются в языках, обладающих развитой (в частности, содержащей значение недискретности) категорией числа. Класс абстрактных имен в системе подобных языков достаточно жестко противопоставлен классу конкретных существительных (к такому выводу позволяет прийти анализ явления "конкретизации" отвлеченных имен).

Поскольку собирательные имена, а также "родовое единственное число", обладают оценочной семантикой, постольку они также приобретают некоторые предикатные (хотя, разумеется, проявляющиеся менее отчетливо, чем в случае абстрактных имен, не носящие жестко-пропозитивного характера; иными словами, собирательные имена называют актанты некоторого предиката, но не гарантируют однозначности определения самого́ предиката), а также прагматические черты. (Заметим, впрочем, что собственно абстрактные имена также могут рассматриваться в рамках - точнее, в сфере - прагматической, "текстовой" парадигмы "философии языка").Направленность имени на обозначение неисчисляемых объектов, таким образом, порождает у него некоторые "не-именные" черты.

Особую проблему составляют собственные имена. Их связь с количественными значениями носит явно иной характер, чем у имен, рассматриваемых выше, в частности, не может быть полностью описана в рамках оппозиции дискретности/недискретности. Тем не менее отношение к семантике числа допустимо рассматривать как исходный пункт анализа собственных - "единичных" - имен.

Собственные имена ориентированы (хотя и не вполне жестко) на обозначение единичных объектов - единичных в рамках ситуации общения. Такая ориентация является одним из наиболее существенных (или даже наиболее существенным) факторов, определяющих смысловую специфику данных имен. "Единичный" объект, рассматриваемый только как единичный, "sui generis", не включается (по крайней мере прямо) в класс однотипных объектов, и, следовательно, его признаки не могут целенаправленно подвергаться обобщению. Правда, в науке возможно познание "единичного" объекта - через предварительное выделение своего рода схемы,которая определяла бы параметры и направления, по которым должно идти рассмотрение (исследование) единичного. Однако такая процедура имеет достаточно сложный, системный и формализованный характер и не может осуществляться в сфере обыденного, "естественно -языкового" мышления. Направленность собственных имен на обозначение "единичных объектов" (другими словами - отдельных объектов, прямо не соотносимых с более широким классом), таким образом, в значительной мере определяет отсутствие у них развитого узуального и обобщающего значения ("значения" в обычном смысле) и, следовательно, некоторых именных свойств. В смысловом плане собственные имена оказываются достаточно близки к эгоцентрическим

словам, "местоимениям", в их широком понимании. Данные имена, как и местоимения, семантически ориентированы главным образом не на язык в узком смысле (la langue), а на речь (la parole). Основной для собственных имен является функция референции к объекту, а не его характеризации. Важную роль в их функционировании играет контекст, причем не столько "узкий", чисто языковой, сколько "широкий" - экстралингвистический, социально-культурный. (Он формируется прежде всего не обстоятельствами употребления имени или его лексическим окружением, а обстоятельствами - в той или иной мере осознаваемыми носителями языка - существования объекта, который называет имя).

Таким образом, имена, лишенные свободной исчисляемости (в узусе и даже в контексте) или хотя бы жесткой ориентации на выражение числовых значений в полном объеме (собственные имена), не являются вполне типичными, "чистыми" именами, обладают теми или иными признаками других универсально-семантических категорий - "предикатов" (абстрактные имена в узком смысле и собирательные имена, имена в "родовом единственном числе" и даже множественном числе с "признаковыми" значениями) или "эгоцентрических слов" (собственные имена и, в меньшей степени, названные предикатно-оценочные категории и явления). Исключение составляют прежде всего вещественные имена, которые, в ряде языков часто не обладая свойством исчисляемости, в то же время передают собственно именные, денотативные значения, в частности отражают малую пространственную дискретность именуемых объектов (которая и определяет сложность их исчисления). Характерно, однако, что вещественные имена, рассматриваемые в универсальном плане, представляют собой слабое звено неисчисляемых имен, во многих языках могут свободно подвергаться исчислению.

Как видно, изучение именной семантики в соотнесении с семантикой количества дает возможность уточнить трактовку смысловых особенностей имен различных типов, более четко охарактеризовать структурацию имени как универсально-семантической (семиологической) категории. В свою очередь, на таком пути исследования обнаруживаются объективно-языковые основания, "предпосылки" рассмотрения имен ряда типов в других (точнее, также в других) парадигмах "философии языка". В историко-научном плане такие предпосылки, впрочем, реализуются с разной степенью необходимости и эксплицитности. Так, для абстрактных и собственных имен "не-именная"

(в частности, "предикатная" и "эгоцентрическая") трактовка является достаточно распространенной (ср. соответственно теорию трансформационной грамматики, некоторые современные концепции референции). В случае "родового единственного числа" она сводится главным образом к отдельным, не образующим системы наблюдениям (ср., например, замечания о связи всеобщих и условных предложений), а в случае собирательных имен традиция "предикатно-оценочного" подхода к ним вообще почти не развита. (Как можно предположить, фактором, способствующим соотнесенности с именами того или иного типа достаточно длительной логико-семантической и логико-философской традиции является именно "логический", неоценочный характер их семантики).

Так или иначе, однако, оправданно сделать вывод, что содержательность исследования проблемы «имя в парадигмах"философии языка"» зависит от того, насколько успешно между логико-философскими и лингвистическими подходами к проблеме имени складываются отношения концептуальной взаимодополнительности, т.е. насколько успешно в логических и философских построениях анализируются общие лингвогносеологические характеристики имени, а в лингвистике - языковые "воплощения" данной категории [ср. постановку вопроса: Коршунова, Пружинин 1989: 16]. Заметим, что содержательное движение в сфере нашей проблемы возможно в обоих направлениях [ср.: Там же: 11]. В частности, достаточно глубокий анализ естественно-языковой специфики имен может в той или иной мере модифицировать их логическую трактовку (ср., например, появление "прагматических" элементов в некоторых концепциях собственного имени, даже "жесткого десигнатора").

Настоящая работа написана в русле "семиологической грамматики", в связи с чем одной из основных ее задач является выведение семантических универсалий. Рассмотренные факты показывают, что наиболее очевидные "именные" универсалии представлены в сфере "чистых" имен, не характеризующихся (или в слабой степени характеризующихся) признаками других универсально-смысловых категорий (исключение в этом смысле составляют собственные имена). Так, "общие", исчисляемые имена представлены во всех (типологически очень существенно отличающихся друг от друга) языках, подвергнутых анализу в данной работе. С другой стороны, решение вопроса о категориальной реальности "абстрактных имен" для некоторых языков является достаточно сложным. Так, в изолирующих язы-

ках лексема ("слово-основа"), способная выполнять синтаксическую функцию как имени, так и глагола (прилагательного) и употребленная без классификатора, вполне может трактоваться не как "абстрактное имя", а как "глагол" или "прилагательное", т.е. просто как предикат. (Соответственно и способность "свертывать", "компрессировать" пропозицию развита у таких единиц в меньшей мере, чем в языках типа русского). Тем более не обладают языковой универсальностью собирательные имена и "родовое единственное число", трактуемые как оценочные семантические явления: базируясь на "намеренном" (воспринимаемом как неадекватное) преуменьшении значимости элементов множества, они могут функционировать только в языках с "эллиптическим" типом множественности, в которых множество воспринимается как некая совокупность, состоящая, однако, из разнородных элементов и хорошо развито грамматическое противопоставление значений дискретности и недискретности.

Что до собственных имен, то они, не являясь вполне типичными именами, представляют собой семантическую универсалию [ср.: Суперанская 1972], даже более явную, чем в случае общих имен. Это связано с тем, что собственные имена, обладая некоторыми признаками "эгоцентрических" единиц языка, характеризуются отчетливой экстралингвистической направленностью (ср. дефиницию, по которой ономастические универсалии "базируются на способности человека отбирать и закреплять в собственных именах типовые экстралингвистические явления" [Там же: 347]), в несколько меньшей мере зависят от грамматической формы, "техники", чем имена других типов, менее специфицированы формально.

Возвращаясь к общим именам, отметим,что они,являясь, по всей видимости, универсальной семантической категорией,все же обладают наиболее отчетливой формальной спецификой, наиболее последовательно (в языковом узусе) противопоставлены абстрактным именам в языках,имеющих развитую морфологическую категорию числа.Отмеченный во Введении выбор русского языка в качестве представителя человеческого языка вообще, как видно, оказывается достаточно удачным, особенно если учесть логико-семантическую направленность данной работы. (Ср. в этой связи суждение Гегеля о значимости того, что в некотором языке (имеется в виду, в частности, немецкий) "определения мысли выражены в виде существительных и глаголов и таким образом отчеканены так, что получают предметную форму" [Гегель 1970: 82]). В более общем плане интересно, что языки

номинативного строя (т.е. главным образом индоевропейские) трактуются некоторыми авторами как наиболее благодарный материал для выведения ряда логико-философских и логико-семантических закономерностей: "Философия в качестве языка рассматривала язык объектных высказываний. А так как он имеет устойчивые грамматические структуры, то грамматика номинативного строя языка и стала выполнять функцию рационального анализа мышления" [Матяш 1988:150-151]. (Разумеется, это не значит, что категории, описанные в соотнесении с фактами номинативных языков, необходимо лишены свойства универсальности; ср., например, обоснование трактовки категорий Аристотеля как универсальных предикатов [см.: Степанов 1981: 132-134]). Более того, допустимо предположить, что номинативные языки позволяют четко выявить закономерности именно именной, денотативно ("онтологически") ориентированной семантики, ср.: "Так как этот [номинативный - Д.Р.] язык специфицирован для выражения субъект- объектной оппозиции и объектное высказывание составляет главный момент в его структуре, то историко-философская интерпретация логических категорий, вычлененных из языка,имела онтологический крен" [Матяш 1988: 151][1].

Избранный способ анализа имен, таким образом, позволяет получить системное представление об имени как одном из основных универсально-семантических классов естественного языка, охарактеризовать его взаимосвязи с другими смысловыми категориями. При этом в сферу исследования необходимо включаются различные (хотя, конечно, не все: "философия имени" имеет наиболее длительную и "объемную" научную традицию) концепции имени, выработанные в "философии языка" - как в ее "именной" парадигме, так и в парадигмах иного типа. (Среди теорий, которые не рассматривались в данной работе, но могут быть достаточно легко соотнесены с развиваемым в ней пониманием имени, представляет интерес, например, концепция "именного начала языка". По М.К. Петрову, в частности,

---

[1] Характерно, что трактовка некоторых закономерностей номинативных языков имеет черты сходства с трактовкой специфики именной семантики (например, ориентации имени на жесткую дискретизацию универсума), ср.: "Грамматические категории номинативного языка не приспособлены для передачи континуального содержания "семантических" единиц" [Там же: 149](под последними имеются в виду "семантизированные единицы" предметно-практической деятельности); "Формирование номинативного языка как средства выражения предметного содержания шло одновременно с усиливающейся дискретизацией континуальности, с процессом явленности ее в форме оппозиции Я - не Я"[Там же: 145].

"имеет смысл... говорить об "именном" начале языка. Фрагментировать непосильные для индивида действия вроде охоты на крупных животных (обязательный компонент технологического арсенала первобытных обществ) в возможные для индивидов частные и сопряженные операции можно лишь при условии фиксированного различения индивидов в группе и группы как целого. А это и есть имя-адрес" [Петров М.К. 1973: 65]. Из более частных идей, не упоминавшихся выше, но вполне соотносимых с направленностью настоящего исследования, назовем выдвинутую П.Стросоном трактовку общих имен как "сортальных" (sortal), "видовых" предикатов, которые "несмотря на то, что они предоставляют принципы группировки и даже счета единичных объектов, предоставляют такие принципы лишь для объектов, уже различенных или различимых в соответствии с каким-то предварительным принципом или методом"[Strawson 1961: 170 ; детальный анализ см.: Дегутис 1984: 155-157].

В целом осуществленный в настоящей книге анализ дает основания для вывода о том, что содержательное обсуждение перспектив лингвофилософского (в том числе методологического) исследования становится возможным "только в процессе постоянного соотнесения двух уровней анализа: общекатегориального и частного, замкнутого на конкретный материал из области методологии науки и специальных исследований" [Коршунова, Пружинин 1989: 5].

Категория имени при таком подходе оказывается своего рода фокусом, вобравшим в себя и преломившим в себе существенные черты ряда других категорий и явлений естественного языка.

ADDENDUM

(К рефлексии над некоторыми базисными понятиями исследования)

Говоря откровенно, цель данного дополнения состоит прежде всего в уточнении того, что было недостаточно хорошо изложено в основном тексте. Автору остается лишь попытаться (впрочем, без особой надежды на успех) "переложить" часть вины за это на "изначальную" нечеткость некоторых понятий, используемых в исследовании.

Первым и основным из понятий такого рода является понятие "парадигмы". Сколь расширительное толкование ни приписывалось бы этому концепту, все же сама идея обнаружения объективно-языковых предпосылок рассмотрения имен в различных парадигмах "философии языка" в определенной степени противоречит антикумулятивному "духу" понятия парадигмы у Т.Куна, его "научно-революционной" ауре. (По Куну,"развитие науки идет не путем плавного наращивания новых знаний на старые, а через периодическую коренную трансформацию и смену ведущих представлений, то есть через периодически происходящие научные революции" [Микулинский, Маркова 1975: 269-270]). Однако обнаружение "не-именных" свойств имен того или иного типа вряд ли целесообразно рассматривать в качестве симптома хотя бы небольшой революции в лингвистике, выражаясь неметафорически - в качестве открытия принципиально нового факта. Многие категории естественного языка (в том числе - категории имени) как бы "сразу" даны исследователю в их целостности, пусть относительной, и его задача, следовательно, далеко не всегда состоит в обнаружении "принципиально новых" языковых классов, по крайней мере если иметь в виду хорошо изученные языки, тем более те, которые рассматриваются в качестве представителей , "воплощений" общеязыковых закономерностей.

По удачной формулировке Ю.С.Степанова, "язык как бы незаметно направляет теоретическую мысль (философов, размышляющих о языке) ... поочередно по одной из своих осей - сначала семантики, затем синтактики и, наконец, прагматики [Степанов 1985а: 5] - и, значит, во всяком случае в ряде ситуаций, развитие лингвофилософских парадигм детерминируется не столько обнаружением принципиально новых реальностей, тем более - категорий,

сколько выявлением возможностей новых интерпретаций в принципе уже известных фактов. (Заметим, впрочем, что более или менее эксплицитные указания на допустимость "новых" интерпретаций почти всегда могут быть обнаружены в существующей традиции; ср., напр., возможность рассматривать трактовку Платоном "идей - вещей" как своего рода функций, "предикатов" в качестве прообраза современного подхода к абстрактным именам [см.: Руденко 1989а: 108-109], существование зачатков "прагматического" - "местоименного" - понимания собственных имен в сфере "философии имени" и т.п.).

Характерно, что замеченная Т.Куном закономерность, по которой предпосылку научной революции составляет то, что "существующая парадигма перестала адекватно функционировать при исследовании того аспекта природы, к которому сама эта парадигма раньше проложила путь" [Кун 1975: 123], в слабой степени применима к процессу смены парадигм "философии языка". Понятия из сферы "именной" парадигмы в любом случае остаются базисными для описания семантики имени и, более того, те общеязыковые закономерности, которые были выработаны через анализ имени, также не всегда подвергаются полной дискриминации в "не-именных" парадигмах (ср., напр., допущение возможности изучения относительно изолированного слова и/или слова в его денотативном аспекте представителями "прагматической" парадигмы [см.: Руденко 1989а; 1989г]).

Вообще говоря, "философия языка", как и лингвистика, дает больше оснований, по сравнению с естественными науками, для критического отношения к понятию "парадигма" (ср., напр., остроумное замечание У.Лабова, по которому "конструирование парадигм [применительно к лингвистике] представляет собой любимое занятие тех, кто предпочитает обсуждать границы знания вместо того, чтобы расширять его" [Цит. по: Emons 1988: 113; более подробное изложение подобной точки зрения см.: Wąsik 1987: 37-39]). Причины смены парадигм в изучении языка, действительно, совсем не всегда могут быть сформулированы в "онтологических" терминах, в частности, соотнесены с какими-либо открытиями (открытиями неизвестных ранее фактов), которые были бы "либо причинами изменений в парадигме, либо содействовали этим изменениям" [Кун 1975: 93]. Особенно явно постулируемое положение дел проявляется в случае "философии языка", которая, уже потому, что хотя бы в некотором смысле является философией, имеет очевидно интерпретативный характер.

В то же время полный отказ от понятия "парадигмы" в лингвистике (шире - в сфере лингвогносеологических исследований) интуитивно кажется неприемлемым, и это утверждение мотивируется не только тем, что книга, базирующаяся на данном понятии, уже написана. Во-первых, понимание парадигмы как модели, образца решения исследовательских задач (по Куну, парадигмы "являются источником методов, проблемных ситуаций и стандартов решений, принятых неким развитым научным сообществом в данное время" [Кун 1975: 136]) вполне может быть соотнесено со спецификой парадигм "философии языка", особенно в их собственно лингвистической части. Все разновидности "философии языка" (связанные с теми или иными широкими языковыми категориями) обладают набором достаточно специфических исследовательских процедур, задающих определенные способы решения возникающих в сфере парадигмы задач. Так, в "философии имени" большинство операционных дефиниций эксплицитно или имплицитно базируются на предпосылке, по которой имя необходимо рассматривать прежде всего в денотативном аспекте и/или в относительной изоляции от его речевого окружения. Во-вторых, к лингвофилософскому" положению дел вполне применимо понятие "аномалии" (в соответствии между парадигмой и объектом изучения), существенное для концепции Куна. Определенная "агрессивность" прагматической парадигмы по отношению к именной (впрочем, трактуемой с некоторым упрощением) в общем виде обусловлена тем, что последовательное введение в сферу анализа прагматических и шире - когнитивных факторов не вполне согласуется со "словоцентристской" ориентацией ряда лингвистических концепций. (Как кажется, здесь мы имеем дело с тем случаем приобретения аномалией "кризисопорождающей" роли, когда аномалия подвергает сомнению "эксплицитные и фундаментальные обобщения парадигмы [Кун 1975: 112]).

Наконец, у Куна, несмотря на то, что он абстрагируется от рассмотрения ряда собственно гносеологических сторон проблемы возникновения нового знания [см.: Микулинский, Маркова 1975: 280-281], можно найти указание на интерпретативный (даже субъективно-интерпретативный) аспект парадигмы: "Индивидуум открывает (или приходит к выводу, что он открыл) новый способ упорядочивания данных, которые теперь все оказываются объединенными" [Кун 1975: 121]. "Интерпретативное" понимание парадигмы представляет особую ценность для "философии языка", концепции которой часто ориентирова-

ны на описание тех языковых классов, которые уже подвергались исследованию в парадигмах иного типа. (Так, собственные имена, занимающие одно из центральных мест в "философии имени", являются одним из основных объектов анализа и в современных направлениях "философии эгоцентрических слов"). Заметим, что определение парадигмы как "гносеологической рамки", используемое в качестве исходного (см. Введение), также обладает "интерпретативной" природой.

При некоторой условности термина "философия" в понятии "философия языка" [ср.: Степанов 1985а: 4] исследование специфики лингвологической ("философско-языковой") интерпретации категорий естественного языка, как кажется, подтверждает правильность позиции П. Фейерабенда, считающего, что фундаментально новое в науку привносят те, кому удается сочетать нормальное исследование с экстраординарным, обязательно содержащим в себе философский компонент. Результатом становится критика того, что прочно утвердилось в науке и может быть подвергнуто сомнению и опровержению только с помощью философской аргументации [см.: Фейерабенд 1986; Микулинский, Маркова 1975].

Специфика парадигм лингвофилософского изучения языка в значительной мере определяет особенности построения данной работы (недостатки композиции исследования, конечно, лежат на совести автора). Основное здесь состоит в том, что постановка проблемы «имя в "не-именной" парадигме "философии языка"» не означает ни того, что те типы имен, которые обладают предикатными или "эгоцентрическими" признаками, были впервые открыты в данных парадигмах, ни даже того, что "не-именные" черты имен впервые обнаружили представители "не-именных" парадигм. Допустимо, однако, говорить о том, что вполне адекватное описание имен определенных подклассов может быть получено лишь через использование как "собственно именных" понятий и методов анализа, так и понятий (методов анализа), выработанных в сфере "философии предиката" или "философии эгоцентрических слов". (Конечно, надо иметь в виду, что соответствующие понятия и методы в историческом плане могли вырабатываться при изучении не только "чистых" предикатов или эгоцентрических слов, но и имен некоторых разновидностей).

Формулировка темы исследования, таким образом, исключает возможность реализации его лишь через анализ последовательно сменяющих друг друга и достаточно жестко обособленных лингвистичес-

ких концепций.[1] Значительную роль в данной работе играют отдельные не всегда эксплицитно включенные в более широкую концептуальную систему наблюдения логиков, философов и лингвистов. Более того, в ряде случаев ценные идеи, относящиеся к тому или иному типу имени, формулировались мыслителями, принадлежащими к парадигмам, в которых базисными являются понятия, не вполне типичные и/или пригодные для анализа именно данной разновидности имени. Так, У.Куайн, которого можно рассматривать как представителя парадигмы "философии предиката" и в значительной степени - "прагматической" парадигмы [ср.: Степанов 1985а: 21-22; 230-231], дал достаточно развернутое и последовательное описание имен (общих и "имен массы"), характеризующихся по собственно денотативным параметрам, т.е. имен в собственном смысле (ср. в этой связи точку зрения, по которой термин "парадигма", по крайней мере "микропарадигма", целесообразно использовать не по отношению к комплексам взглядов или убеждений данного индивидуума или данной общественной группы, а только по отношению к их объективным, исчерпывающим, непротиворечивым и проверяемым на практике суждениям" [Wąsik 1987: 39-40]).

Значительный, хотя и "косвенный", интерес для анализа семантики имени представляют идеи некоторых философов, не входящих в сферу не только "философии имени", но и "философии языка" вообще (ср., напр., использование гегелевской трактовки конкретного/абстрактного в лингвофилософском исследовании конкретных/абстрактных имен). Наиболее часто подобную "катализирующую" роль в нашем исследовании играют диалектико-материалистические идеи и понятия, использующиеся для рассмотрения всех парадигм (в том числе вынесения суждений об их неполноте) [ср.:Степанов 1985а: 5-6].

---

[1] Интересно, в этой связи, что само понятие "концепции" в некоторых отношениях шире понятия "теории" (хотя иногда они трактуются как относительно синонимичные). В частности, "концепцию" оправданно рассматривать как структуру знания, которая "не идентифицируется с его логическими свойствами, включает ряд других предикатов, в том числе социокультурного и аксиологического характера" [Рыжко 1989: 2]. Содержательно "концепция" представляет также личностную позицию субъекта познания, его понимание и в этом смысле может определяться как поливариантное, диалоговое знание [см.: Там же: 2; 5]. (Характерно, что описание научных идей с опорой на понятие "концепции" рассматривается как способ отхода от монопарадигмального представления научного познания - при том, что "развитие концепций - не разрыв человеческого опыта, а выражение гетерогенной целостности научного знания" [Там же: 6]).

Наконец, при анализе некоторых имен обнаруживается почти полное отсутствие традиции рассмотрения их в "не-именных" парадигмах - несмотря на то, что объективно-языковые особенности соответствующей языковой категории допускают такую возможность. Так, в обосновании возможности (скорее даже целесообразности) трактовки собирательных имен с использованием понятий из сферы "философии предиката" собственные рассуждения автора играют более значительную роль, чем, например, в обосновании аналогичного подхода к абстрактным именам. (Эти рассуждения, по-видимому, носят внепарадигматический характер, поскольку ориентированы, с той или иной долей успеха, на "многоаспектное" описание семантики соответствующего типа имен).

В целом рассмотренный материал позволяет применить к философии языка", в ее семиологическом понимании, выводы, полученные при метанаучном анализе "философии логики" (представляющей собой попытку систематизации комплекса логико-философских проблем, т.е. проблем, в формулировку которых входит указание на конкретные объекты логического исследования, но которые вместе с тем имеют философский статус[I]). В частности, "выделение философии логики не означает превращение ее в раздел или часть диалектического материализма. Скорее это нечто вроде "временной исследовательской группы" проблем, систематизируемых для эффективного применения философских принципов к конкретным вопросам логических исследований... Такое понимание философии логики показывает, что ее целостность является относительной. Другими словами, она открыта как для новых логических данных, так и для новых философских принципов" [Брюшинкин 1988: 4-5]. Можно предположить, в свою очередь, что относительная целостность "философии языка" в значительной мере обусловлена относительностью, возможно даже некоторой условностью целостности ее парадигм.

Отмечается, что источником системной трактовки логико-философских проблем является (I) выделение в данной группе логико-философских проблем некоторой центральной проблемы (по философским соображениям), (2) рассмотрение механизма, порождающего остальные логико-философские проблемы, (3) выявление тех логических, т.е. конкретно-научных, понятий, которые играют главную роль в решении этих проблем. "Таким образом, получается некоторая

I В предыдущем изложении мы часто имплицитно относили "логическое" и "философское" к сходным уровням абстракции - от чего в данном случае можно отвлечься.

"двойная" систематизация: сначала субординация проблем по их философской значимости, затем систематизация их решений на основе базисных логических понятий" [Брюшинкин 1988: 9]. В нашем исследовании центральной лингвофилософской проблемой является вопрос о допустимости рассмотрения имен некоторых типов в сфере "не-именных" парадигм "философии языка" или по крайней мере их описания с опорой на понятия, относящиеся к таким парадигмам. На этой основе создается возможность дать комплексное описание ряда "философско-языковых" проблем, соотносимых с категорией имени. В качестве же собственно лингвистических понятий, занимающих центральное место в исследовании намеченных вопросов, оправданно рассматривать понятия о значениях, отражающих различное отношение имен к числу, - в частности, значениях дискретности/недискретности. (Проблема связей семантики имени с семантикой числа, возникающая в первых строках работы, таким образом, объективно является - несмотря на ее собственно лингвистическую природу - важным средством систематизации содержания данного исследования).

Особый интерес в плане взаимодействия философского и конкретно-научного уровней анализа представляют те случаи, когда в работах одного автора встречаются рассуждения, относящиеся к обоим уровням. Так, П.А.Флоренский, анализируя принадлежащее Г.Кантору понятие континуума, отмечал: "Оказалось, что continuum столь таинственный и неуловимый до тех пор , подводится под общее понятие группы (объединенного множества); только при весьма специальных определениях группа будет непрерывной, образует continuum ; вообще же говоря, она лишена свойства непрерывности, она - прерывна [Флоренский 1986: 162]. И далее: "А отсюда прямо следует, что если мы строим общее мировоззрение, исходя из понятий, то мы не имеем никаких оснований останавливаться на непрерывности как на основном признаке бытия, всюду предвзято предполагать пресловутый lex continuitatis, а наоборот, должны считать бытие прерывным, равно как и функциональные соотношения явлений" [Флоренский 1986: 163].

Характерно, что значимость "идеи прерывности" Флоренский распространяет и на другую сферу конкретно-научных исследований - языковых. В частности, по Флоренскому, "термин первично есть хранитель границы культуры: он дает жизни расчлененность и строение, устанавливает незыблемость основных сочленений жизни и, не допуская всеобщего смешения, тем самым, стесняя жизнь, ее освобождает к дальнейшему творчеству" [Флоренский 1989б: 109] .

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955-1983. Т. 20.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1958-1965. Т. 29.

Абашина В.Н., Вакарюк Л.А. Контекст как условие проявления процессного значения неотглагольными именами существительными // Вестн. Львов. ун-та. Сер. филол. 1988. Вып. 19.

Аббасов А.Ф. Соотношение категорий и принципов системно-целостной проблематики. Баку, 1984.

Абдильдин Ж. Проблема начала в теоретическом познании. Алма-Ата, 1967.

Авалиани С.Ш. Природа знания и ценности. Тбилиси, 1989.

Адамец П. О семантико-синтаксических функциях девербативных и деадъективных существительных // НДВШ. Филол. науки. 1973. № 4.

Адэишвили Ш.Г. Логика, диалектика и реальное мышление. Тбилиси, 1984.

Аксаков К.С. Опыт русской грамматики // Аксаков К.С. Полн. собр. соч. М., 1880. Т. Ш. Соч. филол. Ч. П.

Андреева О.П. Явление внутреннего гипостазиса в классе имен существительных в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. К., 1989.

Антипенко Л.Г. Проблема физической реальности. М., 1973.

Антипенко Л.Г. Проблема неполноты теории и ее гносеологическое значение. М., 1986.

Аринин Е.И. Субстратный, функциональный и системно-субстанциональный принципы познания сущности явлений: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1989.

Аристотель. Категории // Аристотель. Соч. В 4 т. М., 1978. Т.2.

Арнхейм Р. Визуальное мышление. [Гл. 1, 2, 3, 7]. Пер. с англ. //Зрительные образы: феноменология и эксперимент. Душанбе, 1973. Ч. П.

Артановский С.Н. Об абсолютной ценности личности // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 6. 1988. Вып. 3.

Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980. (а).

Арутюнова Н.Д. Сокровенная связка: (К проблеме предикативного отношения) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980. Т. 39, № 4. (б).

Арутюнова Н.Д. Тождество или подобие? // Проблемы структурной лингвистики: 1981. М., 1983.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
Асмолов А.Г. Психология индивидуальности. М., 1986.
Атаян Э.Р. Язык и внеязыковая действительность. Ереван, 1987.
Ахундов М.Д., Абдуллаев Р.Р. Относительность к системам абстрагирования и дополнительность // Принцип дополнительности и материалистическая диалектика. М., 1976.
Ахунзянов Э.М. Контрастивная грамматика: морфология русского и тюркских языков. Казань, 1987.
Баландин Р.К. Распознавание в природе и природа распознавания. Минск, 1988.
Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с фр. М., 1955.
Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 3-е изд. М., 1972.
Белова Н.В. Индексальные выражения языка и типы их зависимости от контекста // Логико-философские исследования. М., 1989. Вып. 1.
Бессонов А.В. Предметная область в логической семантике. Новосибирск, 1985.
Бессонов А.В. Теория объектов в логике. Новосибирск, 1987.
Богомолов А.С. Проблема абстрактного и конкретного: от Канта к Гегелю // Вопр. философии. 1982. № 7.
Бодалев А.Н. Формирование понятия о другом человеке как личности. Л., 1970.
Болотов В.И. Множественное число имени собственного и апеллятива // Имя нарицательное и собственное. М., 1978.
Бондаренко А.Ф. Семантика сложноподчиненного предложения. Кишинев, 1984.
Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. М., 1978.
Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л., 1984.
Борисов И.И. Субъектно-объектные отношения в материалистической философии. Воронеж, 1987.
Брожик В. Марксистская теория оценки. Пер. со словац. М.,1982.
Брусенская Л.А. Обобщенно-собирательное значение форм единственного числа конкретных существительных // Рус. яз. в нац. школе. 1986. № 10.
Брутян Г.А. Гипотеза Сепира - Уорфа. Ереван, 1968.
Брушлинский А.В. О категориях непрерывное и прерывное, качество и количество в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии. М., 1988.

Брюшинкин В.Н. Логика, мышление, информация. Л., 1988.
Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Механизмы квантификации в русском языке и семантика количественной оценки // Референция и проблемы текстообразования. М., 1988.
Бургин М.С. Именованные множества, общая теория свойств и логика: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. К., 1989.
Ван Ли. Части речи. Пер. с кит. // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Вып. XXII.
Ван Ляо-и. Основы китайской грамматики. Пер. с кит. М., 1954.
Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. Пер. с англ. М., 1988.
Васильев С.В. Возможные интерпретации и расширения "принципа лингвистической дополнительности" Г.А.Брутяна // Вопр. философии. Вып. 6-7. Ереван, 1988.
Вейль Г. О философии математики. Пер. с нем. М. ; Л., 1934.
Вендлер З. О слове good . Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. X.
Вендлер З. Сингулярные термы. Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII.
Вестерман Д. Множественное число и именные классы в некоторых африканских языках. Пер. с нем. //Африканское языкознание. М.,1963.
Виленкин Н.Я., Шрейдер Ю.А. Понятия математики и объекты науки // Вопр. философии. 1974. № 2.
Войшвилло Е.К. Понятие. М., 1967.
Вольперт Р.Х. Коннотативный уровень описания грамматики. Рига, 1979.
Вопенка П. Математика в альтернативной теории множеств. Пер. с англ. М., 1983.
Вопросы философии. Вып. 6-7: К шестидесятилетилетию академика АН АрмССР Г.А.Брутяна. Ереван, 1988.
Восканян А.В., Григорян Г.П. О принципе лингвистической дополнительности// Вопр. философии. Вып. 6-7. Ереван, 1988.
Габинский М.А. Очерки по основаниям грамматики. Кишинев, 1972.
Гарнцев М.А. Проблема самосознания в западноевропейской философии, М., 1987.
Гачев Г. Национальные образы мира. М., 1988.
Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М., 1970. Т. I.
Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. I. Наука логики.
Гипотеза в современной лингвистике/ Отв. ред. Ю.С.Степанов. М., 1980.

Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Избр. произведения. В 2 т. М., 1964. Т. 2. (а).
Гоббс Т. Человеческая природа // Гоббс Т. Избр. произведения. В 2 т. М., 1964. Т. I. (б).
Горобец В.Г. Условия и особенности формирования когнитивной отделимости свойств объектов у дошкольников: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1989.
Горский Д.П. Вопросы абстракции и образование понятий. М., 1961.
Горский Д.П. Обобщение и познание. М., 1985.
Гуренко Н.А. Средства выражения категории расчлененности/нерасчлененности значения существительных различных семантических классов: на материале современного немецкого и английского языка : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1987.
Даниленко А.И. Категория имени - "номинализм" в языкознании? // Семантика в преподавании русского языка как иностранного. Х., 1989. Вып. 3. Ч. I. Общие вопросы. Лексикология. Семантика частей речи и других номинативных классов.
Дегтярев В.И. Категория числа в славянских языках: историко-семантическое исследование. Ростов н/Д, 1982.
Дегутис А. Язык, мышление и действительность: Очерк теории значения в аналитической философии. Вильнюс, 1984.
Демина Л.А. Референция и сингулярные термины // Референция и проблемы текстообразования. М., 1988.
Демьянков В.З. Общая теория интерпретации и её приложение к критическому анализу метаязыка американской лингвистики 1970-80-х гг.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1985.
Демьянков В.З. Специальные теории интерпретации в вычислительной лингвистике. М., 1988.
Демьянков В.З. Теория языка и динамика американской лингвистики на страницах журнала "Language" // Вопр. языкознания. 1989. № 4.
Джарвис Д. Некоторые трудности при употреблении числа существительных англоговорящими учащимися: Препринт / Конгресс МАПРЯЛ в Праге, август 1982 г.
Джаукян Г.Б. Универсальная лингвистическая модель и вопросы семантического анализа // Вопр. философии. Вып. 6-7. Ереван. 1988.
Диалектика и логика: Законы мышления / Под ред. Б.М.Кедрова. М., 1962.
Диалектика и современный стиль мышления / Отв. ред. Ф.В.Лазарев. Севастополь, 1983.
Дмитриев Н.К. Категория числа // Исследования по сравнительной

грамматике тюркских языков. М., 1956. Ч. П.

Доброхотов А.Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии. М., 1986.

Додонов Б.И. Эмоция как ценность. М., 1978.

Долинина И.Б. Количественная аспектуальность и характер актантов //Предложение и текст: семантика, прагматика и синтаксис. Л., 1988.

Донских О.А. Философский анализ проблемы происхождения языка: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. К., 1989.

Драгунов А.А. Исследования по грамматике современного китайского разговорного языка. М.; Л., 1952. I. Части речи.

Драгунов А.А. Грамматическая система современного китайского разговорного языка. Л., 1962.

Дудель С.П. Логика противоречия и противоречия логики. М., 1989.

Епурь В.Б. Дефиниции имен собственных в англоязычной лексикографии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1988.

Еселевич И.Э. Из истории категории собирательности в русском языке. Казань, 1979.

Есперсен О. Философия грамматики. Пер. с англ. М., 1958.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.

Жоль К.К. Мысль, слово, метафора: Проблемы семантики в философском освещении. К., 1984.

Жукова А.Н. Грамматика корякского языка: Фонетика, морфология. Л., 1972.

Зализняк А.А., Падучева Е.В. О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. 1974. Вып. 4.

Захарова Е.П. Род и число в разговорной речи: Значимость служебных морфем : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1984.

Зинин С.И. Многозначность термина "значение" при определении семантики собственных имен // Актуальные проблемы общей семантики и семантики русского языка. Ташкент, 1988. Ч. I.

Иванникова Е.А. К вопросу об аспекте изучения категории вида у отглагольных существительных в русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1972. Т. 31, вып. 2.

Иванов С.Н. Родословное древо тюрок Абу-л-Гази-хана: Грамматический очерк. Ташкент, 1969.

Иванчев Св. Към вопроса за членуването на генерично употребения

подлог // Език и литература. 1967. № 4.
Ивин А.А. Основания логики оценок. М., 1970.
Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в "Капитале" Маркса. М., 1960.
Иртеньева Н.Р. Родовой (обобщающий) артикль в английском языке// Проблемы языкознания и теории английского языка. М., 1976. Вып.I
Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава, 1954. Ч. I.
Ишмуратов А.Т. Логические теории временных контекстов: временная логика . К., 1981.
Ищенко Ю.А. Мировоззренческий аспект категории "предметность": Автореф. дис. ... канд. филос. наук. К., 1987.
Каган М.С. Дополнительность и интервальность // Диалектика и современный стиль мышления. Севастополь, 1983.
Казаков В.П. О сочетаемости имен действия с местоимениями // Функционирование языковых единиц в синхронии и диахронии. Л., 1987.
Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч. В 6 т. М., 1964. Т. 3.
Каринский М.А. Классификация выводов // Избр. тр. рус. логиков XIX в. М., 1956.
Карпович В.Н. Некоторые традиционные проблемы в концепции твердых десигнаторов // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1977. № I.
Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
Категории диалектики, их развитие и функции / Отв. ред. В.П.Иванов. К., 1980.
Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках/ Отв. ред. Т.М.Николаева. М., 1979.
Кацба И.Р. Формы множественного числа от имен собственных: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1989.
Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
Кварчелия Л.В.Проблема классификации имен существительных // Функционирование текста в речевой деятельности. М., 1989.
Кемеров В.Е. Понятие общего и логика индивидуального // Средства и факторы развития научного познания. Свердловск, 1986.
Кибрик А.Е. Рецензия // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. Т. 47, № 6. Рец. на кн.: Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.

Кислов Б.А. Проблема оценки в марксистско-ленинской философии: Вопросы теории и методологии : Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Свердловск, 1986.

Ковалевская Е.М., Шорина М.Н. Коэффициенты конкретности, образности и эмоциональности для 51 русского существительного // Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов. Калинин, 1984.

Козлова М.С. К исследованию диалектики познания // Проблемы диалектики. Л., 1972. Вып. I.

Колесников А.А. Семантическое обеспечение грамматических форм имен существительных русского языка. К., 1988.

Колмакова Н.Л. Семантические и коммуникативно-функциональные особенности собственных имен в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. К., 1988.

Кольцова М.Н. Обобщение как функция мозга. Л., 1967.

Комарова А.М. К вопросу о категориальной специфике семантики абстрактных существительных и словосочетаний с ними // Сочетаемость и речевая репрезентация языковых единиц. Новосибирск, 1983.

Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.

Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.

Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960.

Коротков Н.Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка: (Грамматическая природа слова). М., 1968.

Коршунова Л.С., Пружинин Б.И. Воображение и рациональность. М., 1989.

Котарбиньский Т. Избранные произведения. Пер. с польск. М., 1963.

Красильникова Е.В. Категории рода и числа имени существительного и актуализация именной группы в русской разговорной речи // Актуальные проблемы русской морфологии. М., 1988.

+ Крейдлин Г.Е., Рахилина Е.В. Денотативный статус отглагольных имен: I // НТИ. Сер. 2. 1981. № 12.

+ Кривченко Е.Л. Предложение как средство событийной номинации: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1987.

+ Кронгауз М.А. "Воплощенное" и "невоплощенное" имя собственное: некоторые аспекты описания // Экспериментальные методы в психолингвистике. М., 1987.

Крымский С.Б. Логико-гносеологический анализ универсальных кате-

горий // Логико-гносеологические исследования категориальной структуры мышления. К., 1980.
Куайн У. Слово и объект: [Гл. I, 5]. Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. ХУШ.
Кубрякова Е.С. Части речи в ономасиологическом освещении. М., 1978.
Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981.
Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.
Кудрявцева И.А. Из наблюдений над структурой именных словосочетаний с существительным на -ость в роли стержневого слова // Вопросы синтаксиса и лексики современного русского языка. М., 1973.
Кузнецов В.И. Проблема "универсалий" в физическом познании. К., 1987.
Кузнецов П.С. О принципах изучения грамматики. М., 1961.
Кузнецова Э.В. Глагол и имя: их противоположность и единство // Номинативные единицы языка и их функционирование. Кемерово,1987.
Кун Т. Структура научных революций. Пер. с англ. М., 1975.
Кураев В.И., Лазарев Ф.В. Точность, истина и рост знания. М., 1988.
Курилович Е. Очерки по лингвистике. Пер. с разн. яз. М., 1962.
Курьянова В.К. Валентные свойства имен существительных процессуальной семантики в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. К., 1982.
Кучевский В.Б. Анализ категории "материя". М., 1983.
Лебедева Л.Б. К проблеме общереферентных высказываний // Вопр. языкознания. 1986. № 2.
Левин Г.Д. Абстрактное и общее с логической точки зрения // НДВШ. Филос. науки. 1976. № 1.
Левин Г.Д. Проблема всеобщего в советской философской литературе //НДВШ. Филос. науки. 1985. № 3.
Левин Г.Д. Диалектико-материалистическая теория всеобщего. М., 1987.
Ледников Е.Е. Критический анализ номиналистических и платонистских тенденций в современной логике. К., 1973.
Лежебоков П.А. Диалектическое противоречие как закон познания. М., 1981.
Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы

предустановленной гармонии // Лейбниц Г.В. Соч. В 4 т. М.,1983. Т.2
Лейкина Б.М. Об одном методе описания семантических единиц: (множественные объекты смысловой структуры) // НТИ. Сер. 2. 1973. № 8.
Леонтьев А.А. Генезис семантической теории: античность и средневековье // Вопр. языкознания. 1988. № 1.
Ли Цзиньси, Лю Шижу. Ещё раз об изучении грамматики - разграничение частей речи и проблема существительных. Пер. с кит. // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Вып. XXII.
Лиепинь Э.К. Категориальные ориентации познания. Рига, 1986.
Литвинов В.П. Типологический метод в лингвистической семантике. Ростов н/Д, 1986.
Литвинов В.П., Недялков В.П. Диалог о лингвистической характерологии // Характерологические исследования по германским и романским языкам. Пятигорск, 1988.
Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Соч. В 3 т. М., 1985. Т. I.
Ломтев Т.П. Принципы выделения дифференциальных семантических элементов // Уч. зап. Пермск. ун-та. 1969. Вып. 192.
Ломтев Т.П. Квантитативы современного русского языка // Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. М., 1971.
Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972.
+ Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1927.
Лосев А.Ф. Диалектика числа у Плотина. М., 1928.
Лосев А.Ф. Языковая структура. М., 1983.
Льюис К.И. Виды значения. Пер. с англ. // Семиотика. М., 1983.
Ляхович Е.С. Логико-гносеологический анализ категорий "норма", "образец", "идеал" // Вопросы теории как формы мышления. Томск, 1970. Вып. I.
Мазо В.Д. Группа существительного в бирманском языке. М., 1978.
Малюгин В.Е. Природа человека. Красноярск, 1989.
Маркарян Э.Б. Гносеологическое единство языка и сознания в свете принципа лингвистической дополнительности // Вопр. философии. Вып. 6-7. Ереван, 1988.
Марков В.А. Проблема сохранения и современная наука. Рига, 1980.
Марков В.А. Проблема сохранения и современная наука: (Философско-методологический анализ): Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Минск, 1987.
Мартынов В.В. Категории языка: Семиологический аспект. М., 1982.
Материалистическая диалектика: Законы и категории / Отв. ред.

А.П.Шептулин. Ташкент, 1982.
Материалистическая диалектика как научная система/ Отв. ред. А.П.Шептулин. М., 1983.
Матьюс Ю. Учение Гуссерля об интенциональности в свете понимания К.Марксом специфики сознания // Марксизм, история философии, современность. Тарту, 1985.
Матьюс Ю. Проблема бытия "материальных вещей" в феноменологии Э.Гуссерля // Уч. зап. Тартуск. ун-та. 1988. Вып. 829.
Матяш Т.П. Сознание как целостность и рефлексия. Ростов н/Д,1988.
Медведева Л.М. Спорное в проблеме номинализации // НДВШ. Филол. науки. 1988. № 6.
Мейен С.В., Шрейдер Ю.А. Методологические аспекты теории классификации // Вопр. философии. 1976. № 12.
Мельников Г.П. Системная лингвистика Гумбольдта - Срезневского - Потебни - Бодуэна и современная типология языков // Проблемы типологической, функциональной и описательной лингвистики. М.,1986.
Меновщиков Г.А. Способы выражения единичности и множественности в языках различного типа // Вопр. языкознания. 1970. № 1.
Микулинский С.Р., Маркова Л.А. Чем интересна книга Т.Куна "Структура научных революций" // Кун Т. Структура научных революций. Пер. с англ. М., 1975.
Милль Дж. Система логики силлогистической и индуктивной. Пер. с англ. 2-е изд. М., 1914.
Миськевич Г.И. Употребление собирательных существительных в современном русском литературном языке // Рус. яз. в нац. школе. 1970. № 3.
Михова Н. К интервальному толкованию категории общего // Диалектика и современный стиль мышления. Севастополь, 1983.
Монтегю Р. Универсальная грамматика. Пер. с англ. // Семиотика и информатика. М., 1985. Вып. 26.
Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Под ред. М.В.Панова. М., 1968.
Москалев А.А. Грамматика языка чжуан. М., 1971.
Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. 2-е изд М., 1981.
Мулуд Н. Анализ и смысл.Пер. с фр. М., 1979.
Мурясов Р.З. Словообразование и теория номинализации // Вопр. языкознания. 1989. № 2.
Найссер У. Познание и реальность. Пер. с англ. М., 1981.
Науменко Л.К. Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата,

1968.
Никитин М.В. Лексическое значение слова. М., 1983.
Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
Никитина Т.Н. Подклассы существительных в древнекитайском языке// Новое в изучении Китая. Ч. I. Культура, лингвистика, знаковые системы. М., 1987.
Никифорова Л.А. Язык волоф. М., 1981.
Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М., 1982.
Никонов В.А. Имя и общество. М., 1974.
Новакова Зд. Сопоставительный анализ имен на -ние/-nie в русском и словацком языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.,1986.
Новоселов М.М. Тождество // Филос. энциклопедия. М., 1970. Т. 5.
Новоселов М.М. Абстракция и абстрактное в теоретическом познании // Диалектика и современный стиль мышления. Севастополь, 1983.
Номинализация в современном английском языке / Под ред. Н.Н.Раевской. К., 1982.
Носенко Э.Л. Эмоциональное состояние и речь. К., 1981.
Общее языкознание: Внутренняя структура языка / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М., 1972.
Озерова Н.Г. Семантика формы единственного числа существительных в русском и украинском языках // НДВШ. Филол. науки. 1987. № 5.
Олейник В.А. Категория собирательности в готском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. К., 1986.
Ольховиков Б.А. Теория языка и вид грамматического описания в истории языкознания. М., 1985.
Опыт словаря нового мышления/ Под общ. ред. Ю.Афанасьева и М.Ферро. М., 1989.
Охотина Н.В. Согласовательные классы в восточных и южных языках банту: Коммуникативный статус и грамматическая структура. М., 1985.
Павлов В.М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. М., 1985.
Падучева Е.В. Денотативный статус именной группы и его отражение в семантическом представлении предложения // НТИ. Сер. 2. 1979. № 9.
Падучева Е.В. Референциальные аспекты семантики предложения // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984. Т. 43, № 4.
Падучева Е.В. Идея всеобщности в логике и естественном языке // Вопр. языкознания. 1989. № 2.

Палек Б. Кросс-референция: К вопросу о гиперсинтаксисе. Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978.
Панченко А.И. Континуум и физика: философские аспекты . М., 1975.
Парибок А.В. О методологических основаниях индийской лингвистики // История лингвистических учений: Средневековый Восток. Л., 1981.
Пахалина Т.Н. Ишкашимский язык. М., 1959.
Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., 1984.
Петров А.В. Залоговая семантика в отглагольных именах русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
Петров В.В. Проблема указания в языке науки. Новосибирск, 1977.
Петров В.В. Истоки логической концепции значения: от Фреге к Расселу // Соотношение частнонаучных методов и методологии в лингвистике. М., 1986.
Петров В.В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы // Вопр. языкознания. 1988. № 2.
Петров М.К. Язык и категориальные структуры // Науковедение и история культуры. Ростов н/Д, 1973.
Петров Ю.А. К вопросу о существовании значения общего имени в экзистенциальных высказываниях // Проблема знака и значения. М., 1969.
Петров Ю.А. Теория познания: научно-практическое значение. М., 1988.
Петров Ю.Е., Пугач Б.Я. Категория количества и понятие натурального числа в математике // Вестн. Харьк. ун-та. 1989. № 332.
Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956.
Пиаже Ж., Инельдер Б. Генезис элементарных логических структур: Классификации и сериации. Пер. с фр. М., 1963.
Пивоваров Д.В. О двух типах взаимосвязи общего и отдельного // Проблемы всеобщего в марксистской философии. Челябинск,1982.
Пивоваров Д.В. Проблема носителя идеального образа : операционный аспект . Свердловск, 1986.
Платон.Государство // Платон. Соч. В 3 т. М., 1971. Т.3.Ч.1.
Подольский А.И. Формирование симультанного опознания. М., 1978.
Поливанова А.К. Выбор числовых форм существительных в русском языке // Проблемы структурной лингвистики: 1981. М., 1983.

Польдауф И. Место грамматики и лексикологии в изучении вопросов глагольного вида. Пер. с чеш. // Вопросы глагольного вида. М., 1962.
Понукалин А.А. Психическая функция оценивания // Проблемы психологии субъективных суждений и оценок. Саратов, 1984.
Попов К.Г. Типичные для болгар трудности в русском языке. 2-е изд. М.; София, 1982.
Попов П.С., Стяжкин Н.И. Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения. М., 1974.
Попович М.В. Философские вопросы семантики. К., 1975.
Потебня А.А. Значения множественного числа в русском языке. Воронеж, 1888. / Отд. отт. из "Филологических записок"/.
Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т.1-2.
Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т.3.
Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. К., 1989.
Прерывное и непрерывное/Отв. ред. М.А.Парнюк. К., 1983.
Приписнов А.В. Специфика и роль когнитивных инвариантных форм в развитии научного знания: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Душанбе, 1988.
Проблемы всеобщего в марксистской философии: Тез. межвуз. регион. конф. Челябинск, 1982.
Пространство и время / Отв. ред. М.А.Парнюк. К,, 1984.
Пярн Х. Существительные singularia tantum в русском и эстонском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
Радзиховский Л.А. Язык описания целостности и идеи Л.С.Выготского о "единицах" // Речь: восприятие и семантика. М., 1988.
Райбекас А.Я. Вещь, свойство, отношение как философские категории. Томск, 1977.
Рассел Б. Человеческое познание: Пер. с англ. М., 1957.
Рвачев Л.А. Математика и семантика: Номинализм как интерпретация математики. К., 1966.
Ревзин И.И. Так называемое "немаркированное множественное число" в современном русском языке // Вопр. языкознания. 1969.№ 3.
Ревзин И.И. Проблемы структурно-типологического подхода к категории определенности в балканских языках// Балканский лингвистический сборник. М., 1977.
Ревзин И.И. Структура языка как моделирующей системы. М., 1978.
Ревзин И.И., Ревзина О.Г. Типологическая характеристика индонезийского языка с точки зрения категории числа и других способов

выражения предметности // Малайско-индонезийские исследования. М., 1977.
Ревзина О.Г. Некоторые проблемы универсалий // Народы Азии и Африки. 1974. № 3. (а).
Ревзина О.Г. Род и именная классификация // Языковая практика и теория языка. М., 1974. Вып. I. (б).
Ревзина О.Г. Категория числа в поэтическом языке // Актуальные проблемы русской морфологии. М., 1988.
Розина Р.И. К противопоставлению конкретного и абстрактного в языке // Вопр. информ. теории и практики. 1983. № 48.
Розов М.А. Научная абстракция и ее виды. Новосибирск, 1965.
Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986.
Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
Руделев В.Г. Место существительного среди других частей речи русского языка // Грамматические классы слов русского языка. Тамбов, 1976.
Руденко Д.И. Понятие "класс" и модальность "оценки" в семантике языка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42, № 2. (а).
Руденко Д.И. Сочетаемость и онтологический класс // Сочетаемость русских слов как лингвистическая и методическая проблема. М., 1983.(б).
Руденко Д.И. Общее имя как явление естественного языка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45, № I. (а).
Руденко Д.И. "Пустое имя" в логике и семантике естественного языка // Анализ знаковых систем. История логики и методология науки. К., 1986. (б).
Руденко Д.И. Имена естественных классов, собственные имена и имена номинальных классов в семантике естественного языка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1987. Т. 46, № I. (а).
Руденко Д.И. О семантике имен pluralia tantum // Семантика в преподавании русского языка как иностранного. Х., 1987. Вып. I.(б).
Руденко Д.И. О смысловой специфике собирательных существительных // Рус. яз. в школе. 1987. № I. (в).
Руденко Д.И. Конкретизация абстрактных и вещественных существительных // Рус. яз. в нац. школе. 1988. № 7. (а).
Руденко Д.И. О семантике "обобщенного единственного числа"// НДВШ. Филол. науки. 1988. № 2. (б).
Руденко Д.И. Собственные имена в контексте современных теорий ре-

ференции // Вопр. языкознания. 1988. № 3. (в).
Руденко Д.И. Универсально-семантические категории и преподавание русского языка как иностранного: (В качестве введения) // Семантика в преподавании русского языка как иностранного. Х., 1988. Вып. 2. (г).
Руденко Д.И. Категория имени: как разрушить парадигму? // Семантика в преподавании русского языка как иностранного. Х., 1989. Вып. 3. Ч. I. Общие вопросы. Лексикология. Семантика частей речи и других номинативных классов. (а).
Руденко Д.І. Лінгвістичні ідеї Т.Котарбінського: (система імен) // Пробл. слов'янознавства. Львів, 1989. Вип. 39. (б).
Руденко Д.И. О признаковых значениях множественного числа // Вестн. Харьк. ун-та. 1989. № 331. (в).
Руденко Д.И. "Предметность": онтология,гносеология,семантика // Семантика в преподавании русского языка как иностранного. Х., 1989. Вып. 3. Ч. I. Общие вопросы. Лексикология. Семантика частей речи и других номинативных классов. (г).
Руденко Д.І. Лінгвістичні ідеї у науковій спадщині К.Твардовського // Проблеми слов'янознавства. Львів, 1990. Вип. 41. (а).
Руденко Д.И. Семиологические (универсальные семантические) категории и обучение русскому языку как иностранному // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. 1990. Вып. 1. (б).
Рустамов Ш. Имя существительное в современном таджикском литературном языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Душанбе, 1972.
Рыжко В.А. Концепция как форма научного знания: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. К., 1989.
Рюмина Н.А. Имена категорий и имена совокупностей // Текст и культура: общие и частные проблемы. М., 1985.
Савченко А.Н., Иоффе В.В. Общее языкознание. Ростов н/Д, 1985.
Салин В.А. Логическое восхождение. Томск, 1987.
Саная К.Д. Логическая форма и обьект познания. Тбилиси, 1985.
Свасьян К.А. Проблема символа в современной философии. Ереван,1980.
Свасьян К.А. Философия символических форм Э. Кассирера. Ереван, 1989.
Связь и обособленность / Отв. ред. М.А. Парнюк. К., 1988.
Селиверстова О.Н. Понятия "множество" и "пространство" в семантике синтаксиса // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42, № 2.
Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи. М., 1988.
Семантические типы предикатов/ Отв. ред. О.Н.Селиверстова. М., 1982.

Сергеева Л.А. Семантика отглагольных существительных в аспекте коммуникативной лингвистики // Функционирование системы языка в речи. М., 1989.
Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка М., 1983.
Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М., 1988.
Сеченов И.М. Избранные произведения. М., 1953.
Сильдмяэ И. Знания: (Когитология). Таллинн, 1987.
Скорик П.Я. Грамматика чукотского языка. М.; Л., 1961. Ч. I.
Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975.
Слобин Д. Психолингвистика. Пер. с англ. // Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. М., 1976.
Слово и грамматические законы языка: Имя / Отв. ред. Н.Ю.Шведова В.В.Лопатин. М., 1989.
Смирницкий А.И. К вопросу о слове: Проблема "тождества слова" // Тр. Ин-та языкознания. 1954. Т. IУ.
Смирнов Г.А. К определению целостного идеального объекта // Системные исследования: Ежегодник. 1977. М., 1977.
Смирнов И.Н. Ситуации вневременности в современном русском языке // Функциональный анализ грамматических форм и конструкций. Л., 1988.
Смирнова И.А. Формы числа имени в иранских языках: значение и функционирование . Л., 1974.
Соболева Т.А., Суперанская А.В. Товарные знаки. М., 1986.
Соколов С.А. Категория числа в турецком литературном языке и ее взаимосвязь со смежными лексико-грамматическими категориями // Сов. тюркология. 1970. № 4.
Солнцева Н.В. Проблемы типологии изолирующих языков. М., 1985.
Соловьева Н.В. Место предметного компонента в психологической структуре значения глагола: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1989.
Сташайтене В. Абстрактная лексика. Вильнюс, 1973.
Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика . М., 1981.

Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985. (а).
Степанов Ю.С. Рец. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1985. Т. 44, № 5. Рец. на кн.: Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л., 1984. (б).
Степанов Ю.С., Эдельман Д.И. Семиологический принцип описания языка // Принципы описания языков мира. М., 1976.
Степанская С.П. Систематизация и анализ взаимосвязи контекстуальных и узуальных значений существительных категории чувств в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
Стич Д.М. Проблема конкретных и отвлеченных слов с позиций отображающей грамматики // Изучение языкового строя в свете ленинской теории отражения. Кишинев, 1984.
Структура и смысл / Отв. ред. М.В.Попович. К., 1989.
Стяжкин Н.И. Проблема универсалий в средневековой философии НДВШ. Филос. науки. 1980. № 2.
Суперанская А.В. Ономастические универсалии // Восточнославянская ономастика. М., 1972.
Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
Суслова В.В. Интерпретация каузативных конструкций с конкретным именем в позиции подлежащего в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1987.
Теория и методика ономастических исследований / Отв. ред. А.П. Непокупный. М., 1986.
Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А.В.Бондарко. Л., 1987.
Терешкин Н.И. Очерки диалектов хантыйского языка. М.; Л., 1961.
Терещенко Н.М. Материалы и исследования по языку ненцев. М.; Л., 1956.
Терещенко Н.М. Нганасанский язык. Л., 1979.
Тимофеев И.С. Методологическое значение категорий "качество" и "количество". М., 1972.
Том Р. Современная математика: существует ли она? // Математика в школе. 1973. № 1.
Торсуева И.Г. Интонация и смысл высказывания. М., 1979.
Тронский И.М. К семантике множественного числа в греческом и латинском языках // Уч. зап. Ленингр. ун-та. 1946. № 69.
Тротиньон П. Порядок и непрерывность. Пер. с фр. // Разум и культура. М., 1983.

Тугаринов В.П. Соотношение категорий диалектического материализма. Л., 1956.
Уемов А.И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963.
Уемов А.И. Онтологические предпосылки логики // Вопр. философии. 1969. № 1.
Уемов А.И. Послесловие к русскому переводу книги Л.Тондла "Проблемы семантики" // Тондл Л. Проблемы семантики. Пер. с чеш. М., 1975.
Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. Пер. с англ. // Новое в лингвистике. М., 1961. Вып. 1.
Успенский Б.А. Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // Уч. зап. Тарт. ун-та. 1971. Вып. 284.
Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. М., 1986.
Учение о множествах Георга Кантора // Новые идеи в математике. Спб., 1914. Сб. 6.
Фабело Х. Оценка и познание // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. 1984. № 1.
Фейерабенд П. Утешение для специалиста. Пер. с англ. // Фейерабенд П. Избр. тр. по методологии науки. М., 1986.
Филиппова И.В. Синтаксис и стилистика деадъективного имени существительного в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. К., 1985.
Флоренский П.А. Введение к диссертации "Идея прерывности как элемент миросозерцания" // Историко-математические исследования. М., 1986. Вып. XXX.
Флоренский П.А. Имена // Вопр. литературы. 1988. № 1.
Флоренский П.А. Термин // Вопр. языкознания. 1989. № 1. (а).
Флоренский П.А. Термин // Вопр. языкознания. 1989. № 3. (б).
Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение // Фортунатов Ф.Ф. Избр. тр. В 2 т. М., 1956. Т. 1.
Фофанов В.П. Категория "отдельное" и статус гуманитарных наук // Проблемы гуманитарного познания. Новосибирск, 1986.
Фреге Г. Понятие и вещь. Пер. с нем. // Семиотика и информатика. М., 1978. Вып. 10.
Фриауф В.А. Принцип материалистического монизма в марксовом методе восхождения от абстрактного к конкретному: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Свердловск, 1985.
Фрумкина Р.М., Мостовая А.Д. Об описании отношений между именами конкретной лексики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988.

Т. 47, № I.
Фу Цзыдун. Разграничение и распознавание частей речи. Пер. с кит. // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Вып. XXП.
Фуко М. Слова и вещи. Пер. с фр. М., 1977.
Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопр. философии. 1989. № 2.
Хазагеров Т.Г., Николаев С.Г. О типологии сочетаемости количественных числительных с существительными в русском и осетинском языках // Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. шк. Обществ. науки. 1984. № 4.
Хапсироков А.Я. Отражение и оценка. Горький, 1972.
Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования. Пер. с англ. М., 1980.
Холл Парти Б. Грамматика Монтегю, мысленные представления и реальность. Пер. с англ. // Семиотика. М., 1983.
Холодович А.А. Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке // Уч. зап. Ленингр. ун-та. 1946. № 69. (а).
Холодович А.А. Очерки по японскому языку // Уч. зап. Ленингр. ун-та. 1946. № 69. (б).
Хоменко И.В. Философский анализ семантических парадигм в современной логике: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. К., 1987.
Худяков А.А. К вопросу о понятийной основе категории числа имени существительного // Понятийные категории и их языковая реализация. Л., 1989.
Хуцишвили Г.Ш. Генезис структуры теоретического мышления. Тбилиси, 1989.
Целищев В.В. Философские проблемы понятия индивидуирующей функции // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1975. № II, вып. 3.
Целищев В.В. Онтологические и гносеологические аспекты понятия твердого десигнатора // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1977. № I, вып. I.
Цехмистро И.З., Бобкова Н.П. Диалектика множественного и единого и континуум. Х., 1977.
Цыркун Н.А. К дискуссии об универсалиях в англо-американской философии и лингвистике // Вопр. философии. 1978. № 5.
Чудинов А.П. Типология варьирования глагольной семантики. Свердловск, 1988.
Шеллинг Ф. Система трансцендентального идеализма. Пер. с нем. Л., 1936.
Шелякин М.А. О функциональной модели форм числа существительных

в русском языке // Уч. зап. Тарт. ун-та. 1985. Вып. 719.
Шехтер М.С. Психологические проблемы узнавания. М., 1967.
Шехтер М.С. Зрительное опознание: Закономерности и механизмы. М., 1981.
Шрейдер Ю.А. Теория множеств и теория систем // Системные исследования: Ежегодник. 1978. М., 1978.
Шрейдер Ю.А. Многоуровневость и системность реальности, изучаемой наукой // Системность и эволюция. М., 1984.
Штелинг Д.А. Семантика оппозиций в системе местоимений // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42, № 5.
Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Щерба Л.В. Избр. работы по рус. языку. М., 1957.
Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: . Имя . Л., 1977.
Эпштейн М. Искусство авангарда и религиозное сознание // Новый мир. 1989. № 12.
Языковая номинация: Общие вопросы / Отв. ред. Б.А.Серебренников, А.А.Уфимцева. М., 1977.
Якушева И.В. Типология и семантико-функциональные характеристики событийных существительных английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
Янов А. Новое мышление и американский "брежневизм" // Международная жизнь. 1989. № 1.
Ярошевич Л.И. Функционально-коммуникативная семантика грамматической категории числа имен существительных в современном испанском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.
Ясаи Л. Проблематичные случаи образования приставочных видовых коррелятов в процессе перфективации // Studia Russica (Budapest) . 1983. № 6.
Яхонтов С.Е. Древнекитайский язык. М., 1965.
Яцкевич Л.Г. Вопросы русского формообразования: функционально-типологический подход в морфологии. Минск, 1987.

Adamec Př. K vyjadřování referenční určenosti v češtině a v ruštině// Slovo a Slovesnost . 1980. N 4.
Bacon J. Do generic descriptions denote?//Mind. 1973. V. LXXXII. N 327.
Bogusławski A. Nazwy pospolite przedmiotów konkretnych i niektó-

re właściwości ich form liczbowych//Liczba, ilość, miara. Wrocław, 1973.
Bolinger D. Categories, features, attributes//Brno Studies in English. Brno, 1969. Vol. 8.
Bolinger D. Degree words. The Hague, 1972.
Bosanquet B. Logic or the Morphology of knowledge. V. I. Oxford, 1888.
Bosanquet B. The essentionals of logic. L., 1895.
Bunt H. C. The formal semantics of mass terms. Amsterdam, 1981.
Burge T. Mass terms, count nouns, and change//Mass terms: some philosophical problems. Dordrecht, 1979.
Buzássyová K. Názvy deja a názvy vlastnosti v transpozičnej a nominačnej funkcii//Jazykovedný časopis. 1982. N I.
Buzássyová K. Z najnovších vysledkov rozvíjania teorie nominácie v sovietskej jazykovede//Jazykovedný casopis. 1987. N 2.
Cartwright H. Quantities//Philosophical Rev. 1970. Vol. 79, N I.
Cartwright H. Some remarks about mass nouns and plurality//Mass terms: some philosophical problems. Dordrecht, 1979.
Castañeda H.-N. On the philosophical foundations of the theory of communication: reference//Contemporary perspectives in the philosophy of language. Minneapolis, 1979.
Cheelas B. Quantity and quantification//Mass terms: some philosophical problems. Dordrecht, 1979.
Contemporary perspectives in the philosophy of language/Ed. by French P. et al. Minneapolis, 1979.
Cook K. On the usefulness of quantities//Mass terms: some philosophical problems. Dordrecht, 1979.
Dahl Ö. On generics//Formal semantics of natural language. Cambr., 1975.
Donnellan K. Proper names and identifying descriptions//Semantics of natural language. Dordrecht, 1972.
Donnellan K. Speaking of nothing//Philosophical Rev. 1974. Vol. LXXXIII, N I.
Donnellan K. S. Speaker reference, descriptions, and anaphora//Contemporary perspectives in the philosophy of language. Minneapolis, 1979.
Emons R. Chomsky's grammar as a paradigm ?//Studia Anglica posnaniensia.Poznań, 1988, V. 21.
Firbas J. "Aktuální členění větné" či "funkční perspektiva větná"? //Slovó a Slovesnost. 1982. N 4.

Gabbay D., Moravcsik J.M.E. Sameness and individuation//Mass terms: some philosophical problems. Dordrecht, 1979.
Geach P.G. Reference and generality. 2nd ed. Ithaca; N.Y., 1968.
Goodman N. A world of individuals//Bocheński I., Church A., Goodman N. The problem of universals. Indiana, 1956.
Grandy R. Stuff and things//Mass terms: some philosophical problems. Dordrecht, 1979.
Greenberg J.N. Numeral classifiers and substantival number//Working papers in language universals. Stanford, 1972. Pt. 9.
Grzegorczykowa R. Problemy kwantyfikacji w grupie verbalnej//Liczba, ilość, miara. Wrocław, 1973.
Grodziński E. Zarys ogólnej teorii imion własnych. Warszawa, 1973.
Hawkins J. Definiteness and indefiniteness: A study in reference and gramaticality prediction. L., 1978.
Hirsch E. Essence and identity//Identity and individuation. N. Y., 1971.
Hiż H. On the abstractness of individuals//Identity and individuation. N.Y., 1971.
Hlavsa Zd. Denotace objektů a její prostředky v současné češtině. Praha, 1975.
Holenstein E. Sprachliche Universalien. Bochum, 1985.
Horecký J. Pomenovanie príznakov a kategórií//Slovenská reč. 1976. R. 41. Č. 3.
Isačenko A.V. Lze klasifikovat jazykové jevy podle jejich konkretnosti a abstraktnosti?//Sborník VŠP v Olomouci. 1957. Jazyk a literatura.
Katz J. A proper theory of names//Philosophical Studies. 1977. Vol. 31. N I.
Katz J. The neoclassical theory of reference//Contemporary perspectives in the philosophy of language. Minneapolis, 1979.
Koerner E.F.K. European structuralism: Early beginnings//Current trends in linguistics. The Hague, 1975. Vol. 13.
Kraszewski Z., Suszko R. Klasy normalne i nienormalne a teoriomnogościowe i mereologiczne pojęcie klasy//Semiotyka polska: 1894-1969. Warszawa, 1971.
Kripke S. Naming and necessity//Semantics of natural language. Dordrecht, 1972.
Kripke S. Speaker's reference and semantic reference//Contemporary perspectives in the philosophy of language. Minneapolis, 1979.

Kripke S. Naming and necessity. Cambr. (Mass.), 1980.
Laycock H. Theories of matter//Mass terms: some philosophical problems. Dordrecht, 1979.
Lem S. Filozofia przypadku. T. I. Wyd. zmien. Kraków, 1988.
Liczba, ilość, miara: Materialy konferencji naukowej w Jadwisinie 11-13 maja 1972 r. Wrocław, 1973.
Linsky L. Names and descriptions. Chicago, 1977.
Mass terms: Some philosophical problems/Ed. by F. Pelletier. Dodrecht, 1979.
Mates B. On the semantics of proper names//Ut videam: Contributions to an understanding of linguistics. For Pieter Verburg on the occasion of 70th birthday. Lisse, 1975.
McKinsey M. Names and intentionality//Philosophical Rev. 1978 Vol. LXXXXVII. N 2.
Montague R. The proper treatment of mass terms in English//Mass terms: some philosophical problems. Dordrecht, 1979.
Moravcsik J. Mass terms in English//Approaches to natural language. Dordrecht, 1973.
Parsons T. An analysis of mass terms and amount terms//Mass terms: some philosophical problems. Dordrecht, 1979.
Patrick R. Referential and nonreferential noun phases. Seattle, 1970.
Pelc J. Wstęp do semiotyki. Warszawa, 1982.
Pulman S.G. Word meaning and belief. L., 1983.
Putnam H. Is semantics possible?//Putnam H. Philosophical papers. V. 2. Mind., language and reality. Cambr., 1975. (a).
Putnam H. The meaning of "meaning"//Putnam H. Philosophical papers. V. 2: Mind, language and reality. Cambr., 1975.(b).
Quine W.V. The roots of reference. La Salle (Ill.), 1973.
Reichl K. Categorial grammar and word-formation: The de-adjectival abstract noun in English. Tübingen, 1982.
Renský M. A syntax based on concretes//Philologica Pragensia. 1963. N 3.
Sapir E. Totality//Language Monographs. Baltimore, 1930. N 6.
Schaff A. Język a poznanie. Warszawa, 1964.
Schiffer S. Naming and knowing//Contemporary perspectives in the philosophy of language. Minneapolis, 1979.
Schwarz D.S. Naming and referring: The semantics and pragmatics of singular terms. N.Y., 1979.

Sellars W. Science, perception, and reality. L.;N.Y., 1963.
Semiotyka polska: 1894-1969/Wyboru dokonał J. Pelc. Warszawa, 1971.
Spitzbardt H. Overstatement and understatement in British and American English//Philologica Pragensia. 1963. N 3.
Strawson P. Individuals. L., 1961.
Sørensen H.S. Word-classes in modern English. Copenhagen, 1958.
Svoboda A. Diatheme. Brno, 1981.
Svoboda A. Functional perspective of the noun phrase//Brno Studies in English. Brno, 1987. Vol. 17.
Šiška Zb. K otázce chápání abstrakt//Sbornik prací pedagogické fakulty Univerzity Palackeho v Olomouci. Ruský jazyk a literatura. I. Praha, 1972.
Thrane T. Referential-semantic analysis. Cambr., 1980.
Topolińska Z. Remarks on the Slavic noun phrase. Wrocław, 1981.
Twardowski K. Wybrane pisma filozoficzne. Warszawa, 1965.
Valeika L. Actualization of uncountable nouns in modern English. Vilnius, 1986.
Ware R. Some bits and pieces//Mass terms: some philosophical problems. Dordrecht, 1979.
Wąsik Z. Semiotyczny paradygmat językoznawstwa. Wrocław, 1987.
Wierzbicka A. Dociekania semantyczne. Wrocław etc., 1969.
Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt a. M., 1972.
Wierzbicka A. Lingua mentalis: The semantics of natural language. Sydney, 1980.
Wierzbicka A. What's in a noun?//Studies in Language. 1986. Vol. 10, N 2.
Woleński J. Filozoficzna szkola Lwowsko-Warszawska. Warszawa, 1985.
Zemach E. Four ontologies//Mass terms: some philosophical problems. Dordrecht, 1979.
Żabski E. Cecha a istnienie: Formalizacja fragmentu ontologii//Acta Universitatis Wratislaviensis. 1988. N 1017.

SUMMARY*

D. Rudenko. Name in the Paradigms of "Language Philosophy" Kharkov: Kharkov University Press, 1990.

The following theses present the focal points of argumentation adopted in the suggested monograph.

The name is oriented to a larger degree as compared to other linguistic universal classes (predicates, egocentric words) at the expression of quantative, in the first place, numerical meanings. At that (or , rather, because of that) the formal means of expressing these meanings as well as their sense parameters acquire certain uniformity: less variation is witnessed there as, for instance, in predicates. Thus, the semantic analysis of quantity as regards the nouns should be primarily directed at the examination of their ability to express quantitative senses which is actually quite considerable and also at the singling out and description of the specific features possessed by the nouns lacking the consistent expression of this characteristic. The important point connected with the former two is the problem of determining the criteria which characterize the most typical name.

The category of quantity, viewed linguistically, possesses adequate reflexive and systemic (intralinguistic) value to enhance the solution of various noun semantics problems, specifically, their metalinguistic aspects. One of the principal reasons for this is that both the semantic nature of the noun and the gnoseologic nature of one of the two main types of the notion of quantity or number (and, perhaps, of magnitude) are based on certain discrete units singled out in reality continuum. (The full explanation of "immanent" noun orientation at the expression of numerical senses might be obtained, in particular, when analysing "material character" as categorial value of nouns). The analysis of relation of the noun to the semantics of quantity (number) might be defined as a procedure of elicitating intrinsically linguistic grounds for interpreting various types of nouns in different paradigms of "language philosophy". The semantics of quantity is the very parameter of the noun

* Перевод канд. филол. наук Т.Р.Сухомлиновой

which embraces (or at least has some connection) nearly all the main semantic types of the nouns, and what is more - might be regarded as the initial basis for their determination.

The nouns which are freely expressing numerical meanings may be considered as the fullest embodiment of the universal semantic characteristics of the class of nouns. These are common, or concrete, nouns. It stands to reason that if the name paradigm of "language philosophy" ("name philosophy") is really a semantic paradigm a typical name should possess adequately developed general meaning used to set well-defined boundaries between the corresponding class of objects and other classes. (In its turn, the given class should be set out in language as well as in speech as relatively self-contained and only indirectly dependent on the other classes projected in the language). The classes (among them those possessing the characteristics which are generalized and reflected in word semantics) are always, but to a different extent, ontologically discrete, that is, consist of different elements. In the case of concrete nouns the existing discreteness is spontaneously reflected in the language making it possible to use these nouns freely as countables.

The above arguments for the central position of concrete nouns (countables) in the noun system are both logical and linguistic. However, it is possible to give purely linguistic grounds to this thesis. Thus, in languages which possess a well-developed morphological category of number only the concrete nouns have the complete set of its markers, i.e., might be used in either singular or plural and, consequently, express the main properly quantitative meaning of this category. (In this case the category of number is usually considered to be the principal component of the category of "thing-ness"). It should be also pointed out that the isolating languages where the morphological number markers are practically non-existing, discreteness, the ability to pass for countables still gets its consistent linguistic (though, not synthetical, inner) expression using a number of classifiers, separate words with the meaning of discreteness. Moreover, in many languages (in the first place, in those which do not possess a special grammatical category of non-discreteness, e.g. some agglutinative ones) concrete nouns class is considerably broadened "at the expense" of numerous nouns which are considered as uncountables in languages possessing a well-deve-

loped category of number, such as the Russian language (cf., for example, the possibility of free usage of material nouns as countables).

It is important to point out that the presentation of denotates of usually general nouns as non-discrete, uncountables does not possess properly denotative "ontological" character and gives rise to secondary "gnoseological" meanings (predicative-evaluative and pragmatic, in particular). Generic (and in broader sense - generalized) singular might serve as an example of such phenomena. In cases like **Человек стремится к счастью, Женщина всегда прекрасна** the evaluation "important" (and "it is important") is expressed which is attributed to a certain class property usually explicit in the context. Similar meaningful characteristics are possessed by collective nouns regarded as the category of evaluation. In languages with a well-developed category of number linguistically specialized class of collective nouns (contrasted with the body of concrete countables possessing the lexical meanings of totality) forms the designations of (discrete) sets presented ("intentionally presented") as non-discrete. The collective nouns are considered as "singularia tantum" and express the evaluation of three types: "important" (**студенчество, офицерство** etc), "bad" (**офицерьё, вороньё**) and "much" (**листва**).

The class of nouns comprises the uncountables (in languages like Russian they are described as "singularia tantum") which are considerably limited in their combinability with quantifying units. These include collective nouns mentioned previously, material nouns (which in many languages might be easily used as countables) and in the first place, abstract nouns. Abstract nouns proper, that is, designations of properties, relations and some actions form the stablest (with respect to various languages) type of uncountables. These nouns are not typical, "pure" nouns: in fact, being fully nominalized, they possess in varying degree predicate characteristics, for example, the ability to form a reduced proposition . As the abstract noun is used (though not obligatorily) as the central element of a nominalized predicate structure, its purely denotative properties such as the number of the entities designated - become immaterial. The calculation of properties (to be more exact of their manifesta-

tions) and actions is rather a complex cognitive process and the specific character of its semantics does not help to surmount these difficulties (being to a considerable extent its result). It should be pointed out, however, that predicate properties of abstract nouns are most evident in languages possessing a well-developed category of number (in particular, possessing the meaning of non-discreteness). In such language systems the class of abstract nouns is rather strictly contrasted with the class of concrete nouns (this conclusion might be arrived at when analysing the phenomenon of "making concrete" abstract nouns).

Since the collective nouns and also "generic singular" possess the semantics of evaluation they also acquire certain predicate features (though, naturally, less pronounced than with the abstract nouns, having no strictly propositional character; in other words, the collective nouns name the actants of some predicate but do not guarantee the unequivocity of the definition of the predicate itself) and they also possess some pragmatic characteristics. (It should be noted, however, that abstract nouns proper can be also considered in the context, or more precisely, in the sphere of pragmatic, "textual" paradigm of "language philosophy"). Thus the orientation of the nouns at the designation of uncountables calls forth some non-nominal properties.

Proper nouns constitute a special problem. Their connection with numeric meanings evidently bears a different character than in the case of the nouns considered above, one of the differences being that it cannot be adequately covered by the opposition of discreteness - non-discreteness. Nevertheless, the relation to the semantical meaning of number may serve as the basic point in the analysis of proper nouns (singulatives).

Proper nouns are oriented (though not very strictly) at the designation of singular objects - singular as viewed within the situation of communication. Such orientation is one of the most important factors (or even the most important factor) demonstrating the specific semantic character of these nouns. A "singular" object considered only as such , that is, "sui generis", is not included (at least directly) in the class of uniform objects and therefore its properties cannot be generalized in any given aspect. It is true, however, that the semantic analysis of a "singular" object may be performed with the help of a certain scheme

determining the parameters which should be taken into account while considering singulars. But this procedure has so complicated systematic and formal character that it may hardly be used with respect to the ordinary, so-called "natural" linguistic perception. The orientation of proper nouns at the designation of "singular objects" (in other words, of separate objects not corresponding directly with a broader class) determines to a considerable extent the absense of well-developed usual and generalized meaning ("meaning" in its common sense) and, consequently, of certain nominative properties. Viewed semantically the proper nouns are very close to egocentric words, to pronouns in the broad sense. These nouns as well as the pronouns are often semantically oriented not at the language proper (la langue), but at the speech. The main function of the proper nouns is that of reference and not of characterization. An important part in their functions is played by the context which comprises the broad, extra-linguistic and socio-cultural context rather than purely linguistic one. It is formed principally not by the circumstances of noun usage or its lexical background but by the circumstances of the actual existence of the objects referred to by the noun (of which the speakers are, in varying degree, conscious).

Thus, the nouns lacking the ability to be counted (in use as well as in context) or at least lacking strict orientation at the expression of numerical meanings in full (proper nouns) cannot be considered typical, "pure" nouns and possess several characteristics of other universal semantic categories, namely, "predicates" (abstract nouns in the narrow sense, collective nouns, nouns in "generic singular" and even "pluralia tantum" with the meanings of characterization) or "egocentric" words (proper nouns) and, in lesser degree, the cited predicate-evaluation categories and phenomena). An exception to this are the material nouns which in a number of languages while frequently lacking the ability to be counted may still express nominative denotative meanings (in particular, they may express small spatial discreteness of the objects named) which determines the difficulty of their calculation. The characteristic feature is, nevertheless, the fact that the material nouns viewed as a universal category are the weakest link in the system of uncountables and might easily become countables in many languages.

It has been shown above that the investigation of noun semantics with respect to the semantics of quantity makes it possible to make a more consistent analysis of sense peculiarities of different types of names, as well as give a better insight into the structure of a name viewed as a universal semantic (semiological) category. In its turn, the suggested direction of investigation leads to objective linguistic foundations for the analysis of various types of names in other (or to be more exact, also in other) paradigms of "language philosophy". Viewed historically these premises, however, are realized with varying degree of regularity and explicitness. Thus, for abstract and proper nouns "non-nominative" (in particular, "predicate" and "egocentric") interpretation is rather widespread (cf. the theory of transformational grammar, some of the modern theories of reference), but in the case of "generic singular" it mainly comes to separate observations not forming a system of any kind (cf., e.g. notes on the connection between the general and conditional sentences) and in the case of collective nouns the tradition of "predicate-evaluation" approach to them practically does not exist. (The factor contributing to the regular analysis of the nouns of various types within the confines of a long-standing logical-semantic and logical-philosophic tradition is supposed to be the "logical", non-evaluative character of their semantics).

Thus the category of the name appears to be the focus of the manifestation of important properties characterizing a number of other categories and phenomena of the natural language.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
РАЗДЕЛ I. Имя в парадигме "философии имени" 28
Глава I. "Предметность": онтология, гносеология, семантика..28
§ I. "Предметность": онтология 28
§ 2. "Предметность": гносеология 36
§ 3. "Предметность": семантика 49
Глава 2. Общее имя в системе языка 69
§ I. Общее имя в системе логико-философских концептов: (общие предпосылки лингвистического анализа) 69
§ 2. Общее имя в системе семантических именных оппозиций ...75
§ 3. Общее имя в языковой системе отражения мира I0I
§ 4. Общее имя в языках различного типа: (фрагмент описания) I19
§ 5. Общее имя в системе лексики I27
РАЗДЕЛ П. Имя в парадигмах "философии предиката" и "философии эгоцентрических слов" I32
Глава I. Абстрактные имена в языковой семантике I32
§ I. Абстрактные имена в языковой системе отражения мира...I32
§ 2. Абстрактные имена: взаимодействие именного и предикатного I35
§ 3. Вещественные имена как "имена свойств" I46
Глава 2. Собирательные имена в семантике языка I49
§ I. Собирательные имена: логические и лингвогносеологические предпосылки анализа I50
§ 2. Собирательные имена в системе средств выражения оценкиI63
§ 3. Собирательные имена в системе средств выражения множества I78
Глава 3. Контекстуальная неисчисляемость имени (Обобщенное единственное число. Множественное число с "признаковыми" значениями) I93
§ I. "Обобщенное единственное число": логические и лингвогносеологические предпосылки "не-именного" описания ..I93
§ 2. "Обобщенное единственное число" и "философия предиката" 200
§ 3. Множественное число с "признаковыми" значениями 212

Глава 4. Собственные имена в "именной" и "прагматической" парадигме 217
§ I. Собственные имена: логические и лингвогносеологические предпосылки "прагматического" описания 217
§ 2. Собственные имена и "философия эгоцентрических слов" 234
§ 3. Собственные имена и понятие "контекста" 240
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 252
ADDENDUM(К рефлексии над некоторыми базисными понятиями исследования) 261
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 268
SUMMARY.... 292

МОНОГРАФИЯ

РУДЕНКО Дмитрий Игоревич

ИМЯ В ПАРАДИГМАХ "ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА"

Редактор И.К.Раузова
Автор обложки С.А.Пятковка
Художественный редактор В.А.Рияка

ИБ № 26

Подписано в печать 26.02.90. Формат 60x84/16. Бум. тип. № 2.
Усл. печ. л. 17,44. Усл. кр.-отт. 18,0. Уч.-изд. 18,75.
Изд. № 5. Тираж 1000 экз. Зак. . Цена 3 р. 80 к.

Издательство "Основа" при Харьковском государственном университете. 310003 Харьков, ул. Университетская, 16.

Харьковское межвузовское полиграфическое предприятие.
310093, Харьков, ул.Свердлова, 115.

СПИСОК ОПЕЧАТОК

	страница	напечатано	правильно
I.	I00, 9 снизу	сотоит	состоит
2.	I58, I3 сверху	элементы этого момента множества	элементы этого множества
3.	I99, I сверху	коннотивном	коннотативном
4.	2I6, 2 снизу	существания	существования
5.	290, 2I сверху	phases	phrases

3 р. 80 к.

Руденко Дмитрий Игоревич.
Родился в 1961 г. в Симферополе.
Окончил Харьковский университет.
Кандидатскую диссертацию защитил
в Институте языкознания АН СССР.
Занимается вопросами теоретического
и славянского языкознания.
Автор более 40 научных работ.

«Категория имени, рассматриваемая в универсально-семантическом плане, оказывается своего рода фокусом, вобравшим в себя и преломившим в себе существенные черты ряда других категорий и явлений естественного языка»

ИМЯ в парадигмах „философии языка“

«ОСНОВА»